

ЧЕЛО

альманах

№ 1 [49] 2011

Издаётся с 1995 года

Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого

Земля семи цветов и синь семи морей

«...да нет же в жизни ничего тако-
го: ни деревьев, где вместо ве-
ток красивые огромные листья,
ни задумчивого гуляющего анге-
ла, ни молочного и одновременно
прозрачного воздуха. В жизни
нет, а у неё на холстах есть.
Совершенно осязаемо. Это мир
Ольги Гулевич».

Статью Т.Б. Зозуленко
читайте на стр. 67

СОДЕРЖАНИЕ:

новгород

- В.А. Ядрышников —
Юриково Городище и его храмы 3

эхо

- А.Н. Сорокин —
«А вы плотники суще» 14
Я.Н. Рабинович —
«Рамышевское осадное сиденье» 18
Т.А. Данько —
Городские головы Новгорода:
из истории новгородского городского управления 26
Зинаида Слезкинская —
Три дня во Пскове 30
Д.А. Михайлов —
Дом в сельце Прошково под Боровичами 33

имена

- Д.Б. Терешкина —
Косинская редакция Жития Евфимия Вязищского 37
И.Д. Савинова —
«Да исправится молитва моя...» 41

кафедра

- В.В. Андреев —
История Древней Руси в освещении
французских историков 2-й половины XVIII в. 52
Элеонора Панкратова —
Гамсун и Россия 58

extranea

- И.В. Хохлов —
Русский офицер и финляндский художник
Виктор Тудерус 62
Виктор Тудерус —
От берегов Волхова к Балканским горам 63

вернисаж

- Т.Б. Зозуленко —
Земля семи цветов и синь семи морей 67
Н.С. Давыдов —
Край удивительных, талантливых людей 73

мастера

- Т.В. Володина —
Музыка цвета 75
Сиянье нежное стекла... 76
«Край, где я живу» 77
Ассамблея героев 79
Татьяна Боброва —
Царство театра размером с фестиваль 80

СЛОВО

<i>А.Г. Пианский</i> —	
В ожидании главной книги	83
<i>А.А. Собакин</i> —	
Воспоминания	85

exlibris

<i>В.В. Рукавичникова</i> —	
«Возвращаю Вам по принадлежности...»	92
«Кают-компания броненосца „Наварин” просит...»	94
<i>Н.И. Морылёва</i> —	
Поддержание традиций	96

архив

<i>Г.И. Васильева</i> —	
О чём рассказал экспонат музея	102
<i>И.Ф. Шарова</i> —	
С верой сквозь ужас войны	105

перо

<u><i>М.М. Верхоланцев</i></u> —	
Нереализованный талант, или Повесть о Расцветаеве	108
<i>Ю.А. Симонов</i> —	
Жаркое лето 1942-го	116
<i>Андрей Еграшов</i> —	
Стихи	119
<i>А.Г. Пианский</i> —	
С юбилеем, Мать-Настоятельница!	120
<i>Тамара Сигалова</i> —	
Стихи	121

Редакционная коллегия:

Барканова Е.В.
(главный редактор)
Бурьяк М.К.
Витушкин С.Ф.
Данько Т.А.
Дудкин В.В.
Коваленко Г.М.

Морылёва Н.И.
Петрова Л.А.
Савинова И.Д.
Секретарь Л.А.
Сигалова Т.Н.
Ядрышников В.А.
Ярыш В.И.

РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ И ЕГО ХРАМЫ

Урочище Городище расположено в очень живописном месте, в двух километрах к югу от Новгорода, у истока Волхова, на его правом берегу. Оно представляет собой довольно высокий холм, на вершине которого видны руины разрушенной в годы Великой Отечественной войны Благовещенской церкви XIV в. (илл. 1.) Сейчас эта территория запущена, заросла деревьями и кустарником, труднодоступна, поскольку в периоды половодья и осенней распутицы добраться сюда нелегко. Вокруг сохранился почти

добавляемое дополнение «Рюриково» (которое, сразу скажем, соответствует действительности) отодвигает его возникновение в глубокую древность.

Интерес к Городищу возник в начале XIX в. уже в первых книгах, посвящённых истории Новгорода¹. Археологические раскопки проводили здесь неоднократно: в 1901 г. М.И. Полянский, в 1910 г. Н.К. Рерих и Н.Е. Макаренко, в советское время здесь эпизодически работали археологи А.В. Арциховский (1929 г.), М.К. Каргер (1934 г., 1960-е гг.), Г.П. Гроздилов (1935 г.).

Илл. 1. Рюриково городище. Вид во время половодья

Илл. 2. Самое раннее изображение храма. Фрагмент гравюры 1830 г.

не тронутый цивилизацией ландшафт. На другом берегу реки виден ансамбль Юрьева монастыря, западнее него расположен музей деревянного зодчества «Витославицы», к югу от монастыря находится сосновая роща с комплексом зданий Перынского скита, а дальше раскинулись просторы озера Ильмень. Неподалёку от Городища, восточнее, стоит церковь Спаса на Нередице 1198 г. Южнее вершины холма Городище прорезано Сиверсовым каналом, соединяющим реки Волхов и Мста.

Несмотря на свою нынешнюю запущенность, Городище является одной из главных исторических достопримечательностей Новгорода. Если мы называем Новгород началом, истоком русского государства, то Городище по праву можно назвать началом, или даже точнее, — предтечей Новгорода.

О древности памятника говорит хотя бы его название. Городище означает «бывший город», «место, где существовал город (укреплённое поселение)». Часто

С 1975 г. на Городище ведутся систематические раскопки под руководством члена-корреспондента Академии наук Е.Н. Носова (Институт истории материальной культуры РАН).

Городище напрямую связано с весьма сложной и до конца не решённой проблемой происхождения Новгорода. Согласно последней гипотезе академика В.Л. Янина события развивались примерно следующим образом. Как и записано в древнейших летописях, поначалу местные племена — славяне и угрофинны — платили варягам дань. Затем они восстали, изгнали угнетателей и стали жить независимо. Однако вскоре начались междоусобные войны. Летописи повествуют: «И вѣсташа Словене и Кривици и Меря и Чюдъ на Варягы и изгнаша я за море; и начаши владети сами себе и города ставити. И вѣсташа сами на ся воеват, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не беше в них правды. И реша к себе: „князя поищем, иже бы владел нами и рядил

ны (нас — **В.Я.**) по праву". Идоша за море к Варягом и ркоша (сказали — **В.Я.**): „земля наша велика и обильна, а наряда у нас нету; да поидете к нам княжить и владеть нами". Избрашася 3 брата с роды своими... И седе старешии в Новегороде, бе имя ему Рюрик; а други седе на Белоозере, Синеус; а трети в Изборске, имя ему Трувор...»².

Призвание варягов произошло по одним летописям в 859 г., по другим — в 862 г. В.Л. Янин обоснованно полагает, что Рюрик имел не абсолютную власть, но был ограничен «рядом» (договором), не имел права распоряжаться землями и богатством края, не имел права самостоятельно собирать дань, не мог без согласования покинуть вверенную ему территорию. В источниках не зафиксировано конфликтов Рюрика с местной элитой и населением. После его смерти остался малолетний сын Игорь и регент Олег. Последний в 882 г. организовал поход на Киев, захватил его и остался там княжить, а на Городище оставил, вероятно, наместника. Этим было нарушено одно из главных условий договора.

Новгорода как такового тогда ещё не существовало. Реагируя на нарушение «ряда», местная элита (бояре), жившая до этого рассеянно, в своих разбросанных поместьях, стала селиться к северу от княжеской крепости, чтобы своим присутствием воздействовать на политику князя, контролировать его наместника³. Так в течение нескольких десятилетий возник Новый город как противовес княжеской власти, и эта борьба между князем и боярством прошла красной нитью через всю его историю.

В настоящее время большинство историков полагает, что Рюрик — историческая личность и он действительно правил на Северо-Западе Руси с середины IX в. Однако в Новгороде во время многочисленных раскопок столь древних слоёв не выявлено, и учёные пришли к выводу, что их здесь и не может быть. Но слои IX в. и масса скандинавских артефактов обнаружены на Городище. Раскопки показали, что Городище являлось в IX—X вв. первым предгорным поселением в истоке Волхова. Здесь выявлены остатки оборонительного рва. Несколько лет назад обнаружены даже остатки дубовых укреплений в виде разрушенных клетей, которые датированы серединой — второй половиной IX в. (не позднее 889 г.) и являются, скорее всего, фрагментами крепости времён Рюрика⁴. Несомненно, что на Городище располагались княжеский дворец, гридница, административные, жилые и хозяйственные постройки, ремесленные мастерские, но все они давно утрачены. При дворце имелся княжеский архив, о чём свидетельствуют многочисленные находки свинцовых вислых печатей, более двух тысяч, которыми скреплялись важные документы. Городище считается «главной сфрагистической сокровищницей Древней Руси».

Городищенский комплекс в силу своего положения и статуса связан с важнейшими историческими событиями и деятельностью крупнейших исторических личностей. В республиканский период здесь жили новгородские князья, в XV в. находили также пристанище политические противники великого князя (князья

Константин Дмитриевич, Василий Васильевич, Дмитрий Шемяка и др.), в XV—XVII вв. останавливались иноземные посольства, проезжающие в Москву. В московский период — великие князья и цари: Иван III, Василий II, Иван IV.

В древности здесь кроме главного частично сохранившегося храма существовали ещё несколько церквей. Летописи сообщают, что в 1165 г. князь Святослав Ростиславич поставил на Городище деревянную церковь Николая Чудотворца⁵. Считается, что она освящена в честь небесного покровителя князя, христианское имя которого Николай⁶. Она несколько раз горела, восстанавливалась заново и окончательно погибла в 1760—1770-х гг.⁷ Поскольку Никольский храм утрачен ещё в древности, информация о нём минимальна. Неизвестно даже, где именно стояла эта постройка. Ясно лишь, что она располагалась к северо-востоку от собора, т.к. на планах XIX в. здесь обозначалась Никольская часовня (крест?). Однако точное местоположение пока не определено⁸.

Под 1386 г. одна из летописей сообщает, что на Городище сгорели две деревянные церкви — Козмы и Дамиана и Георгия. Сведения о них ещё более лаконичны. Они упоминаются в Росписи новгородских церквей и монастырей 1615 г.: «На Городище храм камен Благовещенье Богородицы, а деревянных храмов: Никола Чудотворец, Козма и Дамьян. Монастырь Аргамакова, а в нем храм Георгий»⁹. Впоследствии эти церкви упоминаются ещё раз в документе 1620 г.¹⁰ Местоположение Аргамакова монастыря не установлено. Лишь исходя из топографической ситуации, можно осторожно предполагать, что он размещался к северо-востоку от собора, недалеко от Никольского храма¹¹. Монастырь, видимо, угас в XVII в., после шведского разорения. Оснований для локализации церкви Козмы и Дамиана нет.

При Иване Грозном был сооружён каменный храм Михаила Архангела: летопись сообщает, что в 1542 г. «заложиша церковь на Городищи великого князя архангела Михаила месяца июня в 13 день при великом князе Иване Васильевиче всея Руси...»¹². Он отсутствует в Росписи 1615 г. и в Описи 1617 г. (видимо, был разорён шведами и временно не действовал) и последний раз появляется на страницах документов в 1620 г.¹³ Больше о церкви ничего неизвестно: непонятно, почему каменный храм простоял так недолго, где он находился (его следы не обнаружены), что собой представлял. Вероятно, он прекратил своё существование в XVII в., после шведской оккупации.

Любопытно, что во время «новгородского взятия» в 1477/1478 гг. при великом князе Иване III находился итальянский специалист: «Декабря в 6 день велел князь великий мосты чинити на реце на Волхове своему мастеру Аристотелю фрязину под Городисчем на судех на той реце; и донеле же князь великий, одолев, возвратися к Москве, а мост стоит»¹⁴. Судя по всему, речь идёт о мосте через Малый Волховец, устроенном на судах.

Зимой 1570 г. на Городище устроил свою резиденцию Иван Грозный и отсюда он руководил погромом Новгорода, который подробно описан в летописи и других источниках¹⁵.

После этого сведений о Городище немного. Надо полагать, постройки бывшей княжеской резиденции погибли или запустели ещё до Смутного времени, в результате неурожая и моров, и эта территория утратила своё государственное значение. По данным И.Ю. Анкудинова, в середине XVI в. здесь располагались 35 тяглых (т.е. обложенных налогами) жилых дворов и 9 церковных дворов, а после ухода шведов — 1 тяглый двор, 4 нетяглых церковных, около 30 пустых дворов и «на пустом месте пушечном — анбар пушечной, льют в нем пушки»¹⁶. Запустение местности исследователь относит примерно к 1580-м гг.¹⁷ В середине XVII в. значительный участок территории был передан известному новгородскому купцу («гостю») Семёну Стоянову, который построил на нём двор «для кожевничьего и мыловарного промыслу». Вскоре этот двор перешёл Иверскому монастырю, использовался под монастырский сад и оставался за ним до середины XVIII в.¹⁸

Дореволюционные краеведы сообщают, что в начале XVIII в. эта территория была подарена Петром I своему ближайшему помощнику А.Д. Меншикову и что последний оборудовал здесь дворец и службы¹⁹. Представляется, что дворец если и был, то деревянный. Во всяком случае нет никаких сведений, что когда-либо находили следы поместья Меншикова. В конце XVIII

в. уже ничто не напоминало о славной истории этого холма, все храмы кроме главного, служившего приходским, были утрачены (илл. 2). На рубеже XVIII—XIX вв. городищенский холм прорезали в южной части широким Сиверсовым каналом, соединившим реки Волхов и Мста. В XIX — первой половине XX столетий на холме и у его подножия существовала деревня Городище средних размеров. В начале XX в. в ней насчитывалось 15 жилых дворов, 17 жилых строений, 116 жителей, имелась церковно-приходская школа²⁰ (илл. 3). В годы Великой Отечественной войны деревня погибла, и на её месте теперь стоит лишь один деревянный жилой дом.

Таким образом, ныне только консервированные руины храма на вершине холма напоминают нам о важнейших и древнейших событиях в истории Новгородской республики и Древнерусского государства. Благовещенская церковь — это двуслойный памятник, представитель двух эпох в эволюции каменного новгородского зодчества. Можно сказать, что это два памятника: собор XII в., уцелевший в виде археологических фрагментов, и более поздняя церковь XIV в. Специальных работ о храме крайне мало.

Летописные упоминания конкретных строений на Городище относятся к самому началу XII века: в 1103 г.

«заложи князь Мстислав на Городище церковь святое Благовещение»²¹. Речь идёт о предшественнице существующей и ныне в руинированном виде Благовещенской церкви XIV в. Как видим, известна лишь дата начала строительства раннего собора. Сроки его возведения учёные определяют примерно в 3–4 года, т.е. окончены были каменные работы приблизительно в 1105–1106 гг.²² Это общепринятая датировка. Однако некоторые летописи называют более раннюю дату основания — 1099 г., а Тверская летопись (а вслед за ней и некоторые исследователи) связывает обе даты воедино как начало и окончание строительства (1099–1103). Такая версия также имеет право на существование, хотя и не получила широкого распространения. Учёные полагают, что строительная артель пришла, скорее всего, из Киева, т.е. памятник отражает столичные архитектурные традиции.

Князь Мстислав Владимирович, старший сын Владимира Мономаха, был выдающимся государственным деятелем, недаром его зачастую именовали Мстиславом Великим. Он дольше всех князей правил в Новгороде — с 1095 г. по 1117 г., новгородцы даже считали, что они «вскармлимы себе князь»²³; после смерти отца он стал великим князем. В литературе высказано предположение, что собор возведён князем Мстиславом

в честь рождения сына Всеволода (в крещении Гавриила)²⁴. В собор Благовещения князем-основателем было вложено роскошно украшенное Евангелие, сохранившееся и известное в исторической литературе как Мстиславово. Оно было написано в Киеве Алексой, сыном пресвитера Лазаря.

Древний Благовещенский собор являлся первой каменной постройкой новгородского зодчества, сооружённой через полвека после строительства местной Софии. Если Софийский собор служил кафедральным, общегородским, то Благовещенский выполнял функцию княжеского. После этого каменное строительство в Новгороде становится непрерывным: Никольский собор на Ярославовом дворище, соборы Антониева и Юрьева монастырей, два собора на Торгу (Иоанновский и Успенский), церковь Фёдора Тирона. Благовещенский собор был расписан фресками. Летописи не сообщают об этом, но многочисленные фрагменты штукатурки с живописью (включая и личное письмо) находили под полом более поздней церкви и в толще её кладки, т.е. они использованы как забутовка; ныне они хранятся в Новгородском музее-заповеднике.

Около середины XIV в. княжеский собор был разобран и возведён заново со сдвигом фундаментов

Илл. 3. Рюриково городище. Открытка начала XX в.

и в новых формах. Казалось бы, старый Благовещенский собор утрачен и сказать о нём что-либо информативное невозможно. Однако это не так. В 1960-х гг. этот храм частично был изучен при археологических раскопках М.К. Каргером. От памятника сохранились фундаменты и нижние части стен на небольшую высоту.

Как известно, в средние века искусство развивалось в рамках традиции, канона, и храмы близкого времени были очень похожи друг на друга. По материалам М.К. Каргера, Благовещенский собор вполне вписывается в эволюцию древнерусского зодчества. Это была довольно крупная постройка общей длиной

22,8 м, шириной (без лестничной башни) 15,1 м, с тремя алтарными выступами, шестью крестообразными опорными столбами, наружными и внутренними лопатками, квадратной снаружи и круглой внутри лестничной башней с северной стороны, по которой попадали на хоры. Западная часть здания внутри была отделена стеной с проходом и образовывала нартекс. Обнаружен нижний ярус двухступчатых фасадных ниш, которые имеются также на стенах Николо-Дворищенского и Георгиевского соборов. Фасады были обмазаны толстым слоем гладко затёртого цемяночного раствора, на котором сохранились рисунки и надписи-граффити²⁵. А.И. Комеч полагал, что собор был одноглавым²⁶, хотя, по нашему мнению, не исключено наличие трёх глав.

Плановые размеры и характер архитектуры собора совпадают с размерами хорошо сохранившегося Никольского собора на Ярославовом дворище 1113 г., т.е. мы можем утверждать, что и в других отношениях они были близки. Уникальными особенностями Никольского собора являются его подчёркнутая высотность и пятиглавие, поэтому можно полагать, что Благовещенский собор был очень похож на Никольский, но был несколько ниже и имел один или три барабана с главами. В пользу единства, большой близости архитектуры обоих соборов говорят и один заказчик (князь Мстислав Владимирович), и условия заказа (главный храм в княжеской резиденции), и одни мастера, и одна киевская традиция.

Полы были выстланы разноцветными поливными керамическими плитками: прослежены три колера — жёлтый, зелёный и тёмно-коричневый²⁷. Их размеры и форма позволяют предположить самые разнообразные рисунки пола. В принципе, нарядные разноцветные полы принадлежат южнорусской традиции.

В Новгороде они имелись лишь в отдельных памятниках, связанных в основном с княжеским заказом (Софийский и Благовещенский соборы, церкви Спаса на Нередице, Фёдора Стратилата на Щиркове улице и Спаса в Старой Руссе).

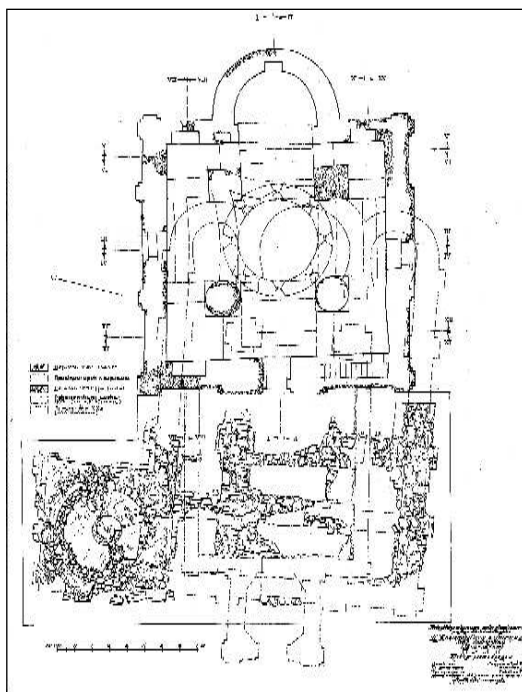
Почти все авторы, писавшие о Городище, отмечали господствующее положение собора в южных окрестностях Новгорода. Вместе со стоящим на другом берегу реки Георгиевским собором (1119 г.) памятник образовывал своеобразные торжественные «пропилеи» при подъезде к столице северной республики с юга, с озера.

Уже указывалось, что план Благовещенского со-

бора более всего соответствует плану Никольского собора, а также Георгиевского собора Юрьева монастыря (1119 г.), который несколько больше по размерам. Как писал один из ведущих исследователей, «церковь Благовещения по своему плану, по строительно-техническим и художественным особенностям представляла собою как бы „протооригинал“ собора Георгия 1119 г., однако по пропорциям плана и абсолютным размерам она была ближе к собору Николая на Ярославовом Дворище, отличавшемуся от церкви Благовещения отсутствием лестничной башни, ведущей на хоры»²⁸. В одной из летописей строителем Георгиевского собора назван мастер Пётр. Тождество архитектуры и строительных материалов позволило учёным выдвинуть обоснованное предположение о том, что и другие новгородские княжеские храмы начала XII в. сооружены этим же мастером — Благовещенский и Никольский соборы (кроме собора Антониева монастыря). Это один из редких и наиболее ранних случаев в истории русского искусства, когда нам известно имя зодчего. Вероятно, это был главный мастер княжеской строительной артели, приведённой из Киева.

В 1342 г. древний собор был разобран. Летопись сообщает: «заложи владыка Василии церковь святое Благовещение пресвятыя Богородицы на Городищи, порушенную повелением великаго князя Семена Ивановича, в Петрово заговение в понедельник, месяца мая в 27, на святого Климента...», а на следующий год «месяца августа в 8 день, на память святого отца Емельяна, коньцана бысть церкви каменная на Городищи святое Благовещение архиепископом новгородчкым Васильем; а священна бысть того же месяца в 24...»²⁹.

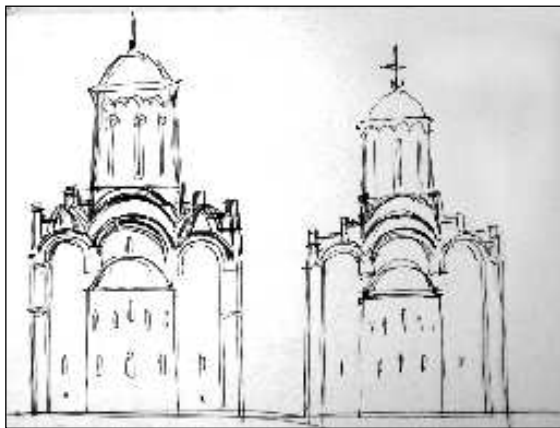
В средневековье новгородцы нередко разбирали древние храмы и ставили на их месте новые, это называлось «ставить церковь на старой основе». Особенно

Илл. 4. Совмещённый план Благовещенских церквей XII в. и XIV в.

часто это случалось в XV в., но известны подобные примеры и ранее (церкви Иоанна Предтечи на Опоках, Фёдора Стратилата на Щиркове улице, Фёдора Стратилата на Ручью). Однако в данном случае старые фундаменты не были использованы, церковь поставлена на новом основании, сдвинутом к северо-востоку по отношению к старому. Причина этого заключается, вероятно, в каких-то деформациях старого собора, связанных с основанием постройки. Е.Н. Носов считает, что собор XII в. был поставлен на засыпанном рве древних укреплений, что и вызвало деформации³⁰ (илл. 4.)

Очень важно дать грамотную архитектурную характеристику нового храма и определить его место

Илл. 5. Церковь Благовещения. Г.М. Штендер. Схематичные наброски первоначального вида. ОПИ НГМ

планов и архитектуры фасадов старого и нового храмов, это их явное сходство и отчасти даже совпадение. Несмотря на сдвиг фундаментов совпадают их ширина и длина с апсидой (но без нартекса древнего собора). В средневековые подобные вещи не бывали случайными. На наш взгляд, главные идеи архитектурного образа храма XIV в. — величественность, монументальность, сдержанность, а истоки их, очевидно, следует искать в древнем соборе 1103 г.

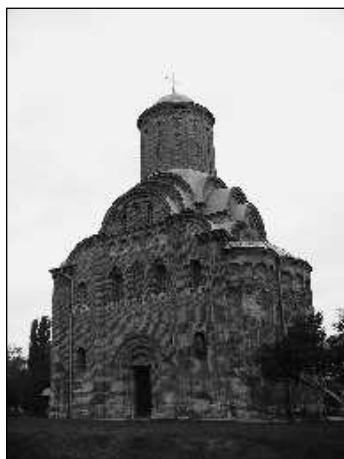
Благовещенская церковь 1342 г. представляет собой довольно большую (15х15 м без апсиды), квадратную в плане, одноапсидную, одноглавую, четырёхстолпную постройку с трёхчастным членением фасадов ло-

Илл. 6. Церковь Благовещения. Фрагмент руин. Вверху следы подпружной арки ступенчатого свода. Фото 1968 г.

в истории русского зодчества. Это далеко не просто в силу утраты основного объёма здания в XVIII в. и в годы Великой Отечественной войны. При строительстве «на старой основе» новое сооружение в какой-то мере ориентировалось на архитектурные формы старого как по причине символической, сакральной преемственности, так и по техническим соображениям. Это отчасти прослеживается и в данном случае. Вл.В. Седов, один из ведущих исследователей древнерусского зодчества, пишет: «Следует отметить, что

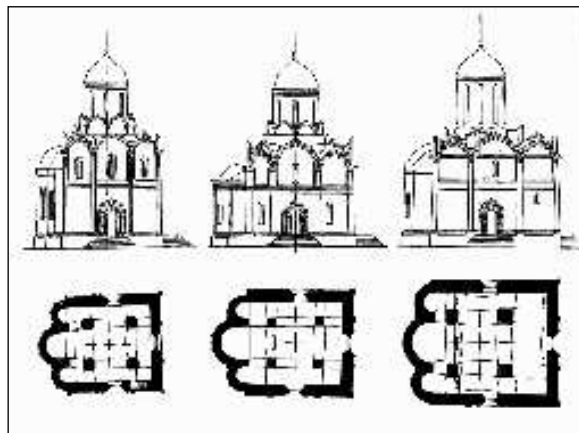
размеры и план церкви XIV в. возникли без учёта масштаба и формы основания храма-предшественника начала XII в. Вместо вполне возможного строительства „по старой основе” мы, наоборот, видим намеренную независимость в закладке плана, выразившуюся даже в некотором сдвиге оси нового храма»³¹. Это не вполне верно. Первое, что обращает на себя внимание при сравнении

Илл. 7. Церковь Параскевы Пятницы в Чернигове

патками, лаконичным декором. Из всех храмов XIII—XV вв. только церковь Спаса на Ильине улице (1374 г.) в центре Торговой стороны по плановым размерам несколько больше Благовещенского храма. Как уже указано выше, по нашему мнению, эти размеры заданы предшествующим собором.

Памятник сооружён в очень интересный и сложный период в истории новгородского зодчества, обычно именуемый «период поисков и экспериментов». После возведения на Торгу в 1207 г. церкви Параскевы

Илл. 8. Фасад и план церкви Успения в Звенигороде и соборов Саввино-Сторожевского и Троице-Сергиева монастырей

Пятницы, весьма необычной и эффектной архитектуры по образцу «башнеобразных» храмов Смоленска, новгородцы уже не строили по-прежнему. Новгородский архитектурный канон был разрушен, а новый

Благовещенский храм XIV в. обладает рядом необычных и даже уникальных форм. Поскольку в XVIII в. верхняя часть кладки была утрачена, не вполне ясен вопрос о первоначальном завершении фасадов. М.К. Каргер

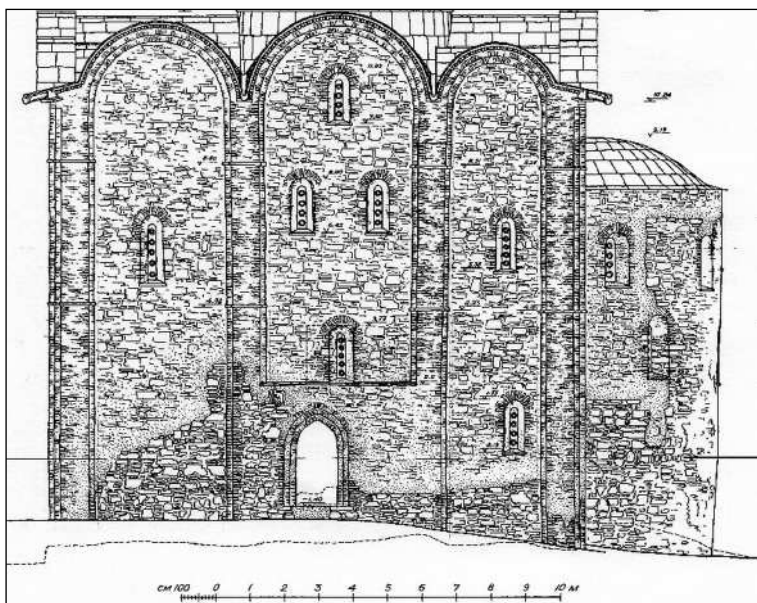
предполагал трёхлопастное покрытие³², распространённое в XIII—XIV вв., однако он не проводил серьёзных исследований. Г.М. Штендер склонялся к выводу, что здесь существовало позаконное завершение с одним или даже двумя рядами крупных кокошников³³ (илл. 5). Основанием для такого вывода послужили еле заметные следы ступенчатого свода с промежуточной подпружной аркой в рукавах пространственного креста (илл. 6). Он писал, что «система покрытия новгородской городищенской церкви, построенной московским великим князем Симеоном Ивановичем в 1342—1343 годах, представляет собой нечто среднее между обычной системой покрытия крестовокупольных храмов с пониженными арками и созданного русскими мастерами динамичного башнеобразного покрытия системой повышающихся ступенчатых арок»³⁴. Более ранние аналоги подобной архитектуры исследователь видел в церкви Параскевы Пятницы в Чернигове (конец XII в.; илл. 7), более поздние — в храмах Успения в Звенигороде и Троицком соборе Троице-Сергиева монастыря (конец XIV — начало XV вв.; илл. 8) и находил истоки необычного завершения в традициях московского зодчества (он считал заказчиком строительства московского князя Симеона Ивановича).

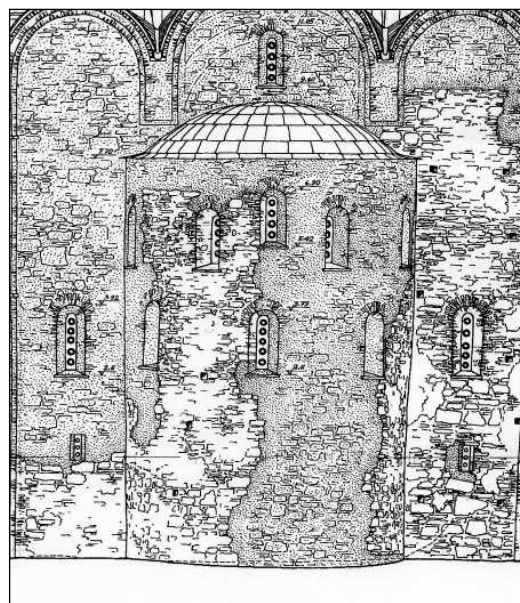
Илл. 9. Церковь Благовещения. Вид с северо-востока. Реконструкция Л.Е. Красноречьева в формах XIV в.

формировался очень долго, вплоть до 1360-х гг. В течение этих полутора веков для заказчиков и строителей не существовало, как правило, единого образца, каждый храм значительно отличался от других, каждый был плодом исканий и экспериментов. К сожалению, многие памятники этого времени утрачены или капитально перестроены, поэтому детальную картину реконструировать трудно, но в первом приближении она понятна.

ного покрытия системой повышающихся ступенчатых арок»³⁴. Более ранние аналоги подобной архитектуры исследователь видел в церкви Параскевы Пятницы в Чернигове (конец XII в.; илл. 7), более поздние — в храмах Успения в Звенигороде и Троицком соборе Троице-Сергиева монастыря (конец XIV — начало XV вв.; илл. 8) и находил истоки необычного завершения в традициях московского зодчества (он считал заказчиком строительства московского князя Симеона Ивановича).

Илл. 10. Церковь Благовещения. Проект реставрации. Фрагмент южного фасада

Илл. 11. Церковь Благовещения. Проект реставрации. Апсида

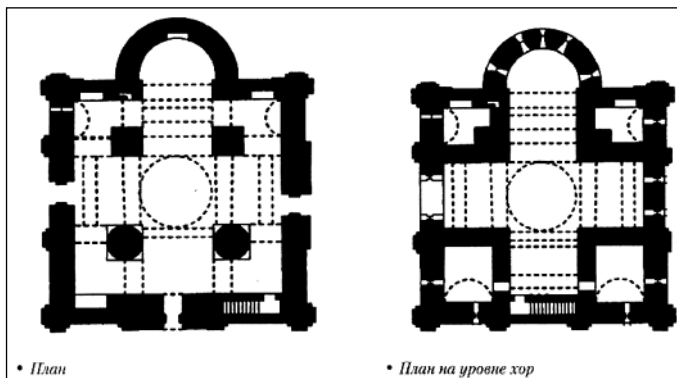
Л.Е. Красноречьев, лучший знаток памятника, склонен считать, что храм имел архаичное позакомарное покрытие без кокошников (илл. 9), которое для этого времени являлось довольно неожиданным и с конца XII в. не имело precedентов (наиболее близкий по времени пример — расположенная поблизости церковь Спаса на Нередице 1198 г.). Противоречие между ступенчатыми сводами, призванными по своей природе придать храму динамичную композицию, и статичным закомарным покрытием автор исследований объясняет отсутствием устоявшегося архитектурного канона, для которого характерно «несовпадение конструктивной схемы сводов форме завершения фасадов», а также проявлением «сдержанной динамики», т.е. более мелкими противоречивыми моментами на рассматриваемом памятнике³⁵. Общепринятой считается версия Л.Е. Красноречьева, хотя она далеко не бесспорна. Нужно заметить, что Л.Е. Красноречьев анализирует в графике и варианты завершения своих оппонентов (закомарное с кокошниками и трёхлопастное) и отвергает их³⁶. Если принять его концепцию, то нам представляется, что в данном случае источником архаичной формы покрытия также послужил древний Благовещенский собор, а также, возможно, стоящие в пределах прямой видимости собор Юрьева монастыря и Нередица.

Фасады Благовещенской церкви XIV в. традиционно расчленены лопатками в соответствии с расположением внутренних столбов-опор, однако и данная форма имеет необычную конструкцию — все лопатки выделены, подчёркнуты: они двухступчатые и имеют горизонтальные выступающие плиты-импосты в средней и верхней частях. Двухступчатые лопатки в Новгороде известны лишь в одном памятнике — самой нарядной в республиканском Новгороде церкви Спаса на Ильине улице. Выступающие плиты на лопатках не применялись в более ранних новгородских постройках, но известны в Смоленске. Исследователи полагают, что двухступчатые лопатки являются упрощённым вариантом многопрофильных лопаток («пучковых пиластр») церкви Параскевы Пятницы на Торгу.

Все три портала храма имеют несколько сглаженную, но заметную стрельчатую форму, т.е. они «готические». С конца XIII в. новгородцы начинают дозированно использовать отдельные западноевропейские архитектурные формы и детали. Более ранний образец подобных порталов можно видеть в церкви Николы Белого (1313 г.), позднее они станут почти традиционными для новгородских строителей. Южный портал по не известной пока причине заметно сдвинут от центра к западу. Ещё одно необычное решение применено в трактовке стены вокруг южного и западного порталов. Стена здесь имеет большую толщину, чем на других пряслах, совпадая с выступами лопаток, а над порталами с помощью наклонного уступа-отлива становится тоньше. Подобный приём, считающийся готическим, использован впервые также в церкви Николы Белого и в республиканское время более не повторялся (илл. 10).

Расположение окон на фасадах представляется обычным, хотя удивляет и никогда более не повторяется

столь большое количество окон в апсиде — восемь проёмов, из них три в нижнем ярусе и пять в верхнем. Функционально этого совершенно не требовалось. Думается, что и этот факт объясняется влиянием предшествую-

Илл. 12. Церковь Благовещения. Планы

щего собора, три апсиды которого могли иметь столько окон (илл. 11). Все окна имели полуциркульное завершение (кроме нескольких щелевидных прямоугольных окон в нижней части восточных углов), деревянные оконницы с круглыми световыми отверстиями. В окнах барабана Л.Е. Красноречьев предполагал кирпичные оконницы, найденные в завалах³⁷.

Внутренняя структура храма также обладает и традиционными, и экспериментальными формами. Восточные столбы — обычные, квадратные, западные — переменного сечения (круглые внизу, переходящие выше в квадратные; илл. 12). Круглые столбы применялись до этого в Новгороде только в церкви Параскевы Пятницы. В западной части храма располагались хоры на накатнике с двумя угловыми замкнутыми каморами в углах, что вполне традиционно для Новгорода. На хоры попадали по внутренней лестнице с входом в юго-западном углу. Пожалуй, самая необычная конструкция — характер главных сводов. Верхние своды были утрачены ещё в XVIII в. и заменены деревянным плоским перекрытием. Однако новгородскими реставраторами при исследовании руин были зафиксированы их незначительные следы: своды рукавов креста реконструируются ступенчатыми, с промежуточной пониженной подпружной аркой в каждом компартименте³⁸ (илл. 13). Такие своды неизвестны в русской архитектуре. Как уже указано, их далёкие аналоги усматривают в церкви Параскевы Пятницы в Чернигове и раннем московском зодчестве.

Стены внутри не имели сплошной фресковой живописи; расписана была только ниша в восточной стене жертвенника (ниша сохранилась, но живопись практически полностью утрачена). Вот как описывает эту фреску М.К. Каргер, видевший её ещё до войны: «В центре ниши изображена композиция «Риета» («Христос во гробе»), излюбленная в византийском и раннеитальянском искусстве XIII–XIV веков. По сторонам от неё фигуры Иоанна Богослова и епископа Родина, по-видимому, патрона заказчика росписи...»³⁹.

Вл.В. Седов выделяет при анализе архитектуры памятника три группы форм:

- переработанные в Новгороде смоленские

элементы, ведущие своё происхождение от ц. Параскевы Пятницы (уступчатые лопатки, плиты-импосты на лопатках, круглые столбы);

- заимствованные готические элементы (порталы, утолщение стены вокруг них);
- «экспериментальные» формы (своды).

Сюда, конечно, нужно добавить традиционные новгородские элементы (внутристенная лестница на хоры, выделение угловых камор второго яруса и др.) и в первую очередь архаичные, ориентированные на подражание формам древнего разобранного собора (крупные размеры здания, позакомарное завершение, многочисленные окна апсиды, лаконичный декор). В целом, получается, что памятник XIV в. имел «сборный» характер архитектуры, ориентирующийся на несколько источников. Это вполне в духе того времени.

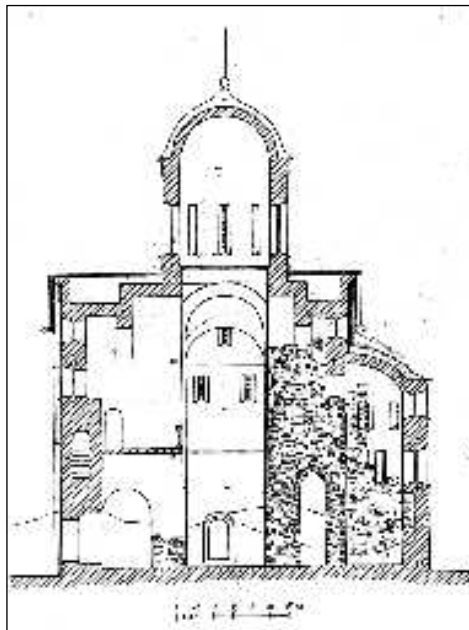
Совсем недавнее открытие внесло некоторые поправки в предложенную выше концепцию. В 2009 г. при прокладке траншеи к югу от церкви Входа в Иерусалим XVIII в. в Кремле были обнаружены, а на следующий год изучены остатки одноимённого храма 1336 г. Одновременно это и наиболее близкая по времени постройка, предшествующая возведению храма на Городище. Неплохо сохранившаяся кладка постройки 1336 г. высотой до метра показывает, что некоторые формы городищенского памятника, считавшиеся редкими и необычными, имелись и здесь: круглые западные столбы, двухступчатые лопатки, внутристенная лестница с входом в юго-западном углу. Завершение объёма предполагается трёхлопастным, хотя данных для уверенного суждения слишком мало⁴⁰. Только что, в сезон археологических раскопок 2011 года, выяснилось, что на северном фасаде церкви Входа в Иерусалим также имелось утолщение стены вокруг портала. Храм в Кремле являлся не рядовым, а весьма значимым: он стоял рядом с Софией, здесь нередко вёл службу владыка. В таком случае вырисовывается уже некая местная тенденция украшения особо почитаемых храмов двухступчатыми лопатками и круглыми западными столбами.

В целом, следует подчеркнуть, что храмы на Городище и XII в. и XIV в. занимают важное место в истории новгородской и общерусской архитектуры, поскольку оказали большое влияние на их развитие.

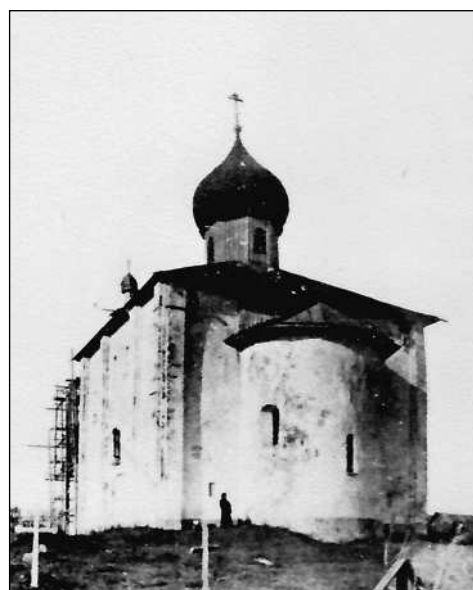
Одна из летописей упоминает о ремонте, проведенном по инициативе Ивана Грозного в 1542 г.: «покрывали церков святое Благовещение новым тесом, и потоки новыи, повелением великого князя Ивана Васильевича»⁴¹. Как известно, тёсом можно крыть только прямые поверхности, криволинейные же покрывали свинцом или резными деревянными дощечками (лемехом). Т.е., вероятно, в это время предполагаемое позакомарное завершение было переделано на палаточное (иначе — пофронтонное, пощипцовое), для чего на закомары были сделаны кирпичные надкладки под новую кровлю. В Новгороде имеется несколько примеров подобного покрытия — церкви Жён Мироносиц (1510), Филиппа Апостола (1527), храмы XVII в. На центральной увеличенной закомаре делалась кровля «с переломом».

Примерно в середине — второй половине XVIII в., после опалы Меншикова, Благовещенская церковь была обращена в приходскую; во всяком случае именно в таком статусе она упоминается в документе 1791 г.⁴²

В конце XVIII в. был проведён капитальный ремонт церкви. В архивном документе говорится: «Перестраивалась в 1797 г. и была изрядно украшена свне и внутри»⁴³. Как видим, о характере работ ничего не сообщается, однако все исследователи именно к этому времени относят произошедшие радикальные перестройки: верхние части здания (барабан с главой, своды, верхние арки, части стен и столбов) были разобраны и вместо них устроены плоское деревянное перекрытие и глухой деревянный барабан с главкой. В то время или позднее большинство первоначальных окон было заложено, некоторые новые пробиты в других местах. В целом храм стал ниже и более тёмным в интерьере. Фасады впервые получили сплошную штукатурку, до этого времени они были открытыми.

Илл. 13. Церковь Благовещения. Разрез с видом на север. Реконструкция. Чертёж Л.Е. Красноречьева

Илл. 14. Церковь Благовещения. Вид с юго-востока. Фото 1880-х гг. РГИА

В 1806–1807 гг. с запада был пристроен каменный притвор Сретения или освящён в уже существовавшей паперти⁴⁴. Видимо, тогда же с западной стороны к паперти примкнула небольшая каменная колокольня, на которой висели в разное время от 5 до 8 колоколов⁴⁵.

В 1882 г. паперть и колокольня полностью перестроены по новой моде: колокольня возведена в русском стиле, с шатровым завершением, в паперти освящён ещё один придел — во имя Николая Чудотворца (илл. 14). Видимо, тогда же вместо тёсовой кровли основного объёма, существовавшей ещё в 1860 г., сделана железная, железом же обит гранёный деревянный барабан. Работы велись «усердием прихожанина новгородского купца Ивана Семенова Замешина с жертвователями»⁴⁶.

В советское время храм долгое время оставался действующим. В паспорте на памятник материальной культуры, составленном в 1932 г., вероятно, М.К. Каргером, он значится как приходский⁴⁷. Отмечено, что в алтаре расчищены «фрагменты живописи», под которыми понимается, видимо, фресковая композиция в нише жертвенника. Церковь была закрыта, вероятно, в конце 30-х гг.

В августе 1941 г. Новгород был захвачен фашистами. Линия фронта стабилизировалась по рекам Волхов, Малый Волховец и по восточному берегу оз. Ильмень. Все монастыри и храмы (монастыри Кириллов и Сквородский, церкви Спаса на Нередице, Спаса на Ковалеве, Благовещения на Городище, Успения на Волотове и др.), стоявшие близ линии фронта на советской стороне, осенью 1941 г. огнём немецкой артиллерии были превращены в руины. После освобождения Новгорода от Благовещенского храма сохранялись остатки стен и столбов на высоту от 2,5 до 13 м, заваленные строительным мусором и заросшие кустарником (илл. 15).

До середины 1960-х гг. руины оставались нетронутыми. В 1964 г. они были обследованы опытным

архитектором-реставратором Л.Е. Красноречьевым, который предложил для спасения сохранившихся частей законсервировать их⁴⁸. Это предложение одобрили. Красноречьевым был выполнен проект консервации

с фрагментарной реставрацией, в соответствии с ним руины были освобождены от завалов, обмерены. Пробоины заделали, стены укрепили связями и инъекциями раствора, вычинили, выровняли с небольшими докладками и покрыли сверху защитными бетонными стяжками. По натурным остаткам и следам апсида, южный и северный порталы, уцелевшие окна, ниши и арки были

реставрированы. Работы были закончены в 1972 г. (илл. 16.)

В дальнейшем Л.Е. Красноречьев провёл более полные исследования и в 1978 г. подготовил эскизный проект полного воссоздания храма XIV в. и экспозиционного показа остатков собора XII в. Следует отметить, что это довольно смелое решение, поскольку памятник сильно разрушен и обладает рядом необычных форм, его реконструкции спорны. На рассмотрение были представлены два основных варианта — воссоздание в формах XIV в. и в довоенных формах с частичной реставрацией деталей (порталы, некоторые окна и пр.; илл. 17). Автор проекта считал более предпочтительным воссоздание в формах XIV в.⁴⁹ Были проанализированы в графике и отвергнуты как несостоятельные варианты реконструкций сводчатой системы М.К. Каргера и Г.М. Штендера (с трёхлопастным завершением и закомарное с кокошниками). В состав этого же проекта вошли предложения по консерва-

ции собора 1103 г. Были представлены три варианта: укрепление руин и их засыпка, укрепление руин и их экспозиция без защитного покрытия и экспозиция с плоским железобетонным перекрытием и уложенным сверху дёрном. В последнем случае вход в раскоп

Илл. 15. Церковь Благовещения. Руины до консервации. Вид с северо-востока

Илл. 16. Церковь Благовещения. Вид с севера. Фото 1984 г.

предусматривался со спуском в северо-западном углу церкви XIV в.

В 1980 г. этот проект был представлен на рассмотрение в Министерство культуры РСФСР и утверждён по основному варианту (воссоздание в формах XIV в.). В ноябре того же года Красноречевым составлена Пояснительная записка по производству работ. Однако в силу разных причин далее работы не продвинулись. Руины, хотя и укреплённые, продолжали постепенно разрушаться, к 2000-м гг. возникла вероятность обрушения целых блоков кладки, осмотр памятника туристами стал представлять опасность (илл. 18).

В 2009 г. во время празднования 1150-летия Новгорода перед президентом был поставлен вопрос о создании на Городище крупного археологического музея. Был получен положительный ответ. В 2010 г. Старорусская реставрационная мастерская выиграла конкурс на укрепление законсервированного памятника и в декабре того же года начались строительные работы под наблюдением новгородского реставратора В.А. Попова. Одновременно реставратором Т.В. Хворых по материалам Л.Е. Красноречева был выполнен эскизный проект полного воссоздания храма. В течение 2010 г. Институтом культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Москва) были подготовлены «Предложения по концепции сохранения и использования объекта культурного наследия Рюрикова Городища». Согласно этой концепции, в целом не имеющей серьёзных претензий, предполагается надёжная консервация храма XIV в., благоустройство и музеефикация территории, включая экспонирование фрагментов

собора XII в., устройство дорожек, причалов, памятных знаков, информационных щитов, имитацию части древней деревянной оборонительной стены и пр. Самые масштабные постройки, составляющие музейный

комплекс национального значения, а также гостиничный комплекс, стилизованный под древнюю деревню, планируется разместить в дер. Шолохово, примерно в четырёх километрах к востоку от Городища.

К сожалению, вокруг этого действительно крупного и перспективного проекта наблюдается слишком много суеты, неразберихи, несогласованности и слишком мало обоснованного серьёзного подхода. Нет строгой продуманности цели, последовательности действий, нет авторитетного координатора и доступной исчерпывающей информации.

Очевидно, что главным объектом Городища, привлекающим всеобщее внимание, являются храмы XII и XIV вв. От того, как их экспонировать, зависят все остальные элементы концепции. Следовательно, первоочередная задача специалистов — проанализировать все реставрационные материалы Л.Е. Красноречева, провести независимую экспертизу его проекта и обоснованно принять главное решение: консервировать или воссоздавать церковь XIV в. При необходимости следует провести дополнительные исследования. Этого не сделано, анонимно принято решение

о консервации и уже ведутся реальные работы. Подобная деятельность без авторитетов и приоритетов приведёт к неправильным решениям, потере времени, низкому качеству работ и напрасной трате денег.

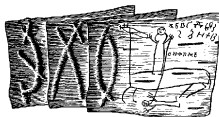
Илл. 17. Церковь Благовещения. Вид с северо-востока. Реконструкция Л.Е. Красноречева в формах до разрушения

Илл. 18. Церковь Благовещения. Вид с запада. Фото 2000-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Евгений (Болховитинов). Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. С. 12; Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам русским. СПб., 1846. С. 236–237.
- ² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 106 (далее — НПЛ).
- ³ Янин В.Л. Основные исторические итоги археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 20–22.
- ⁴ Носов Е.Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 31–35; Михайлов К.А. Анализ первых оборонительных сооружений Киева и Новгорода на фоне фортификационных традиций ранне-средневековой Европы // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 283–286.
- ⁵ НПЛ. С. 31–32, 219.
- ⁶ Янин В.Л. Печати из новгородских раскопок 1951 г. // Советская археология. XVIII. 1953. С. 381.
- ⁷ Анкудинов И.Ю. Новые письменные источники о новгородском городище // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 61.
- ⁸ Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2009. С. 525.
- ⁹ Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. С. 327.
- ¹⁰ Там же. С. 297–298.
- ¹¹ Петрова Л.И., Анкудинов И.Ю., Попов В.А., Силаева Т.В. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // НИС. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 139–141.
- ¹² Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 71, 328.
- ¹³ Опись Новгорода 1617 г. С. 297.
- ¹⁴ Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 5, 6. М., 1994. С. 58.
- ¹⁵ Там же. С. 393–404.
- ¹⁶ Анкудинов И.Ю. Указ. соч. С. 65–67.
- ¹⁷ Там же. С. 65.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Евгений (Болховитинов). Исторические разговоры... С. 12; Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам... С. 236–237; Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. С. 486.
- ²⁰ Список населенных мест Новгородской губернии. Вып. 1. Новгородский уезд. Новгород, 1907. С. 44.
- ²¹ НПЛ. С. 203.
- ²² Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб., 1994. С. 115.
- ²³ Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 182.
- ²⁴ Новоселов В.Н. От Благовещения до Благовещения. СПб., 2002. С. 90; Архив Новгородского научно-реставрационного управления (ННРУ). Р-1037. Колтакова Г.С. Ц-вь Благовещения на Городище. Краткая историческая справка. 1976 г. Л. 23–24.
- ²⁵ Каргер М.К. Памятники древнерусского зодчества (новые архитектурно-археологические открытия в Новгороде) // Вестник Академии наук СССР. 1970. № 9. С. 79–85; Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XII вв. Каталог памятников. Л., 1982. С. 74.
- ²⁶ Комеч А.И. Архитектура второй половины XI — первой четверти XII веков // История русского искусства. Т. 1. М., 2007. С. 397.
- ²⁷ Новоселов В.Н. Указ. соч. С. 33–35.
- ²⁸ Каргер М.К. Памятники древнерусского зодчества. С. 85.
- ²⁹ НПЛ. С. 354, 357.
- ³⁰ Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 154.
- ³¹ Седов В.В. Церковь Благовещения на Городище. XIV век // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 394.
- ³² Каргер М.К. Новгород. Л., 1980. С. 179.
- ³³ Отдел письменных источников Новгородского музея-заповедника (ОПИ НГМ). Р-15. Оп. 1. Д. 405. Черновые выписки Г.М. Штендера по ц. Благовещения на Городище. 1956–1967 гг. Л. 16–18.
- ³⁴ Там же. Л. 2–3.
- ³⁵ Архив ННРУ. Р-1332. Красноречьев Л.Е. Пояснительная записка к проекту реставрации и консервации. 1978 г. Л. 34–35.
- ³⁶ Архив ННРУ. Р-1332. Л. 36–37; чертежи № 4843, 4844.
- ³⁷ Архив ННРУ. Р-1332. Л. 20.
- ³⁸ Шуляк Л.М. Архитектура Новгорода XIII–XV вв. // Новгород. К 1100-летию города. М., 1964. С. 222; Каргер М.К. Новгород. Л., 1980. С. 230 (комментарий Г.М. Штендера).
- ³⁹ Каргер М.К. Новгород. Л., 1980. С. 179.
- ⁴⁰ Антипов И.В., Булкин В.А., Жервэ А.В., Родионова М.А. Изучение церкви Входа Господня в Иерусалим 1336–1337 гг. в Новгородском кремле. Доклад, прочитанный 25 января 2011 г. на археологической конференции в Новгороде (в печати).
- ⁴¹ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 71, 328.
- ⁴² Архив ННРУ. Р-1037. Л. 34.
- ⁴³ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3423; Архив ННРУ. Р-1037. Л. 24.
- ⁴⁴ Макарий, архим. С. 489; ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3423; Архив ННРУ. Р-1037. Л. 35.
- ⁴⁵ Архив ННРУ. Р-1037. Л. 37.
- ⁴⁶ ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 715. Л. 457–462; Архив ННРУ. Р-1037. Л. 37.
- ⁴⁷ Архив Института истории материальной культуры (ИИМК). Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. № 153. Л. 172–175.
- ⁴⁸ Архив ННРУ. Р-526. Красноречьев Л.Е. Ц. Благовещения на Городище под Новгородом 1342–1343 гг. Предложения по консервации памятника. 1964 г.
- ⁴⁹ Архив ННРУ. Р-1332. Л. 40–41.

«А ВЫ ПЛОТНИЦИ СУЩЕ»

В древнерусских летописях под 6524 (1016) г. помещён довольно пространный рассказ о сражении «у Любца» на Днепре, ставшем кульминацией борьбы за великокняжеский престол между сыновьями усопшего властителя Руси Владимира Святославича — Святополком, захватившим власть в Киеве, и Ярославом, бывшим в то время новгородским князем. Основу войска Ярослава составляли новгородцы. Однажды после трёхмесячного противостояния двух ратей киевский **«воевода Святополчъ, именем Волчий Хвостъ, ездя подле реку, укарати нача новгородци: „почто приидосте с хромчѣмъ темъ, а вы плотници суще; а мы приставимъ вы хоромовъ рубить”»**¹.

Эта фраза, ставшая достоянием истории, не осталась незамеченной многими исследователями Древней Руси. Возможно, первым её прокомментировал новгородский краевед и собиратель древностей, автор одного из первых путеводителей по Новгороду и его окрестностям И.К. Куприянов²: «Прозвание новгородцев плотниками свидетельствует, что главное значение древних новгородцев было плотничество»³. Почти дословно эту мысль повторил и упрочил своим авторитетом известный организатор археологических исследований в России граф А.С. Уваров: основываясь на реплике киевского воеводы, он утверждал, что новгородцы «в особенности были известны» в плотницком ремесле⁴. Знаток истории и культуры древнего Новгорода П.Л. Гусев, основываясь на летописном сообщении 1016 г., также утверждал, что «в киевской Руси новгородцы слыли известными плотниками и хоромцами, то есть искуснейшими строителями из дерева»⁵. А.В. Арциховский полагал, что в древнерусских землях «новгородцы прочно ассоциировались с плотниками», так как их прозвание «плотниками» свидетельствует «об очень заметном и раннем развитии плотницкого дела» в древнем Новгороде⁶. В.И. Равдоникас проследовал по уже наезженной историографической колее: упомянув о древней традиции деревянного домостроительства «в среде коренных обитателей леса» Восточной Европы, которая «впоследствии была сохранена и развита новгородцами», он процитировал известное высказывание киевского воеводы и на этом основании сделал вывод, что среди новгородцев «были первоклассные знаменитые на всю Русь плотники»⁷.

Возможно, определённую роль в общей консервативности мышления таких разных исследователей сыграло

ещё и то обстоятельство, что один из районов древнего Новгорода назывался «Плотницким» концом. Однако в качестве самостоятельной административно-территориальной единицы он оформился не ранее XIII в.⁸ Кроме того, этимология (в данном случае — происхождение) данного топонима неоднозначна.

Прочно утвердившееся в историографии объяснение летописного прозвища новгородцев «плотниками» могло иметь право на существование только до тех пор, пока в древнерусских городах не развернулись широкие археологические изыскания. В ходе раскопок стало очевидно, что искусные плотники были не только в древнем Нов-

городе. Об этом свидетельствовали многочисленные остатки сложных и разнообразных деревянных сооружений, открытых в тех городах, где во влажном культурном слое сохраняются органические материалы. Среди них наряду с Новгородом оказались не только такие крупнейшие городские центры средневековой Руси как Киев, Псков, Смоленск, но и так называемые «малые города», в частности Берестье⁹.

Однако трактовка прозвища новгородцев — «плотники», предложенная ещё в середине XIX в., по-прежнему никем не ставилась под сомнение. В частности, один из руководителей Новгородской археологической экспедиции, прославившийся своими исследованиями в области кузнечного и деревообрабатывающего ремесла, а также в разработке дендрохронологического метода, Б.А. Колчин привёл высказывание киевского воеводы в качестве аргумента того, что «высокое

мастерство новгородцев в обработке дерева, их опытность в строительстве превосходных домов, мостов, водопроводов, умение делать прекрасным всё, что выходило из-под топора и резца, хорошо знали на Руси»¹⁰. Из высказываний подобного рода можно привести мнение другого авторитетного исследователя Древней Руси — М.Г. Рабиновича: «Характерно, что первое упоминание о строительстве мостовых и мостов связано с северной Новгородской землей, первый „урок мостникам” содержится в памятнике новгородского происхождения — „Русской правде”. Недаром новгородцев дразнили плотниками»¹¹.

Сомнения в правильности подобных утверждений вызывает ещё одно обстоятельство. По логике большинства исследователей прозвище «плотники» не содержало ничего обидного для новгородцев. Более того, оно даже

Мастер Риквин
(Сигтунские врата из Софийского собора, XII в.)

Мастер Авраам

свидетельствовало о высоком профессионализме новгородских ремесленников, молва о которых достигла стольного города Киева. Однако этому противоречит ответная реакция самих новгородцев, которые восприняли прозвище «плотники» как оскорбление и заявили Ярославу о своей решимости немедленно вступить в битву с киевлянами, даже если им придётся сражаться в одиночку: «**Се слышавше, Новгородъци реша Ярославу: „Яко завтра переведемся на нь. Аще ли кто не поидеть с нами, то сами потнемъ“**»¹². Столь резкий демарш заставил Ярослава ускорить начало битвы: «**И разуме Ярославъ, яко в ночь велит сещися; а абие того вечера перевозися Ярославъ на ону страну Днепра и лодьи отринуша от берега; и тое ночи поидоша на сечю... И бысть сеча зла, оже за руки емлющеся сечаху и по удолиемъ кровь течаше... и до света победиша Святополка. И бежа Святополкъ... а Ярославъ иде къ Киеву, седе на столе отца своего Володимира**»¹³. Успех Ярослава в сражении, очевидно, был обеспечен не только внезапностью нападения и беспечностью Святополка, который «**всю ночь пилъ бе с бояры своими**»¹⁴. Несомненно, что важную роль в этом сыграли уязвлённое самолюбие и воинственный настрой новгородцев, равнявшихся в бой с тем, чтобы восстановить свою запятанную честь и наказать обидчика.

Таким образом, имеющаяся в историографии гипотеза о происхождении прозвища новгородцев — «плотники», не выдерживает серьёзной критики. Необходимо искать другое объяснение. При решении данной проблемы следует исходить из предположения, что причиной оскорбительной для новгородцев клички могла быть какая-то характерная черта в облике новгородских ополченцев или, скорее всего, в снаряжении, на которое обратили внимание их противники во время длительного противостояния двух войск на Днепре, когда обе противоборствующие стороны имели возможность детально изучить своего врага. Очевидно, эта особенность военной амуниции новгородцев и вызвала у киевского воеводы ассоциацию с плотниками.

Что же это могло быть? В древности, впрочем, как и в наши дни, принадлежность индивида к той или иной сфере деятельности во многом определяли наиболее характерные для неё предметы: например, для торговца это были весы, для воина — предметы вооружения, для писца — письменные принадлежности, для ремесленника — орудия труда и т.д.

Вход в западную (Корсунскую) паперть новгородского Софийского собора закрывают ворота, изготовленные

в XII в. и называемые «Сигтунскими», «Магдебургскими» или «Корсунскими». Они являются подлинным шедевром средневекового бронзолитейного искусства благодаря тому, что дверные створки с наружной стороны покрыты

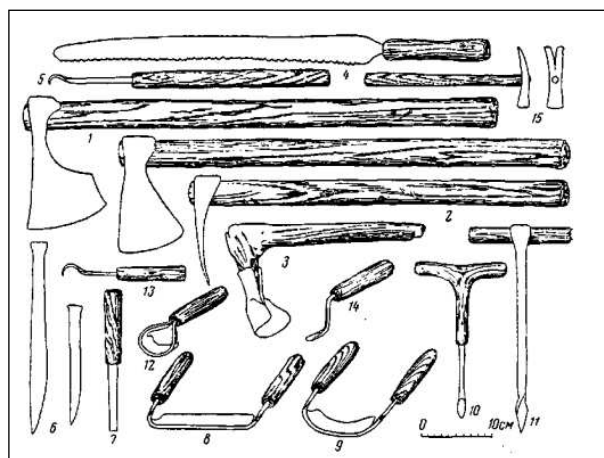
Новгородские плотники (миниатюра из Радзивилловской летописи, XV в.).

бронзовыми барельефами. На одной из них среди прочих имеются подписанные изображения трёх ремесленников с инструментами: Риквин с весами и клещами, Вайсмут с клещами и «мастер Авраам» с молотом и клещами. Орудия труда в руках мастеров указывают на их профессию — все они были бронзолитейщиками, что подтверждается одной из пояснительных надписей на латинском языке — «Риквин меня (то есть ворота — А.С.) сделал».

В связи с этим возникает другой вопрос: какие инструменты могли быть отличительной чертой плотников? В великорусских говорах плотник — это «древодел,

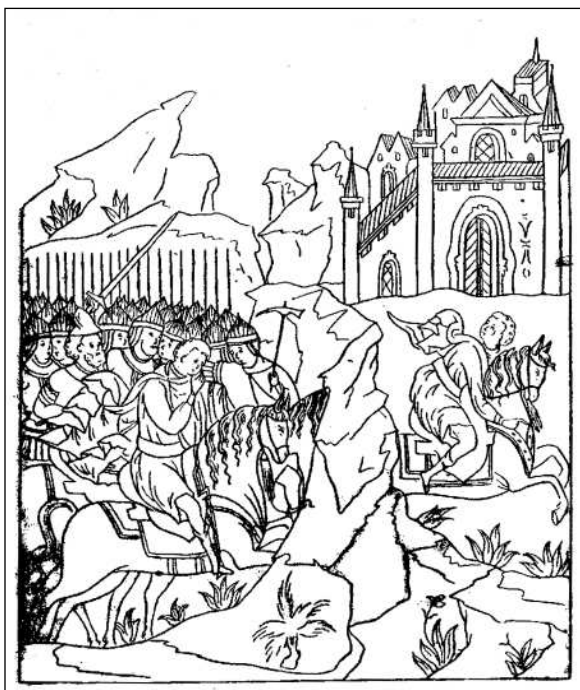

Сооружение укреплений в Твери (миниатюра из Никоновской летописи, XVI в.).

Деревообрабатывающие инструменты древнерусского плотника (по Б.А. Колчину): 1 — топоры; 2 — тесло большое; 3 — тесло для мелких работ; 4 — пила; 5 — токарный резец; 6 — долота; 7 — стамеска; 8 — прямолезвийный скобель, 9 — скобель; 10 — сверло перовидное; 11 — сверло спиральное; 12 — скобелка; 13 — резец; 14 — резец для художественной резьбы; 15 — молоток-гвоздодёр

рабочий для лесных поделок и строений. Главное орудие плотника топор (выделено мною — А.С.), затем — долото, грубый наструг, наверхок, иногда пила; нитка, отвес и драч»¹⁵. В сочинении Генриха Штадена, находившегося на службе у Ивана Грозного, имеется описание инструментов русского плотника, в котором на первом месте

Войско в походе. В центре композиции — воин с топором-чеканом или клевцом
(Житие Сергия Радонежского, XVI в.)

также указан топор: «Палатные мастера, или плотники, для этих прекрасных построек пользуются только топором, долотом, скобелем и одним инструментом в виде кривого железного ножа, вставленного в ручку»¹⁶. На древнерусских книжных миниатюрах персонажи, выполняющие плотницкие работы, в большинстве случаев изображены с топорами¹⁷. То, что топор был главным орудием труда плотников, подтверждается и материалами археологических исследований: при раскопках в Новгороде в культурных отложениях X—XV вв. найдено множество разнообразных инструментов, имевших

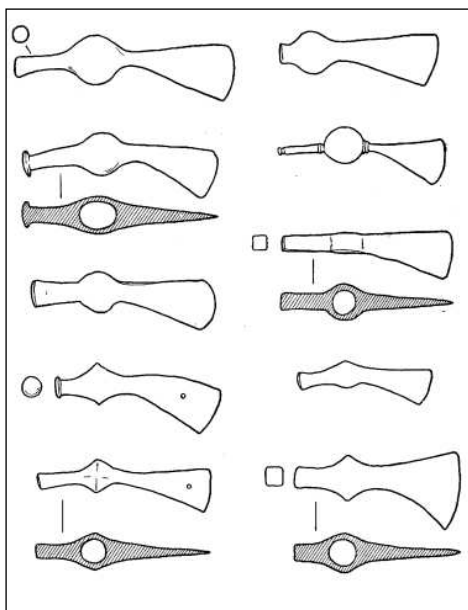
отношение к плотницкому ремеслу, но среди них преобладают топоры¹⁸.

Таким образом, неслучайным атрибутом древнерусского плотника в целом, и новгородского в частности, был топор.

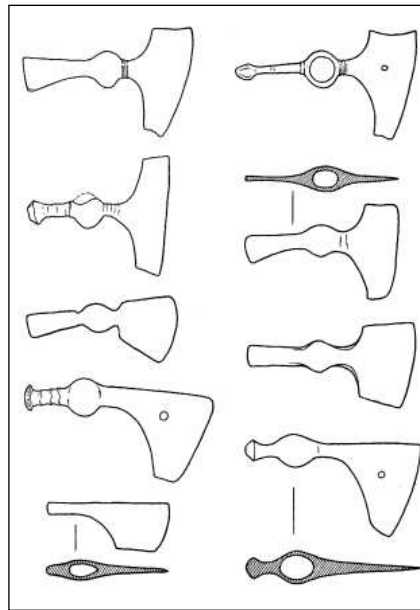
Однако плотницкий топор мог служить не только в качестве орудия труда. В умелых руках он превращался в грозное оружие. Тем не менее, профессиональные воины отдавали предпочтение специализированным боевым топорам, которые отличались своими формами от плотницких. Прежде всего, это так называемые чеканы или топоры-молотки восточного происхождения с молоточковидной или заостренной тыльной стороной обуха (типы I и II по классификации А.Н. Кирпичникова)¹⁹. Другие боевые топоры, вероятно, имели универсальное назначение, так как были «очень похожи на производственные топоры», но отличались от них меньшими размерами и весом²⁰.

В начале XI в. новгородское ополчение набиралось, главным образом, из рядовых горожан и сельских жителей. Это следует из всё того же летописного сообщения о событиях 1016 г. в южной Руси: после победы над Святополком Ярослав «**нача вое свое делити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривне, а новгородчмъ по 10 всемъ; и отпусти я домовъ вся**»²¹. По авторитетному мнению А.Н. Кирпичникова, «массовым оружием ополченца и простого воина» был топор. Но в X—XII вв. специализированные боевые топоры получили наибольшее распространение только в Северо-Восточной и Южной Руси и почти не встречаются в археологических материалах Новгорода и новгородских земель²².

По всей вероятности, киевский воевода, безусловно являвшийся профессиональным воином, обзаведя боевой порядок войск Ярослава, не мог не заметить, что новгородские ополченцы были вооружены плотницкими топорами. Поэтому он с пренебрежением отнёсся к их ратным возможностям и, может быть, экспромтом придумал для них прозвище «плотники», имевшее в его устах уничижительный смысл. В речи Волчьего Хвоста, обращённой к новгородцам, сквозит явное превосходство над плохо вооружённым противником. И уже совсем полным издевательством выглядит обещание после несомненной победы, которую одержат киевляне, «приставить» пленных новгородцев «хоромъ рубити», очевидно, их же собственными плотницкими топорами. Это настолько возмутило новгородцев, посчитавших себя оскорблёнными и униженными, что они готовы были вступить в бой даже без участия дружинников Ярослава и его варяжских наёмников. Именно высокий морально-боевой дух и уязвлённое самолюбие новгородцев привели к победе пешего

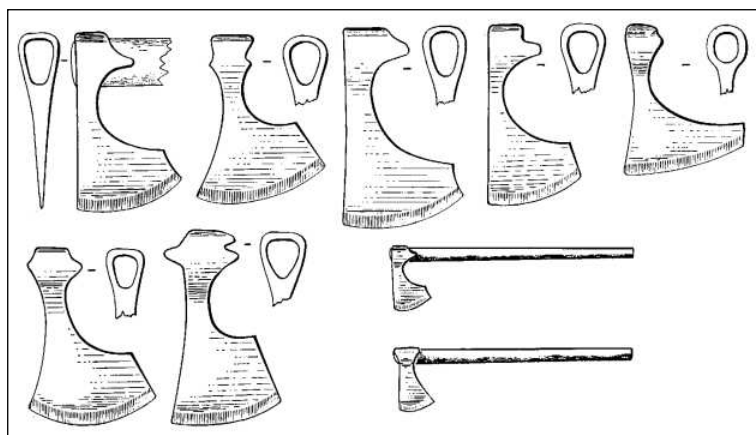

Боевые топоры-чеканы I типа, X—XIII вв.
(по А.Н. Кирпичникову)

Боевые топоры-чеканы II типа, X—XIII вв. (по А.Н. Кирпичникову)

та, обращённой к новгородцам, сквозит явное превосходство над плохо вооружённым противником. И уже совсем полным издевательством выглядит обещание после несомненной победы, которую одержат киевляне, «приставить» пленных новгородцев «хоромъ рубити», очевидно, их же собственными плотницкими топорами. Это настолько возмутило новгородцев, посчитавших себя оскорблёнными и униженными, что они готовы были вступить в бой даже без участия дружинников Ярослава и его варяжских наёмников. Именно высокий морально-боевой дух и уязвлённое самолюбие новгородцев привели к победе пешего

Рабочие топоры X–XIII вв. (по Б.А. Колчину)

ополчения, вооружённого плотницкими топорами, над более сильным и лучше экипированным противником.

Особую исключительность воинской доблести, проявленной новгородцами в битве «у Любца», придаёт её сравнение с боевым столкновением между войсками нормандского герцога Вильгельма Завоевателя и англо-саксонского короля Гарольда, произошедшим спустя полвека (1066 г.) на противоположном конце Европы — у Гастингса на Британских островах. На ковре из собора во французском городе Байе (1066–1082 гг.) изображены отдельные моменты того боя: норманнские конные рыцари-копьемосцы атакуют англо-саксонских пехотинцев, отбивающихся от них топорами, хотя на поясе у них висят мечи, и одерживают над ними победу. Таким образом, сражение 1016 г. на берегах Днепра является одним из редких случаев успешного применения рабочих плотницких топоров в качестве боевых²³.

В историографии иногда случается так, что идея, высказанная кем-либо из авторитетных исследователей, подхватывается и тиражируется другими авторами без её критического осмысления. В результате из «теоремы», то есть положения, требующего доказательства, она становится «аксиомой», принимаемой «на веру», превращается в историографический «миф». Нечто подобное случилось и с устоявшимся объяснением прозвища новгородцев «плотники».

В историографии иногда случается так, что идея, высказанная кем-либо из авторитетных исследователей, подхватывается и тиражируется другими авторами без её критического осмысления. В результате из «теоремы», то есть положения, требующего доказательства, она становится «аксиомой», принимаемой «на веру», превращается в историографический «миф». Нечто подобное случилось и с устоявшимся объяснением прозвища новгородцев «плотники».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 15, 175.

² Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 261.

³ Куприянов И. Прогулка по Новгороду и его окрестностям. Путеводитель и указатель. Новгород, 1862. С. 118.

⁴ Уваров А.С. Материалы для археологического словаря // Древности. Труды МАО. Т. II. Вып. 2. М., 1869. С. 23.

⁵ Гусев П.Л. Чтения по истории и топографии города Великого Новгорода // Конспекты лекций по истории и древностям Великого Новгорода, читанных в 1909 году в Новгородском Обществе Любителей Древности гг. лекторами Императорского Археологического Института. Вып. I. Новгород, 1910. С. 36; Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 146.

⁶ Арциховский А.В. Миниатюры Кенигсбергской летописи // ИГАИМК. Т. XIV. Вып. 2. Л., 1932. С. 22; Арциховский А.В. Новгородские ремесла // Новгородский исторический сборник. Вып. 6. Новгород, 1939. С. 6, 10.

⁷ Равдоникас В.И. Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // СА. XII. М.; Л., 1950. С. 30, 32.

⁸ Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 40.

⁹ Лысенко П.Ф. Открытие Берестя. Минск, 1989.

¹⁰ Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. Е1-55. М., 1968. С. 16.

¹¹ Рабинович М.Г. Деревянные сооружения городского хозяйства в древней Руси // Средневековая Русь. М., 1976. С. 30.

¹² Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. Л., 1925. С. 87.

¹³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 175.

¹⁴ Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. Л., 1925. С. 87.

¹⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. М., 1990 (репринт). С. 129.

¹⁶ Источники истории. Рейнгольд Гейденштейн. Записки о Московской войне (1578–1582). Альбрехт Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Рязань, 2005. С. 482.

¹⁷ Арциховский А.В. Миниатюры Кенигсбергской летописи // ИГАИМК. Т. XIV. Вып. 2. Л., 1932. С. 22; Арциховский А.В. Миниатюры Синодального списка Никоновской летописи // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л., 1934. С. 122; Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 72–73, 82–83.

¹⁸ Колчин Б.А. Указ. соч. С. 13–15, Рис. 3. С. 14; A.S. Khoroshev and A.N. Sorokin. The woodworking tools of Novgorod // Wood Use in Medieval Novgorod. Oxbow Books, 2007.

¹⁹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. Е1-36. М.; Л., 1966. С. 29–30, 33, 35.

²⁰ Кирпичников А.Н. Указ. соч. С. 29–30, 36–40.

²¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 15, 175.

²² Кирпичников А.Н. Указ. соч. Табл. 7. С. 41, Табл. 8. С. 42.

²³ Кирпичников А.Н. Указ. соч. С. 29.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.

МАО — Московское археологическое общество.

НПЛ — Новгородская первая летопись.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

СА — Советская археология.

САИ — Свод археологических источников.

Я.Н. Рабинович

«РАМЫШЕВСКОЕ ОСАДНОЕ СИДЕНЬЕ»

Старая Русса в 1613–1614 гг.

Летом 2005 г. автор этих строк впервые побывал в Старой Руссе во время музейной практики со студентами-историками Саратовского государственного университета. К тому времени основной темой моих научных интересов были события Смуты в районе Тихвина и Ладоги. О том, что происходило в Смутное время в Старой Руссе, представления сложились довольно туманные. Вся информация базировалась на книге И.Н. Вязинина и исследовании С.В. Бахрушина о биографии Андрея Фёдоровича Палицына. Основное внимание в последней уделено другим, более поздним сюжетам из жизни этого деятеля Смуты (пребывание его на посту воеводы сибирской Мангазеи). Из источников мною были изучены лишь «Распросные речи Никиты Калитина», опубликованные в сборнике НОЛД. Надеюсь получить хоть какую-нибудь информацию о событиях в Старой Руссе и об Андрее Фёдоровиче Палицыне, я обратился к работникам местного краеведческого музея. К сожалению, оказалось, что сведения местных краеведов ещё более скудные, чем мои, и базируются лишь на книге И.Н. Вязинина. Пришлось дать им выходные данные труда С.В. Бахрушина и всю информацию, почерпнутую из данного труда, а также пообещать заняться в ближайшем будущем вплотную этой проблемой. Для этого необходимо было вначале изучить предысторию этих событий в районе Старой Руссы. Итогом такой работы стали две публикации в альманахе «Чело»*. Настоящая статья является продолжением данной темы.

В феврале 1613 г. в Москве на Земском соборе избрали русским царём Михаила Романова. Важную роль в его избрании сыграли казаки. Сведения об этом уже весной 1613 г. просочились и в Новгород, где нового царя сначала считали очередным Лжедмитрием и невысоко оценивали его шансы в плане легитимности. Со своей стороны, правительство Михаила Романова не намерено было мириться с потерей Новгородской земли. Сразу же после избрания на Новгородчину были отправлены из-под Москвы отряды русских войск (в основном, казаков Подмосковного ополчения), которые начали военные действия против шведов и войск Новгородского правительства.

Все эти события оказали большое воздействие в первую очередь на население приграничных регионов Новгородской земли. С весны 1613 г. здесь началось народное движение против шведов. Первыми выступили жители Тихвина, восставшие в мае 1613 г. и освободившие свой город. Затем восстания произошли в Гдове и Порхове.

Движение против шведов в 1613–1614 гг. наблюдается и в Старой Руссе. По словам шведских военных историков, первые отряды московских казаков численностью до 500 человек появились уже в июле 1613 г. «*на тракту у Старой Руссы*». Основное внимание шведского командования в это время было приковано к Тихвину, туда стягивались все силы. К лету 1613 г. гарнизон Старой Руссы состоял из стрельцов, казаков, а также из двух рот финской пехоты (200 человек). Я. Делагарди вынужден был уже в конце

июля 1613 г. отправить из Новгорода на помощь гарнизону Старой Руссы дополнительные войска Йоста Клодта (командира своего лейб-режима), часть рейтаров Эверта Горна и часть рейтаров Ларса Андерссона во главе с Якобом Бенгтссоном Сабальхертой. Откуда появились передовые московские казацкие отряды и кто был их командир, шведские авторы не сообщают. Это могли быть отряды как из-под Москвы, так и из Псковских пригородов, действовавших самостоятельно. Уже в конце августа — начале сентября казаки совершили рейд в Коростынский погост. Весь выращенный и собранный к этому времени хлеб в южных погостах Старорусского уезда оказался в их руках. Юхан Видекинд писал, что «*казаки, не спросив Великого князя, стали нападать на земли княжества*» (Новгородско-го — Я.Р.).

В сентябре 1613 г. по решению Боярской думы в поход на Новгород был направлен боярин Д.Т. Трубецкой. Передовой отряд его войска, состоящий в основном из казаков, по словам С.В. Бахрушина, «*людей с довольно тёмным прошлым*», возглавил Андрей Фёдорович Палицын. Этот помещик Деревской пятины был популярен среди казаков. К этому времени у него были свои счёты со шведско-новгородской администрацией. Современные исследователи Е.И. Кобзарева и А.А. Селин привели сведения о конфискации «изменничьих» поместий в Новгородской земле, в том числе и поместий Андрея Палицына в Сытинском и Лажинском погостах Деревской пятины. Эти конфискации были проведены ещё в ноябре 1611 г., через несколько месяцев после установления в Новгороде власти Делагарди-Одоевского. После обыска подьячим Постником Кувшиновым все «изменничьи поместья» Андрея Палицына за то, что «*он изменил, отъехал из Новгорода к Москве*», были конфискованы и уже в конце ноября 1611 г. переданы «*Пусторжевцу Петру Фёдорову сыну Лихареву и Деревской пятины Ивану Дмитриеву сыну Негодяеву*». Небольшая часть

* См.: Рабинович Я.Н. Старая Русса в первые годы Смуты на Севере // Чело [Альманах НовГУ]. № 2–3 (44–45). Великий Новгород, 2009. С. 46–51; Рабинович Я.Н. Старая Русса в первый год шведской оккупации (1611–1612 гг.) // Чело [Альманах НовГУ]. № 2–3 (47–48). Великий Новгород, 2010. С. 16–22.

отписного хлеба из поместья Андрея Палицына (6 четей) 13 декабря 1611 г. была передана его брату Семёну, который оставался в Новгороде при шведах.

О численном составе отряда Андрея Палицына и о ходе боевых действий в районе Старой Руссы мы имеем сведения как из шведских, так и из русских источников. 17 сентября Я. Делагарди написал комиссарам в Выборг, что несколько дней назад около 1500 казаков прибыли к Старой Руссе с намерением разрушить шанец, построенный по приказу шведского командования. Я. Делагарди вынужден был *«отправить туда большую часть имеющегося у него войска, чтобы нанести сильный удар по толпе шельм»*. В новом письме от 21 ноября шведский фельдмаршал с тревогой сообщал комиссарам, что уже 3000 казаков прибыли к Старой Руссе и в другие места и устроили крепкий острог, *«огородили себя палисадам»*. Я. Делагарди просил срочно прислать на помощь войска Йеспера Андерссона и Германа Врангеля, *«которые пристали к берегу в Финляндии, дабы шведское войско было собрано прежде, нежели неприятель мог на него нападать»*. Это письмо не попало по назначению, оно было перехвачено казаками (хранится в РГАДА). Наместник Нотебурга (Орешка) Ганс Бойе письмом от 5 декабря 1613 г. также сообщал канцлеру А. Оксеншерне, что у Руссы собралась *«толпа шельм»* и построила острог. В шведском источнике более позднего происхождения (письмо Я. Делагарди А. Оксеншерне от 7 мая 1616 г.) написано, что русские казаки даже захватили Старую Руссу, но вскоре отряд шведских рейтар снова разбил казаков и отнял захваченные колокола. Возможно, здесь также идёт речь о событиях конца 1613 г. Как отмечал Г.А. Замятин, *«на основании шведских источников нужно сделать заключение, что во 2-й половине 1613 г. под Старою Руссо началось сильное движение против шведов»*.

Из русских источников, позволяющих выяснить события начального этапа борьбы за Старую Руссу, особый интерес представляют три отписки Петра Андреевича Ногина из Старой Руссы в Новгород, датированные сентябрём 1613 г. Подробные сведения о биографии П.А. Ногина приведены в книге А.А. Селина. Пётр Ногин занимался сбором кормов и выдачей провианта шведским войскам. Седьмого сентября П. Ногин с товарищами поехал в ближайший к Старой Руссе Петровский погост. Недалеко от города в деревне «Горшково» сборщики встретили «воровских казаков», которые, как писал П. Ногин в своей отписке, *«за нами гоняли, и мы у них в Русу в посад едва утехали без седел»*. Место стоянки этого казачьего отряда, по словам П. Ногина, находилось *«на Ловати реке от Русы в саминатцати верстах»*. П. Ногин точно указывает погосты, которые уже в это время находились под контролем казаков: *«...старорусских погостов: Рамышевского, Черенчицкого, Коломенского, Воскресенского, Офрамовского, Должинского, Лоского погоста крестьяне в Русу не приезжают, и старорусские подъячие и розсыльщики погоста никаких для государевых дел и немецких кормов не выезжают, а владеют теми погосты воровские казаки... И в Снежской и в Дретенской и в Петровской погост казаки изгоном конные и пешие приходят же и крестьян мучат и грабят, а крестьяне от них избегают на лес»*. Таким образом, из Рамышевского, Черенчицкого, Коломенского, Воскресенского, Ефремовского, Должинского, Лоского погостов образовался район, освобождённый из-под власти шведов.

Во второй отписке, написанной до 14 сентября, П. Ногин повторяет, что казаки не дают ему возможности ни молотить хлеб, ни высылать его в Старую Руссу: *«... и воров казаки, приходя с Ловати реки и из Ратчи Старорусского уезда крестьян грабят и мучат, а ходят загонами Русы посаду версты за две и ближ и на посад зачастые»*. В третьей отписке П. Ногина, составленной до 27 сентября, говорится, что *«в Старорусской уезд приходили казаки войною многожда и в Русе на посаде стояли, а око(ло) русские крестьяне все бегали по лесом»*. Но, по словам П. Ногина, *«как немецкие люди пришли в Старую Русу, и казаки из Русы побежали»*. В другом документе прямо сказано, что казаки пришли в Старую Руссу *«во 121 году в августе, да и потом на посад приходили многожды»*. Таким образом, можно сделать вывод, что в сентябре 1613 г. казаки временно захватили посад Старой Руссы.

Г.А. Замятин писал: «О том, как составлялся отряд А.Ф. Палицына и из кого, мы ничего не знаем». Однако русские документы московских архивов, опубликованные более ста лет назад, позволяют уточнить состав отряда Андрея Палицына, который действовал в районе Старой Руссы. В этом отряде находились казачьи станицы атаманов Ивана Балаша, Бессона Гаврилова, Андрея Звенигородца, Мурзы Елисеева, а также другие отряды казаков. Среди них — казачий атаман Василий Савельев (был ранен, сбит с коня, под ним убито три лошади). Из других атаманов известны Богдан Пушин, Семён Долгов, Семён Балака, Яков Пешков и Ларя Долгов.

В самый начальный период борьбы за Старую Руссу здесь активно действовали казаки атамана Семёна Чепчугова. Они захватывали пленных, сопровождали их в Москву, получали награды за *«язычный привод»*. Казаки в качестве награды получали *«сукно и портище»* из Казённого приказа. Уже в ноябре 1613 г. в Москве получали награды *«за то, что присланы из-под Старой Русы с языки»* казаки станицы Семёна Чепчугова: Ивашка Скользиха, Тихон Григорьев, Ширий Михайлов, Осип Коростелев (1, 21 и 27 ноября). 15 декабря государево жалование *«за службу и за языки»* получил сам атаман Семён Чепчугов и казаки его станицы Петрушка Вологушин и Первушка Елагин.

В книгах разрядных приводятся сведения о количестве казаков осенью 1613 г. в войске Д.Т. Трубецкого (1045 человек, 11 атаманов со своими станицами). По-видимому, все они входили в отряд А.Ф. Палицына, направленный к Старой Руссе. В декабре 1613 г. из Москвы было послано государево жалование под Старую Руссу с Василием Аничковым казакам на 1086 человек. Казаки получили в качестве награды *«по золоченой новгородке»*. Сам Андрей Фёдорович в то время получал государево жалование 56 рублей. В дальнейшем, размер его жалования достигнет 130 рублей.

Источники, введённые в научный оборот в начале XX в. Л.М. Сухотиным, А.Н. Зерцаловым и С.Б. Веселовским, позволяют также определить имена многих служилых людей по отчеству, отличившихся в боях под Старой Руссой в отряде Андрея Палицына в 1613—1614 годы. В этом отряде находились многие новгородские дворяне, присягнувшие Михаилу Романову. Дворянский отряд возглавлял Григорий Ясницын (он был сотенным головой). У него *«были в сотне Деревской пятины Семей да Микифор Веревкин, Ржевы Володимировы Петр Обернибесов, старичанин Тимофей Муханов»*. Интересно, что в марте 1613 г. Григорий Андреевич Ясницын в Новгороде претендовал

на поместье отъехавшего в Осташков Сотника Верёвкина, а через полгода Рясницын и Верёвкины вместе сражаются против шведов. 25 мая 1614 г. Григорий Рясницын был пожалован в Москве «за службу, *полонное терпение и выход*». Вместе с ним были пожалованы новокрещен Давид Баранчев и Иван Назимов. Под «*полонным терпением*» следует подразумевать службу Новгородскому правительству.

Участниками боёв под Старой Руссой были также дворяне Деревской пятины Смирной Васильев Самарин, Кондратий Иванов Палицын. Все они получали жалование из Владимирской четверти. Некоторые дворяне, отличившиеся в боях под Старой Руссой, получали жалование из Галицкой четверти. Среди них — дворяне Деревской пятины Михайло Иванов Лопухин, Григорий Васильев Языков,

Сила Вишняков Ивков и ржевитин Иван Фёдоров Рябинин. С.В. Ивков, попавший в плен к шведам под Бронницами, был помещиком Сытинского и Лажинского погостов, как и Андрей Палицын.

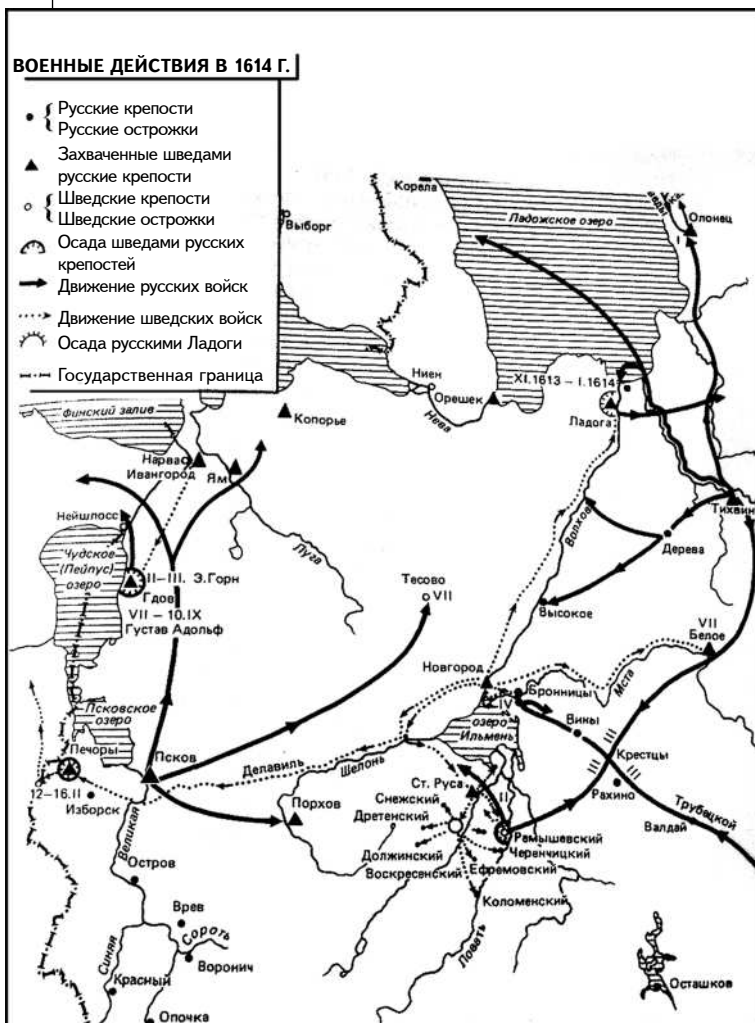
Захарий Дирин, Сила Ивков и некоторые другие помещики присоединились к отряду Палицына осенью 1613 г., вероятно, откликнувшись на призыв боярина Д.Т. Трубецкого. Ряд помещиков ещё зимой 1613 г. бежали в Осташков, их поместья уже в марте 1613 г. были конфискованы. Эти люди первыми влились в отряд Палицына. Помещики из Ржевы и Старицы могли прибыть к Андрею Палицыну позднее, вместе с воеводой Осипом Хлоповым.

По мнению Г.А. Замятина, движение против шведов у Старой Руссы поднято было сторонниками Москвы из местных жителей без воздействия из центра. Источники, имеющиеся в нашем распоряжении, не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть данный тезис. Однако уже осенью 1613 г. действиями отряда Андрея Палицына руководил московский воевода, боярин Д.Т. Трубецкой.

О том, кто мог вначале возглавить сопротивление шведам и новгородцам в Старой Руссе, можно строить различные предположения. Термином «казаки» шведы обозначали не только казаков, но и всех сторонников Михаила Романова из разных слоёв общества. Как писал Г.А. Замятин, «широкие массы населения Старорусского уезда страдали от непомерных поборов и бесчинств шведов оккупантов и новых землевладельцев; крестьянам ничего другого не оставалось, как бежать в другие места, либо брать за оружие». Среди недовольных был второй воевода Старой Руссы Смирной Елизарьев Отрепьев (один из новых помещиков Старорусского уезда). В начале 1613 г. Смирной Отрепьев договорился со Спасским монастырём, чтобы взять у монахов займы на семена 50 четей ржи. Так как зерно находилось в Новгороде, то бояре разрешили воеводе взять эту рожь из государевых житниц в Старой Руссе. Из отписок Петра Ногина видно, что урожай 1613 г. в Старорусском уезде новгородские власти так и не сумели собрать и вывезти. Известно также о конфликтах С. Отрепьева с первым воеводой Старой Руссы Андреем Шаховским. С. Отрепьев уже в 1613 г. перешёл на сторону Москвы. В конце 1613 г. мы видим Смирного Отрепьева воеводой Можайска (там же он умер в 1614 г.). Об обмене его жены Агафьи и её слуг на пленных шведов весной 1615 г. (а также ещё весной 1614 г.) велись переговоры между москвичами и шведами.

Недовольными могли быть стрельцы сотни Семого Бровцына, конные казаки атаманов Осипа Кокорева и Первуши Коновалова (47 человек), пешие казаки станицы Якова Гурьева Степанко Щербак «со товарищи» (31 человек), новокрещёные и татары Иван Муралев «со товарищи» (34 человек), ивангородские и копорские стрельцы (141 человек). Все они составляли в 1613 г. гарнизон Старой Руссы.

Известна челобитная пятидесятника московских стрельцов Семейки Назимова «со товарищи» (18 человек) о хлебном жаловании. Стрельцы писали, что их отправили на службу в Старую Руссу, они «наги и босы», а «женишка» их «помирают голодной смертью, пити и ести нечего».

Военные действия в 1614 г.

Захарий Фадеев Дирин, Филипп Нарманской, а также дворянин Шелонской пятины Иван Назимов. М.И. Лопухин, помещик Налюцкого погоста, ещё весной 1613 г. находился на службе в Новгороде, но уже летом 1613 г. Михаил Лопухин с сыном Прокопием перешёл на сторону Москвы, «изменили, ныне с воровскими казаки». 5 сентября 1613 г. «изменившие поместье» М.И. Лопухина было дано Ивану Посникову Карцову. З.Ф. Дирин попал в плен к шведам под Бронницами. И.О. Назимов в 1612 г. занимался обыском и переписью погостов Старорусского уезда. Из Костромской чети получали жалование дворянин Бежецкой пятины

Помещики Деревской пятины длительное время находились на службе в Старой Руссе вдали от своих семей: «...мы, государи, в Старой Руссе на службе живем и по ся мест без съезду; а поместыишки наши разорены от литовских людей, людишки и крестьянишки наши побиты, а иные в полон поиманы, а иные по лесам скитаются, умирают з голоду и с ознобы, а к нам, государи, ис поместыишок наши запасыишки привести некому, да и нечево, а поместыишка, государи, наши от Старые Русы удалили». Среди 14 помещиков, подписавших эту челобитную — Сила Ивков, вскоре перешедший на сторону Москвы.

Правительство Михаила Романова всеми мерами поддерживало это движение, начавшееся под Старой Руссой. Юхан Видекинд писал, что «казаки, разоряя все огнем и мечом, вынудили множество бояр искать убежища в Москве. С той же целью москвичи обнародовали постановление, обещающее прощение и помилование всем, кто пожелает присоединиться к казакам под Старой Руссой». Со слов Видекинды видно, что одной из целей московского правительства при отправке отряда Палицына к Старой Руссе было заставить новгородцев присягнуть Москве и способствовать бегству из Новгорода в московские полки всех недовольных оккупационным режимом.

Здесь речь идёт о грамоте воеводы Д.Т. Трубецкого к новгородцам, которая сохранилась в Шведском архиве. Воины Андрея Палицына, «государевы ратные люди», получили наказ оберегать новгородцев «от немецких людей и изменников», не чинить над ними «никакого насильства и грабежей».

Оборону Старой Руссы от казаков Андрея Палицына вначале осуществлял шведский отряд под командованием Франца Дюкера (Дейкера), которому помогал воевода Андрей Константинович Шаховской и Фёдор Витовтов. Интересно отметить, что некоторые из Палицыных находились в этом шведском отряде и воевали против своих родственников. Среди них — Дружина Савельев Палицын, которому новгородскими властями по верстанию 122 года (1613/1614) «справлен оклад из 450 четей в 500 четей», а затем за заслуги перед шведами даны дополнительные пожалования. Через год сын умершего Дружины Степан Палицын писал шведскому военачальнику: «...был, государь, отец мой на твоей государевой службе в Старой Руссе». Старорусские подьячие Григорий Нечаев, Алексей Степанов, Андрей Бадаков также остались верны правительству Делагарди-Одоевского. Они позднее писали, что не изменили, к казакам не побежали, а в дальнейшем приехали в Новгород со своими семьями. Оставались в Старой Руссе палач Куземка, пушкарь Михалко Харовин, винокур кабацкого двора Налучка, городовые воротники.

Шведский король Густав Адольф заранее предвидел, что вскоре должны начаться бои под Старой Руссой с москвичами. Поэтому он ещё 6 сентября 1613 г. писал Якобу Делагарди, что после завоевания Тихвина и Гдова необходимо разместить войско в Старой Руссе и других соседних городах и монастырях. В сентябре 1613 г. в Старую Руссу прибыл отряд Кнута Хоканссона Ханда, отправленный сначала под Гдов. Сохранилось письмо Кнута Ханда Я. Делагарди, написанное в сентябре 1613 г. П. Ногин в своей сентябрьской отписке сообщал, что после прихода шведских подкреплений «казаки из Русы побежали». Под давлением свежих шведских войск казаки вынуждены были оставить посад города и прекратить блокаду шведского острога Руссы.

По словам Видекинды, осенью 1613 г. Делагарди «выстроил также на подступах к Старой Руссе укрепление». Очевидно, здесь речь идёт о шведском острожке в Петровском погосте восточнее Старой Руссы. Так как все попытки взять это шведское укрепление были безуспешны, «неприятель стал в 4 милях оттуда, укрепив свой лагерь частотою, в надежде на скорое прибытие подкреплений». Это русское укрепление и есть знаменитый впоследствии Рамышевский острог. В декабре 1613 г. Фёдор Витовтов (названный в документе дьяком, а не подьячим) сообщал в Новгород, что «в Рамышевском погосте стоит Ондрей Палицын с казаки, от Русы дватцать верст». Казаки под Руссой переходят от наступления к обороне, но они продолжают совершать рейды к городу: «...из ближних деревень крестьяне и и посадские люди с посаду все разбежались, потому что из Рамышева в Старую Русу казаки на посад приходят по часы».

Осенью 1613 г. А.Ф. Палицын организовал партизанскую борьбу со шведами в Новгородском уезде. Пленные и перебежчики сообщали шведам о численности отряда А. Палицына в 2500—3000 человек. Почти половину этого отряда составляли местные жители, крестьяне окрестных погостов, которые «подались в казаки». Их не учитывали в Москве, когда отправляли в декабре 1613 г. наградные «золоченые новгородки» воинам Андрея Палицына на 1086 человек. По словам С.В. Бахрушина, «со своими небольшими силами он (Палицын — Я.Р.), конечно, не в состоянии был достигнуть крупных результатов, но, сидя в осаде в своем острожке, он мешал сношениям шведских воинских частей между собой». Борьба принимала всё более ожесточённый характер. Через год, в январе 1615 г., новгородские послы писали царю Михаилу, что казаки под Новгородом «чинили насильства и беды такие, что и бесермены не чинят». Опустошённые казаками Андрея Палицына окрестности Новгорода и Старой Руссы не в силах были прокормить шведское войско зимой. Шведы, которые хорошо знали обстановку в России, пугали новгородцев казачьими мятежами в случае перехода Новгорода под власть Михаила Фёдоровича.

Казаки Палицына взаимодействовали с другим отрядом Исаака Сунбулова, который находился в «укреплении на Московской дороге, в 20 милях от Новгорода». Кроме того, А.Ф. Палицын оказывал помощь Григорию Валуеву, направив к нему на помощь 400 своих казаков, которые помогли Валуеву удержаться в Невеле. В декабре 1613 г. казаки Палицына вместе с отрядом Валуева предприняли рейд в Литву и захватили литовские городки Улу и Овсей. Об этих успехах вестники-сеунщики Валуева сообщили боярам в Москве 25 января 1614 г. Через день, 27 января, в Москве были пожалованы «за язычный привод» новгородец Деревской пятины Иван Карцов и пять казаков разных станиц. Возможно, здесь речь идёт об Иване Посникове Карцове, который в сентябре 1613 г. получал поместье «изменника» М. Лопухина, а затем также перешёл на службу Михаилу Романову.

Этот рейд казаков Палицына в Литву вынудил поляков направить значительные силы во главе с Лисовским к Невелю (до 3000 чел.), вместо того, чтобы оказать помощь Смоленску, осаждённому войсками князя Д.М. Черкасского. Также активные действия А.Ф. Палицына отвлекли на время внимание шведов от Тихвина и Гдова, способствовали разгрому черкас под Олонцом в феврале — начале марта 1614 г.

В январе 1614 г. положение отряда Палицына резко ухудшилось. Шведы подтянули в этот район свежие силы. К концу 1613 г. вся военная сила шведов была сосредоточена у Новгорода. Эверт Горн писал 23 ноября Густаву Адольфу, что он отправляет из-под Гдова с войском полковника Мёнихгофена, а затем сам поедет «на почтовых в Новгород». В район Старой Руссы из-под Гдова одним из первых прибыл полк Самуила Коброна. Ранее казаки Палицына стояли по приставствам «в Черенчицком и в Коломенском и в Офремском и в Воскресенском и в Дре-тенском и в Снежском и в Лосском погосте». Теперь они вынуждены были отступить к Рамышевскому острожку. Шотландцы Коброна устроили острожек в семи верстах южнее Рамышева в Черенчицком погосте на реке Ловать, перерезав казакам дорогу на Торопец. Также шведы построили три других острога западнее Рамышева. А.Ф. Палицын в своём донесении указывал, что теперь продовольствие к казакам не поступает, сил для возвращения этих острожков не хватает, так как многие казаки от голода разбегались. Просьба Андрея Палицына о помощи в Рахин острог к Исааку Никитичу Сунбулову и Ивану Никифоровичу Давыдову оказалась безрезультатной. Палицын с трудом уговорил казаков «Оську Левина с товарищи» продержаться в Рамышеве до царского указа.

Е.И. Кобзарева нашла данный указ царя Михаила Фёдоровича. Царь счёл нужным отправить А. Палицыну и его товарищам специальную грамоту: «И детям боярским, и отоманом, и казаком, и всяким ратным людям, которые с тобой, да в острожку, (ты бы) говорил, чтоб они нам служили великим роденьем, сколько милосердый Бог помочи подаст. И мы тебя, и детей боярских, и отоманов, и казаков за вашу службу пожалуем».

О бедственном положении А.Ф. Палицын писал также воеводе Д.Т. Трубецкому. Получив это письмо, воевода прислал на помощь Андрею Палицыну небольшой отряд в 150 человек под командованием Осипа Хлопова. В этот отряд входили дворяне и дети боярские из Ржева и Старицы (38 человек), которыми командовали сотенные головы Тимофей Виселицын и Иван Моклоков, а также казаки разных станиц (87 человек) с одним атаманом. В Кормленной книге Галицкой четверти приведены имена некоторых из этих ржевичей и старичан, награждённых позднее за Рамышевскую службу. Кроме родственников сотенных голов (Андрей Исаев Виселицын, Фрол Иванов и Иван Данилов Моклоковы) здесь указаны ржевичи Василий Григорьев Кривской, Иван Иванов Озарьев, Иван Семёнов Пушкин, а также старичанин Степан Иванов Измайлов.

Воины Осипа Хлопова не привезли с собой продовольствия в Рамышевский острожек. Как писал А.Ф. Палицын в донесении, «нам от них помощи никакой, только нас оголодали, и мы с ними делимся... корму людского и конского взять негде, все отняли немецкие люди». Трудно сказать, как складывались отношения между этими двумя военачальниками, кто возглавлял этот объединённый отряд. В некоторых документах имя Хлопова стоит первым, а Палицына — вторым. Ситуация напоминала «Мангазейское дело» 1630—1631 гг. (конфликт двух воевод в Мангазее — Андрея Палицына и Григория Кокорева). Конфликт между Палицыным и Хлоповым в Рамышеве не успел разгореться в связи с начавшимся наступлением шведских войск в феврале 1614 года.

Разведчики, прибывшие из Старой Руссы, сообщили тревожные сведения о новых вражеских отрядах.

10 февраля лазутчик Кирилл Дрягов доложил Палицыну, что в Старую Руссу направляется с отрядом герцог Саксонский Юлий Генрих, который до этого безуспешно осаждал Гдов («немецкий курфюрст удельный князек»), а также полковник Юхан Мёнихгофен («полковник Еган»), в сентябре потерпевший поражение под Тихвином. Русские называли его сокращённо «Минхив» или «Милгаф». Кирилл Дрягов сам слышал как солдатам читали приказ идти штурмовать Рамышевский острог.

Чтобы запугать казаков Палицына, герцог Юлий накануне штурма устроил парад шведских наёмников, о котором позднее в Мангазее вспоминал сам Андрей Фёдорович. Говоря о своём недруге Кокореве, Андрей Палицын сравнивал его с саксонским герцогом: «...перед ним с пищалями и с саблями и со всяким оружием ходили, что перед курфюрстом немецким».

Спасти казаков в такой ситуации могло только чудо, казачья смекалка и организационный талант командира. Андрей Палицын не пал духом, а занялся деятельной подготовкой к отражению вражеского штурма. Шведы стояли перед русским укреплением на жестоком морозе под открытым небом в течение шести суток, обстреливали его калёными ядрами, но русские мгновенно тушили огонь мокрыми бычьими шкурами, которыми покрыли все свои укрепления, так что огненные ядра шведов не производили никакого вреда. Шведы предприняли штурм острожка, но, как писал в своём донесении герцог Юлий Генрих, укрепления русских у Старой Руссы оказались неприступны: полковник Мёнихгофен был отбит со значительным уроном — 50 человек шведов было зарублено, а Нильс Банер, командир личной хоругви короля, убит. Шведы не смогли даже вынести труп своего командира. Тело Банера казаки взяли с собой в острог.

Сведения об этом штурме Рамышевского острожка в Москве получили в марте 1614 г.: «...писали из Рамышевского острожка воеводы Осип Хлопов да Андрей Палицын: февраля в 16 день пришли под Рамышевский острожек из Новгорода немецкий удельный князец Арцы Фарсак (герцог Юлий Генрих — Я.Р.) со многими с немецкими людьми и к Рамышевскому острожку приступали 5 дней и 5 ночей жестокими приступы. И они, Осип и Андрей, и с ними ратные, на приступах с немецкими людьми бились и многих немец на приступах и на вылазках побили и в осаде отделились и приступные немецкие запасы поимали». По словам Г.А. Замятина, это был «крутой бой между русскими партизанами и шведами... высшая точка сопротивления русских шведам у Старой Руссы». О разгроме «удельного князька с товарищи, Великого князя Лифлянтские земли Юлия Ондревича» рассказывал воеводе Д.Т. Трубецкому новгородский посадский человек Иван Филатов Железников, прибывший из Новгорода в московские полки в начале марта 1614 г. По словам И. Филатова, «государевы люди под Рамышевским острожком многих немецких людей побили и поранили человек с восьмью; а сказывал ему, Ивану, про то Иван Оничков, что под Рамышевским острогом на приступе убили немецкого воеводу у пеших людей боярского сына, а имени ему не ведают». Судя по всему, решающие бои за Рамышево происходили 17–25 февраля. Главные силы шведов прибыли к Рамышеву 16 февраля, а уже в начале марта в Новгороде стало известно о поражении герцога Юлия Генриха.

О потерях шведов под Рамышевским острожком бояре в Москве узнали из расспросных речей языков,

захваченных в марте 1614 г. тихвинскими казаками станицы Ивана Микулина «за десять верст от Новгорода по Ладужской дороге». Этих языков 30 марта привели к боярину Д.Т. Трубецкому, после расспроса их сразу же отправили в Москву. Другие языки, захваченные казаками станицы Захария Яковлева, также сообщали о больших потерях в полках «Самойлы Кобрина и Ягана Милгава». Бояре также узнали, что «князек Акак Консен (герцог Юлий Генрих — **Я.Р.**) прибрал под свое знамя человек триста немец, а старых его людей побили под острожком». Якоб Делагарди вынужден был отправить «в Старую Руссу на прибавку» свою гвардию, «дворовых своих солдат при знамени», чтобы «Старорусским воеводкам всеми людьми идти в Рамышев острожек и пришед промышлять всякими мерами и острожек взять». Но казачья крепость оставалась неприступной.

В начале марта шведский командир «ротмистр Лоренц Иванович Вагнер» писал Андрею Палицыну из Старой Руссы «о размене немецких людей, которые побиты под острожком». По-видимому, после отъезда герцога Юлия Генриха Лоренц Вагнер стал главным шведским воеводой в Старой Руссе. Л. Вагнер предлагал в обмен на тело Нильса Банера отдать пленных казаков. 10 марта А.Ф. Палицын сообщил об этом воеводе Д.Т. Трубецкому, который передал шведские предложения боярам в Москву. Из Москвы последовало следующее указание, на которое ссылался воевода Д.Т. Трубецкой: «По государеву указу писали Вагнеру, чтобы он в обмен на тело дал князь Петрова сына Пронского князя Михайла», а также сыновей Томилы Луговского, Василия и Ефима Теленевых, детей боярских, атаманов и казаков. Перед этим Л. Вагнер и «гетман Юсты» (Юст Клодт, командир роты лейб-регимента Делагарди — **Я.Р.**) также писали о размене пленных, предлагая выкуп деньгами или отдать пленных казаков, «чтоб ратные люди с обеих сторон дома были». А.Ф. Палицын, со своей стороны, хотел обменять шведских пленных Рентебахера и Флемина на жену Смирного Отрепьева, но этот обмен по каким-то причинам в то время не состоялся. Получив донесение Палицына, бояре в Москве 21 марта написали ответ, в котором разрешили обменять тело Нильса Банера и других шведов на пленных русских — «как бы нашему делу было прибыльнее и лучше». Эти переговоры завершились уже после отъезда Андрея Палицына в Москву при новом начальнике Рамышевского острога Фёдоре Левашеве.

Из отписки Андрея Палицына царю Михаилу Фёдоровичу мы узнаём о новой победе казаков в марте 1614 года. Из Рамышева был отправлен отряд атамана Семёна Балаки в рейд к Новгороду. Между Старой Руссой и Новгородом казаки внезапно атаковали отряд шведов, многих побили и взяли в плен шесть человек. В этом деле отличились казаки Савелий Иванов и Никифор Константинов, которые были отправлены сеунщиками в Москву вместе с наиболее ценными «языками» (писарь Томас и Манц Михайлов). Их сопровождали для охраны казаки станиц Якова Пешкова и Семёна Долгова. Пятого апреля 1614 г. казакам «Микифору Константинову и Савке Иванову» были даны награды в Москве за «язычный привод». Накануне, 3 апреля, были награждены «Рамышевского острожка атаманы Мурза Елисеев с товарищи, 24 человека, за службу и за осадное сиденье».

Обо всех этих событиях кратко писал С.В. Бахрушин в одной фразе: «В марте 1614 г. он нанес серьёзное поражение шведам между Руссой и Новгородом». При этом

историк сделал ссылку на два документа, опубликованных в 1890 году Н.А. Поповым. Столь же кратко о боях под Старой Руссой пишет Е.И. Кобзарева: «Расчёты шведов заставить русских, которые укрепились в Старой Руссе и там остались без провианта и запасов воды, сдаться, не оправдались, русские получили подкрепление, в то время как шведы из-за недостатка одежды уже не выдерживали холода. Во второй половине февраля 1614 г. разгорелась борьба на подступах к Старой Руссе».

Тогда же, как отмечал С.В. Бахрушин, шведы убили брата Андрея Палицына. Позже Андрей Фёдорович писал царю: «...А брат, государь, мой родной, за твоё государское имя от Якова Понтусова по составам разрезан, а мертвое тело его брошено в Волхов». Сам А.Ф. Палицын в это время сидел в острожке, и «его добыть было не можно», иначе его постигла бы участь брата.

В Москве получили почти одновременно сведения из Тихвина от воеводы Фёдора Плещеева о разгроме черкас под Олонцом и от Осипа Хлопова и Андрея Палицына о победе под Рамышевым острожком. Было решено наградить участников этих событий. Правительство Михаила Романова высоко оценило заслуги А.Ф. Палицына и его людей в Рамышево. Из скудных сведений источников мы узнаём о составе отряда Палицына и Хлопова в это время и о наградах каждому из участников этих событий: «...Да с Москвы послано апреля в 14 день в Рамышевский острожек ратным людям, которые были с воеводой с Андреем Палицыным: Обезжм головам — 3 человекам... Дворянам и детям боярским разных городов, которые были в сотне, 30 человекам... Атаманам 12 человекам... Войсковым есаулам 8 человекам да станичным есаулам 11 человекам... Казакам разных станиц 1260 человекам... Всего послано ратным людям, которые были с Андреем Палицыным: 15 новгородок золотых, 49 московок золотых, 1260 новгородок золоченых».

В это же время (конец апреля — начало мая 1614 г.) сам Андрей Палицын находился уже в Москве и получал вместе с некоторыми своими соратниками награды в Разряде: «...За Рамышевское осадное сиденье дано государеву жалование золотых в Разряде: Воеводе Андрею Федорову сыну Палицыну золотой угорский. Голове сотенному Григорию Ресницыну золотой в четь золотого угорского. Были в сотне, Деревской пятине Семому да Микифору Вережкиным, Ржевы Володимировы Петру Обернибесову, старичанину Тимофею Муханову по московке золотой. Атаману Ларе Долгому в новгородки место 2 московки золотых». Кроме награды в виде «золотого угорского» Андрей Фёдорович получил годовое жалование за службу. В приходно-расходных книгах после записи за 28 апреля следует интересная запись: «Того же дни... государева жалование на нынешний на 122-й год Ондрию Федорову сыну Палицыну 130 рублей дано. Деньги взял сам». Причём денег во Владимирской четверти на тот момент не было, поэтому их пришлось 10 мая 1614 г. взять взаймы в Костромской четверти.

Некоторые соратники Андрея Фёдоровича в июле—августе 1614 г. получали в Москве жалование за службу: Г.А. Рясницын, С.В. Самарин, К.И. Палицын. В Приходно-расходных книгах записано: «Июля в 12 день... Деревской пятины Григорию Ондрееву сыну Рясницыну за Рамышевскую службу и за осадное сиденье придачи 7 руб. дано. Деньги взял сам... Августа в 16 день... Деревской пятины Смирному Васильеву сыну Самарину... 3 руб. дано... Кондратию Иванову сыну Палицыну... придачи 5 руб. дано. Взял сам».

Весной 1614 г. в районе Рамышево установилось относительно затишье. Теперь главные события происходили севернее — в районе Рахин острог-Вейны, а затем у Бронниц, куда из Торжка подошёл с войском боярин Д.Т. Трубецкой. Именно сюда были стянуты основные силы русских войск. По-видимому, основная часть отряда Палицына из-за трудностей с продовольствием и выполняя приказ Трубецкого, также была отправлена к Бронницам вместе с новым воеводой Фёдором Левашевым. Из-под Старой Руссы против войска боярина Д.Т. Трубецкого были отправлены шведские отряды Коброна и Мёнихгофена. Пленные шведы ещё в марте—апреле рассказывали, что раненных под Рамышевским острожком оставили в Новгороде, «а в то место Яков Пунтусов дал своих немец». Получив подкрепление, «Самойла Кобрин да Еган Милгава, а с ними французские и и швейские немцы... француз сто пеших, да солдат тысячи с две конных и пеших» примерно в середине апреля были отправлены «по Московской по большому дорожке к Вейскому острожку промышлять над государевыми людьми над Вейским острожком безвестно». После первых неудач шведы отступили к Бронницам. Известно о бое москвичей под командованием Исаака Погожева со шведскими частями «Самойла Кобрин да Минхава» 12 мая 1614 г. у Бронниц.

Трудно сказать, когда шведы установили контроль над Рамышевым. Возможно, какие-то небольшие отряды казаков продолжали держаться в своём укреплении ещё в мае—июле 1614 года. В это время жизнь в окрестностях Старой Руссы замерла. Посад города и многие погосты уезда обезлюдели, оставшиеся жители, кто не бежал к москвичам, эвакуировались в Новгород. Историк Русской Православной Церкви архимандрит Макарий писал, что в 1614 г. были разорены немцами и литовцами в Старой Руссе Знаменская, Петропавловская, Бориса и Глеба, Николая, Мининская и Дмитриевская церкви.

В мае 1614 г. Густав Адольф писал Я. Делагарди, что в связи с тем, что у Старой Руссы всё ещё стоят московские полки, нет оснований для заключения мира с Россией, хотя Государственный совет Швеции не желает продолжать войну. Скорее всего, сведения о «московских полках» у Старой Руссы в мае 1614 г. несколько преувеличены. Центром военных операций становится река Мста, Бронницы. Большинство Рамышевских сидельцев летом 1614 г. воевали под Новгородом, участвовали в боях под Бронницами и в «Новоселицком осадном сидении», часть воинов вместе со своим новым воеводой Фёдором Левашевым под Новоселищами попала в плен к шведам.

После поражения Д.Т. Трубецкого у Бронниц 14 июля 1614 г. инициатива перешла к шведам, угроза Новгороду была ликвидирована. Неизвестно, когда «русские укрепления у Старой Русы были сорваны», как пишет Е.И. Кобзарев. Осторожный в выводах С.В. Бахрушин отмечал: «...вероятно, в связи с отступлением Д.Т. Трубецкого из-под Бронниц должен был и Палицын покинуть свою позицию под Русой». Г.В. Форстен сообщал, что теперь ряд русских укреплений был прорван, так что шведы снова имели возможность свозить в Новгород припасы и корм из южных городов Новгородской области. Те из русских воинов, которые находились в Руссе, отступили оттуда, как только узнали о падении Бронниц. С этим мнением согласен и А.Л. Станиславский: «После поражения Трубецкого под Бронницами, русские гарнизоны оставили Старую Руссу и Порхов. Во время отступления к Торжку армия начала распадаться. Отряд А. Палицына,

отступивший из Рамышевского острога, тоже распался. Порхов всё время оставался в руках шведов, в данном случае автор допускает неточность. Говоря о «русском гарнизоне» в Старой Руссе, историк, скорее всего, имел в виду отряд А.Ф. Палицына в Рамышеве. Г.А. Замятин также считал, что после поражения у Бронниц в июле 1614 г. «военные действия у Старой Руссы приостанавливаются».

В конце августа 1614 г. мы снова видим Андрея Палицына в Москве. Теперь он получал лично от царя Михаила Фёдоровича высокую награду за осадное сидение в Рамышевском острожке, за то, что он «в Новгородском уезде немецких людей побивал». Из Книги сеунчей мы узнаём, что 1 сентября 1614 г. он был пожалован царём у стола бархатной шубой на соболях и серебряным ковшем: «...За Рамышевскую службу и за осадное сидение дано государеву жалование у стола Ондрию Палицыну шуба бархат бурской на соболах цена 54 рубли и 25 алтын, ковш серебрян, а в нем весу гривенка (два фунта) 26 золотников». Известно, что такой награды за пять лет завершающего этапа Смуты (1613–1618) удостоились всего около 30 человек. Это было пятое награждение при царе Михаиле Фёдоровиче. Ранее такие награды получили воеводы М.М. Бутурлин за взятие крепости Белая, В.И. Туренин за оборону Торопца, С.В. Прозоровский и Л.А. Вельяминов за «Тихвинское осадное сидение», А.М. Львов и П.И. Секирин за рейд в Литву.

Правительство Михаила Романова высоко оценило заслуги других защитников Рамышевского острожка. Ряд детей боярских Деревской пятины получили позднее приданки к поместным и денежным окладам за Рамышевское сидение. Среди них — Богдан Дирин, Григорий Языков, Мелентий Варакин. В Сысской десятне 1619 г. записано: «Дирин Богдан Давыдович. За Рамышево, за осадное сидение, как сидели в Рамышевском острожке от немец и за выход 100 чети, денег из чети 10 руб... Языков Григорий Васильевич. В 122 году за Карамышевское осадное сидение 50 чети, пущен в четь, денег из чети 5 руб... Варакин Мелентий Тараев. 124 г. За Карамышевское осадное сидение 50 ч., 2 руб». Попавшие в плен Софон Оклочиев и Сила Ивков позднее также были награждены: «Оклочиев Софон Васильевич. В 122 г. за Карамышевское осадное сидение и за немецкий полон — 50 ч., 5 руб. Ивков Сила Вешняков. В 122 г. за Карамышевское осадное сидение, за раны и немецкий полон — 100 ч., 6 руб».

В результате этих боёв Старорусский уезд летом 1614 г. был полностью разорён. Источники рисуют страшную картину запустения этих районов как летом 1614 г., так и через год, осенью 1615 г., когда здесь проезжали голландские дипломаты на переговоры в Дедерино. В августе 1614 г. о запустении погостов уезда писал сам Делагарди. В «Ромашевском, Черештинском, Коломенском, Офремовском погостах... от немецких и от воровских людей» были побиты многие крестьяне; некому было собирать урожай; из-за отсутствия крестьян шведам пришлось выделять для уборки хлеба своих людей «немец, сколько человек пригоже».

Г.А. Замятин так оценивал бой под Рамышевским острожком в феврале 1614 г. и в целом борьбу за Старую Руссу: «Какое значение имел бой под Рамышевским острогом в ходе борьбы русских со шведами в 1613–1614 гг., сказать трудно. Бесспорно, главными объектами борьбы в те годы были Новгород и Ладожское озеро. Считать сражение под Рамышевским острогом решающим нет оснований. Но этот бой, надо думать, значительно ослабил силы оккупантов. В то же время успешные действия русских

недалеко от Старой Руссы создали угрозу Новгороду. Наконец, бой свидетельствует о силе и стойкости отряда А. Палицына... Во второй половине 1613 г. и первой половине 1614 г. русские вели жестокую борьбу со шведами за освобождение Старой Руссы; одно время казакам даже удалось занять посад. Стоит подчеркнуть, что русские действуют против шведов под Старой Руссой независимо от армии Д. Трубецкого. В борьбу против шведов здесь были втянуты массы, почему борьба и приняла такой упорный характер. Эту борьбу позволительно назвать партизанской войной».

В целом, активные действия отряда Андрея Палицына в районе Рамышева на долгое время приковали к себе всё внимание шведского командования. Шведы не могли выделить крупные силы для наступления на Гдов и Псков-Печёрский монастырь. Поэтому все попытки Эверта Горна и Пьера Делавиля овладеть в феврале 1614 г. данными крепостями закончились провалом. Временно шведы вынуждены были отказаться от похода на Псков; псковичи получили некоторую передышку и сумели лучше подготовиться к отражению шведского наступления в 1615 г. Активные действия А.Ф. Палицына также отвлекли на время внимание шведов от Тихвина, способствовали разгрому черкас под Олонцом в феврале 1614 г.

Воевода Д.Т. Трубецкой не сумел воспользоваться благоприятным моментом: формирование его армии происходило медленными темпами, поэтому вместо наступления к Новгороду боярин Трубецкой вынужден был

зимовать в Торжке. На ближние подступы к Новгороду, в район Бронниц, войско Трубецкого вышло только в мае 1614 г., когда шведы уже сумели овладеть ситуацией.

Также активные действия отряда Палицына оказали влияние на ход боевых действий против Польши, едва не привели к освобождению Смоленска. Крупные силы поляков вместо того, чтобы идти деблокировать Смоленск, гарнизон которого едва держался, вынуждены были действовать в районе Невеля против отрядов Валуева, которому оказывал помощь Андрей Палицын. В итоге Смоленск едва не был взят москвичами, и лишь ошибки русского командования помогли полякам удержать город.

К сожалению, приведённые отрывочные сведения о событиях под Старой Руссой зимой 1614 г. не позволяют ответить на многие вопросы. Например, какие меры предпринимали воевода Старой Руссы при шведах князь Андрей Константинович Шаховской и новгородские дворяне, находящиеся на службе у шведов, по противодействию казакам Андрея Палицына; предпринимали ли казаки Палицына попытки захвата новой шведской крепости в самом городе; какие переговоры вели воеводы из войска Трубецкого Ратман Вельяминов, а также Андрей и Григорий Шаховские с их дядей, воеводой Старой Руссы А.К. Шаховским; при каких обстоятельствах произошёл уход казаков Андрея Палицына из-под Старой Руссы, Рамышевское и Карамышевское осадное сидение — это одно и то же действие по месту и времени или нет и т. д.

ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Источники

Документы Новгородского оккупационного архива (Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod). Serie 1, 2:

- Serie 1: 75. С. 1025–1029, 1030–1032, 1041–1049; Serie 1: 99. С. 671–680;

- Serie 2: 28. Л. 42, 43–46, 56, 57–59; Serie 2: 50. Л. 95 об.; Serie 2: 62. Л. 81, 97–99; Serie 2: 111. Л. 28–37; Serie 2: 112. Л. 13, 16; Serie 2: 152. Л. 2–13; Serie 2: 217. Л. 7–8; Serie 2: 271. Л. 21; Serie 2: 279. Л. 5 об.; Serie 2: 289. Л. 4, 27.

Лист воеводы кн. Д.Т. Трубецкого новгородским дворянам и всяким людям, извещающий о его походе на Новгород. Список. 1613, октября (?) // Riksarkivet, Stockholm. Militaria: 1287:13.

Акты Московского государства, изданные Академией Наук / под ред. Н.А. Попова. Т. 1. СПб., 1890. № 54. С. 87–88; № 61. С. 98–99; № 78. С. 115–118; № 512. С. 486.

Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. / Пер. А.В. Полторацкого // Сб. Новгородского общества любителей древности. Вып. 5. Новгород, 1911. № 9. С. 28–29; № 11. С. 34–35.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической Комиссией. СПб., 1846. Т. 2. № 12. С. 30; № 16. С. 35–36; № 19. С. 38–40.

Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Сост. и пред. Л.М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2.

Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 / Сост. С.Б. Веселовский // РИБ. Т. 28. М., 1912.

Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии. Т. 1. СПб., 1850.

Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 годов / Публ. А.Н. Зерцалов // РИБ. Т. 15. СПб., 1894;

Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. Книга сеунчей и документы Разрядного приказа о походе Лисовского. М.; Варшава. 1995. С. 24–25;

Разрядные книги 1598–1638 гг. / Сост. В.И. Буганов, Л.Ф. Кузьмина;

Отв. ред. В.И. Буганов. М. 1974. С. 260–262;

Приходно-расходные книги Казенного приказа // РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 182–201.

Сыскальная десятня о поместных и денежных окладах дворян и детей боярских. Деревская пятнина Новгородского уезда. 2 мая 1619 г. // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. М., 2003. № 135. С. 259–265.

Исследования

Бахрушин С.В. Андрей Федорович Палицын (Русский интеллигент XVII в.) // Сб. «Века». Пг., 1924. С. 85; Бахрушин С.В. Андрей Федорович Палицын // Бахрушин С.В. Научные труды. В IV-х т. Т. III. М., 1955.

Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / Перевод С.А. Аннинского, А.М. Александрова / Под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М., 2000.

Замятин Г.А. Очерки по истории борьбы русского народа против шведской интервенции в начале XVII века (Борьба за освобождение русских городов из-под власти шведов в 1613–1614 гг.). Очерк четвертый. Борьба русских партизан за Старую Руссу. Бой партизан со шведами под Рамышевским острожком.

Кобзарева Е.И. Новгородская земля и шведы в период Смуты XVII в. Дис. ... доктора истор. наук. М., 2006.

Кобзарева Е.И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005.

Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.

Курбатов О.А. Тихвинское осадное сидение. М., 2006.

Макарий, архимандрит. Церковно-историческое описание города Старой Руссы, содержащее в себе сведения о старорусских церквах, Спасском монастыре и духовном училище. Новгород, 1866. С. 8–36.

Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 106.

Фигаровский В.А. О грамоте новгородского правительства в Москву 1615 г. // НИС. Л., 1937. Вып. II. С. 76.

Форстен Г.В. Россия и Швеция в Смутное время // ЖМНП. 1889. Вып. II, X.

Т.А. Данько

ГОРОДСКИЕ ГОЛОВЫ НОВГОРОДА: из истории новгородского городского управления

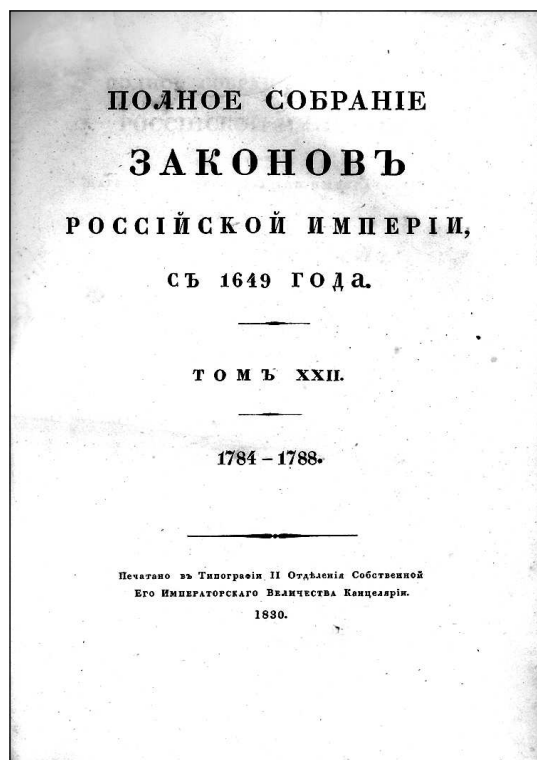
1785–1870 гг.

Актуальные проблемы развития и совершенствования местного самоуправления в современной России обращают к историческому опыту нашей страны. Городское управление, его структура, полномочия, функции были и остаются предметом изучения историков XIX–XXI вв.¹, в том числе и новгородских исследователей².

манифест «Об учреждении комиссии для составления проекта нового уложения». Согласно указу для связи с правительственной администрацией в комиссию от города избирался депутат — городской голова. Выборы его проходили на общем собрании горожан: избирали на двухлетний срок из мужчин, имеющих в городе недвижимость, ремесло или торговлю «небанкротный», «доброй совести и незазорного поведения»³.

Вероятно, именно такими качествами обладал новгородский купец 1-й гильдии и владелец кожевенной фабрики Семён Иванский (Иванский), занимавший должность городского головы на 1775 год⁴. На протяжении 25 лет он исполнял различные «общественные должности», в частности состоял членом губернского магистрата. В 1777 году Иванский просил об увольнении «по старости лет и слабости здоровья» с должности и по предписанию новгородского губернатора Ф.Н. Клички и наместника Новгородского и Тверского Я. Сиверса на собрании горожан объявил о сложении полномочий, организовал в декабре 1777 выборы нового городского головы⁵. Сменил его Яков Зарубежский (Зарубежский), новгородский купец 2-й гильдии, который был избран и приведён к присяге на следующие два года (1777–1779).

Результатом деятельности комиссии, куда избирались городские головы, стало обнародование «Жалованной грамоты на права и выгоды городам Российской империи» или Городового положения 1785 года (далее — Городовое положение). Согласно этому документу впервые в России город получал право юридического лица, а городской голова возглавлял городское управление. Все «городовые обыватели»⁶, объединялись в «общество градское», на собрании которого проходили выборы на общественные должности, в том числе городского головы, общей городской думы — распорядительного

Титульный лист
Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649–1825). Т. 22

С. 584

Деятельность городских управлений строилась в строгом соответствии с городскими положениями XVIII–XIX вв., при этом со стороны губернаторской власти осуществлялся обязательный в той или иной степени контроль. Законодательство определяло полномочия городских голов — руководителей городского управления, от личных качеств которых в определённой мере зависело состояние и благополучие города.

Появление должности городского головы в России связано с именем Екатерины II, которая в 1766 году подписала

органа местного управления, и, для решения практических вопросов, исполнительного — шестигласной думы, под председательством городского головы. После утверждения в должности он же организовывал и проводил собрания городского общества, имел право голоса, по «Учреждению для управления губерний 1775 года» являлся председателем сиротского суда, и срок службы в должности городского головы составлял три года⁷.

По Городовому положению думы и головы заведовали городским хозяйством и благоустройством, могли приобретать собственность, иметь доходы с имущества, собирать с населения специальные сборы⁸ и были обязаны «*доставлять жителям нужное пособие к их прокормлению, или содержанию; сохранять город от ссор и тяжб с окрестными городами или селениями; сохранять между жителями города мир, тишину и доброе согласие; посредством наблюдения и доброй веры и всякими позволенными способами поощрять привоз в город и продажу всего, что к благу и выгодам жителей могло служить; стараться к приращению городских доходов на пользу города*».

На протяжении действия Городового положения на должность головы Новгорода избирались исключительно новгородские купцы 1, 2 и 3 гильдий, именитые и почётные граждане. Это была наиболее зажиточная часть новгородского купечества. Городские головы Иван Фомич Сафьянников (1803, 1810–1812), Иван Андреевич Мошенников (январь–июль 1789, 1792), Андрей Кузьмич Панов (1795–1798, 1805–1807, 1816–1818, 1823–1825) торговали «мучным», «зерновым», «москательным», «сuroжским» товаром в собственных лавках внутри и вне Гостиного двора, владели домами деревянными и каменными двух- и одноэтажными, надворными постройками, фруктовыми садами. Сеть магазинов с товаром галантерейным, мануфактурным, писчебумажным, «лампово-посудным» и трактир держал с 1860-х годов Николай Сидорович Фёдоров (в должности головы 1869–1871 гг.); владелец свечного завода, на котором производилось 850 пудов восковых свечей в год, голова Алексей Петрович Зимин (1861 — янв. 1865) вёл торговлю ювелирными изделиями и церковными предметами⁹; поставщиком сырья, материалов и продовольствия для Новгородской адмиралтейской парусной фабрики в 1806 году был голова Александр Иванович Лухин¹⁰.

В ряде случаев городские головы для упрочения семейного бизнеса объявляли совместный гильдейский капитал с сыновьями или братьями. Так, на 1840 год купеческий капитал 2-й гильдии в 6 тыс. рублей объявили отец и сын — Степан Григорьевич и Александр Степанович

Соловьёвы (соответственно пребывавшие в должности головы в 1849–1852 и 1858–1861 гг.). На 1861 год голова города Павел Михайлович Кузнецов вёл совместное дело с отцом Михаилом Григорьевичем и дядей Андреем Григорьевичем — купцами 1-й гильдии, с гильдейским капиталом в 15 тыс. рублей.

Все городские головы без исключения имели опыт общественной службы: гостинодворными выборными, старостами, ратманами или бургомистрами городского или губернского магистратов.

В городские головы баллотировалось второе или третье поколение купеческих фамилий, которые имели постоянную торговлю, стабильный и достаточный доход, позволявший безвозмездно вести общественную работу — руководить городским хозяйством, без ущерба для собственного торгового дела. Складывались «династии» городских голов из наиболее известных новгородских фамилий: это Кузнецовы — Андрей Григорьевич и его племянник Павел Михайлович, Соловьёвы — Степан Григорьевич и его сын Александр Степанович (в XX в. третий представитель этой фамилии Александр Александрович так же был городским головой).

Некоторые из голов избирались на этот пост несколько раз: дважды В.В. Столпников (1789–1791, 1792–1795), И.Ф. Сафьянников (1803, 1810–1812), на три срока избирались А.К. Панов (1795–1798, 1805–1807, 1816–1818, 1823–1825), А.Г. Кузнецов (1825–1827, 1831–1834, 1839–1842).

Документы Государственного архива Новгородской области позволили установить возраст только некоторых из городских голов на момент их избрания: А.К. Панову было 30 лет, И.Ф. Сафьянникову и Н.С. Фёдорову — 44, И.Г. Селиверстову — 52.

В литературе и архивных документах не выявлены какие-либо сведения о месте обучения и образовательном уровне глав городского управления, за исключением информации о домашнем образовании головы П.М. Кузнецова. Однако

грамотное составление документов и ведение делопроизводства, знание статей законов, прежде всего Городового положения, способность вести торговые дела с прибылью, свидетельствуют об определённом и достаточном уровне знаний и образования. Несмотря на значительный штат канцелярии, городские головы самостоятельно составляли деловые бумаги, получали документы — «известия», предписания из канцелярии губернатора, присутственных мест, казённой палаты, вели переписку с управами ремесленной, мещанской, скрепляли подписью протоколы собраний новгородского общества.

338

ЦАРСТВОВАНИЕ ГОСУДАРЫНИ
1785

Кто будет Старостин, из техъ кто бы
далъ шестидесять, дакъ и въ военной
службѣ кто въ Препорученъ похвалены.

И пономѣ о дѣлахъ и поточнѣхъ снхъ въ
снхъ Именномъ указѣ 1724 года Генваря 31
числа не упомянута; Табеля же о рангахъ
1722 года Генваря 24 дня, коверъ 15 пу-
нта точно изъясняетъ снхъ славны: кото-
рыя въ рангахъ не изъ Дворянъ, оныхъ дѣти
не суть Дворяне. То имѣя въ виду, что
одной стороны личное несомненное по зако-
намъ Дворянство въ рангахъ находившихъ, а
съ другой сохраненіе почтеннаго Россій-
скаго Дворянскаго достоинства и состояній,
находясь за справедливо предписать и въ
снхъ службѣ поступать, какъ выше указано
въ пользу потомковъ личнаго Дворянства,
а именно: 1. Буде дѣда, отецъ и снхъ имѣ-
ли чины, приносящіе личное Дворянство: то
потомству ихъ дозволяется противъ Дворян-
ства действительнаго. 2. Буде отецъ и снхъ
имѣли чины, приносящіе личное Дворянство и
пробывали 20 лѣтъ въ службѣ безпрерывно: то
внуку дозволяется противъ Дворянства дей-
ствительнаго.

22. Въ Табелѣ о рангахъ 1722 года Ге-
нваря 24 дня въ концѣ 16 пункта записано
снхъ славны:

Въ Нашей службѣ обратившись чужестран-
ныя люди кобытъ или своимъ публичнымъ
свидѣтельствомъ отъ Правительнаго ихъ оче-
щества свое Дворянство и гербъ доназвать.

Въ утвержденіе всего вышесказаннаго, Мы
снхъ Нашу заповѣдную грамоту за права,
вольности и преимуществъ благородному Намъ
любимому подданному Россійскому Дво-
рянству, Нашею Собственною рукою подпи-
сали и Государственному Нашему печатю
утвердить повелѣли въ престолномъ Нашемъ
градѣ Санктъ Петра, Апрѣля 21 дня, въ
лѣто отъ Рождества Христова 1785, цар-
ствованіе же Наше въ двадцать третіе.

18187. — Апрель 24. Грамота на права и
выгоды городскимъ Россійской Имперіи.

Вопреку несомнительному имѣнію Мы
Екатерина Вторая, Императрица и Само-
держца Всероссийскаго, и проч., и проч.,

Съ самаго перваго основанія обществальнаго
познали истъ народы полныи и выгоды, отъ
устроения городовъ происходящія, не только
для гражданъ тѣхъ городовъ, но и для ок-
рестныхъ обитателей. Начиная отъ древности,
малою попоритою, встречали мы повсюду
память гражданъ, возмужавшихъ параллель съ
памятью Законодатель, и видѣли, что герои,
пробавши прославившись, тѣмъ же граждан-
ства дѣти безсмертіе имѣли своимъ.

Мы и тутъ не имѣли нужды искать примѣ-
ровъ чуждымъ: но заискуя оныя въ собствен-
ныхъ дѣлахъ отечества Нашего, находили, что
предки Россійскіе, Славяне, отъ самыхъ по-
дритовъ и самое казаніе свое получивши, гдѣ
только достала побѣдоносная рука ихъ, со-
ставляли славу свои соотечественникамъ, а не
памяти Законодателя, и видѣли, что герои,
пробавши прославившись, тѣмъ же граждан-
ства дѣти безсмертіе имѣли своимъ.

Полное собрание законовъ Российской имперіи.
Собрание (1649–1825). Т. 22. С. 358

В обязанности городского головы, которым на момент введения Городового положения в Новгороде был новгородский купец 2-й гильдии Иван Семёнович Пискулин, было составление обывательских книг¹¹. Не всегда процедура сбора этих данных в Новгороде была результативной: например, при проверке в 1796 году выяснилось, что бывший голова Афанасий Никифорович Мещовский пренебрегал своими обязанностями и сведения, поступающие от городских старост, не вносил в обывательскую книгу. В рапорте губернатору П.П. Митусову Мещовский, в оправдание своё, пояснял, что старосты подведомственны магистрату и он не мог «понуждать» их к исполнению обязанностей. Возможно, поэтому в 1797 году состоялся указ губернского правления, в котором городскому голове А.К. Панову предписывалось «к сочинению обывательской книги и форме её приложить всевозможное старание».

В мае 1786 года проходило, очевидно, первое собрание «общества градского», на котором согласно Городовому положению, были проведены выборы попечителя мер и весов, браковщика при Гостином дворе для определения качества товара, назначены торговые дни и две ежегодные ярмарки. В протоколе, скреплённом председателем собрания городским головой В.В. Столпниковым, зафиксирован пункт о предоставлении Новгороду жалованной грамоты с описанием герба и печати с его изображением¹².

Головы организовывали выборы на общественные должности: ратманов городского магистрата, гласных думы, городских голов, старост, словесных судей, смотрителей за торговлей, гостинодворными постройками и городскими пожарами, сверяли списки избирателей по обывательским книгам. В 1798 г. новгородский губернатор Митусов отправил на имя головы А.К. Панова предписание о Высочайшем императорском повелении по проведению выборов в шестигласную думу «без излишнего великолетия», к тому же «отправление, по окончанию выборов, ко Двору депутатов» императору было бы «неблагоугодно»¹³. Списки лиц, избранных в городское управление, в числе которых значился новый городской голова А.И. Лухин, направлялись на утверждение губернатору. После чего общественное управление принимало присягу в Знаменском соборе Новгорода. Таким образом скреплялось введение в должность.

Все стороны деятельности городского управления были подотчётны губернатору, прежде всего контроль за финансовой деятельностью. Головы предоставляли сведения о доходах и расходах города¹⁴, раскладке денежных повинностей, взыскании недоимок. На протяжении десятилетий доходно-расходные статьи практически не менялись, при этом, в силу недостаточного экономического развития Новгорода, источники доходов были слабы и немногочисленны. Доходная часть складывалась из сборов с принадлежащих городу торговых мест — лавок, складов, амбаров в Гостином дворе и земельных участков — пожен,

огородов. В оброчное содержание город отдавал перевозки через Волхов, рыбные ловли, пристани. По настоятельной рекомендации губернатора Н.П. Архарова на собрании купцов и мещан в 1789 году голова Дмитрий Щёколдин провёл выборы уполномоченных по ведению торгов от имени городского общества в казённой палате «на взятие питейных домов по Новгороду и уезду с 1791 по 1795 год». Уже в 1821 году поступления от содержателей трактиров стояли первыми в доходной части бюджета¹⁵. О скудости городских средств свидетельствует пункт в описи документов городской думы о существовании до 1830 года повинности, отменённой городским головой Егором Петровичем Кошкиным — сбора «с проезжающих разного рода звания людей в пользу города булыжного камня». В доходах города значились сборы от продажи торговых свидетельств и причисления в купечество, содержателей гостиниц, харчевен, публичного нотариуса, за клеймение мер

и весов, поступления от владельцев кирпичных заводов «на городских выгонах» (1820–1840-е гг.). Эти заводы строились на городской земле, поэтому процент с выработки поступал в казну либо в денежном выражении, либо в виде готовой продукции, которая использовалась для нужд Новгорода, на ремонт и строительство городских зданий. Городской голова Пётр

Новгород. Городская Дума и Городской Банк.

Иванович Денисов в 1851 году подписал документ об условиях выработки «кирпича лучшего обжигу и не менее как с 200 тыс. ежегодной выделки»¹⁶. Крайне незначительными были доходы с промыслов, которые на 1859 год состояли «в перевозке тяжести, в летнее время на мелких судах... а в зимнее на лошадях малой частью».

Расходные статьи предназначались, прежде всего, на жалование канцелярским служащим думы, городского магистрата, сиротского суда, словесным судьям. Значительная часть поступала на содержание полицейской и пожарной, с 1853 года, команд¹⁷, на ремонтные работы «принадлежащих городу мест» — Гостиного двора, дорог, мостовых, зданий, освещение города, на «устройство» церкви градских Успенской и Михайловской на Прусской улице. Город содержал учебные заведения, первым из которых было учреждённое в Новгороде в 1786 году народное училище, богадельни, назначал небольшие пособия призреваемым и малоимущим — «недостаточным» жителям. Были ещё прочие расходы: на организацию иллюминаций по случаю посещения города высочайшими особами, на приобретение портретов российских императоров.

Отсутствие стабильных и значительных источников денежных поступлений в казну вынуждало городских голов искать любые дополнительные доходы в рамках закона или обращаться за помощью и разъяснением к губернатору — хозяину губернии. С прошением снять или сократить расходы на содержание полиции в 1799 году от имени собрания городского общества голова А.И. Лухин обращался к губернатору П.П. Митусову, поскольку обременительным оказалось для города содержание полиции

в 12 тыс. рублей, при общем городском доходе 20 тыс. рублей¹⁸.

Попытка поднять экономический потенциал города предпринималась в 1820-е годы, когда по Высочайшему повелению был учреждён особый Комитет об устройстве города Новгорода под председательством губернатора¹⁹. Деятельность комитета проходила при непосредственном участии городского головы А.Г. Кузнецова. Новгородским «недостаточным обывателям... хорошего поведения» назначалась из государственной казны беспроцентная ссуда в 200 тыс. рублей для строительства домов. На городское управление была возложена проверка документов на предоставленные земельные участки. Но строительство Вишерского канала и железной дороги привело к обнищанию города, обесценило стоимость построек и лишило обывателей возможности выплатить ссуду. Продажа зданий, оставленных в залог по ссудам, разоряла обывателей и лишала их жилья. Поэтому в 1854 году голова С.Г. Соловьёв обратился к губернатору о частичном сложении недоимок с обывателей, которые «по бедности вполне этого заслуживают»²⁰.

Губернская администрация, осуществляя контроль за использованием городской казны, обнаруживала временами очевидные финансовые нарушения. Так случилось весной 1839 года, когда во время проверки вскрылись факты незаконного расходования городских денег, и губернатор отстранил городского голову Агафона Васильевича Баранова от должности на время проверки и расследования. Спустя год в марте 1840 года Баранов вместе с гласным Фуфрыгиным и письмоводителем Чукмасовым были уволены с должности за самовольное использование 40 тыс. рублей городских денег при строительстве корпуса городских Присутственных мест и Гостиного двора.

При постоянном недостатке и бедности доходов имели место случаи, когда городские головы вносили собственные средства на нужды Новгорода. Известным благотворителем был голова П.М. Кузнецов, неоднократно жертвовавший в заведения Приказа общественного

призрения: по 500 руб. на приобретение дома для детского приюта в Новгороде в 1853–1855 годах и на формирование государственного ополчения; икону Божией Матери и 880 руб. серебром на обмундирование 44 ратников в 1855 году. Иногда это были безвозмездные пожертвования, в других случаях деньги вносились с возвратом. Так, установку часов на здании городской думы в 1842 году оплатил голова А.Г. Кузнецов, на ремонт помещения для телеграфной станции в Новгороде в 1859 году деньги внес голова А.С. Соловьёв. С началом Отечественной войны 1812 года для сбора денег от новгородского купечества на содержание ополчения был избран комитет, которым деятельно руководил голова И.Ф. Сафьянников. Кроме того, он проводил сбор лошадей для армии, закупал телеги для подвижного артиллерийского магазина, рапортовал губернатору в декабре 1812 года о наборе в ополчение, предпринял меры по содержанию военнопленных французов и организовал захоронение умерших пленных.

Проведение рекрутских наборов в городе находилось в ведении голов. Они составляли списки мещан по призыву и списки купцов, вносивших, согласно повинности, деньги на обмундирование и содержание рекрутов. До учреждения квартирных комиссий головы занимались размещением воинских частей в городе, определяли квартиры и выдавали билеты для постоя военных²¹.

Городские головы по долгу службы, велению души и совести деятельно и плодотворно трудились в качестве попечителей городских учебных и богоугодных заведений. В губернском попечительстве детских приютов и почётным старшиной Николаевского детского приюта состоял голова А.П. Зимин, казначеем бесплатной детской больницы при Екатерининской общине местного управления Российского общества Красного Креста и попечителем Троицкой бесплатной школы (преобразованной в Троицкое мужское начальное училище) был Н.С. Фёдоров, Таировского богоугодного заведения — С.Г. Соловьёв, почётным членом Новгородского губернского попечительства детских приютов — П.М. Кузнецов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полная историография в кн. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума. 1863–1917. М., 1998. С. 306–315.

² Шумилов М.М. Новгородское городское самоуправление в 60–90-е гг. XIX века // Местное самоуправление в России: история и современность: матер. регион. научн.-практ. конф. Новгород, 1997. С. 25–30; Шумилов М.М. Местное самоуправление в России в 50-х — начале 80-х гг. XIX века. М., 1991; Денисова Л.В. Городские и посадские думы Новгородской и Псковской губерний в XVIII — третьей четверти XIX в. // НАВ. № 5. С. 300–310.

³ Бельдова М.В. Городской голова // Государственность России: словарь-справочник. М., 2005. С. 222.

⁴ Имена лиц, занимавших должность городского головы на протяжении 1766–1774 гг., не выявлены.

⁵ ГАНО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 79, 125. Слезкинская З.А. О торговой жизни Новгорода в XVIII веке // СНОЛД. Новгород, 1928. Вып. 9. С. 44–50. Матюшкин В. Воины огненной рати. История Новгородской пожарной охраны от древности до наших дней. Великий Новгород, 2001. С. 152.

⁶ Городовые обыватели подразделялись на шесть разрядов — сословий: «настоящие городские обыватели» — владельцы недвижимости; купцы трёх гильдий; цеховые ремесленники; иностранные и иногородние купцы; именитые горожане; посадские (с конца XVIII в. — мещане).

⁷ Бельдова М.В. Указ. соч. С. 222.

⁸ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 127.

⁹ Трифонова А.Н. Новгород первой половины — середины XIX в. глазами очевидцев // НАВ. № 5. Новгород, 2005. С. 23–24, 27, 31.

¹⁰ ГАНО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2.

¹¹ Обывательская книга состояла из 6 частей, в каждую из которых вносились сведения по шести разрядам — сословиям городских обывателей и перемещения из одного сословия в другое, данные об имущественном состоянии и семейном положении.

¹² ГАНО. Ф. 93. Оп. 3. Д. 88.

¹³ ГАНО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 90. Л. 7.

¹⁴ Экземпляр росписи городских доходов и расходов направлялся в Казённую палату.

¹⁵ ГАНО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 3, 10.

¹⁶ ГАНО. Ф. 93. Оп. 3. Д. 129.

¹⁷ До 1853 года обязанности пожарной команды обыватели города исполняли «по наряду». ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 12766.

¹⁸ ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 12766. Л. 85.

¹⁹ С 1843 года функции комитета перешли в ведение учреждённой губернской строительной комиссии.

²⁰ ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1545.

²¹ ГАНО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 8.

1911 год. XV археологический съезд. Материалы съезда были прекрасно изданы, и их большие тома сегодня можно найти в библиотеках. В то же время не осталась в стороне от этого события местная пресса, регулярно освещавшая подготовку к съезду и пристально следившая за ходом столь значимого форума.

Страницу за страницей перелистываем подшивку газеты «Новгородская жизнь» за 1911 год. Именно эта газета — независимый политический, общественный и литературный вестник — представляла публикации, дополняющие официальные, насыщенные впечатлениями и индивидуальной оценкой происходящего, с большим акцентом на местную оценку материалов съезда. Например, статьи А.И. Анисимова «Археологический фельетон», И.В. Аничкова «К деятельности Новгородского предварительного комитета XV Археологического съезда», хроники «К предстоящей археологической выставке», «Лекция А.И. Анисимова», «Открытие и работа съезда», Е. Псковитинова «Граффити в Софийском соборе» и ответ академика Д. Суслова в разделе «Письма в редакцию», корреспондентский отчет о заключительных днях съезда в статье З. Слезкинской «Три дня во Пскове», опубликованной в №№ 271, 272 газеты «Новгородская жизнь».

Что касается автора корреспонденции, то известно, что Зинаида Аркадьевна Слезкинская являлась сотрудником Санкт-Петербургских ведомостей. В 1908 г. по предложению В.А. Подобедова она была принята в члены-сотрудники Новгородского общества любителей древности (НОЛД).

Александр ОДИНОВ

Зинаида Слезкинская

ТРИ ДНЯ ВО ПСКОВЕ

Финалом нашего археологического съезда была поездка небольшой группы археологов, во главе с гр. П.С. Уваровой, во Псков. Проводы последних были очень скромны. Губернатор В.А. Лопухин, член Общества любителей древности И.А. Аничков, В.Л. Томановская собрались у вагона, где устроилась гр. Уварова; вагон членов экскурсии можно было найти с трудом. Новгородская дорога осталась верна себе и здесь. Членам экскурсии была предоставлена единственная льгота — уплатив за билет по тарифу III класса, ехать от Руссы до Пскова во II классе. Новгородский же вагончик III класса, грязный, маленький, нечто архаическое по внешности и по существу, где вплотную уместились наши гости, профессора и учёные, был смешон и жалок. Думается, что здесь была бы не лишней любезность дороги дать вагон II класса. Однако, так или иначе, экскурсия прибыла в Псков вечером 5 августа и, любезно встреченная представителями местного общества, во главе с предводителем дворянства Н.П. Лавриновским, разместилась в заранее приготовленных помещениях

в доме мужской гимназии и духовной семинарии, где поместились мужчины и в епархиальном училище, предоставленном для участниц экскурсии — дам. Впечатление ночи, проведённой под гостеприимным кровом Псковичей, было самое приятное. Мне пришлось слышать, что эта ночь была чуть ли не первой спокойной ночью. За все время съезда вспомнились ночные сцены в Новгороде, когда точно по мановению жезла зажигались свечи и начинался осмотр кроватей или усиленная пульверизация персидским порошком с предварительным исследованием матрасов. Теперь в идеальной чистой обстановке об этом вспоминалось легко.

В 1 час дня было назначено общее заседание членов археологического съезда, совместно с местным археологическим обществом. Изящная зала дворянского собрания, уставленная зеленью, лестница устланная коврами, любезное внимание при встрече прибывающих, всё это носило торжественный характер.

На заседании присутствовали предводитель дворянства, местный владыка Алексей, вице-губернатор,

секретарь общества Н.Ф. Окулич-Казарин, он же составитель спутника по Пскову и мн[огие] др[угие] представители местного общества. Председательствовала графиня П.С. Уварова. Предводитель дворянства, как председатель Псковского археологического общества, первый приветствовал прибывших «дорогих гостей», обращаясь к ним с призывом на общую борьбу за охрану русской старины, подобно тому, как сходились Новгородцы и Псковичи для борьбы с врагами Руси и своей независимости, хотя, вероятно из деликатности, он умолчал о тех исторических моментах, когда Новгород оставался равнодушным зрителем тяжёлой борьбы своего младшего брата с врагом. Графиня П.С. Уварова сообщила в кратких словах о работах съезда в Новгороде и передала высказанное съездом пожелание, чтобы будущий XVI съезд в 1914 г. был приурочен ко Пскову.

От лица съезда приветствовал профессор Д.И. Дмитриевский, начав свою речь девизом меча Всеволода Гавриила — «*hōpōget meim nemino dabo*» (чести своей никому не уступлю. — З.С.)!

Затем членами Псковского археологического общества была обрисована деятельность его с момента скромного зарождения — 60-е гг., до настоящего времени, когда она выражается в усердной борьбе за целостность своих памятников и специальным издании к XV съезду упомянутого мною «Спутника по древнему Пскову». Это изящно изданная книжка, художественно иллюстрированная, содержит в себе историю Пскова, его топографию, архитектуру в общих чертах и в частности описание церквей, монастырей, древлехрамисщ, башен, стен, старинных домов, замечательных окрестностей. Изложение книги литературное, живое, местами увлекательное.

После заседания в столовой собрания для гостей был роскошно сервирован завтрак. Живые цветы украшали столы и приборы, любезные хозяева были предупредительны, настроение создавалось весёлое, непринуждённое. После завтрака осматривались Поганкины Палаты, где помещается местный археологический музей. Интересное своей архитектурой, с узкими окнами-гусями, оно дышит какой-то неприступностью. По узкой каменной лестнице проникаешь во внутренность палат, напоминающих отчасти Новгородскую домовую церковь владыки во имя св. Иоанна Архиепископа. Тот же сводчатый потолок, украшенный орнаментами, но вместо белых, модных печей, видишь в палатах древние русские печи цветного изразца, сложенные из кафеля, сделанного по образцу найденных старинных изразцов. Коллекции музея аналогичны с коллекциями обычных древлехрамисщ: нумизматика, отдел раскопок, оружия, книг, рукописей, церковный отдел и т.п., но, как и в каждом древлехрамисще, есть, конечно, нечто своё особое, местное. На следующий день состоялась поездка членов, на специально зафрахтованном пароходе, в живописный Снеготорский монастырь, где

была главная военная квартира Густава Адольфа во время осады шведами Пскова. После обедни, отслуженной самолично, владыка Псковский Алексий произнёс тёплое, глубоко осмысленное слово о значении археологии в смысле изучения и охраны её памятников и о доблестном труде археологов. Осмотрев древний храм, полюбовавшись живописными окрестностями и выпив, на перепутье, чаю, в покоях владыки, экскурсия направилась снова к пароходу. Было снято несколько групп любителями фотографиями. Оживлённые беседы не умолкали. Наконец пароход снова двинулся в путь, направляясь к Псковскому озеру.

В поездке принял участие и владыка, производивший самое отрадное впечатление на своих собеседников, своей простотой в обращении и глубоким знанием жизни. Из высших местных представителей общества ещё от Пскова ехали с экскурсантами вице-губернатор, предводитель дворянства, директор гимназии.

Обильный завтрак, красоты берегов, ясная погода, царившее в каждом уголке парохода оживление, делали время незаметным. Впереди расстиралось чуть волнуемое ветерком озеро, с живописными островками на горизонте. Особенно выделялся на тёмном фоне воды обрывистый красный берег Талабского острова, с высокими деревьями на самом краю и рыбацким посёлком в глубине. Так же незаметно прошёл и обратный путь до Пскова. Затем следовал осмотр грандиозного здания Троицкого собора, высота которого доходит в куполе до 22 саж. Начало его существования относят ко временам княгини Ольги, 2-й половине X века. Последняя постройка после разрушения, но на старом основании, из тёсаной плиты, принадлежит XVII веку. Собор двурусный. Вверху самый храм с 6-ярусным иконостасом, обширный, светлый. В нём особое внимание было обращено на меч кн. Всеволода-Гавриила, висящий у его раки. Представляет интерес и ризница, где много предметов XVII века. Между прочим, там хранится посох, который «сряжень бысть замышлениемъ» Новгородского архиепископа Евфимия 1436 г. и претерпел несколько реставраций до 1691 года.

Внизу в подклети собора, представляющей громадной величины подвал, погребены псковские князья и иерархи. Там же устроена церковь во имя Серафима Саровского. На дворе висит било XVI века. Собор стоит в центре детинца. Кругом развалины башен, стен, остатки погребов, земляных валов. Всё дышит седой стариной.

После собора осматривался церковный музей — детище архиепископа Арсения. В нём много предметов интересных: кресты, антиминсы, апокалипсис XVII века с заставками, вышитые иконы, цепь из кафедрального собора, на которую сажали провинившееся духовенство, крест начала XVII века с надписью, гласящей, что проклят будет тот, кто его заложит или пропёт, выпуклые резные изображения Николы Можайского, Христа в гробнице

и т. п. В одной из витрин хранятся две подлинные рукописи А.С. Пушкина — стихотворение «К ней» («Она придет неслышима, незрима...»), за подписью «Ай-булат», и эпиграмма на Булгарина («Булгарин ваш поляк примерный...»).

На следующее утро состоялась, по почину Псковского археологического общества, панихида по умершем профессоре Д.Я. Самоквасове, в церкви Успения, в присутствии граф. П.С. Уваровой, местных представителей и экскурсантов — членов съезда.

До 3-х часов дня продолжался осмотр Пскова, под руководством неумолимых местных распорядителей, а затем поездка на лодках в Спасо-Мирожский монастырь и прощальный обед в дачной местности «Корытово».

Поездкой в монастырь руководил директор гимназии А.Г. Готлиб, предоставив лодки и гребцов гимназистов.

Мирожский монастырь своими фресками XII века напоминает фрески Спасо-Нередицкой церкви:

тот же характер, то же расположение, почти в том же порядке. Только свежий реставрированный вид их, да мраморный иконостас, неприятно режущие взгляд среди строгих рисунков Византии, отличает его от ветхой, запущенной, но строго стильной внутренней Нередицы.

Парадный обед в ресторане, на берегу реки Великой, с музыкой, шампанским, тостами, речами, затянулся очень долго. Псковичи прощались со своими гостями с надеждой встретить их у себя снова в 1914 году, на XVI съезде.

Суждено ли быть следующему съезду во Пскове, покажет время. Но, так или иначе, радушие и внимание псковичей-археологов к своим гостям оставило самое приятное впечатление.

*Печатается по изданию: Новгородская жизнь.
28, 31 августа 1911 (№ 271, 272).*

Подготовил к печати А.Н. Одинокоев

Съезд на страницах газеты «Новгородская жизнь» (1911 г.) представлен на сайте Новгородской областной универсальной научной библиотеки в проекте «Помануть дни древние и поучиться...». Желающим окунуться в атмосферу событий столетней давности достаточно набрать адрес НОУНБ в Интернете: www.reglib.natm.ru.

С 24 по 29 октября 2011 года в Великом Новгороде пройдет III (XIX) Всероссийский археологический съезд, посвященный 100-летию XV съезда и празднованию в 2012 году 1150-летия Российской Государственности.

Первый Всероссийский археологический съезд в Российской империи состоялся в 1869 году. Всего было организовано 16 съездов. В 2006 году традиция проведения подобных съездов как крупнейших форумов для обсуждения проблем археологической науки и древней национальной истории была возобновлена. Первый (XVII) съезд проходил в Новосибирске, второй (XVIII) в 2008 г. — проходил в Суздале, где и было принято решение о проведении III (XIX) съезда в Великом Новгороде. Он пройдет на базе Всероссийского курорта «Старая Русса». На предстоящем съезде, по словам новгородских археологов, планируется обсуждение актуальных вопросов археологической и исторической науки, проблем сохранения археологического наследия как части культурного наследия народов России, роли археологии в образовании, музейном строительстве, реставрации древних археологических памятников и многое другое.

Д.А. Михайлов

Дом в сельце Прошково под Боровичами

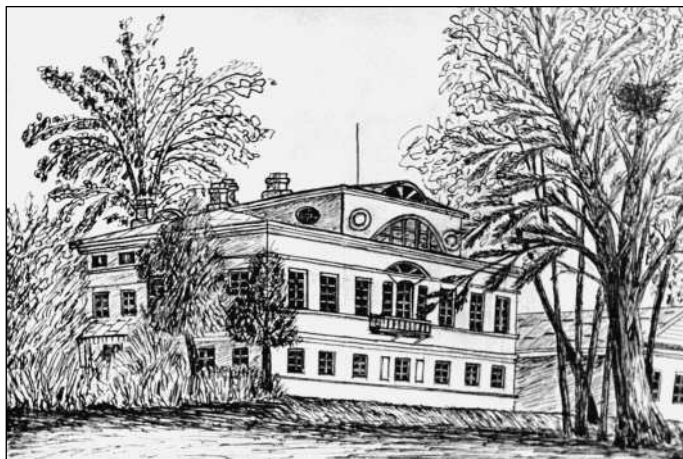
В небольшом сельце Прошково, находящемся в восьми километрах от Боровичей, стоит старинный двухэтажный дом с красивым бельведером, даже в наши дни своим видом напоминающий о былом великолепии. По сведениям, полученным нами из Краеведческого музея в Боровичах, этот дом до 1918 года принадлежал князю Оболенскому и был конфискован «за отсутствием владельца».

Прошло почти столетие, и в 2003 году Минералогический музей имени А.Е. Ферсмана Российской Академии наук опубликовал книгу «Неизвестный Ферсман», в которой приоткрывались некоторые подробности жизни этого замечательного учёного. После женитьбы в 1907 году на княжне Ольге Николаевне Оболенской Ферсман летние месяцы с 1911 по 1916 гг. проводил в имении Оболенских в сельце Прошково под Боровичами. О великом естествоиспытателе, путешественнике, геохимике и минералоге, академике Александре Евгеньевиче Ферсмане (1883—1945) в годы советской власти было опубликовано много книг и воспоминаний его современников. Однако ни в одной из публикаций ничего не сообщалось ни о его родителях, ни о его семье, ни о его пребывании в Прошкове, ограничивались указанием (без имён и дат), что «отец академика А.Е. Ферсмана по образованию был архитектором и служил одно время военным атташе и директором кадетского корпуса, а мать была образованной женщиной». А между тем, в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге находятся сведения о российском дворянском роде Ферсманов. Дед учёного Александр-Фридрих (Александр Фёдорович) Ферсман, выходец из дворян Лифляндской губернии, вступил в начале XIX века на военную службу и дослужился до чина генерал-майора. В Российском государственном военно-историческом архиве в Москве находятся послужные списки других офицеров из рода Ферсманов. Из этих материалов устанавливается, что на протяжении XIX и начала XX веков российские Ферсманы роднились с представителями других обрусевших немецких фамилий — Гасфордов, Веймарнов, Кесслеров, чьи заслуги также отмечены в истории России.

Из книги «Неизвестный Ферсман» узнаём, что «9 мая 1907 года в Александринской церкви Александровского

военного училища в Москве повенчаны лютеранин Александр Евгеньевич Ферсман, первым браком, с княжной Ольгой Николаевной Оболенской, православного вероисповедания». О семейной жизни академика А.Е. Ферсмана известно мало, и эти отрывочные сведения можно почерпнуть из сохранившихся в архивах писем и скупых рассказов потомков академика А.Е. Ферсмана. В настоящее время потомки академика А.Е. Ферсмана проживают в Санкт-Петербурге. Дочь петербуржца Владимира Евгеньевича Семёнова, с которым познакомился автор этой статьи, Елена Владимировна является женой Вадима Геннадиевича Ферсмана, правнука академика. Владимир Евгеньевич Семёнов, став близким родственником Ферсманов, занялся сбором сведений о роде Ферсманов, разузнал много ин-

тересных подробностей. Он сообщил, что от брака Александра Евгеньевича Ферсмана с княжной Ольгой Николаевной Оболенской в 1913 году родился сын Александр Александрович Ферсман (1913—1992). Он получил образование радиоинженера, находился в действующей армии во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., а после войны работал в Радиовом институте Академии наук, преподавал в Военной

Дом князя Оболенского. Рисунок.
Фонд Боровичского краеведческого музея

академии связи, Военно-морском училище и Горном институте. А.А. Ферсман был женат на Брониславе Антоновне Александрович, у них в 1941 году родился сын Геннадий. Геннадий Александрович Ферсман ныне является профессором петербургского Политехнического института. От брака Геннадия Александровича Ферсмана с Ириной Алексеевной Кнорре родились сын Вадим (в 1966 году) и дочь Елена (в 1978 году). От брака Вадима Геннадиевича Ферсмана с Еленой Владимировной Семёновой родилась дочь Ольга.

После такого экскурса в родословную Ферсманов вернёмся к объекту нашего рассказа: дому Оболенских в сельце Прошково. Был ли этот дом, архитектурный облик которого указывает на начало XIX века, приобретён Оболенскими или выстроен, установить не удалось. Как сказано в краеведческом сборнике «Боровичский край»: «...в с. Прошково существовало две церкви. Первая была построена в 1787 году тицанием помещика Ивана Васильевича Козлянинова. В том же году была освящена во имя

иконы Знамения Божией Матери. Имела один соименный престол. Вторая, кладбищенская, построенная в 1861 году, с одним престолом в память Преображения Господня. Обе церкви деревянные, с такими же колокольнями в одной связи, крыты железом, обшиты тесом и выкрашены масляной краской.

Храм во имя иконы Знамения Божией Матери был закрыт в 30-е годы XX века. Он утратил купол со световым барабаном и колокольню. Перестроенное церковное здание использовали под столовую, сельский клуб, склад.

Владельцами деревушки были построены дома для священно- и церковнослужителей. Приходу принадлежали семь приписных часовен и две школы: первая — при детской колонии в Прошкове, вторая — в д. Князево для приходящих. В приход входили 22 деревни, 502 дома, 1260 мужчин, 1290 женщин (на 1918 год). Близость к живописной местности Боровичского края по реке Мсте делала село Прошково привлекательным для дачной жизни».

Княжеский род Оболенских является одним из потомков легендарного князя Рюрика, его представители внесены в V часть дворянских родословных книг Калужской, Московской, Нижегородской, Пензенской, Самарской и Тульской губерний. По свидетельству российских генеалогов, «ни один род не выставил, по сравнению с ним, столько знаменитых деятелей на административном, так и, в особенности, на военном поприщах». Герб князей Оболенских внесён в российский «Общий гербовник». Об отце Ольги Николаевны Оболенской (1877—?) князе Николае Николаевиче Оболенском (1861—1933) известно, что он окончил Училище правоведения, служил в Сенате, перед революцией имел чин действительного статского советника, оказался в эмиграции и умер в Ницце. Мать Ольги Николаевны происходила из обрусевшего французского рода графов Тулуз-Лотрек. По некоторым сведениям, брак Александра Евгеньевича Ферсмана с Ольгой Николаевной Оболенской прервался в 1917 году, Ольга Николаевна эмигрировала, но в каком году — точных сведений нет. Как будто бы в эмиграции она была замужем за неким Г. Шишковским и скончалась в Сан-Паулу в Бразилии.

О посещении А.Е. Ферсманом Прошкова узнаём из его писем к близким. Он стал приезжать в имение родителей жены с лета 1911 года. Сохранилась главным образом переписка А.Е. Ферсмана с его учителем и другом академиком В.И. Вернадским. Из писем узнаём не только подробности пребывания Ферсмана в Прошкове, но и о взглядах учёных и отношении к тем событиям, которые происходили в России в первые десятилетия XX века. Эти «переломные» годы оказались судьбоносными для всех граждан нашей страны, и поэтому обмен мыслями двух великих учёных и через сто лет весьма интересен и поучителен.

В июне 1911 года Ферсман пишет В.И. Вернадскому: «...Сию по-прежнему в Москве и раз в две недели навещаю

жену в Новгородской губернии. Написал уже 5 глав диссертации... Писал ли я Вам, что своих шанявцев я послал по окрестностям Москвы, уже собрали весьма любопытные и совершенно новые вещи (коллоидальный фосфат окиси железа, палыгорскит и пилолит, новое месторождение аметиста)». «Шанявцами» Ферсман называет слушателей университета Шанявского. Народный университет Шанявского был создан в Москве в 1908 году на средства либерального деятеля народного образования А.Л. Шанявского (Ферсман преподавал, читал курс «Геохимия» после ухода из Московского университета — **Д.М.**). В следующем 1912 году в марте месяце Ферсман сообщает Вернадскому открыткой со станции Угловка, что «...сейчас едем... в имение жены». А летом Ферсман уехал на Урал для изучения минералогии Ильменских гор, но в конце июля он снова был в Прошкове. «...Здесь я немного занялся литературой, но больше сеном, покосами, хлебами, да овсом. Я написал

А.Е. Ферсман с женой О.Н. Ферсман, ур. Оболенской. 1907 г.

две заметки о Мурзинке и промысле драгоценных камней... Вопрос о падающей добыче уральских драгоценных камней должен быть поднят и должны быть найдены меры привести его в порядок и выяснить возможность его развития. По этому вопросу я обращусь в общество любителей в Екатеринбург с докладной запиской о необходимости чисто научного исследования этого вопроса. На этих днях пришлю на подпись 8 листов», — сообщает он в письме к Вернадскому. И далее

в следующем письме: «В Фергану ехать очень хочу... Сообщите, пожалуйста, ту общую литературу по истории края, которая была у Вас, когда Вы ехали в Фергану. Вчера послал Вам ещё четыре листа моей диссертации на подпись. Получил письмо от шанявцев, в Никитском в шахте нашли огромное количество палыгорскита, как пишут, редкой красоты и чистоты. Сергеев исследует ратовкит (флюорит — **Д.М.**) в Тверской губернии, он нашёл его огромные скопления. Он прекрасно и толково хочет обследовать весь горизонт ратовкита и с этой целью поехал в Каширу, Серпухов и другие места. Николаевский всё болеет, на будущей неделе он приедет сюда ко мне, где он должен изучить процессы окремнения каменноугольных известняков по реке Мсте. Жена шлёт привет, на днях пришлю Ниночке (дочери В.И. Вернадского — **Д.М.**) виды Урала собственной фабрикацией». В следующем письме из Прошкова Ферсман сообщает Вернадскому: «...Сейчас подписал к печати первый очерк по геохимии в „Природе“. Что такое минералогия? Одновременно кончил статью „За цветным камнем“ в „Природу“ и принялся за статью для „Русской Мысли“».

В августе того же года: «...Жалею, что Фергана расстроилась. Читали ли Вы о новой находке алмазов в Канаде? Очень рад, многое моё подтверждается...». В октябре Ферсман был в Петербурге: «...Сию на Женских Курсах. Приехал Орловский, привёз платину! Удивительно...». Уже из этих строк писем видно, что летний отдых А.Е. Ферсмана

в имении в Прошкове был насыщен и научной деятельностью, и интересом к исследованию других минералов в разных частях России, в том числе под Москвой и в Боровичском крае.

В июне 1913 года Ферсман сообщает из Прошкова Вернадскому: «...Уже неделя, как мы благополучно перебрались в имение, закончив все дела в Петербурге... Здесь я весь ушёл в ремонт зданий и построек только немного времени остаётся на минералогию. Хочу к осени закончить свою геохимию (листов на 20–25) — четыре главы уже кончил, хотя работы с ней ещё страшно много. Числа 22–23 думаю ехать с Борисом в Верхотурье. Пока не могу выработать Уральское маршрута, так как всё зависит от Ильменских гор и Кыржановского. По-видимому, придётся начать с севера, а не с юга, как я думал. Не помню, писал ли я Вам, что получил от Криштофовича лучший штуф псевдоморфоз кварца по апотиллиту, а также очень хорошие гипсы. Как раз получил от Криштофовича с просьбой прислать что-либо для журнала; я ему послал описание штуфа с измерениями, чертежами и литературой» (А.Н. Криштофович (1885–1943), палеоботаник, основатель научной школы, член-корреспондент Академии наук — Д.М.).

После посещения ряда геологических объектов на Урале Ферсман вернулся в Прошково и в августе писал Вернадскому: «...Эти дни немного экскурсировал по Мсте, но ничего интересного не обнаружил. Август выдался удивительный, хотя надо сказать, что и на Урале везло на редкость. Пальгорскиты мои, слава Богу, кончились печатанием, и я могу заняться своей геохимией. Написал статью для „Природы“ о происхождении изумрудов Таковой (весьма интересно) и вчера кончил статью для „Почвоведения“ о мутабельных соединениях. Относительно Мурзинки обещал написать предварительный отчёт в Екатеринбургское общество. Выводы о характере Уральских процессов меня очень сейчас занимают; боюсь, что увлекаюсь ими, хотя не знаю, с какой стороны их можно выразить».

Так выглядели летние месяцы Александра Евгеньевича, где хозяйственные дачные хлопоты перемежались с экспедиционными поездками, написанием научных работ и неперенных и частых писем Владимиру Ивановичу Вернадскому, к которому отписался не только с уважением, как к учёному, но и с большой любовью.

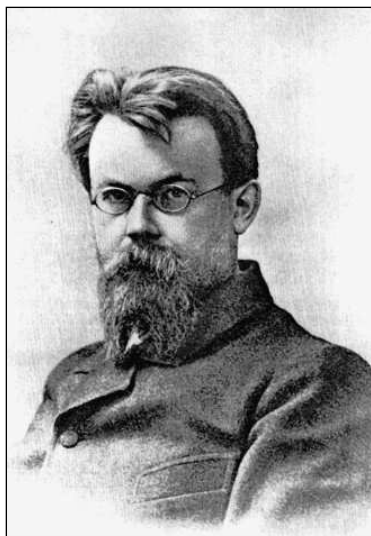
В декабре 1913 года Ферсман был в Крыму, где также занимался сбором и изучением минералов, а оттуда под Новый год уехал в Бобруйск навестить своего отца, который был переведён из Москвы в Бобруйск командиром дивизии. Небезынтересно упомянуть и об одной важной телеграмме, которую Ферсман послал в ноябре 1913 года академику В.И. Вернадскому: «Получен от министерства ответ о просьбой радиоактивной суммой полное сочувствие и немедленной разработки и внесения законопроекта в Думу». Здесь речь идёт об организации Вернадским исследований явлений по радиоактивности. До 1910 года в России не велось исследований по проблемам радиоактивности

из-за отсутствия лабораторной базы и радиогенных препаратов. В.И. Вернадский хлопотал перед правительством о выделении средств для приобретения препаратов радия. Первая лаборатория по изучению радиоактивности минеральных вод и почв была организована в 1910 году и создана «Радиевая» комиссия. А ещё раньше В.И. Вернадский направил в Академию наук «Записку о необходимости исследований радиоактивности минералов Российской империи». Для этого и нужны были соответствующие ассигнования, запрашиваемые в Думе.

Наступил 1914 год. Ферсман летом снова был на Урале и на короткое время приехал в Прошково: «...В деревне много работал и написал и значительно переработал статью „К геохимии Крыма“. Сейчас подробно показывал и рассказывал Мейстеру радиоактивные минералы». Как известно, в июле 1914 года разразилась Первая мировая война. Ферсман вернулся из Прошкова в Петербург. «...Провёл здесь пять дней и налаживал всякие дела... В городе здесь обычная жизнь и мало заметно о том, что разворачивается на западе. Отцу, вышедшему только что в отставку, не удалось вновь устроиться, и пока он взял на себя организацию „запасных“ и их семей. Подъём всюду большой, но русского характера — спокойный, серьёзный, сознательный. Завтра возвращаюсь в Боровичи...», — сообщал Ферсман Вернадскому. Летом 1915 года Александр Евгеньевич снова на короткое время приехал в Прошково. «...В Боровичах я две недели успешно кристаллизовал и получил явления индукции с большой простотой», — сообщал он. А затем вновь уехал на Урал: «...Грозы и дожди. Очень свежо. Сделал 200 вёрст на лошадях и изрядно устал... Не знаю, писал ли Вам, что материал, подобранный для меня Кыржановским Леонидом совершенно исключительный».

Такой образ жизни вёл молодой исследователь Александр Евгеньевич Ферсман. Из Петербурга, Москвы и Прошкова каждое лето совершал он экспедиции в разные концы России. И даже находясь на отдыхе в деревне, Ферсман не оставлял научную деятельность и не мог не интересоваться местной геологией и минералогией. Отец Александра Евгеньевича после отставки летние месяцы тоже проводил в имении жены своего сына. Находясь в Бурятии, Александр Евгеньевич отправил ему открытку: «Боровичи, Новгородская губ. Имение Прошково. Его Превосходительству Евгению Александровичу Ферсману. Селенга в 10 раз лучше Рейна и прекраснее Волги. Широкая, мощная с бесконечными плотами, высокими утёсами и скалами. Погода безумно благоприятствует: дождь идет, когда я в поезде, светло и ясно — когда на горах. Завтра надеюсь прибыть в Кяхту, если не станем на мель. Пароход с трудом борется с течением, и мы идём 10 верст в час. Навстречу плоты с чаем, кожами и скотом... 30 июля 1915 года...».

«1915 год, август... Боровичи. Дорогой Владимир Иванович! Усиленно экскурсировую в окрестностях Боровичей в связи с той горячкой поисков угля, которая охватила этот район. Я сделал очень интересные находки в одном угольном горизонте: вместе с колчеданом налёты

В.И. Вернадский. 1908 г.

и кристаллы свинцового блеска (свинцовый блеск — минерал галенит — Д.М.) в стволах каламитов и цинковой обманки в кристаллах, много разных типов колчедана с жеодами калцита, гипс, сульфаты и т.д. Жду завтра Сергеева для поисков ратовкита в долине Мсты, а также, чтобы проследить горизонт со свинцовым блеском, в котором я, конечно, жду серебра. Начавшиеся работы дают сейчас интересный материал и возможность сбора. Относительно слюды Саян послал данные в Военно-промышленный Комитет. Сейчас готовлю отчёт о летней поездке, и выясняется много интересного. Известите, когда будете в Петрограде. Денег я истратил 1500 рублей, осталось свободных столько же. Привет Ал. Ферсман».

Даже в этом коротком письме выражена вся страстная натура этого неутомимого исследователя и гражданина, великого минералога Александра Евгеньевича Ферсмана. Каменные угли Боровичского края были известны с XVIII века, когда Н.А. Львов, архитектор, учёный, изобретатель и драматург заинтересовался боровичским «земляным» углём и результат своих разработок изложил в «Записке» на имя Екатерины II «О свойстве, употреблении и пользе земляного Боровичского угля». Эти угли слабо калорийные, но в тяжёлые для России времена они оказывались полезными и в Первую мировую войну, и в Великую Отечественную войну, когда Донбасс оказался оккупированным.

В августе 1915 года А.Е. Ферсман получил от В.И. Вернадского из Петрограда телеграмму: *«Боровичи. Прошково. Ферсману. Хорошо бы Вам приехать. Вернадский»*. Эта телеграмма, вероятно, была связана с организацией при Академии наук постоянной Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). А.Е. Ферсман стал её учёным секретарём. В задачу Комиссии входила оценка возможностей использования различных минеральных залежей — железа, алюминия, цветных камней. С началом военных действий был создан Комитет военно-технической помощи, в котором была Комиссия по изучению минерального сырья, её возглавлял А.Е. Ферсман. Внимание Комиссии привлекли и каменные угли Боровичского района, как наиболее приближённые к Петрограду, над которым нависла угроза топливного голода. Этот уголь привозился в Петроград до окончания Гражданской войны.

1915 год, видимо, был последним, когда А.Е. Ферсман был в Прошкове. С начала 1916 года он посещал различные объекты минерального сырья в Тверской, Пермской, Елисаветпольской, Эриванской губерниях и в Крыму. Кроме того, Ферсман ещё успевал читать лекции в Высших географических курсах при почвенном Комитете. В октябре 1916 года А.Е. Ферсман был командирован на Юго-Западный фронт для выявления строительных материалов и для решения вопроса о защитных красках. Ферсман писал с фронта: *«Я не могу словами рассказать, что пережила батарея 7-й армии, где я находился, имея особое задание от Академии наук, какой ужас беспомощности, ужас голых рук охватил солдат перед необходимостью отхода с завоеванных кровью позиций»*. А в следующем письме: *«Сегодня снова я попал в боевую обстановку и это меня радует. Я должен сознаться, что в последнее время я сильно нервничал и был неудовлетворен своей работой. Не скрою, что твердо решил весной бросить все и пойти на фронт и надеюсь устроиться в химической команде. Это решение намечалось у меня уже давно и мешало даже работать. Я определенно не сочувствую сейчас какой-либо чисто научной отвлеченной работе, не сочувствую тому*

строительству, которое касается более или менее отдаленного будущего, и считаю положение слишком серьезным, чтобы думать о чем либо другом, чем о задачах момента...».

В феврале 1917 года Комитет военно-технической помощи командировал А.Е. Ферсмана для переговоров с Временным правительством или его представителями в Государственной Думе по организации гражданской милиции и военно-технической помощи. Физические и психологические нагрузки сказались на состоянии его здоровья, и из-за болезни Александр Евгеньевич в мае поехал в Крым в Симферополь, где находилась его семья.

Оба учёных — и Ферсман, и Вернадский, — испытывали в это трагическое для всей страны время глубокий душевный кризис. Вернадский, оказавшийся в 1919 году в Крыму, записал в своём Дневнике: *«...Сейчас здесь такое впечатление, что все уверены в том, что большевики займут Крым. Но когда? Никто этого не знает. Никто и сами добровольцы не верят в будущее. Позорное падение Новороссийска окончательно убило все ожидания. Позорный конец героических начинаний — даже в глазах сторонников Добровольческой Армии. Все было полно ошибок и узкой политики. Любопытно, что наряду с ожиданием здесь большевиков никто не верит в прочность их режима в России... Завтра еду в Симферополь. Начинается новый период жизни. Как долго и куда приведёт? Цель ясна: Лондон и Америка, но когда достигнут?»*.

Да, у Вернадского были мысли об эмиграции, но этого не случилось. И у Ферсмана, и у Вернадского, в силу их высокого патриотизма и приверженности к науке, последующие годы стали временем больших свершений. В.И. Вернадский организовал в Ленинграде Радиевый институт, явившийся центром исследований явлений радиоактивности в нашей стране, а у А.Е. Ферсмана были впереди замечательные экспедиции на Кольский полуостров, исследования минеральных богатств Хибин и фундаментальные труды по минералогии.

В места русской провинции постепенно возвращается не только память, но и уважение к нашей истории. Стараниями Благочинного округа архимандрита Ефрема и при помощи предприятий и частных лиц в декабре 1991 года в Прошкове были закончены ремонтные работы храма Божьей Матери. Церковь освящена в честь св. пророка Ильи, иконостас выполнен жителем села Миголощи Л.С. Ивановым.

Дом князя Оболенского в селе Прошково сейчас используется как Дом престарелых. Дом требует хотя бы элементарного ремонта и, конечно, должен иметь мемориальную доску, извещающую, что здесь в летние месяцы 1911–1916 гг. жил знаменитый естествоиспытатель, минералог, будущий академик Александр Евгеньевич Ферсман. Этим будет заполнена забытая страница жизни нашего выдающегося соотечественника.

ИСТОЧНИКИ

Неизвестный Ферсман. М., 2003.

Боровичский край. Краеведческий сборник. СПб., 2000. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 31. Д. 690. 1857 г. О дворянстве Ферсманов.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). [Послужные списки Ферсманов] Ф. 401. Оп. 8. Д. 456. Л. 189–194; Д. 564. Л. 130–137. Ф. 407. Д. 65. Л. 287; Д. 70. Л. 1672; Д. 36. Л. 1092.

КОСИНСКАЯ РЕДАКЦИЯ ЖИТИЯ ЕВФИМИЯ ВЯЖИЩСКОГО

В 2011 году исполняется 600 лет со времени первого упоминания (1411 г.) в письменных источниках Николо-Вяжищского монастыря. Здесь подвизался один из наиболее известных епископов новгородских — святитель Евфимий II (Вяжищский). Наш журнал публиковал немало материалов об этой значительной фигуре новгородской истории. Сегодня мы представляем редакцию Жития Евфимия Вяжищского, ранее не публиковавшуюся и мало известную широкому читателю.

«Косинской» редакция Жития Евфимия Вяжищского называется по месту вклада рукописи, в которой читается текст, — Косинскому Никольскому монастырю в Старой Руссе. Сборник текстов о новгородских святых и святых-нях создал в серед. 80-х гг. XVII в. новгородский книжник, подьячий Борис Яковлев сын Козынин. Ныне рукопись хранится в Российской национальной библиотеке, шифр Р.1.729¹. Это редкий случай, когда мы знаем не только имя создателя сборника (по нашему предположению, и составителя многих из нескольких десятков текстов, в него входящих), но и точное время и место вклада рукописи — 21 мая 1687 г., о чём говорится во вкладной записи на л. 1 рукописи. Двумя годами ранее, в марте 1685 г., Борис Козынин совершил вклад в другую церковь — Михаила Архангела на Прусской улице, в виде созданной им рукописи, содержащей службу и Житие Трёх отроков и пророка Даниила². Существовала как минимум ещё одна рукопись, принадлежавшая перу новгородского книжника, в которой находились Житие и служба Борису и Глебу (эта рукопись была вкладом Бориса Козынина в церковь Бориса и Глеба на Запольской улице), но она не сохранилась, а известна по описанию арх. Макария³.

Биографические данные о Борисе Козыни-не крайне скудны. Мы знаем о нём по вкладным записям созданных им рукописей, а также из записи в синодике Сыркова монастыря из собрания Новгородского музея⁴: в ней упоминаются родственники Бориса Козынина, вписанные в синодик, по-видимому, ещё при жизни подьячего (и, возможно, за несохранившийся вклад и в эту обитель): «Род новгородского подьячего Бориса Яковлева сына Козынина...» (л. 120об.) (далее перечисляются имена его родственников, которые известны нам по вкладным записям обеих рукописей Бориса Козынина), а ниже читается дополнение другим почерком и чернилами — «Евфимии младенца, Бориса», — сделанное, судя по всему, уже после смерти подьячего.

Имя Бориса Козынина упоминается в переписной книге Новгорода Великого 1678 г.,

вместе «з братом Нефедьем»⁵, а также в Описи имущества новгородских церквей: Борис Козынин был одним из справщиков списка с грамоты вел. кн. Алексея Михайловича о построении церкви Екатерины великомученицы⁶.

В научный оборот не введены недавно обнаруженные И.Ю. Анкудиновым документы из собрания РГАДА,

Церковь Евфимия в Косинском Никольском монастыре. Деревня Косино, Старорусский район Новгородской области

в которых упоминается имя Бориса Козынина уже после смерти подьячего⁷. В фонде Новгородской приказной палаты хранится запрос новгородцев *«Бориски Прозоровского со товарищи»*, посланный в Москву думному дяку Емельяну Украинцеву с просьбой разрешить ситуацию с долгом Бориса Козынина, оставшимся после смерти подьячего и лежащим теперь на его вдове Агафье (запись датирована 1692 г.)⁸. Из записи в другом документе (1691 г.) узнаём, что Борис Козынин сидел *«в Приказной полате в Денежном столе в подьячих многие годы»*, и после его смерти в 1689 г. за ним числилась недоплата *«начетных денег»*, выплатить которые вдова Агафья была не в состоянии, поскольку питалась *«по миру Христовым имянем»*⁹.

Немногие биографические сведения о Борисе Козынине восполняются достаточно большим письменным его наследием. Новгородский книжник создал новые варианты нескольких десятков из известных нам текстов о новгородских святых и святынях. Все три из дошедших до нас рукописей, созданные Борисом Козыниным, значительны по своему содержанию и, судя по имеющимся письменным источникам, являлись важным событием в литературной жизни Новгорода и его окрестностей.

Исследователи не очень высоко оценивают литературное мастерство Бориса Козынина, отказывая ему в изысканности слога, самостоятельности в создании новых редакций произведений, аккуратности в обращении с источниками. При этом главным для новгородского книжника становится краткость, высокая фактографичность, достигаемая за счёт привлечения дополнительных источников, внимание к событийной стороне повествования — то, что становится важными чертами всей древнерусской книжности XVII в. Если рассматривать творчество Бориса Козынина как краеведческий труд, в котором книжник попытался собрать всё, что было ему известно о примечательных лицах и событиях родной земли, труд этот оказывается важной вехой в заключительном этапе литературы древнего Новгорода.

Житие Евфимия Вяжищского, созданное Борисом Козыниным, написано в свойственной книжнику краткой, деловой манере, с исключением всех риторических отступлений, художественных распространений текста-источника. Борис Козынин даже не уточняет многих фактических деталей, как будто рассчитывая,

что новгородцам они хорошо известны. Многие события, известные нам по другим редакциям Жития, он лишь обозначает упоминанием одной фразой или кратким пересказом. До Бориса Козынина существовало не менее двух редакций Жития Евфимия Вяжищского (первое Житие святителя создал известный агиограф и гимнограф Пахомий Логофет по настоянию преемника Евфимия, владыки Ионы)¹⁰. Новгородский книжник создаёт свою редакцию Жития святителя, в которой, в отличие от предыдущих, наблюдается не только стилистическая переработка, сжатие повествовательной части, но и использование других источников для наиболее полного освещения деятельности епископа. Таких дополнений в тексте Бориса Козынина насчитывается не менее пяти. Это упоминание о посещении Евфимием Клопского монастыря и о проречении Михаила о рукоположении Евфимия в Смоленске (почерпнуто из Жития Михаила Клопского¹¹), о видении Евфимию архиепископа Иоанна и о решении праздновать память новгородским святителям (из Жития Иоанна Новгородского¹²), о явлении Евфимию мощей Варлаама Хутынского (из Жития Варлаама¹³). Житие Арсения Коневского послужило источником известия о даровании Евфимием белого клобука Арсению Коневскому при посещении святителем Коневецкого монастыря¹⁴. В Житие Евфимия Борис Козынин включает также эпизод о некоем незаконном браке, который отказался освящать Евфимий (книжник не называет имён участников события и не указывает его подробностей; ни в одном из известных нам источников о Евфимии II указания на подобный факт времени его владычества нет, источник известия установить не удаётся).

Судя по всему, в распоряжении Бориса Козынина была та редакция Жития Евфимия, что включала шесть посмертных чудес епископа (эта редакция Жития вошла в Великие Минеи Четьи Макария), упоминаний о других пяти чудесах, добавленных в позднее время, у новгородского книжника нет. Привлечение новых источников для пополнения сведений о Евфимии Вяжищском, деловитый характер стилистического оформления, критический взгляд на используемый текст, обращение к местным темам в целях сохранения областной культуры, становившейся провинциальной, — таковы черты Косинской редакции Жития Евфимия, отражающей процессы, характерные для развития местных и общерусской литератур второй половины XVII в.

В той же день иже от жития слово и о чудесех иже во святых отца нашего Евфимия архиепископа Новгородскаго, чудотворца*.

Сей иже во святых отецъ нашъ Евфимий рождение и воспитание имѣя в славномъ и великомъ Новѣградѣ. Отца именемъ Мнѣхъ, слугителя церкви святаго великомученика Феодора Стратилата. Матери же святаго имя бѣ Анна. Иже живяста по закону Господню, но чад не имѣяста, и о сем немало печаловастася. Единою же внидоша в церковь

Господню и молитву прилѣжну приношаху предъ образомъ Пресвятыя Богородицы и Господа нашего Иисуса Христа о чадородии. И овещание полагаху, глаголюще: «Пресвятая Владычице Богородице! Егоже милостию сына своего даруеши намъ родити, сего принесемъ в даръ Тебѣ и сыну Твоему, даровавшему є».

Господь же не презрѣ моления єю и дарова и зачати и родити сего священнаго отрока. Еще же младенцу сему в пеленахъ сущу, во святемъ крещении Иоанну, принесоша и родители его в церковь, идѣже о немъ моляхуся, и положиша его предъ онѣмъ образомъ Пресвятыя Богородицы, // л. 164 об. глаголюще: «Се, царице и Владычице, егоже Ты даровала єси намъ, сего Тебѣ приношаемъ. И еже во

* Л. 164–167.

в печали изрекоста уста наша, сия Тевѣ радостно воздаваем, яко Царицѣ и Владычицѣ. Ты же соволюди его, якоже восхощеши!» И по сем отнесоста его, яко младенца суща, в дом свой. И питаста его во всяком благочестии и разумѣ. Нанпаче же оствняше его благодать Божия.

По времени же вдан бѣ в научение грамоте и вскорѣ извыче. Дѣтских же обычаевъ и пустошныхъ игръ отнюд гнѣшашеся.

Достигшѣ же ему возраста своего пятнадцатилѣтѣ, искаше времени, како бы в монашеский чин ему обещанся.

В то же время многа два, Евфросинъ и Игнатий, имѣше с собою третия брата, Галактиона именемъ, удаляющеся мира и нищѣ безмолвия, обрѣтоша вселение севѣ мѣсто нѣкое, зовомое Вяжищо, имѣюще лѣсъ и влата. И слышаша тѣ благоухание нѣкое и возмнѣша непростѣ вещь быти и вселеншася тѣ, водрузивше // л. 165 часовню во имя великаго архiereя Николая чудотворца и келию поставиша. К ним же прииде тѣ сожителствовати священноинокъ нѣкий именем Пимин. И тогда создаша церковь деревянѣ во имя того же святителя и чудотворца Николая.

И начаша многия напасти претерпѣвати отъ близ живущаго тѣ нѣкоего велможи. Святый же Николае защити ихъ. Роди бо ся велможи оному на нозѣ его струпѣ золь, от негоже много страдаше. И авие воспомянувъ свое согрѣшение, нача молитися святителю Николаю о исцѣлении своемъ, и тѣ скоро исцѣление получи. И прешед в монастырь той к монахомъ онѣмъ и помолвися святителю Николаю и предаде имъ село свое на устроение монастыря, иже сѣтъ и донныне близ монастыря онаго. И оттолѣ начатъ монастырь той распространятися и множитися, и прежепомянутый Пимин бысть тѣ игуменомъ. По смотренню же Божию бысть тѣ пришедшѣ святому семѣ отроку // л. 165 об. Иоанну и просящѣ ангельскаго образа, еже и получи отъ тѣ сущаго игумена Пимина, и наречен бѣ в монашескомъ чинѣ Евфимий. И начатъ жити праведно и богоугодно. Постомъ же и молитвою всѣхъ превосхождаше.

Слышано же бысть добродѣтельное житие святаго Симеону, тогда сѣщемѣ архиепископѣ, и взятъ его в дом святыхъ Софий. И предаде ему сокровищное хранение в соблюденіе, еже звирати и растачати церковная стяжания¹⁵. И потомъ поставленъ бысть святый игуменомъ в монастырь Пресвятыя Богородицы, иже на Лисичьихъ горѣхъ именѣмъ, после Симеона архиепископа сшедъ с казначейства дому святыхъ Софий и живяи бѣяше в Фѣтынскомъ монастырѣ, оттѣду бо поставленъ во игумены архиепископомъ Евфимиемъ. По преставленіи же архиепископа Евфимия всѣми людьми Великаго Новаграда и причтомъ нареченъ бѣ на архиепископство Великаго Новаграда по жребию и возведенъ. Рукоположенію же святительства немало время не сподовися, понеже не быше тогда митрополита в Русей земли. // л. 166.

Обычай же бѣ святому Евфимію посѣщати святыхъ обители и сущію в нихъ братію питати брашны и питии в доволство. Тако же ему вывшѣ сего ради и во обители Пресвятыя Троицы, иже

на Клопскѣ нарицаемой. Живѣ убо тогда сущѣ святопочившемѣ преподобномѣ Мѣхилу, иже Христа ради юродствующемѣ. Ему же рече святый Евфиміе: «Моли, отче Мѣхиле, о мнѣ Бога, да получю дар рукоположенія святительскаго». Понеже бо святый еще не поставленъ быше во архиепископы, токмо нареченъ и в дом архiereйскій возведенъ и вся архiereйская в сѣдѣхъ управляя, кромѣ священства. Преподобный же Мѣхилъ, яко похабъ ся творя, исторгъ ѣ святаго Евфимія убрѣсецъ изъ рукѣ и возложъ на главѣ свою, рече: «Къ Смоленскѣ граду отидеши, и тамо архиепископѣ поставленъ будеши». Ежѣ и бысть по единомъ лѣте прореченія святаго. Превывающѣ убо тамо Герасимѣ, митрополитѣ всеа Руси. Отиде тамо святый и поставленъ во архиепископство пріятъ. // л. 166 об. И пришедъ в Великий Новгородъ, многі труды и подвиги показа, еже во учениихъ нелѣнностное и в законѣхъ Господнихъ непрестѣнное и в правилныхъ запрещенныхъ исправительное.

Нѣкогда бо при немъ беззаконномѣ браку совещанѣ бывшѣ, святому же о вѣнчаніи впрѣки ставшѣ, яко ни моленія, ни ласканія, ни дароприношенія ихъ уклонити его можахѣ, дондеже расторгеся совещаніе.

Тщаливъ же бѣ святый и к церковному строенію, оветшавшѣ обновляя, иныя же от основанія воздвизая, не единѣ убо или двѣ, но многі. Яко и великаго Иоанна Златоуста внѣтъ епископии храмъ созда, на того же святый день возведеся на архiereйство. Такожде и Евфимія Великаго. И соборныя великия церкви святыхъ Софий оветшавшѣ стѣны обнові.

Семѣ же и пресловущій в чудесѣхъ преже его бывшій Иоаннъ архиепископъ мощи своя показа, являсѣ ему очи вѣсть и о памятехъ создателей великия церкви святыхъ Софий и прочихъ князей рускихъ и архиепископахъ преже // л. 167 его святопочившихъ творити вѣчно заповѣда. Семѣ и преславный в чудесѣхъ преподобный Варлаамъ Фѣтынскій мощи своя верхѣ земли видѣти дарова.

Се убо и преподобномѣ Арсенію Коневскому в лѣта его вывшемѣ великия ради любви клобѣкъ свой вѣлый носити дарова. И во епископии сей святый многі полаты и прѣходы устрои. И часовный столпъ со онѣми, весь градъ оглашающими, созда. И въ Вяжищкомъ монастырѣ, юдѣже обѣщаніе пріят¹⁶ монашества, все каменное строеніе отъ основанія воздвиже. И всякою красотою украси и утварми церковными исполни. И при кончинѣ своей трапезный храмъ Иоанна Богослова стѣннымъ подписаниемъ утвори. Но восозданъ сый пререкѣющимъ изѣграфомъ, яко сырость в стѣнахъ имѣшъ и не прочнѣ писанію быти. Святый же, моля Господа, рече: «Дажѣ ми, Господи, поне единъ день превысти в жизни сей при совершении храма сего, да вижѣ красотѣ его». Такова бо сѣтъ теплоты вѣра к строенію церковному святаго отца нашего Евфимія, еже и получи. // л. 167 об.

Конечнѣ же увѣдевъ свое преставленіе, посла къ Москвѣ попрошанію грамотѣ къ чудотворивомѣ Ионѣ митрополитѣ, юже святый Иона, своею рукою

написах, посла, но не успѣ с нею посланныи принти при животѣ святаго. Но по шестинадесяти днех погребения его отверзше гроб, вложиша в руку его. По святем же своем отшествии повелѣ тѣло свое с Лисичин горы, из монастыря, идѣже преставися, отпѣвъ в соборной церкви Премудрости Божия, погребсти в Вяжицком монастырѣ, еже и бысть.

Престави бо ся святой в лѣто 6966-е месяца марта въ 11 день. Пас церковь Божию лѣтъ двадесят девять и четыре месяца. По преставлении же обрѣтоша на тѣле его вериги желѣзны

и тяжки, ихже никто же не вѣдѣше на святем, егда в животе вѣше. От нихже и доннынѣ возлагающим на ся трясовичныхъ болѣзней престатие даруется.

И протодиакону Феодору являся святой при кончине его, хотящему погребестися инде, и повѣда, яко се, святой Евфимий зовет мя в свой монастырь, еже и бысть.

И доднесь святой многа чудеса творит о Христе Исусе, Господе нашем, Ему же слава ныне и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о рукописи см.: Максимова Д.Б. К вопросу об авторе, месте и обстоятельствах создания так называемой Косинской рукописи // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. LIII. С. 596–601.

² Рукопись хранится в Отделе письменных источников НГОМЗ (КП 30056-282/КР103).

³ Макарий архим. Обзорение древних рукописей и книг церковных в Новгороде и его окрестностях // ЧОИДР. М., 1861. Апрель—июнь. Книга 2. Ч. 3. (Материалы славянские) С. 37–40. См. также: Буланин Д.М. Борис Яковлев Козынин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 460–462.

⁴ ОПИ НГОМЗ. № КП 30056-243/КР 86. Основной текст синодика (исключая поздние дополнительные записи) датируется 1675 г.

⁵ Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII вв. Сб. документов / Сост. И.Ю. Анкудинов. СПб., 2003. С. 149.

⁶ Там же. С. 223.

⁷ Благодарю И.Ю. Анкудинова, предоставившего мне рукописную копию документов.

⁸ «...По приходной книге нынешняго 200-го году написано в доимке Приказные полаты Денежного стола на подьячем на Борисе Козынине начетных денег сто шездесят рублей два алтына бес полуденги. И в прошлом во 199-м году за те денги оценен двор ево, Борисов, ценою за тритцать рублей. И тот двор не продан. А он, Борис, умре. А опроче того двора иных никаких пожитков нет. А жена ево, Борисова вдова, Агафья в самой скудости. И тех доимочных денег взять стало не на ком» (РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4214. Л. 39).

⁹ Там же. Л. 41.

¹⁰ В распоряжении Бориса Козынина была редакция Жития Евфимия с шестью посмертными чудесами владыки (эта редакция вошла в Четы-Минеи). Другая редакция, созданная позже, включала 11 чудес — судя по всему, Борису Козынину она не была известна.

¹¹ Повести о житии Михаила Клопского / Подг. текстов и статья Л.А. Дмитриева. М.:Л., 1958. Судя по всему, источником известий о Михаиле Клопском послужила Борису Козынину Тучковская

редакция Жития святого, где читающаяся в первых двух редакциях «ширинка» (полотенце), которую Михаил Клопский, пророчески юродствуя, возложил на голову Евфимия, заменена на «убрус» (у Бориса Козынина — «убрусец»), а обращение владыки к Михаилу Клопскому изменено с «Михайлушко» на «отче» (в Косинской редакции — «отче Михаиле», являющееся контаминацией двух чтений, с отказом от просторечной формы имени святого).

Этот эпизод читается и в Косинской редакции «Жития Михаила Клопского», где он пересказан Борисом Козыниным более кратко, без просьбы Евфимия к Михаилу Клопскому молиться за его рукоположение: «И чудотворивому Евфимию исторгъ убрусъ утиралный, еще не поставлену сущу, на главу свою, яко похаб ся творя, возложи, глаголя: „К Смоленску граду отидеши и тамо архиепископъ Новуграду поставлен будеши“. И бысть тако» (РНБ. Ф. 1729. Л. 301об.). В Косинской редакции Жития Михаила Клопского также видится влияние не менее двух редакций Жития святого, включая редакцию Василия Тучкова.

Примечательно, что «буйство» Михаила Клопского в эпизоде с владыкой в двух первых редакциях Жития преподобного было усилено указанием, что он возлагает полотенце на голову самого Евфимия. В. Тучков «сглаживает» действие юродствующего Михаила по отношению к архиепископу, описывая, как Михаил возлагает убрус на свою голову, изображая поставление Евфимия. Борис Козынин в обоих случаях следует тучковской версии изложения эпизода.

¹² Дмитриев Л.А. Житие Иоанна Новгородского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 514–517.

¹³ Этот эпизод, согласно исследованию Л.А. Дмитриева, читается в Житии, начиная с Распространенной редакции (Дмитриев Л.А. Житие Варлаама Хутынского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 138–142).

¹⁴ См.: Романова А.А. Арсений Коневский // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 433–436.

¹⁵ На левом поле: *казначейство*.

¹⁶ Над строкой, более светлыми чернилами.

«ДА ИСПРАВИТСЯ МОЛИТВА МОЯ...»

К 150-летию со дня рождения
митрополита Арсения (Стадницкого)

Это имя хранится в моей памяти с далёких уже лет юношеской журналистики. В дни празднования 50-летия Союза Молодёжи в Новгороде гостила делегация ветеранов — комсомольцев 30—40-х годов. Встречи продолжились и в Москве, где вскоре образовалось землячество новгородцев. Пишу и с душевным волнением вспоминаю людей, объединившихся в единую семью: академики и доктора наук, маршал и генералы, дипломаты высоких рангов. Встречи с ними были для меня жизненными уроками общения, воспитанности, уважения к человеческому достоинству.

Однажды во время очередного собрания моё внимание обратили на высокого сутулого мужчину: худощавое в морщинах лицо, седые волосы, строгий взгляд тёмных глаз. «Это прокурор Куприянов. Он вёл процесс митрополита Арсения».

Эти имена навсегда зацепились в памяти, но вспоминала я почему-то обвиняемого. Вспоминала странно, неожиданно: на улице, в автобусной толчее, перед сном. Вдруг словно какое-то заклинание начинало звучать в душе: «Митрополит Арсений...». Звучало оно более тридцати лет, не исчезало, не забывалось. Но никогда я не порывалась узнать, кто же этот митрополит Арсений, какой процесс вёл суровый прокурор.

Думаю, меня хранило провидение. Что бы я нашла в те годы? Монархист, контрреволюционер, противник новой власти. К тому же большая часть архивных документов революционных лет хранилась под грифом «СЕКРЕТНО». Уже работая в областном архиве профессионально, я обнаружила в хранилище подшивки «Новгородских епархиальных ведомостей». Несколько раз мелькнуло на страницах имя Арсения. Но видно, не пришёл ещё тот час, когда и душа, и ум готовы к совместной работе.

...Хорошо помню январский вечер 1991 года. Заканчивался рабочий день, приниматься за новые дела не было смысла. И вот в этот момент какая-то необъяснимая сила вытащила меня из-за стола и подвела к книжной полке. Я уже знала, что иду за подшивкой ведомостей 1913 года издания, в которой мне необходимо прочесть речь

архиепископа (на то время) Арсения по случаю открытия Новгородского церковно-археологического общества.

Трудно сейчас передать те чувства и мысли, с которыми я закончила читать речь владыки. Потрясение, восхищение, удивление... Всё сразу! Почему? Как и большинство моих современников, я получила светское образование с атеистической направленностью. Про священников Русской Православной Церкви нам сообщалось в рамках древней истории или же с весьма негативной оценкой. Да и в русской литературе нашим священникам не очень-

то повезло на положительные оценки.

А здесь я читала речь умного мужа с государственным масштабом мышления о судьбах исторического наследия нашего Отечества, о необходимости его сбережения для потомков, о национальном достоинстве и опасности слепого увлечения западом: уж где-где, а в нашем Великом Новгороде этим мыслям самое место.

Не напрасно звучало в памяти моей это имя, не напрасно я не спешила со своими поисками. Вот и пришёл их час. Но отправилась я в этот поиск человеком неосведомлённым, поэтому много времени ушло на переписку с различными архивами страны с надеждой найти следы митрополита: из немногих документов, сохранившихся в Государственном историческом архиве обла-

сти, я могла лишь узнать, что после революции владыка был арестован и выслан из Новгорода. А что дальше? В ту пору никто не надоумил меня обратиться хотя бы в библиотеки наших Духовных академий в Москве и Ленинграде. Сейчас я думаю, что это была своеобразная проверка твёрдости моих намерений... Душа требовала действия. Сперва предложила директору филармонии провести вечер в честь 80-летия здания, в котором она размещается, — это бывший епархиальный дом, сооружённый стараниями владыки. Но как-то неразумно чтить память священнослужителя без участия представителей Церкви.

Так митрополит Арсений «направил» меня к епископу Льву, возглавившему недавно возрождённую Новгородскую епархию. Нет в нашем мире ничего случайного. Новый

Митрополит Арсений (Стадницкий)

владыка, как оказалось, прибыл в Новгород из Ташкента, где служил последние годы своей жизни митрополит Арсений и где покойся его прах. Конечно, епископ Лев знал о своём предшественнике, поэтому поддержал идею провести в Новгороде Арсеньевские чтения. Они состоялись в первых числах февраля 1993 года. В те дни имя митрополита вернулось в новгородскую историю, на стене бывшего епархиального дома появилась мемориальная доска.

Две записки из архивного дела, без комментариев:

«В Новревтрибунал 9 февраля 1921 года

Сельский совет просит ревтрибунал отпустить возможное количество билетов на 11 февраля с. г. по делу митрополита Арсения и др. Население Никольской и Антониевой слобод в 600 чел. Для получения билетов делегируется тов. Борисов»¹.

«В церковно-ликвидационный отдел губисполкома 10 П-1921

Ник. Ник. Левендал!

Прошу обязательно прислать с подательницей сего мне дело митрополита Арсения и др., так как я не читал этого дела ни одной строчки, а ознакомиться с ним могу только за сегодняшний вечер.

Прокурор Куприянов»².

Митрополита арестовали 20 января 1920 года. Он был готов к этому. Новая власть вела жестокое притеснение Церкви. Декрет об отделении её от государства позволял исполнителям творить беззаконие — отбечаемость большинства положений декрета давала возможность обосновать правомерность любых действий. В случае ареста — те же методы: ещё не могут определить конкретную вину, а уже в заключение. Пытаются уличить в контрреволюции. Разве это так сложно в нынешние времена?

Через неделю освободили. Наверное, побоялись вызвать неудовольствие в обществе. Ведь только в ГубЧК пришло множество коллективных ходатайств жителей деревень Межник, Раглицы, Щелино, Шарок, Ст. Медведь — с просьбой «отпустить митрополита Арсения на поруки» до суда.

Следствие затянулось почти на год: подыскивали свидетелей, добывали факты. Наконец, сформулировали, что Митрополит обвиняется в противодействии мероприятиям Советской власти, во внесении сим дезорганизации в гражданскую жизнь Новгородской губернии, в нарушении декрета об отделении Церкви от государства и последующих его разъяснений, декрета о похоронах и т.д.³ В многословии всегда мало истины.

...Для заседания ревтрибунала отведён лучший зал в епархиальном доме (у него сейчас другое название — Дом искусств). Скрипит паркет под сотнями ног, но венской мебели уже нет — растащили. Скучный февральский день приник к высоким окнам. Рядом с Митрополитом на скамье подсудимых его братия — епископ Алексей, протоиереи Яковцевский, Вихров, Соколов, члены бывшего епархиального совета Фиников и Скородумов. Они проходят по делу епархиального совета.

Возбуждённо переговариваются государственные обвинители Н.Н. Левендал и юриконсульт от управления

Боровичского исполкома Ульяновский, прокурор Куприянов всё ещё листает следственное дело. Юристы А.И. Рабинович и А.М. Орлов не отрываются от своих записей. Трудная им досталась доля: назначены защитниками в порядке трудовой повинности. Вот и думай: воистину встать на защиту подсудимых или же только соблюсти проформу, чтобы не разгневать новую власть.

А митрополит спокоен. Он-то понимает, что нынешний суд — это мирская суета. Подлинным судом будет судить его деяния Всевышний и сама история. А перед ними совесть его чиста.

В декабре 1910 года в Новгороде появился новый владыка: преосвященный Арсений, архиепископ Новгородский и Старорусский, заменив на кафедре почтенного старца владыку Гурия.

Новгородцы уже были знакомы с прибывшим архипастырем: в 1896—1897 годах он возглавлял Духовную семинарию в городе и даже за столь короткий срок успел оставить по себе добрую память⁴. Он вновь поразил горожан своей неуёмной энергией, желанием как можно скорее вникнуть во все дела вверенной ему епархии, узнать не только, что есть, но и что надобно для духовной жизни своей паствы. Первостепенным делом владыка посчитал сооружение епархиального дома. Существовавшее до сего времени одноэтажное здание постройки 1826 года было мало и непригодно для осуществления задуманных планов, ведь жизнь епархии XX века разительно отличалась от минувших лет:

— Стали регулярны и многочисленны съезды и собрания духовенства, а для их проведения приходилось искать помещение на стороне или пользоваться залом Духовной семинарии, что находилась на дальней окраине города.

— Стали пользоваться популярностью в обществе религиозно-нравственные беседы, а для их проведения не было должного зала.

— За десятки лет существования епархии и её учреждений накопились огромные архивы, но для них не было соответствующего помещения.

— Наезжающее в город духовенство по делам службы вынуждено искать пристанище из-за отсутствия такового в архиерейском доме.

Следует сказать, что ещё владыка Гурий получил дозволение Св. Синода на постройку нового дома, но на этом дело и остановилось. И вот теперь за него взялся архиепископ Арсений. Уже в январе следующего года состоялось заседание строительной комиссии, на котором шёл основательный разговор о епархиальном доме. Были рассмотрены планы и чертежи надстройки к имеющемуся зданию, выполненные епархиальным архитектором Дьяковым. Решение оказалось неожиданным: старое здание разобрать полностью и построить абсолютно новое. Чертежи и расчёты были поручены архитектору Н.К. Рагулину. Второго мая началась разборка. Весь строительный мусор с разрешения городской управы вывозили на Молотковскую и Спасскую улицы и использовали его для поднятия уровня.

Постройка епархиального дома — это самостоятельная история, к тому же поучительный пример чётко налаженных взаимоотношений заказчика с подрядчиками и поставщиками, не знавшими нашего понятия

«долгострой». Главным двигателем всей этой работы был сам архиепископ. Ежедневно чуть свет он появлялся на стройке, поднимался на леса, проверяя работу исполнителей, заряжая их своей энергией и желанием соорудить прекрасное здание.

Открытие епархиального дома состоялось 2 декабря 1912 года. На торжества прибыли из Санкт-Петербурга владыка-митрополит Владимир и обер-прокурор Св. Синода В.К. Саблер. Среди гостей — губернские и городские власти, дивизионный генералитет, предводители дворянства, горожане. Всего — около трёх тысяч человек.

Корреспондент столичных «Церковных ведомостей» восторженно описывал и торжества в Новгороде, и само здание: «...краса всего дома — величественный, громадный, в два света зал-аудитория — для лекций, бесед и собеседований. Акустика зала превосходная, освещается он электричеством, с множеством двойных бра и двумя эффектным хрустальными люстрами. Отопление паровое, паркетный пол и прекрасная венская мебель. По стилю зал напоминает несколько зал Петербургской Академии... Стены дома, его фундамент, butt, потолки — всё это прямо циклопические сооружения. Они смело могут выдержать самый высокий конкурс на прочность»⁵.

По благословению Св. Синода дом был назван Арсеньевским. Здесь разместились консистория, училищный и миссионерский советы, библиотека и иконно-книжная лавка Епархиального братства Св. Софии, епархиальный церковно-исторический музей, редакция «Новгородских епархиальных ведомостей». Отведено несколько покоев для приезжающего духовенства.

Но не подумайте, что, занявшись строительством, архиепископ отстранился от своего главного предназначения — духовного наставления и просвещения своей паствы. Этому была посвящена вся его жизнь, все помыслы и деяния. Одной из первых забот он считал попечение о трезвости народной. Не усмехайтесь скептически, вспоминая нашу безрассудную горе-кампанию, обернувшуюся крахом. Если бы её инициаторы всесторонне изучили опыт предшественников, может быть, и не получили бы такого отрицательного результата.

С алкоголизмом боролась и самодержавная Россия. С введением в 90-х годах монопольной системы торговли спиртным одновременно стали учреждаться и попечительства о народной трезвости. В Новгороде действовал губернский комитет попечительства о народной трезвости, членом которого состоял и владыка. Он же возглавлял Епархиальное братство трезвости, которое уже по линии Церкви вело борьбу с алкоголизмом.

Когда в Москве 6 августа 1912 года открылся первый Всероссийский съезд практических деятелей в борьбе с алкоголизмом на началах религиозно-нравственных, то председательствовал на нём Высокопреосвященный Арсений, архиепископ Новгородский и Старорусский. Приведу лишь один отрывок из его вступительной речи:

«Среди общественных организаций борьбы с пьянством обращают на себя внимание церковные общества трезвости, которые борются с этим пороком под покровом Церкви... Сила этих обществ заключается в том, что они для слабой воли пьяницы дают более твердую опору в борьбе, возводя эту борьбу на путь религиозно-го подвига. Борясь с этим злом как злом нравственным,

рассматривая его как грех, эти общества побуждают пьяниц перед Богом и перед совестью дать обет или зарок воздержаться на некоторое время или, быть может, навсегда от этого порока.

В соответствующей обстановке, которую даёт Церковь, и под её благодетельным воздействием дающий обещание воздержания от пьянства укрепляется мало по малу и, наконец, совершенно отстает от этого порока...»⁶.

Архиепископ — человек мудрый, он понимает, что успехи в этой утомительной работе ещё незначительны:

«В чём же причина такого невнимания к церковным обществам трезвости? Первая причина, конечно, в том, что деятельность их мало кому ведома, так как она незримо совершается в народных недрах. Но главная причина — принципиальная. Она заключается в увлечении известной части общества односторонней идеологией экономического материализма, которая подчиняет всю жизнь человеческую безусловному господству особых социально-экономических законов, ставит её в исключительную зависимость от одних внешних чувственно-материальных условий и факторов существования...»⁷.

В 1914 году, будучи уже членом Государственного Совета, архиепископ Арсений четыре раза выступал во время обсуждения законопроекта об изменении и дополнении некоторых постановлений, относящихся к продаже крепких напитков, беспощадно критикуя неискренность и лицемерие защитников полумера.

Должна признаться, что чтение речей и проповедей архиепископа доставляет истинное наслаждение ума: столько в них пронизательных мыслей, энергии ума, стремления приблизиться к истине, поэтому так много цитирую, чтобы и читатель почувствовал незаурядность этого человека.

Материалы за подписью преосвященного Арсения регулярно появлялись на страницах Синодальных «Церковных ведомостей», новгородского епархиального издания. В 1914 году в Петрограде вышел двухтомник под заглавием «На духовной страде. Слова и речи» архиепископа Новгородского и Старорусского Арсения. «Простота, деловитая сжатость и красивая образность стиля, высокий подъём чувств, невольно заражающий слушателя и читателя, и подкупающая искренность, — таковы отличительные их качества», — писал столичный рецензент издания⁸.

Значительная часть речей и статей двухтомника посвящена духовной школе и вообще — школе, т.е. воспитанию нового поколения. Жиздательной силой воспитания, по мнению архиепископа, являются не законы и предписания, а сила личного подвига, самоотвержение как воспитателей, так и воспитуемых:

«Большинство не любит трудиться над собой, молиться и выжидать известного периода времени, потребного для созревания. Вместо этого они стремятся проявить себя... Все стремятся говорить и обличать: кажется, не слышалось столько речей — не было так мало истинного дела, от которого и сами говоруны бегают и другого насильно отвлекают, не переставая вести праздные речи о том, что ничего нельзя делать, покуда всё не переменится. Жиздатель ли такой путь? Не путь ли это гибельный, ложный, растлевающий и обессиливающий душу с ранней молодости?»

Целью воспитания должно быть своевременное обуздание, ограничение, дисциплинирование воли, как

условие выработки и образования силы духовной, именуемой характером»⁹. Не к нам ли обращены из прошлого слова архиепископа?

3 апреля 1913 года в епархиальном доме состоялось большое торжество по случаю открытия Новгородского церковно-археологического общества. Среди почётных гостей — губернатор, городской голова, профессора из Санкт-Петербурга, преподаватели учебных заведений. С блистательной речью, той самой, что и вызволила его из забвения, выступил архиепископ Арсений — инициатор и создатель общества. Эта речь — урок нам и наиздание, как нужно изучать и сберегать своё историческое наследие.

«Уважение к национальной старине — признак высокой культуры. В этом смысле глубокий консерватизм английского народа может быть лучшим показателем их редкой и прочной культуры. Он удачно сформулирован словами одного из выдающихся английских мыслителей: „Чем развитее человек умственно и нравственно, тем больше углубляется он в прошлое“. (Спенсер) Мы, русские, брали пример с англичан во многом, признали их образованность, брали пример даже в мелочах домашнего обихода, но как будто проглядели главную и важнейшую черту английского характера. Брать пример с иностранцев можно и горячо любя свою нацию. Петра Великого никто не мог бы упрекнуть в отсутствии патриотизма, и он имел право говорить о себе, что главная его забота — благо России, а он охотно перенимал и пересаживал на почву нашей родины все, что находил хорошим в чужих землях.

В данном же случае мы можем обойтись и без подражания высококультурным англичанам. У нас есть свои примеры, более нам близкие, понятные и дорогие. Это — наши предки. Их разумный консерватизм, искание идеалов иногда в давно минувшем служит нашему поколению живым укором. Является даже сомнение: пренебрегая своим прошлым, быстро стремясь вперед, подражая Западу и разрушая заветы былого, не идем ли мы в некотором отношении назад? Не были ли культурнее нас самих те отдаленные предки, которые с благоговением хранили памятники своей родной старины, с любовью относились к заветам прошлого, брали уроки у него и с успехом пользовались указаниями того, что в этом прошлом было хорошего»¹⁰.

Спустя месяц, перед молебном по случаю 300-летия Дома Романовых, владыка произнесёт речь, слова которой обстоятельно разъяснили мне суть знаменитого триединства: «Русский народ опознал те исконные начала, которые составляют основу бытия её, сущность и смысл. Это — три основные начала государственности России — русская народность, составляющая организм государства, его природу, православие — как духовное начало этой народности, её душа, и самодержавие — как выражение её политического идеала». А вот мы никак не можем найти себе ни идеалов, ни триединства.

Новгородское церковно-археологическое общество просуществовало до апреля 1917 года. Знакомство с сохранившимися частично журналами его заседаний позволяет представить его работу, определить основные направления:

— Описание ценностей, находившихся в церквях Новгородской епархии — икон, утвари, рукописей.

— Сбор коллекции для музея-древлехранилища, который был открыт на первом этаже Арсеньевского дома.

— Сбор литературы для библиотеки.

— Исследовательская работа в архивах консистории и архиерейского дома¹¹.

Члены общества следили за состоянием древних сооружений как в Новгороде, так и в губернии, проявляли заботу об охране их от расхищения, пожаров, заботились о лучших условиях сохранения.

Почти в каждом журнале заседания Общества в числе присутствующих упоминается архиепископ. Он активно участвует в обсуждении вопросов, вносит свои предложения. Чувствуется искренний интерес человека, увлечённого историей родного края.

Не перестаю удивляться его энергии, подвижности, стремлению как можно чаще быть среди людей. Его имя постоянно мелькает в епархиальной хронике: обозревает церкви и школы в дальних уездах, таких дальних, что во многих правящий архиерей побывал впервые за двести лет. Он проверяет знание Закона Божьего учащимися школ, приветствует их на рождественских ёлках, постоянно посещает городские гимназии, духовные заведения — училище и семинарию. Несколько недель летнего отдыха он проводил в сельце Никитинском напротив Деревяницкого монастыря. Но по вторникам и четвергам всё равно приезжал в Новгород, чтобы принять посетителей по безотлагательным делам¹². В Памятной книжке Новгородской губернии за 1915 год перечислено десять комитетов и обществ, членом которых, председателем или попечителем значится архиепископ Арсений.

6 мая 1915 года Император подписал Высочайшую грамоту на имя преосвященного Арсения, архиепископа Новгородского и Старорусского. В ней значилось, что архиепископ причисляется «к императорскому ордену... святого благоверного Великого князя Александра Невского», знаки которого — орден и лента, ему вручаются по установлению. Ранее он был награждён орденом Св. Владимира III ст., Св. Анны I ст., румынским орденом Короны III ст., сербским — Св. Саввы II ст., турецким — Меджидие — I ст. В перечне заслуг, за кои владыка отмечен высокой наградой, значилось: сооружение епархиального дома; неустанные труды в борьбе с пьянством и изыскание способов к насаждению и укреплению в народе здравых и спасительных норм трезвости; «охранение церковного пения от чуждых ему, исконно молитвенному строю, веяний. Для упрочения оного — учреждение школы псаломщиков в древнем доме братьев Лихудов. Издание полезнейшего сборника песнопений».

И опять удивляюсь неуёмности этого человека. Надо обладать хорошим музыкальным слухом и высокой певческой культурой, чтобы профессионально оценивать состояние церковных хоров: «Приняв христианство от греков, а вместе с ним и греческие церковные напевы, русский народ растворил их в себе, переродил, и плодом этого церковного перерождения явились те дивные, вдохновенные церковные напевы, которые были созданы в древней Руси и которыми воодушевлялись и умилялись наши предки. Но с течением времени, под влиянием Запада, эти древние напевы стали мало по малу искажаться и, наконец, были совершенно вытеснены новыми напевами по западным образцам. И вместо молитвенного, благоговейного пения стало слышаться по церквям крикливое,

концертное пение. Псаломщики также позабыли старинные напевы и стали петь так, что получалось пение стихирь и песнопений не на глас, а «самогласное». Вместе с пением упало и истовое молитвенное чтение в церкви»¹³.

И владыка принимается за возрождение церковной хоровой культуры. Основной упор он делает на церковно-приходские школы, на её воспитателей, так как их ученики составляли значительную часть церковных хоров. *«Когда я при объезде епархии вхожу в школу и меня встречают пением, то я сряду вижу, что это школа церковная. Когда же я вхожу в школу и меня встречают молчанием, я сряду убеждаюсь, что это „немая“ школа»*, — говорил архиепископ участникам певческих курсов¹⁴.

* * *

Заканчивалось лето 1914 года. В том далёком уже году Россия жила ещё по старому, юлианскому календарю, и роковое событие для неё пришлось на 19 июля.

Первая мировая... Почти нам неизвестная, старательно упрятанная в архивы и музейные запасники на восемьдесят с лишним лет. Первая мировая, расколовшая российскую историю так глубоко и на такие долгие годы, что трещина этого раскола проходит и через наши дни, хотя одни об этом не догадываются, другие стараются не думать.

Первое известие о мобилизации войск поступило в Новгород, в городскую управу вечером 17 июля, во время заседания финансовой и электрической комиссий. Заседание было закрыто в экстренном порядке. Управа занялась мобилизацией¹⁵. Предстояло расквартировать тысячи людей, не в меньшем количестве и конской силы. В первые дни мобилизованных размещали постоем на квартирах горожан. Впоследствии ночлег организовывался казарменным порядком — в школах, гимназиях, училищах.

Возле Манежа, на Чудинцевой улице и на берегу Волхова появились походные кухни с очагами и навесами над столами. Тихий немногочисленный Новгород (на 1 января 1914 года — 26 987 жителей) заполнили тысячи взволнованных людей, оторванных от родных очагов и своих близких. Через город стали продвигаться маршевые роты, направляющиеся на фронт.

22 июля новгородцы, пришедшие на богослужение в Софийский собор, прослушали обращение Императора. После зачитания Манифеста было оглашено послание Св. Синода. Затем к собравшимся обратился новгородский владыка:

— Мы стоим перед лицом событий громадной мировой важности. Серьёзность положения исключительная. Все мы прекрасно понимаем гибельные ужасы войны вообще, а настоящей — в особенности. Наше Отечество, наши святыни, наши благие начинания находятся в великой опасности. Неотвратимые обстоятельства вынуждают нас выступить для оберегания нашего прадедовского достояния, для усмирения и наказания тех, кто посягает на наше добро, кто покушается на честь и достоинство России. Наступают опасные грозные дни, а может быть, и месяцы, и годы, — проникновенно говорил владыка¹⁶.

Как же он был прав в своём предсказании, как чувствовал подступившую беду — одну на всю Россию.

Новгородцы, как и все россияне, взвалили на свои плечи бремя войны. В печати публикуются обращения к жителям губернии с призывами жертвовать на нужды войны холст, ситец, марлю, полотно, медикаменты, продукты.

Этот призыв не остался неслышанным: тысячи имён новгородцев стоят в различных отчётах о пожертвованиях, которые публиковались в местных печатных изданиях. По указу Императора и Синода во всех православных приходах стали создаваться попечительские советы для оказания помощи семьям фронтовиков. Уже 30 июля образуется Центральный епархиальный комитет под председательством архиепископа Арсения. В него вошли настоятели монастырей, представители городского духовенства и мирян. Открывая комитет, архиепископ обратился к своим соратникам: *«...нужно ли говорить, что участие духовенства в деле призрения семейств, лишённых кормильцев и раненных русских воинов не должно ограничиваться только одним словом, только приглашением к пожертвованиям пасомых. Слово действительно в особенности тогда, когда оно подтверждается добрым примером. С другой стороны, все мы прекрасно понимаем, что одним словом не согреешь холодного, не оденешь нагого, не накормишь голодного. Поэтому и новгородское духовенство, призывая свою паству ко всякого рода жертвам для удовлетворения нужд войны, в то же самое время и само должно явить пример деятельной любви к ближнему»*¹⁷.

Его слова никогда не повисали в воздухе. На первом же заседании владыка внёс от себя единовременно 400 рублей с заявлением, что будет ежемесячно жертвовать из личных средств по 100 рублей. Поддержал его молодой товарищ, епископ Тихвинский Алексей (Симанский). Он единовременно внес 100 рублей и сообщил о ежемесячном взносе в 25. Комитет, согласовывая действия с земскими организациями, проводил среди прихожан всех церквей и соборов губернии сбор продовольствия, перевязочных средств, материалов для пошива нательного и постельного белья. Во всех женских монастырях Новгорода работали швейные мастерские.

В первый период военных действий силы и внимание епархиального комитета, как и земства, были направлены на оказание помощи раненым и больным воинам. На средства монастырей и приходов был открыт лазарет в Юрьевом монастыре, в доме графини Орловой. Но вскоре стало ясно, что этого недостаточно, и владыка Арсений распорядился уступить раненым несколько помещений на 20 коек в епархиальном доме, но через несколько месяцев, когда поток раненых значительно увеличился, отдал под лазарет и лучший его зал¹⁸.

Несколько дней читала я «Новгородские епархиальные ведомости» за военные годы. Читала хронику, репортажи, письма. Напряжённую жизнь владыки дополнили заседания епархиального комитета, поездки на фронт сестёр милосердия, посещения лазаретов. Насколько существенна была помощь комитета, можно судить даже по нескольким примерам: уже на 12 октября поступило различных пожертвований на сумму 17 946 руб. 37 коп. Трогательно звучат такие записи: от неизвестного 2 рубашки, 2 пары кальсон, 1 полотенце, от такого же — 2 рубашки и 1 наволочка; от Серёжи Пальмова и Феди Голоблина 7 с половиной фунта табаку, 2 тёплых рубашки... Списки с именами, цифрами, суммами публиковались в каждом номере ведомостей¹⁹.

В лазарете среди раненых началась духовно-нравственная и просветительская работа. Священники проводили беседы на темы Священного Писания, церковные хоры и ученики церковно-приходских школ устраивали

концерты. Учителя городских школ и училищ начали обучение грамоте недавних крестьян.

И в это особо тревожное время архиепископ не забывает о своих любимых новгородских древностях и по-прежнему заботится об их сохранности. На заседании Церковно-археологического общества 4 сентября 1913 года среди очередных дел рассматривались вопросы о расчистке икон Петропавловской церкви, о приведении в порядок церкви Св. Фёдора Стратилата на Торговой стороне, реставрации фресок в церквях в Волокове и на Ковалёвом поле. Со временем эти работы были выполнены, но появлялись новые заботы. Среди них оказались и церковные летописи. Когда выяснилось, что в Юрьевом монастыре уже лет двадцать не ведётся регулярная летопись, архиепископ написал на рапорте обстоятельную резолюцию: *«Очень прискорбно, что даже в Юрьевом монастыре, настоятели которого были большей частью с высшим образованием, не велись „Летописи“ как весьма важный научный исторический материал»*²⁰. Владыка отдаёт распоряжение новому настоятелю не только вести Юрьевскую летопись, но как благочинному монастырей проверять состояние исторических документов во всех обителях. Это же распоряжение распространялось и на всех приходских священников епархии: *«Летописи настоящего времени должны быть полным отражением того, что делается приходом для больных и раненных воинов и их семей, и вообще, как отразилась война на сознании прихожан»*²¹.

В этих замечаниях чувствуется интерес историка, ценящего все подробности сегодняшнего дня, которые будут бесценны для потомков.

Особенно самоотверженно защищать новгородскую старину владыке пришлось в 1916 году, когда началось строительство железнодорожной линии Петроград — Орёл, по которой предполагалось снабжать столицу хлебом из центральных губерний России. Проектировщики спланировали мост через Волхов в районе Юрьева монастыря на столь близком расстоянии от памятника архитектуры XII века — церкви Спаса на Нередице, что возникла опасность разрушения древних фресок от постоянной вибрации. На защиту храма встали два общества: любителей древности и церковно-археологическое. После долгих и жарких прений в Новгороде и Петрограде удалось убедить строителей отодвинуть мост на несколько сот метров севернее достопримечательности²².

Но заботясь о сохранности древностей, архиепископ не забывал и молодых современников. Только в январе 1916 года он посетил восемь учебных заведений — училища, гимназии, семинарию, где проверял знания Закона Божьего, освещал домовую церковь, слушал церковное пение. 29 марта 1916 года он принимал в семинарии экзамен по богословию, а после него, когда волнения уже улеглись, владыка обратился к молодёжи с отеческим напутствием:

«...Год назад, при таких же приблизительно обстоятельствах, я беседовал с вами, как вы должны проводить свои каникулы в это исключительное время. Теперь повторяю и напоминаю вам. Если тогда, год назад, когда на войну ушли лучшие силы, но когда в семье наших крестьян всё-таки оставалось хоть по одному работнику, ваша помощь в сельских работах могла оказаться нужной, то теперь, когда на войну ушли все работники, когда нам грозит недосев, ваша помощь будет необходимой. Прежде всего ваша помощь необходима будет вашим родителям, как тем, которые сами работают

на полях, так и тем, которые до сих пор пользовались наёмными работниками.

*Сбросьте эти блестящие пуговицы и не стесняйтесь никакой работы. Возите навоз — вы знаете, что новгородская почва без удобрения не даст урожая, пашите, сейте, косите. Сравняйтесь с нашим тружеником-мужиком, и он полюбит вас. Помогите ему в несчастье — и он никогда не забудет вас. Как он будет благодарен вам, этот серый мужик. Это будет очень полезно и для вас. Вы не всегда бывали довольны тем, как вас здесь кормили, как здесь за вами ухаживали. Вы, очевидно, мало думали о том, что в это самое время ваши братья и ваши товарищи там, в окопах, быть может, лишены всего самого необходимого, быть может, голодают. Когда вы, работая на полях вместе с крестьянами, столкнётесь лицом к лицу с настоящей нуждой, вы будете думать иначе. Вы будете знать, что чего стоит. Смотрите, чтобы никто не смог сказать, что вы барчуки, что учат вас неизвестно чему, а как пришло несчастье, вы никуда не годитесь...»*²³. Какое знание народной жизни в этих назидательных советах, сколько отеческой заботы о будущем своих подопечных!

Война — ужасное бедствие. Но она посильна разуму, в ней есть линия фронта, есть враг, есть цель — одержать победу. А как быть, когда рушатся государственные устои? И сотрясают их свои же соотечественники, уповая на лучшее социальное устройство. Первым таким потрясением для России стала февральская революция. Она внушала действительную надежду на существенные перемены. Необходимы были перемены и в церковной жизни. Для этого Св. Синод создал Комиссию — по рассмотрению разного рода мероприятий в епархиальной церковной жизни, предпринимаемых в зависимости от обстоятельств последнего времени. Председателем её назначается член Св. Синода архиепископ Арсений. Результатом работы стал конкретный документ: *«О привлечении духовенства и паствы к более активному участию в церковном управлении»*. В нём, в частности, подчёркивается: *«Новый государственный строй, открывая возможность более деятельного участия народа в управлении, видит пути к этому, с одной стороны, в применении выборного начала при замещении должностей, а с другой — в объединении отдельных классов общества на почве защиты личных или профессиональных интересов... Имея это в виду, комиссия нашла, что те же начала могут получить свое осуществление и в церковно-общественной жизни...»*²⁴.

Но не суждено было сбыться этим благим намерениям, потому как приближался октябрь 1917 года.

2 декабря 1917 г. в 8 часов вечера прихожане Новгорода встречали в Софийском соборе митрополита Арсения. Несмотря на будний день, понедельник, и позднее время, собор был заполнен людьми. После торжественного звона раскрылись Корсунские ворота, и в белом клобуке вошёл Владыка. Началось торжественное чествование. В ответной речи митрополит обратился к собравшимся: *«Так усталый путник радуется, когда возвращается в отчий дом, к своим близким, друзьям, своим детям. Для меня отчий дом — сей храм, в коем почивают мои святые предшественники; друзья мои — вы, мои сотрудники на ниве Божьей, чада возлюбленные — моя паства... В невольной разлуке с вами, по случаю своего пребывания в Соборе, я утешался молитвою и мыслию о том, что на Соборе*

я служу созиданию Церкви. Теперь радуюсь, что поздний час не помешал вам встретить меня. Вам приятно видеть на мне белый клобук, а у меня в ушах громко звучит слово св. Григория Богослова: „епископов и священников украшают не титулы, а добродетели...”

Радость свидания омрачается мыслью о лукавом времени, нами переживаемом. Тут говорили о нравственном воскресении. Но прежде воскресения были страдания, была Голгофа. На Голгофу зову я вас, мои чада возлюбленные. Отделение Церкви от государства теперь почти уже совершившийся факт. Вы должны приготовиться к поруганию ваших верований и ваших святых...»²⁵.

Он уезжал из Новгорода, когда в стране правило Временное Правительство, он вернулся домой уже после Октябрьских событий. Правда, политические вихри не очень-то захватили древний город: революцией здесь занимались, в основном, солдаты запасных пехотных полков, бывшие питерские рабочие. Губернский съезд Советов, признавший новую власть, состоялся всего лишь неделю назад, 5 декабря. И тем не менее, вернувшись в Новгород, он переступил тот роковой рубеж, за которым началось противостояние духовной личности и новой власти.

Понимая трагизм положения, Священный Собор 25 января 1918 года принял постановление по поводу декрета Совнаркома об отделении Церкви от Государства, в котором подчёркивалось, что этим декретом «узаконяется открытое гонение как против Церкви Православной, так и против всех религиозных обществ. Приветствуя всякое действительное расширение свободы совести, Собор в то же время указывает, что действием упомянутого декрета свобода Церкви Православной, а равно и свободы всех вообще религиозных союзов и общин, превращается в ничто. Под предлогом „отделения Церкви от Государства” Совет народных комиссаров пытается сделать невозможным самоё существование церквей, церковных учреждений и духовенства»²⁶.

Декрет стал осуществляться на деле. Президиум Новгородского губисполкома 3 июня 1918 года издал постановление о передаче в ведение отдела народного образования зданий Арсеньевского епархиального дома, Новгородской Духовной семинарии и Духовного училища²⁷. Одним росчерком пера лишили своего дома и крыши над головой. Тотчас же собралось чрезвычайное соединенное собрание православных приходских советов Новгорода и правления союза во имя Св. Софии, которое выразило несогласие с решением президиума и обосновало юридически его неправомочность: «Все названные здания, построенные на средства православного народа и обслуживающие просветительные, бытовые и благотворительные его нужды, принадлежат лишь ему одному, а потому не могут быть переданы Новгородскому губисполкому, в состав которого входят лица различных вероисповеданий и даже не принадлежащие ни к одному исповеданию»²⁸.

Решение собрания не возымело никакого воздействия, и вот уже епархиальный дом становится Домом искусств, а по коридорам Духовной семинарии затопали красноармейские башмаки...

Стали поступать сообщения о расстрелах священников по распоряжению Советской власти. Только в 1918 году погибли без суда и следствия Епископ Кирилловский Варсанофий, священники — Бельской церкви Устюженского уезда Павел Кушников, крестецкого Екатеринбургского

собора Иоанн Лавров, Аполецкой церкви Демянского уезда Петр Каратыгин, Левочской церкви Боровичского уезда Антоний Озеров, игуменья Ферапонтова женского монастыря Серафимия и священник этой же обители Иоанн Иванов²⁹.

Тяжело получать Митрополиту такие сообщения, ещё горестнее сознавать своё бессилие, ощущать себя человеком вне закона. На какие-либо его протесты ответ был однозначен: революционная необходимость, распоряжение местной власти.

А круг всё сужается и сужается. Не хватает средств содержать настоятеля Хутынского монастыря, и епархиальное собрание просит Митрополита принять настоятельство (по совместительству, как сказали бы сейчас). Не остаётся средств на содержание канцелярии, епархиального совета: власти запретили проводить любые сборы в церкви, которые всю жизнь были традицией и основывались на добровольном желании прихожан³⁰.

Церковно-ликвидационный подотдел наложил арест на всю переписку митрополита. Вручали почту после её досмотра. От канцелярии требовалось подавать отчёты о полученных суммах по почтовым переводам и их употреблению³¹.

Двадцатый год начался с ареста. И хотя выпустили на поруки, следовало готовиться к худшему. В мае арестовали пять городских священников. Всех обвинили в агитации против Советской власти во время исповеди.

Дошла очередь до епархиального совета: 1 июня в помещении произвели обыск. Представитель власти т. Ипполитов произвёл ревизию, изъятие документов и книг, арестовали все товары, а 15 сентября помещение совета было опечатано: по распоряжению отдела управления о закрытии епархиального совета³².

Прихожане поддерживали своего архипастыря постоянным вниманием, желанием видеть его во время службы. В церковно-ликвидационный подотдел и в губчека идут десятки коллективных ходатайств о разрешении митрополиту Арсению выезжать на служение в церквях губернии. Власти чувствовали народное неудовольствие политикой в отношении к Церкви, поэтому не решались нагнетать обстановку. И подотдел регулярно выдаёт удостоверения архипастырю на посещение городов и сёл губернии. С июля по октябрь Владыка неоднократно выезжал на несколько дней в Грузино, Борисово, Косино, Бологое, Старую Руссу, регулярно вел службу в Софийском соборе.

В пастырском служении, в заботах о сохранении выдержки и порядка внутри самой церкви прошёл последственный 1920 год. И вот наступил час трибунала. Несомненно, Владыка Арсений понимал, что судят его не за злостную контрреволюцию (хотя были попытки обвинить его в связях с белым движением), а за духовное сопротивление, за то, что не торопится признать новую власть, не спешит к ней в услужение.

Свидетелей по делу оказалось всего 15 человек — немного для такого, с шумом подаваемого процесса. В Приговоре главным обвинением в адрес Митрополита прозвучало: «...заведомо зная, что со времени издания декрета Совнаркома от 23 января 1918 года все церковные организации лишены прав юридического лица и права владения капиталами, утверждал журналы Епархиального совета, рассылал от своего и совета имени указания касательно бракоразводного процесса, судопроизводства церковников...»³³.

Основные страсти разгорелись именно по бракоразводному вопросу и погребению. Дело в том, что декретом заключение браков, их расторжение, а также вопросы похорон полностью передавались гражданским властям. В Постановлении же Патриарха и Синода на этот счёт записано следующее (приведу полностью, чтобы читатели сами прочувствовали смысл обвинения):

- церковный брак может предваряться или сопровождаться, по желанию брачующихся, записью в гражданских книгах (что ныне называется гражданским браком). Эта запись не препятствует церковному браковенчанию, если нет к нему канонических препятствий;

- для удостоверения в беспрепятственности к бракосочетанию священник обязан требовать подписку жениха и невесты, а также четырёх свидетелей, удостоверяющую отсутствие канонических препятствий к браку, при чём ими могут быть представлены и письменные доказательства, которые в подлиннике или копии остаются при деле;

- при соблюдении означенных условий причт не несёт ответственности за совершение незаконного брака, таковая ответственность падает всецело на самих брачующихся и свидетелей, подписавших акт³⁴.

Какую же контрреволюцию можно усмотреть в этих положениях? Здравому уму непостижимо. Но революционные следователи стали «городить забор» — зацепились за «письменные доказательства». То же самое и с «разрешением погребения». Церковь вмешивается в гражданские дела! А суть в том, что Церковь не разрешает хоронить на православном кладбище иноверцев и самоубийц, к тому же существует особое таинство — отпевание. И лишь в особых случаях, по разрешению местного епископа, из данного правила допускаются исключения.

Вот в таких вопросах, а также в продолжающихся церковных сборах и была усмотрена злостная контрреволюция. Проходившие по делу священники были обвинены в подчинении митрополиту, в исполнении его указаний, противоречащих декрету.

Трибунал всех признал виновными и подверг наказанию, но учитывая амнистию ВЦИКа от 6 ноября 1920 года, наказание было определено условным: митрополит Арсений, протоиереи Соколов и Яковцевский, Фиников и Скородумов — к пяти годам условного лишения свободы, остальные — к трём. Митрополиту было предписано выехать на постоянное жительство в Архангельск. Как вспоминали современники, после оглашения приговора одна часть присутствующих зааплодировала, другая выстроилась в очередь к митрополиту для благословения.

Кассационный трибунал ВЦИК рассмотрел решение Новгородского ревтрибунала. Приговор об условном лишении свободы на пять лет был оставлен в силе, но высылка в Архангельск отменена.

Прошло некоторое время, улеглись толки вокруг процесса, а судьба уже готовила митрополиту новое испытание...

Летом 1921 года в Поволжье случилась засуха. Начался такой голод, подобного которому не находилось и в летописях. Следом шли верные спутники бедствия: тиф, беженцы, дети-сироты, самоубийства, преступность. Очевидцы пишут, что люди ели кору, глину, полевых животных, трупы умерших. С Поволжья голод перекинулся в Сибирь, Крым, на Украину...

Одним из первых просителей за свой народ стал Патриарх Тихон. В августе 1921 года он основал Всероссийский

церковный комитет помощи голодающим, который также был признан ВЦИКом нежелательным и упразднён. Патриарх обратился с воззванием «К народам мира и православному человеку».

К этому времени у митрополита Арсения уже не было никакой официальной связи с церковным центром. Воззвание Патриарха дошло до него в личном письме от неизвестного корреспондента. Но Владыка, как и все новгородцы, знал о страшном бедствии в Поволжье. В губернии стали создаваться комитеты помощи, начался сбор средств. По многим детским домам и семьям были распределены тысячи детей, доставленных из района голода. Попытался и митрополит устроить в своей епархии особый комитет помощи голодающим, о чём написал воззвание к верующим, но это обращение не было разрешено к печати. Тогда Владыка стал постоянно обращаться к своей пастве во время службы: он призывал к милосердию, к оказанию сильной помощи.

В мартовском номере «Звезды» (1922) появилось Воззвание к новгородской пастве за подписью митрополита Арсения: *«Ныне по лежащему на мне долгу архипастыря всей Новгородской церкви обращаюсь к тебе, Богом дарованная паства, с мольбою об этой помощи во имя Христа, именем которого мы имеем счастье называться... Пожертвования могут быть деньгами, вещами и продовольствием. Кроме того, в последнее время, ввиду все более усиливающегося голода, Святейший Патриарх благословил духовенству и приходским советам, с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, приносить в жертву голодающим и драгоценные церковные украшения, не имеющие богослужебного употребления».*

Изъятие же из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, имеющих богослужебное употребление, является по церковным канонам... святотатственным актом, за участие в котором мирянин подвергается отлучению от церкви, а священнослужитель — низвержению из сана».

Рядом с Воззванием был опубликован отклик П. Пожарского из Губполитпросвета: «Давно пора!», в котором язвительно замечено: *«Нам остаётся только пожелать, чтобы митрополит в самом непродолжительном времени точнее и конкретнее определил — какие именно предметы он подразумевает под словом имеющие или не имеющие богослужебного употребления».*

Владыка ответил губернскому чиновнику конкретным вкладом — в апреле он сдал в губернский комитет помощи голодающим личные драгоценности: золотой крест с 2 бриллиантами, золотой наперсный крест без иконок, золотую панягию с золотой цепью (в панягии имелось 73 жемчужины, 2 хризолита, 2 сапфира, 2 рубина, 1 изумруд, 4 мелких жемчужины. Все это было наградами за его труд архипастыря³⁵. Примеру Владыки последовали многие новгородские священники.

Предвидя огромное недовольство верующих ограблением их святынь, возможные столкновения, Владыка снова обращается к пастве с Воззванием, опубликованным в «Звезде» в субботу, 22 апреля 1922 г.

«Об одном молю вас, дорогие мои чада моей паствы. Относитесь по-христиански, с покорностью воле Божьей, если придется расстаться с любимым нами благолетием наших храмов во имя той вопиющей нужды, в которой находятся наши братья. Если у нас есть

что пожертвовать взамен церковных вещей, не упустил этой возможности. Если же нечем жертвовать, то и без золота и серебра храмы наши останутся храмами и св. иконы св. иконами. Бог и на страшном суде спросит нас не о том, украшали ли мы золотом и серебром храмы и иконы, а о том, накормили ли мы голодного, напоили ли жаждущего, одели ли нагого?

Прошу вас не допускать при этом никакого насилия в той или иной форме — ни в храме, ни около него, так как это оскорбит храм как дом мира и любви христовой... Прошу также и о том, чтобы это изъятие церковных ценностей не явилось поводом для каких-либо политических выступлений, так как церковь по существу своему вне политики и должна быть чужда ей...».

И снова заседание ревтрибунала. Снова на нём появляется митрополит Арсений. На сей раз он вызван в качестве свидетеля. Что хотелось услышать судьям от Владыки? О связях с Патриархом? О согласованных действиях по оказанию сопротивления изъятию ценностей? Нет никаких связей с Патриархом, все воззвания написаны по собственному увлечению души. Как митрополит он слышал о существовании декрета об изъятии ценностей, но самого декрета не получал и не читал. Конечно, его потрясли старорусские события, именно поэтому он в своём воззвании призывал к спокойствию, не отвечать злом на насилие. Что касается агитационного собрания, организаторы которого попали на скамью подсудимых, то он слышал о нём вскользь и не знал, по какому руслу оно пойдёт. Он не мог благословить это собрание, потому как понимал его безуспешность и гибельность в нынешней ситуации. Так оно и случилось: четыре организатора были приговорены к расстрелу³⁶. На этой процессе заканчивается новгородский период церковной службы Владыки Арсения.

* * *

Родом Владыка Арсений был из д. Комарово Хотинского уезда, что в бессарабских краях. Здесь в 1862 году в семье сельского священника Георгия Стадницкого и родился будущий митрополит. Он продолжил отцовскую стезю служения Богу и людям. После окончания духовного училища и семинарии в Кишинёве поступает в Киевскую Духовную академию, по окончании которой возвращается в Кишинёвскую семинарию уже в качестве преподавателя. В эти годы он начинает активно работать в «Кишинёвских епархиальных ведомостях», в которых получил хорошую редакторскую практику.

Важное событие в жизни Стадницкого произошло в декабре 1896 года: в домовый церкви Петербургской Духовной академии он принял монашество, получив при постриге имя Арсений (греч. — мужественный).

Как уже упоминалось выше, в 1896–1897 гг. о. Арсений служил в Новгороде, откуда был переведён в Московскую Духовную академию. После года инспекторских обязанностей его назначают ректором этого известнейшего очага духовного образования, воспитания, нравственности. До 1903 года епископ Арсений возглавлял академию, здесь он защитил докторскую диссертацию, написанную на основе его глубокого изучения истории Православной Церкви в Молдавии.

В декабре 1903 года епископ Арсений получает назначение на самостоятельную кафедру во Псков и соответствующий сан — епископ Псковский и Порховский. Проводы

были долгими и доставили всем много радостных и печальных минут: радость за будущее своего наставника, печаль — от расставания с ним. Из Пскова, как уже известно, архиепископ Арсений снова вернулся в Новгород.

Ещё и ещё раз просматриваю свои многостраничные записи, выписки из документов и публикаций и сокрушаюсь безмерно: как же много информации, сведений остаётся в моих блокнотах. В сущности, нынешний очерк — это рассказ, и то неполный, о новгородском периоде жизни и служения митрополита Арсения. А ведь была ещё Московская Духовная Академия, ректором которой его назначили после недолгого пребывания в Новгородской духовной

*Протоиерей Георгий Георгиевич
и Мария Авксентьевна Стадницкие —
родители митрополита Арсения*

семинарии. Была хиротония во епископа Волоколамского, которая состоялась в воскресенье 28 февраля 1899 года ещё в первозданном Московском кафедральном Христа Спасителя соборе, была Псковская святительская кафедра.

Об этих перемещениях очень точно написал ему брат Александр — преподаватель Полтавского духовного училища:

«Дорогой брат о. Арсений!

От души поздравляю тебя с назначением на высокий и важный пост. Да благословит тебя Господь с честью и славой пройти и оставить по себе память своих давнейших предшественников. Твоё служение является как бы залогом плодотворной деятельности на этом поприще. Бессарабия теперь будет гордиться тобой, как никто и никогда ещё не гордился. Ещё раз поздравляю. Я замечаю, что почти каждый раз, когда пишу тебе, непременно с чем-нибудь поздравляю. Потому ли, что редко пишу, или потому, что ты быстро движешься на административном посту...»³⁷.

У него было два брата, Александр и Михаил, и сёстры — Катя, Вера и Лиза. И все Стадницкие происходили из Бессарабии, которую упомянул брат Александр.

Долгое время мне не удавалось узнать о той жизни владыки, в которой он пребывал простым человеком — подростком, юношей. Всё это могло таиться в личных бумагах митрополита, но его архив при аресте в июле 1922 года был вывезен в Москву. Наконец, после рассекречивания архивов в 1991 году документы митрополита Арсения обнаружили в ГАРФе...

Молодой человек 18 лет ведёт дневник. Это редкая способность, исчезающая в наши дни. Как же интересно было прикоснуться к мыслям Авксентия (в миру) и через них почувствовать становление его характера. Совершила для себя открытие: в юности будущий митрополит не помышлял о таком церковном служении. Сыну сельского священника, ему пришлось, конечно, учиться в духовных заведениях, но после семинарии он собирался пойти иной дорогой. Вот запись 20 марта 1881 года, когда молодой Стадницкий уже преподаёт в Единецком духовном училище:

«...Сегодня исполняется трёхлетие со времени прекращения доступа семинаристам в университет. Многим-многим памятно 20-е марта, многие семинаристы утирают слёзы, вспоминая о 20-м марта. К числу их принадлежу и я. Видно, мне уже суждено не учиться в университете. Если я предпочитал Университет Академии, то не потому, что в Академии науки идут хуже, чем в Университете, когда быть может даже напротив, а потому, что Академия — закрытое заведение, отчуждённое от общества и общество отчуждено от него, не интересуется жизнью её, а между тем Университет — заведение это открытое, общество интересуется им, и в прессе толкуют о студентах, облучении их жизни и т.п. Вот, собственно, чем привлекателен Университет.

Так теперь мне остаётся Академия. Я ещё не решил, в какую Академию поступить — в Петербургскую или Киевскую. На Пасху поеду в Кишинёв и тогда решу окончательно»³⁸.

А вот записи, сделанные летом того же года в родном Комарове.

«20 июня. Вот уже неделя, как я дома. Здесь именно тишь да гладь, а отчасти и Божья благодать. Божья благодать относительно красоты природы. По красоте местоположения село это, можно сказать, занимает одно из первых мест. Расположено оно на возвышенности на отрогах Украина-Карпатской возвышенности, которая тянется по южной части России от Урала до Карпат. Внизу протекает величественная река Днестр с островом посередине. Величественная и грозная становится она в особенности от своих лесистых и высоких берегов.

Комарово находится на такой твердыне, отчего, замечу, часть Подолу с множеством сёл видно как на ладони, со своими садами, именно представляет Божью благодать. Люди здесь, несмотря на красоту села, живут очень бедно. Занимаются они, главным образом, земледелием. Урожай хорошего никогда не бывает из-за плохой обработки...»³⁹.

«4 августа. Мы все три брата были вместе. Не было почти никаких семейных драг. Разумеется, в этом случае беспокойный характер папеньки, который в особенности проявляется после возлияния Бахусу. Не было же этого излияния потому, что папенька болел ногами, причиной чего доктора считают между причин и умеренное водкопитие. Хотя надо сказать, не всегда он

держится советов докторов, иногда и забывает их, что бывало иногда и на этой вакации. Иногда он всю тяжесть своего характера обрушивает на моих младших братьев, в особенности на среднего — универсатора-доктора, а старшего совершенно оставляет в покое, считая его „гением“. На меня он ещё кое-как надеется, что я буду человеком, а на среднего брата, который теперь на 3-м курсе Харьковского университета по медицинскому факультету, он совсем не надеется, что будет с него человек когда-нибудь, а потому смешивает его и докторов с грязью»⁴⁰.

А это уже записи о Киевской Духовной академии:

«Прибыл я в Киев 3-го августа в 10 часов ночи. Куда тут ехать? Совершенно незнакомый город. Это движение на вокзале меня совершенно поразило — тут я не знал, что делать, и ходил как потерянный...

5-е августа.

Где бы то ни было и когда бы то ни было а довольно скучно одному, не имея ни знакомых, ни близких, ни товарищей, с кем бы можно было поделиться впечатлениями. Живу я в монастырской гостинице в № 14 в 46-й комнате.

6-е августа, четверг.

Сижу в своей конуре почти безвыходно. Если и выхожу, то только затем, чтобы пойти в трактир попить чайку да пообедать.

..Вчера я был на опере „Жизнь за царя“. Первый раз в жизни я испытал удовольствие слушать музыкальное искусство. Вчера я получил в высшей степени много духовного удовольствия. Об этой опере и вообще об операх и об артистах оперных я очень давно хотел бы узнать. Роль Вани — Вревская. Она играла хорошо, но не так я ожидал, как например, Лавровскую, Мельминову. Роль Сусанина играл Василевский. Сносно. Но лучшие всех был Медведев в роли Сабинина. Я просто изумился бархатности и объёмности его тенора, его высот и искренности. Вот до чего может дойти человек, развиваясь в известном направлении»⁴¹.

Авксентий Стадницкий успешно сдал все вступительные экзамены в Киевскую академию и был зачислен в её слушатели. Когда читаешь его дневники и письма, невольно думаешь о том, что он мог бы стать прекрасным очеркистом. Вот его письмо родителям, написанное в Константинополе во время его первого путешествия на святую гору Афон в 1883 году:

«Июль 1-го дня. Пантелеймоновское подворье.

Милые и дорогие родители! Папенька и маменька! Вот уже несколько дней, как я в турецкой столице. Простоты не верится, а между тем так на самом деле. 25-го числа в 4 часа пополудни оставил Одессу. Пароход „Одесса“ по знаку капитана тронулся и как птица полетел в открытое море, окрыляясь парами и расстилая за собою волнующиеся облака дыма. Тут на берегу машут нам платками, желая благополучия и счастливого возврата.

Вот на берегу плачет жена с маленькими детьми, по-видимому, еврейка, и провожает мужа своего куда-нибудь в Яффу за геишефтами, вот плачущая мать старается успокоить плачущих в свою очередь детей...

Долго любовался я на убежавший от нас родственный край. Да, если мила Россия русскому, так она во сто раз милее для него в минуты грустного с нею расставания.

Это испытал теперь я на себе. Вот один берег уже скрылся, другой еле-еле мелькает. Смотрю в морской бинокль — виднеется Днестровский лиман и Аккерман. Прощай, Россия! Прощай, дорогое Отечество! Дай Бог воротиться по добру, по здоровью».

Опускаю замечательные описания самого путешествия и привожу впечатления молодого паломника о Константинополе:

«Около 3-х часов утра 27 июня открылась перед нами Цареградская даль и туманный её берег. В 5 часов утра мы летели уже Босфором и, легко лавируя во множестве мелких чалмоносных кайков, вступили в Золотой Рог, и Константинополь предстал пред нами во всей красе.

*О сколько дум и чувств печали
Константинополь нам дарит,
И как о днях минувшей дали
Он горько сердцу говорит.*

Облокотившись на борт, я с наслаждением смотрел на чудные красоты природы и светлой мыслью переносился к минувшим событиям и к славе древнего Константинополя, который раскрывался предо мною в очаровательных своих видах, с его султанскими дворцами и садами, с многочисленными мечетями...

...я пошёл пройтись по городу. Боже мой, что за безобразный город! Внутри он совершенная противоположность тому, что он представляет с виду. Улицы страшно узки, кривы, небрежно выложены диким камнем и засорены до бесконечности всякою нечистотою и положительно заняты собаками. Вы себе не можете представить, сколько здесь собак!»⁴².

Наверное, это письмо неделями читала вся комаровская округа, наслаждаясь и стилем письма, и подробностями описания дальнего края. Наконец, молодой паломник вернулся из странствия.

«Киев 1883 года августа 29-го дня.

Милые и дорогие родители, Папаша и Мамаша! Наконец, после двухмесячного странствования по чужим странам я 18-го августа прибыл в Киев, где думаю найти тихое пристанище и успокоиться после тревог и забот, сопряжённых с таким дальним путешествием, как моё — на Афон.

...Вы не можете себе представить, как мне было приятно возвращаться в своё дорогое Отечество! Как мне желательно было скорее ступить на русскую землю, подышать русским воздухом, а не азиатским, который

удушливо действует на непривычного к нему человека»⁴³.

Как жаль, что я была ограничена во времени, но как хотелось читать и выписывать, читать и выписывать, и думать, откуда в этом юноше, возвращённом на бессарабской земле, такая любовь к России? Что заложило в нём ощущение единого Отечества? Даже те незначительные отрывки, приведённые здесь, представляют нам интересного и способного юношу. Пишем ли мы сейчас такие письма своим родителям? Близким друзьям? Способны ли мы так живописно излагать свои наблюдения? Передавать свои чувства? К сожалению, эпистолярный жанр исчезает из обихода современников. Мы сейчас лихорадочно жмём на клавиши мобильных или компьютеров, стараясь покороче изложить мысли.

После окончания Духовной Академии Авксентий Стадницкий почти десять лет преподавал в духовных учебных заведениях своего края, приобретая бесценный опыт наставника молодёжи, который будет полезен ему в дальнейшем служении.

В декабре 1895 года Стадницкий делает решительный и бесповоротный шаг, изменивший всю его жизнь, — он уезжает в Петербург и в Духовной Академии принимает иноческий постриг с именем Арсений — в честь святителя Тверского. С этого момента начинается его подвижническое служение Русской Православной Церкви. Больше он никогда не увидит родных краёв.

После июльского ареста в 1922 году митрополит Арсений уже не вернётся в Новгород. Сначала он находился в Бутырке под арестом по делу патриарха Тихона, а в 1925 году был сослан в Ашхабад, затем в Ташкент. Находясь в ссылке, он оставался членом Священного Синода, но связь с ним поддерживал только письменно. До 1933 года владыка значился правящим архиереем Новгородской епархии — до того времени, когда сменил скончавшегося местного митрополита Никодима на Ташкентско-Азиатской кафедре. Он покинул сей мир 10 февраля 1936 года и был похоронен на православном кладбище Ташкента возле церкви во имя Св. Александра Невского. Думаю, проживи он ещё год, и молох репрессий растоптал бы этого удивительного человека.

Одна печаль в моём сердце — как далеко, как далеко покоится его прах от полюбившейся ему Новгородской земли. Как далеко... Да исправится молитва моя!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Новгородской области (далее — ГАНО). Р-268. Оп. 1. Д. 138. Л. 47.

² Там же. Л. 51.

³ Там же. Оп. 1. Д. 143. Лл. 9–18.

⁴ Там же. Ф. 481. Оп. 1. Д. 456. Лл. 1–5.

⁵ Новгородские епархиальные ведомости (далее — НЕВ). 1897. № 3.

⁶ Церковные ведомости. СПб., 1912, 51.

⁷ Арсений, архиепископ. На духовной страде. Слова и речи. СПб. 1914. Т. 1. С. 238.

⁸ Там же.

⁹ Церковные ведомости, СПб. 1914.

¹⁰ На духовной страде. Т. 2. С. 93.

¹¹ НЕВ. 1913. № 2.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 7. Л. 30.

¹⁵ Там же. Л. 32.

¹⁶ НЕВ. 1914. № 25.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1102. Л. 17, 19.

¹⁹ НЕВ. 1914. № 37.

²⁰ НЕВ. 1916. № 1.

²¹ Там же.

²² ГАНО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 408. Л. 20–29.

²³ ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 7. Л. 32, 33.

²⁴ Там же. Л. 40.

²⁵ НЕВ. 1917. 1–5 декабря.

²⁶ НЕВ. 1918. 15, 28 февраля.

²⁷ ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 49. Л. 41.

²⁸ Там же. Л. 42.

²⁹ Там же. Ф-481. Оп. 1. Д. 153. Л. 103.

³⁰ Там же. Ф-481. Оп. 1. Д. 42. Л. 2.

³¹ Там же. Р-268. Оп. 1. Д. 139. Л. 13, 14.

³² Там же. Р-268. Оп. 1. Д. 143.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190–193.

³⁶ Там же.

³⁷ ГАРФ, Ф-550. Оп. 1. Д. 495. Л. 1.

³⁸ Там же. Д. 507. Л. 51–56.

³⁹ Там же. Л. 61.

⁴⁰ Там же. Л. 69.

⁴¹ Там же. Лл. 71–75, 79.

⁴² Там же. Д. 493. Лл. 5, 6, 7.

⁴³ Там же. Л. 11.

История Древней Руси в освещении французских историков

Труды П.-Ш. Левека и Н.-Г. Леклерка второй половины XVIII века

Начиная с середины XVIII века тема России занимает заметное место во французской литературе. Интерес европейцев к истории России совпал с началом публикации источников по ней Г.Ф. Миллером и Н.И. Новиковым, а также некоторых русских летописей (Повесть временных лет и других).

В 1780-е гг. во Франции почти одновременно появились две многотомные «Истории России». Их авторами были П.-Ш. Лебек и Н.-Г. Леклерк. Обе «Истории» пользовались широкой известностью в России. Труд Леклерка вызвал развернутую критику одного из родоначальников русской исторической науки И.Н. Болтина.

Первым обобщающим трудом по истории России стало сочинение Пьера-Шарля Левека (Pierre-Charles Lévesque). На рубеже XVIII—XIX вв., до выхода в свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина в русских дворянских семьях историю отечества изучали преимущественно по книге Левека.

Лебек родился в 1736 г. в буржуазной семье. По профессии Лебек был гравёром. Известность ему принесли литературные и философские сочинения, благодаря им на него обратил внимание Дидро, который на протяжении многих лет активно ему помогал.

Летом 1773 г. Лебек прибыл в Россию по рекомендации Дидро. Здесь он преподавал французский язык и логику в Сухопутном шляхетском корпусе, в Академии художеств (в 1774—1775 гг.) — историю и географию. В 1780 г. Лебек напечатал «Проспект» своей «Истории России», в котором изложил основные тезисы и план своего сочинения. В 1780 г. он покинул Россию. К этому времени автор уже почти окончил рукопись.

В 1782 г. вышла в свет его пятитомная «История России». В первый том вошли сюжеты от расселения славян и призвания варягов до 1212 г., во второй — от правления Юрия Всеволодовича до 1533 г., в третий — от начала правления Ивана IV до окончания Смутного времени, в четвёртый — от избрания на престол Михаила Фёдоровича до 1713 г., в пятый — с 1713 г. до правления Екатерины II.

Сочинение Левека было привезено в Петербург в ноябре 1782 г., о чём сообщили в Санкт-Петербургских ведомостях от 1 ноября. В России была заказана большая часть тиража, всего же среди 117 подписчиков разошлось 239 экземпляров сочинения, что является замечательным результатом для того времени.

После публикации «Истории России» Лебек продолжал заниматься исторической наукой и вместе со вторым изданием своего сочинения о России он опубликовал двухтомник под названием «История различных народов, находящихся под властью русских, или продолжение истории России».

В отличие от своих предшественников Лебек знал русский язык (хотя и указывал, что его познания не столь глубоки), и поэтому мог читать источники и современные ему сочинения. Он создал довольно стройное произведение по истории России с IX до конца XVIII в. Кроме того, он написал краткие очерки о происхождении славян, древнерусском языке, религии славян, которые в дальнейшем использовались в своих сочинениях многие зарубежные учёные.

Сочинение Левека концептуально было близко «Истории...» Вольтера, но его отличало от последнего привлечение широкого спектра источников и избавление от фактических ошибок и стереотипов предшественников. Огромной заслугой Левека было то, что он рассматривал историю Древней Руси в общеевропейском контексте, где он отказался описывать русскую историю как историю «экзотической страны».

Николя-Габриель Леклерк, при рождении — Клерк родился в 1726 г. на востоке Франции в небольшом городке Бом-ле-Дам. В начале Семилетней войны был лекарем во французской армии. В Париже он входил в круг энциклопедистов, был близок к Дени Дидро и по его рекомендации в конце 1759 г. приехал в Петербург. Будучи медиком по образованию и имея хорошую лекарскую репутацию, он стал личным врачом последнего малороссийского гетмана графа К.Г. Разумовского, а в последствии и наследника престола Павла Петровича.

Леклерк приобрёл известность как автор нравоучительных литературных произведений, издатель и историк. В России он стал профессором Академии художеств (1763 г.) и почётным членом Академии наук (1765 г.). После этого на несколько лет покинул Россию, куда вновь вернулся в 1769 г. О своей жизни в России он позже напишет следующее: «Я сделал для России всё, что мог и должен был сделать, не переставая быть французом. Я достойным образом исполнял возлагаемые на меня обязанности, и, быть может, сослужил России хорошую службу, полностью содействуя тому, чтобы отвести политическую бурю, накопившуюся в недрах государства и готовую разразиться. Но это моя тайна, и Россия не знает её».

После возвращения в Париж в августе 1775 г. король Людовик XVI пожаловал ему дворянское достоинство (тогда он и добавил к своей фамилии частицу «Ле»). В 1783 г. он опубликовал свою «Историю...». Произведение состоит из шести объёмистых томов, три из которых посвящены древней истории России (до Петра Великого), остальные — современному для автора XVIII в. Стоит заметить, что работу Леклерк завершал уже в соавторстве с сыном Антоном-Франциском (1757—1816).

Труд Леклерка начинается с обширного вступления, в котором автор даёт подробную характеристику мировой истории и её закономерностям, размышляет о влиянии климата на исторические процессы, о формах правления.

Первый том (1783 г.) «Истории нынешней России» представляет собой собрание многочисленных статей, которое включает в себя записки о русских писателях (почти все они были позаимствованы из словаря Новикова), статистику подданных Российской империи, перечень характерных болезни для жителей империи, историю дворянства, описание государственных доходов России. Содержание второго тома (1785 г.) можно разделить на две части, фактически независимые друг от друга. В первой части описывается период от восшествия на престол Екатерины I до смерти Елизаветы Петровны. После этого авторы посчитали необходимым объяснить свой отказ от описания царствований Петра III и Екатерины II. Вторая часть, по всей видимости, в большей степени была написана Антоном-Франциском Леклерком и посвящена топографии России, описанию регионов империи и их населению.

В 1783 г. начали издаваться «Записки касательно русской истории» Екатерины II, адресованные российскому юношеству и в первую очередь внукам Александру и Константину. Одной из причин, по которым императрица принялась за написание отечественной истории, стало желание оппонировать «Историям...» Левека и Леклерка и написать новый «Антидот»: «сочинены для юношества в такое время, когда выходят на чужестранных языках книги под именем Истории Российской, кои скорее именовать можно сотворениями пристрастными, ибо каждый лист свидетельством служит, с какою ненавистью писан, каждое обстоятельство в превращённом виде не токмо представлено, но к оным не стыдились прибавить злобные толки».

В своём письме к М. Гримму она пошла ещё дальше: «Это выйдет противоядием негодникам, унижающим российскую историю, каковы Леклерк и учитель его Левек, оба скоты и, не прогнайтесь, скоты скучные и глупые».

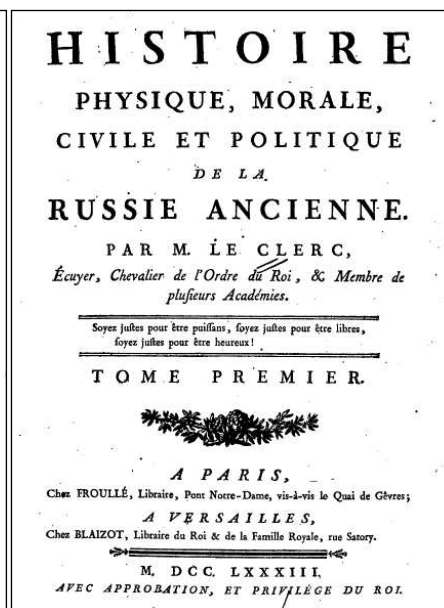
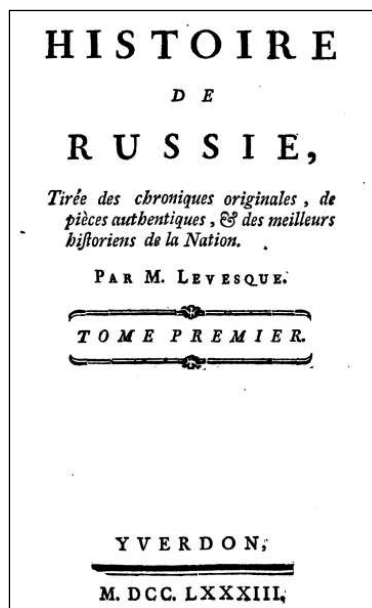
Кроме того, в воспоминаниях Ш. Массона есть такое объяснение ненависти Екатерины к сочинению Левека: «Лучшая история России — это, бесспорно, история Левека. Екатерина ненавидела это сочинение, как и труд аббата Шаппа, и задала себе огромную работу, справляясь с древними хрониками, чтобы отыскать какие-нибудь недочёты и ошибки у этого уважаемого историка. И всё потому, что он двадцать лет назад имел мужество намекнуть, что Екатерина была убийцей Петра III и Ивана».

Крайне негативное отношение императрицы к «Истории...» Леклерка может объясняться также и тем, что Леклерк принадлежал к сторонникам «здорового» законодательства. Излагая историю России, он постоянно указывает на нарушение «общественного договора» со стороны власти. Безусловно, это не могло понравиться императрице и её окружению.

Что касается отношения к труду Леклерка со стороны Левека, то необходимо отметить, что он ревниво отнёсся

к выходу в свет сочинения своего последователя. Он прямо обвинил его в плагиате, на что Леклерк заметил, что он начал подготовку своего издания задолго до публикации «Истории...» Левека. В свою очередь Леклерк также обвинил своего визави в заимствовании из его труда. Заканчивая второй том «Примечаний на Историю г. Леклерка», Болтин написал о дискуссии между Левеком и Леклерком относительно плагиата последнего следующее: «...против возражений г. Левека г. Леклерк не мог отвечать ни слова, а вместо опровержения его улик употреблял только брань, порицание и лукавые увёртки, отвечая другое нежеле в чём был доказываем и избличаем».

Трудно согласиться с Д.Н. Шанским, который считает, что вряд ли они «заимствовали» друг у друга материал. Историк полагает, что сходство работ двух французов

объясняется не «списыванием», а использованием одних и тех же источников при написании сочинений. Отчасти это правда, однако при сравнении текстов Левека и Леклерка мы видим, что серьёзное сходство наблюдается именно между трудами французов.

Сравнивая труды Левека и Леклерка, Болтин писал: «Должно, по крайней мере, отдать г-ну Левеку справедливость в том, что если и не имел он удачи в избрании [материалов для написания своей истории], успеха в образовании и сочетании собранных им припасов; если и впадал он иногда в погрешности и заблуждения по недостаточному употреблению внимания и рассмотрения, но на место исторических бытий, сказок и небылиц он не подставлял, безобразных басен не соплетал, и неприметно, чтобы он имел умысел клеветать и злословить».

Ко второй половине XVIII века относятся публикации основных источников по истории Древней Руси. В первую очередь — это Повесть временных лет (Кёнигсбергская или Радзивилловская летопись), Никоновская летопись, Русская Правда, Степенная книга, Царственный летописец, Царственная книга, Синопис, известия византийских и восточных историков, Древняя российская вивлиофика, труды С. Герберштейна, А. Гваньини, хана Абулгази. В своём труде Левек ссылается на основные источники по древней русской истории, которые были опубликованы ко второй половине XVIII в. Исследователю сильно облегчает задачу то,

что французский историк на полях ссылается на издания, откуда он почерпнул сведения.

Что касается сочинения Леклерка, то источниковой базой для него послужили материалы, с которыми он познакомился во время своего пребывания в России. Первым, к кому обратился француз, был Михаил Григорьевич Собакин, который охотно помог Леклерку в поиске материала. Чиновники, находившиеся в подчинении у Собакина, сделали обширные выписки из архивов и библиотек. Все эти рукописи были переданы Леклерку, некоторые даже были специально переведены на французский язык. В течение 1773 г. (до своей смерти) Собакин, которого Леклерк называл своим наставником и учителем в изучении источников по русской истории, предоставлял обширные материалы.

Перед французским историком встал вопрос об отборе материала и его анализе. Для этого он обратился к М.М. Щербатову, чью жену он удачно лечил, и получил от него не только дополнения к своим источникам, но

современных российских земель, речь идёт о их миграции. Следовательно, киевский летописец явился родоначальником так называемой миграционной теории происхождения славян, известной также как «дунайская» или «балканская». Популярной она была в сочинениях средневековых авторов: польских и чешских хронистов XIII–XIV вв. Это мнение долгое время разделяли русские историки XVIII в.

В главе под названием «De l'antiquité des slaves» («О древности славян») Левек пытается выяснить происхождение славян. По мнению французского учёного, изначально россы представляли собой отдельный народ, у которого были свои обычаи и язык. Однако позже они смешались со славянами и восприняли язык и культуру последних. Первые упоминания о славянах появляются не ранее IV в. н.э. Здесь он замечает, что славяне были известны грекам и римлянам задолго до этого времени под другими именами.

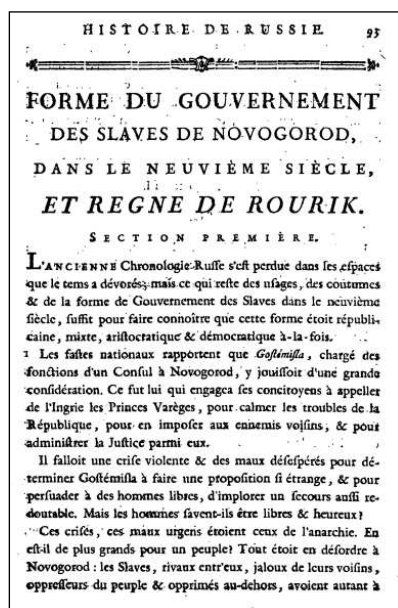
Автор уточняет, что имена эти самим славянам известны не были. Возможно также, что разные племена славян были известны под различными названиями (подобно тому, как по-разному именуются жители современных Левеку европейских регионов). Историк склоняется к выводу, что «славянами» называли общность славянских племён. Он приводит два взгляда на этимологию этнонима «славяне». Приверженцы первой точки зрения выводят происхождение эндоэтнонима «славяне» от слова «слава». Но тогда, как пишет Левек, славяне называли себя как-то ещё до того, как покрыли себя славой. Вторая группа учёных вела его от «слова». Они полагали, что славяне, не зная других языков, считали другие народы немцами («немцы»), себя же они называли «говорящими» или «словянами».

Левек полагал, что славяне пришли с Востока, подобно всем остальным европейским народам. Восточные историки ведут происхождение, как славян, так и руссов от Иафета, третьего сына Ноя. Левек приводит также точку зрения Абулгази, хивинского хана, историка XVII в., написавшего исто-

торию своего народа, и Бартеlemi д'Эрбело де Моланвиля (Barthélemy d'Herbelot de Molainville), французского востоковеда XVII века, который ссылался на восточных авторов в своём главном труде «Восточная библиотека». Они полагали, что славяне происходили от Саклаба, а руссы от Руся. Впрочем, и тот, и другой были сыновьями (или внуками) Иафета.

Леклерк пишет, что только восточные авторы в той или иной степени проливают свет на вопрос о происхождении русских и поляков. Также как и Левек он повторяет точку зрения хана Абулгази, который полагал, что славяне происходили от Саклаба, сына Иафета. Далее он приводит мнение византийского императора Константина Багрянородного, что россы и славяне различались как по своему происхождению, так и по языку. По мнению же других историков (каких, об этом он умалчивает) россы происходили от Руся, другого сына Иафета. Более о предках русских Леклерку ничего не известно.

Левек считает вполне возможным, что, придя с Востока, славяне вначале расселились на территории современной ему России. Затем они стали селиться по берегам Каспийского и Азовского морей, а оттуда перебрались в Пафлагонию. Историк упоминает, хотя и указывает

также комментарии и новые сведения по русской истории. Именно Щербатов дал Леклерку «конспект по истории от Рюрика до Федора Иоанновича», а также данные по истории русского искусства, дворянства.

Материалы, полученные от Собакина и Щербатова, являются существенной частью труда Леклерка. Однако основу его произведения составляет «История...» Левека, которую он, иной раз, цитирует целыми страницами с небольшими сокращениями. Кроме того, Леклерк активно использует личные воспоминания и наблюдения.

П.-Ш. Левек и Н.-Г. Леклерк в своих «Историях...» опирались на следующие произведения их российских коллег: труды А.И. Манкиева, В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера, М.В. Ломоносова, Ф.А. Эмина, И.М. Стриттера, М.М. Щербатова.

Как известно, первым, кто попытался ответить на вопросы: откуда, как и когда появились славяне на исторической территории, был древнейший летописец Нестор — автор «Повести временных лет». Он определил территорию славян, включая земли по нижнему течению Дуная и Паннонию. Именно с Дуная начался процесс расселения славян, то есть славяне не были исконными жителями

на бездоказательность, что за славян в современной ему Европе принимали жителей Трои, Мидии. Пытались представить венетов, венедов и энетов (генетов) как предков славян. И после того, как их выгнали местные жители, и была разрушена Троя, они присоединились к Агенору. Оттуда они пошли на берега Адриатического моря. Поэтому и земля, на которой они поселились, стала называться Венетией, позже они заложат в этих местах город Венецию.

По всей видимости эту легенду Левек почерпнул у Ломоносова в «Кратком российском летописце», где тот писал, что «древность самого народа даже до баснословных еллинских времен простирается и от троянской войны известна».

Левек подмечает, что топоним «Венеция» очень схож с этнонимом «венды», под которым в средние века были известны полабские славяне. Он указывает на то, что в устье Одера славянами был заложен город Венета (Veneta), а также город с таким же названием существует на острове Рюген (Rugen), что на севере современной Германии. Названия эти происходят от слова «венец» (корона) и указывают на «венец земли».

Однако точных данных о расселении славян у Левека нет. Единственное, что он может утверждать, так это то, что славяне издревле жили на территории России. Здесь они смешались со скифами. Левек ошибочно полагал, что об этом свидетельствует древнее название Днепра — Борисфен, происшедшее от слова «бор».

Леклерк полагал, что в древности Россия и Польша были частью Скифии. Россия была лишь частью европейской земли сарматов, которая была населена сарматами, готами, массагетами, гуннами, аланами, гетами, цимбрами, рокселанами, варягами и славянами. Славяне были известны под именем «словене» или «новгородские славяне», руссы именовались «руссами киевскими».

И.Н. Болтин это положение Леклерка критикует и заявляет, что славяне пришли с берегов Дуная или даже, вероятнее, из Вандалии. Когда славяне пришли на территорию современной России, они стали называться по названиям мест проживания (поляне, северяне, радимичи, древляне, дреговичи и т.д.). Русский историк отдельно отмечает, что те, кто поселился на берегах Ильменя, смешавшись с местными жителями, стали называться «руссами». Жители Киева назывались не «руссами», «киви». После же прихода славян их стали называть «горянами» и «полянами». Название же «руссы» они приобрели лишь после прихода Олега.

Кроме того, Болтин опровергает мнение француза, будто русские происходят от гуннов, и в этой связи даёт обзор народов, населявших в древности Восточную Европу. Он считает, что славяне уже в те времена были известны под именем венедов, генетов и даков.

Левек упоминает о легенде, согласно которой главным городом славян был город Славенск, на месте которого позже будет стоять Новгород. Однако славяне были изгнаны с этих мест уграми (гуннским племенем, пришедшим из Сибири) и ушли на запад и юг. Одна часть славянских племён вторглась в Римскую империю, другая осела на берегах

Балтийского моря. Потомки этих «эмигрантов» населяют Богемию, Болгарию, Сербию, Далмацию, Венгрию, Померанию, Селезию и другие территории.

Однако не все славяне ушли с территорий России и Польши (древней Скифии). На этих территориях оставалось большое количество славянских племён. Среди них Левек упоминает о волынянах, ляхах (поляках), полянах, полочанах, древичах, древлянах, славянах (живших на берегах озера Ильмень) и северянах.

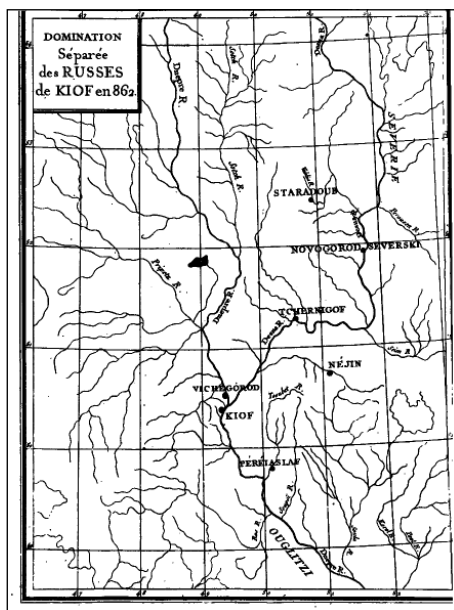
Славяне были достаточно сильными, чтобы наложить дань на соседние племена. Территория их влияния обширна: от Литвы до Урала и от Белого моря до Ростовского озера (ныне оз. Неро в Ярославской области). Однако с течением времени они сами стали варяжскими данниками, и для того, чтобы свергнуть иго, вынуждены были пригласить «государей». С этого и начинается русская государственность.

Помимо рассуждений об этногенезе славян Леклерк даёт свой вариант происхождения руссов. В незапамятные времена они были народом, который ничего общего не имел с готскими племенами, и являлись гуннскими данниками. Основным местом их обитания были берега Борисфена (Днепра). Главным же городом был Киев. Леклерк пишет, что это не просто гипотеза, доказательствами здесь могут быть памятники древней письменности, летописи, а также лингвистические исследования.

Леклерк пишет, что предки гуннов, которые населяли юг современной России, были известны под именем «угры». Чудью же именовались те, кто жил на территории от Ледовитого океана от Ливонии. Гуннское происхождение Леклерк находит в языках венгров, лапландцев, финнов, эстонцев, коми-пермяков, черемисов (марийцев), чувашей, самоедов (самодийцев), вогулов (манси). Земли, находившиеся под властью руссов киевских, назывались Кунингардом («гуннские земли»).

Эту гипотезу, по мнению автора, подтверждает то, что русские правители именовали себя «каганами». Именно такой титул носили и правители хазар, племени, которое имело гуннское происхождение. Кроме того, у современных турок также гуннские корни. Древние русские летописи называли гуннские земли «Угорией», а место, где покоились правители Киева, называлось Угорским.

Леклерк сожалеет, что не имеет подобных доказательств происхождения славянских племён. Греки, знавшие их как воинов, считали, что они пришли с востока и осели на берегах Каспийского и Азовского морей. Здесь они смешались со скифами. Прокопий Кессарийский был первым, кто упомянул о них под именем «славяне» в своих произведениях. Леклерк опровергает гипотезы о том, что славяне населяли Пафлагонию, Мидию, были предками троянцев, были также известными как венеды и генеты. Как и Левек, он упоминает, хотя и считает это выдумкой, что после разрушения Трои славяне примкнули к Агенору, и отправились к берегам Адриатического моря, где и поселились. Земли эти стали называть Венетией, а столицу — Венецией.

Левек и Леклерк писали о призвании варягов уже после окончания первой отечественной исторической дискуссии на эту тему между М.В. Ломоносовым и Г.-Ф. Миллером. Конечно же, она была известна французским историкам.

Приступая к описанию истории России, Левек сетует на то, что европейцам она плохо знакома. И даже правление Петра Великого этому не помогло. Россия, или Московия, оставалась для них *Terra incognita*. Левек замечает, что в средние века Русь не уступала в богатстве и влиянии европейским государствам, пока она не разделилась на самостоятельные княжества, к чему привела постоянная вражда между князьями. Левек согласен с Монтескье, что русские не были варварами до правления Петра Великого. Левек уверен в том, что об истории России можно говорить начиная с IX века. Однако он отмечает, что Новгород и Киев, по преданию, были основаны в V веке.

Левек начинает своё повествование с Кия, который по легенде воевал с Византией, осаждал Константинополь и в итоге заключил мир с императором. Однако, подмечает Левек, утверждать, равно как и отрицать это, не имеет смысла из-за недостатка источников.

О наследниках Кия Левеку ничего не известно. И что происходило в тех землях с V по IX вв. ему неизвестно. Он указывает на полях, что в его основных источниках об этом нет сведений (Кёнигсбергская и Никоновская летописи). Следующая запись в его «Истории...» датирована 851 г., когда русы под предводительством Оскольда опять осаждали Константинополь, приплыв туда на 200 ладьях. Они разграбили окрестности столицы Византии, однако город взять не смогли, поскольку начавшаяся буря разрушила их флотилию. Левек здесь ссылается не только на русские летописи, но и на сочинения византийских историков Георгия Кедрина и Ионна Зонары.

Левек писал, что новгородцы на протяжении долгого времени управлялись самостоятельно. Однако внутренние раздоры сделали их данниками варягов. Собравшись с силами, новгородцы смогли сбросить варяжское иго и восстановить свою власть, но раздоры их всё равно продолжались. Горожане приняли решение обратиться к русским варягам (*Variagues Russes*) и пригласить к себе правителя из их числа.

Леклерк считал, что власть у славян существовала и до призвания варягов. В Новгороде главой исполнительной власти был консул, а формой правления была республика. Именно Гостомыслу принадлежала идея пригласить варягов в Новгород. Леклерк задаётся вопросом, как возможно, чтобы свободные люди добровольно отдали свою независимость и пригласили инородцев править ими. Он пытается найти ответ в том, что состояние дел в городе было сходным с анархией, где жители находились в перманентном конфликте между собой, кроме того, соседи постоянно досаждали им. В этой ситуации у новгородцев был только один выход — прибегнуть к внешней силе. Леклерк, заканчивая свою мысль, приходит к выводу, что призвание варягов свидетельствует о том, что славяне были свободными и приглашение Рюрика — решение добровольное. Кроме того, французский историк полагал, что отказ на время от свободы может считаться высшим проявлением гражданской сознательности.

Левек также анализирует это решение и констатирует, что оно было принято не по доброй воле, поскольку никому не свойственно приглашать себе правителя из числа недавних врагов. Скорее, на эту должность выберут кого-то

из горожан. Объясняет французский историк это тем, что новгородцы либо сильнее прочих опасались именно варягов, либо надеялись получить от них покровительство и наибольшую помощь.

Левек предлагает читателю разобраться, кто такие варяги, а кто — руссы. По его мнению, первые не были отдельным народом. Этот общий этноним использовался для обитателей берегов Балтийского моря, и основным их промыслом был грабёж. Поскольку ремесло требовало известной доли храбрости и отваги, то в те времена не считалось зазорным. Князья во главе своих дружин грабили суда на Балтике. По данным Левека это продолжалось, по меньшей мере, до XII в. Француз задаётся вопросом: почему морские грабежи менее славные и героические, чем сухопутные завоевания?

Левеку вторит Болтин, он подчёркивает, что все народы на определённой стадии их общественного развития участвовали в грабительских войнах. «Первобытные римляне упражнялись в разбойничестве... Сколько раз ломбарды для добычи впадали в Италию прежде, нежели поселились части оныя? Колико крат франки разоряли и грабили Галлию, пока совершенно ее игу власти своей покорили?».

Ссылаясь на Повесть временных лет, Левек пишет, что варяги были шведскими, норманнскими, английскими и русскими. Он замечает, что если известно, что у шведов, англичан и норманнов было готическое происхождение, то кто были предками руссов, неизвестно.

Левек отмечает, что русские тщетно пытаются вывести варягов и славян от одних предков. Он пишет, что даже Нестор («древнейший из их историков») пытается отличить варягов от славян. Российские же историки, призывая на помощь себе лингвистику, указывают на то, что среди славянских селений часто находятся таковые с названиями, производными от слов «Руси», «Россы», «Руги».

Болтин не согласен с мнением Леклерка о кочевом характере русского народа в дорюриковский период, указывая на обилие сведений о древнерусских городах, что свидетельствует об оседлом образе жизни его населения. Он отмечает, что славяне находились на том же уровне развития, как и другие народы средневековой Европы. Оппонируя Леклерку, Болтин писал: «Не должно приписывать единому народу пороков и страстей общих человечества. Прочтите первобытные веки всех царств, всех республик, найдете во всех нравы, поведения и деяния их сходными».

Значительный интерес представляло высказывание Болтина по норманнскому вопросу: деятельности варягов он не придавал особого значения, поскольку в своём развитии варяги находились на одной ступени с русским народом. Болтин, возражая Леклерку по поводу того, что якобы первыми «учителями» русских явились варяги, доказывает, что ещё до призвания Рюрика с братьями у восточных славян были развиты земледелие, ремесла, торговля, имелись города, славяне не были кочевыми племенами.

Как отмечал Д.Н. Шанский, Левек в своём описании Древней Руси показывал, что она не отставала от европейских государств, а шла своим оригинальным путём развития без особого влияния извне.

Хотя история России и ведётся с IX века, однако древнейшие города (Новгород и Киев) были заложены много раньше этого периода в V веке. Левек пишет, что Киев был основан Кием в 430 году. Он приводит несколько гипотез относительно личности Кия. В соответствии с одними он

был князем, с другими — простым перевозчиком на переправе через Днепр, с третьими — пришедшим из диких полей между Бугом и Днепром. Леклерк менее интересуется проблемой основания Киева и даёт лишь описание земель, которые были подвластны Киеву до призвания варягов и ограничивались Белгородом на востоке, Могилёвом на севере, Новороссией на юге и Польшей на западе.

Одновременно с основанием Киева на берегах озера Ильмень был заложен Новгород, который в течение многих веков оставался важнейшим торговым центром Руси. Левек замечает, что именно торговля, которая не может развиваться в условиях притеснения, была основным двигателем новгородских вольностей и демократии.

Левек пишет, что город этот был славянской столицей и был заложен недалеко от старого города (Старгорода), который был несколько раз разорён во время войн и окончательно был оставлен жителями после эпидемии. Леклерк добавляет, что если у нас нет никаких доказательств того, что Венеция была основана славянами, то не вызывает сомнений то, что главный их город появился на берегах Волхова и был назван Славенском.

Поэтому вновь построенный город и получил своё название — Новгород. Развалины же старого поселения можно видеть и поныне — Рюриково городище в двух километрах от современного Новгорода.

Левек хотя и отмечает, что новгородская история до IX в. известна не более, чем киевская. Константин Багрянородный в своих сочинениях упоминает, что византийцы торговали с новгородцами задолго до его правления. Новгородцы торговали рабами, мехами, солёной рыбой, мёдом, воском, солью, взамен они получали вино, ткани, сукно. Леклерк немного расширил список завозимых византийцами товаров в Новгород, сюда он добавил сушёные фрукты, конфитур, рис. Леклерк считает, что лучше места для города славяне выбрать не могли, как и Левек, он ссылается на Константина Багрянородного, который описывал обширную торговлю новгородцев и византийцев. Если Левек говорит о торговле рабами новгородцами, то Леклерк пишет об этом более уклончиво и оставляет возможность такой коммерции.

Отдельно Леклерк упоминает об обширности новгородских земель. Он очерчивает эти земли на северо-востоке Архангельском, на юге — Псковом, на западе — Псковом, Выборгом и Санкт-Петербургом.

Внимание Левека привлекли вечевые порядки в Новгороде. Французский историк полагал, что у власти в городе находился простой люд и все горожане имели право голоса, именно они и продвигали свои решения на Вече. Он считал, что развитие политической системы Новгорода вело к анархии, а оно в свою очередь к «рабству» (присоединению к Москве). Суждение Леклерка идёт ещё дальше: русский народ «издревле был в невольничестве и признавал рабство за естественное свое состояние». Болтин выступал против этого и акцентировал внимание на вечевом устройстве, на «общенародных собраниях», где всякий гражданин имел право высказаться и проголосовать.

Не вина, а беда Левека заключалась в том, что он находился у колыбели исторической науки, у истоков исследования древнейшей истории славян и изучения вопроса об образовании Древнерусского государства и начальном периоде его существования. Как известно, древняя русская история плохо обеспечена источниками. Многие важные вопросы являются предметом дискуссий и в наше время.

Левеку удалось создать собственную концепцию (Леклерк во многом её повторил) происхождения славян, опираясь на данные сравнительного языкознания, сведения античных, византийских и восточных авторов, Повесть временных лет, Библию, мифы, предания и т.д.

Произведения Левека и Леклерка пользовались известностью, как во Франции, так и в России. Об этом свидетельствуют их переводы на другие языки и переиздания. В России сочинение Левека использовалось для обучения русской истории детей в дворянских семьях.

В целом мы можем говорить, что сочинение Левека более научно, а Леклерка — философично и историософично. Левек и Леклерк одними из первых пытались решить сложную проблему происхождения и расселения славян. Вокруг неё и ныне ведутся оживлённые научные дискуссии, в современной науке, несмотря на поистине титанические усилия учёных XIX—XX вв. — историков, археологов, этнографов, лингвистов из разных стран, существуют различные точки зрения относительно этногенеза славян, территории их расселения, времени разделения на три основные группы: западных, южных и восточных славян. Современная наука не имеет ясного представления о происхождении и древнейших судьбах славян, об образовании древнерусского государства.

ИСТОЧНИКИ

Болтин И.Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненная генерал майором Иваном Болтиным. Т. 1—2. СПб., 1788.

Болтин И.Н. Ответ генерал майора Болтина на письмо князя Шербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789.

Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко то: российские посольства в другия государства, редкия грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многия сочинения древних российских стихотворцев / Изд. Н.И. Новиков. В 10 т. СПб., 1774.

Екатерина II. Сочинения. В 12 т. СПб., 1901. Т. 8.

Масон III. Секретные записки о России. М., 1996.

Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774—1796). СПб, 1878.

Сомов В.А. Проспект «Российской истории» П.-Ш. Левека // Книга в России в эпоху Просвещения. Л., 1988.

Сомов В.А. Французская «Росси́ка» эпохи Просвещения и

русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. Л., 1986.

Шанский Д.Н. Из истории русской исторической мысли. И.Н. Болтин. М., 1983.

Шанский Д.Н. Французская историография феодальной России. М., 1991.

Le Clerc N.-G. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne. Paris, 1783—1784. Т. 1—3;

Le Clerc N.-G. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne. Paris, 1783—1792. Т. 1—3.

Levesque P.-Cb. Histoire de Russie. Paris, 1782. Т. 1—5.

Levesque P.-Cb. Histoire de Russie. Yverdon, 1783. Т. 1—6.

Levesque P.-Cb. Histoire de Russie. Hambourg, Brunswick, 1800. Т. 1—8.

Levesque P.-Cb. Histoire des différents peuples soumis à la domination des russes ou suite de l'Histoire de Russie. Т. 1—2. Paris, 1783.

Pétigny de Saint-Romain X. Notice biographique sur Pierre-Charles Lévesque. Blois, 1964.

Элеонора Панкратова

ГАМСУН И РОССИЯ

В юности нобелевский лауреат Кнут Гамсун (1859—1952) писал о себе: «Моя жизнь — это неустанный полёт через многие земли. Моя религия — безудержное поклонение природе. Мой мир — эстетическая литература». Слова Гамсуна оказались пророческими во всех смыслах. Ему довелось много путешествовать. Германия, Америка, Россия сыграли значительную роль в жизни Гамсуна, с этими странами у него складывались свои, порой «драматические отношения».

Посетивший Норвегию в 1905 г. М.М. Пришвин в своей книге «За волшебным колобком» (1908) писал: «Все мои помыслы обращены теперь к Норвегии... у русских есть какая-то внутренняя интимная связь с этой страной. Быть может, это от литературы, так близкой нам, почти родной. Но, быть может, и оттого, что европейскую культуру не обидно принять из рук стихийного борца за неё, норвежца. На судах наши русские моряки встречаются и с англичанами, и с немцами, но всегда отдают предпочтение норвежцам: самый лучший народ норвежцы — слышал я сотни раз». Эти слова как нельзя лучше определяют и отношение русских к норвежцам, Норвегии, её культуре.

Далее Пришвин рассказывает, как плывя на пароходе среди норвежских фиордов, он решил было подразнить своих норвежских попутчиков: «Я говорю им, что Ибсен был великий писатель, но и у шведов есть недурные: Бьёрнсон, КНУТ ГАМСУН (выделено мной — *Э.П.*). Я перечисляю ряд имён норвежских писателей и называю их шведскими. Такого эффекта я даже не ожидал. Я никак не думал, что писатели, которых, вероятно, не очень-то знают эти захолустные люди, могут быть предметом такой национальной гордости».

Хочется привести ещё один любопытный факт: выдающийся норвежский поэт Нурдаль Григ, посетивший Россию в 1933—1934 гг. писал впоследствии в своём эссе «Кнут Гамсун»: «Несколько лет тому назад осенью я находился проездом в Архангельске, мне нужно было сесть на пароход, чтобы ехать дальше. В доме, где я остановился, мне случайно попало на глаза собрание сочинений Гамсуна в шестнадцати томах. Я тотчас набросился на книги, принялся читать „Голод“. Я пропускал пароход за пароходом, отплывающие в Мурманск, и, погрузившись в мир родного языка, запоем стал перечитывать „Пана“, „Мистерии“, „У жизни в лапах“...».

У Кнута Гамсуна есть, несомненно, своё прочное место и в русской духовной жизни. Общеизвестно, что он был одним из любимых и читаемых у нас авторов и в 90-е годы XIX века, и на рубеже XIX—XX веков, впрочем как и теперь. Всегда были читатели, которые с нетерпением ждали выхода его новых

произведений. Некоторые его романы издавались в России даже раньше, чем в Норвегии.

В связи с этим несомненный интерес представляет переписка Гамсуна с Константином Пятницким, основателем

Кнут Гамсун

и главным редактором московского издательства «Знание», из которой следует, что написание романа «Бенони» было во многом простимулировано авансом, полученным Гамсуном от издательства. Между Кнутом Гамсуном и «Знанием» был подписан договор, согласно которому издательство приобретало на трёхлетний срок (1908—1911) исключительные права на публикацию произведений писателя (новые работы Гамсуна должны были выходить в России по крайней мере на два месяца ранее, чем в какой-либо другой стране, включая Норвегию). Общие суммы гонораров были оговорены на каждое издание, но при этом распределялись как регулярное ежемесячное жалованье штатному сотруднику.

Гамсуна восторженно, но при этом осмысленно любили русские классики. Чехов называл роман «Пан» «чудесным и изумительным», для Блока Кнут Гамсун — «утончённый поэт железных, северных ночей, северных закатов, звенящих колокольчиков, проникший в тайны природы».

Куприн писал в 1908 г.: «И если имя Гамсуна действительно теперь на устах всех образованных русских читателей, то это явление приятно заметить как рост художественного понимания и повышения вкуса. Он пишет так же, как говорит, как думает, как мечтает, как поёт птица, как растёт дерево. Все его отступления, сказки, сны, восторги, бред, которые бы были нелепы и тяжелы у другого, составляют его тонкую и пышную прелесть... И самый язык его неподражаем — этот небрежный, интимный, с грубоватым юмором, непринуждённый и несколько растрёпанный разговорный язык, которым он как будто бы рассказывает свои повести, один на один, самому близкому человеку и за которым так и чувствуется живой жест, презрительный блеск глаз и нежная улыбка. Но имя Гамсуна останется навсегда вместе с именами всех тех художников прошедших и грядущих веков, которые возносят в бесконечную высь ценность человеческой личности, всемогущую силу красоты и прелесть существования и доказывают нам, что «сильна как смерть любовь» и что

ничтожны и презренны все усилия опутать её цепями условности».

Творчество Гамсуна явилось откровением для русской публики, оно показывало самоценность жизни, человеческого существования. Российское общество буквально бредило Гамсуном. Журналист с российскими корнями, Марк Левин, корреспондент норвежской газеты «Моргенбладет» писал о настоящем «культе Гамсуна» в России. Добавлю от себя: в стране, где литература традиционно во многом играла роль общественной трибуны и всегда была как бы бесплотна.

Наиболее полное многостороннее фундаментальное исследование на тему роли Гамсуна в русской духовной жизни было написано ещё в 1969 г. Мартином Нагом. На него ссылается и профессор Харалд Несс в шеститомном собрании писем Гамсуна, вышедшем в издательстве «Гюльдендаль» в 1994—2000 гг. В этом исследовании Наг представил огромный фактологический материал в диапазоне от прямых упоминаний свидетельств, цитат, аналитических выкладок, архивных данных до дерзких догадок по поводу возможных творческих импульсов. Исследователь пишет, что загадочное, манящее имя Иллаяли, которым герой «Голода» назвал случайно встреченную даму, перекликается, по его мнению, с именем одного из героев пьесы Юрия Олеши «Список благодеяний», пародийного персонажа Улялюма. Перу того же автора принадлежит вышедшая в 1998 г. монография «Гений Кнут Гамсун — норвежский Достоевский».

Гамсун сам по себе — целый мир и писатель мирового значения, слава которого не тускнеет со временем. В последние годы его перевели даже на индонезийский и азербайджанский языки. Есть две страны, которые сыграли особую роль в жизни Гамсуна — это Германия и Россия.

В 1900 г. Гамсун писал литературному критику и писательнице Дагни Кристенсен: *«Как это, наверное, удивительно знать русский язык. О, Боже, как это было бы замечательно для меня владеть русским! Я был в Петербурге, в Москве, путешествовал по России и Кавказу, более чудесного, сказочного путешествия в жизни не было, особенно незабываема дорога из Владикавказа в Тифлис... Это другая планета, там люди красивей, вино красней, горы выше. А где-то рядом с Казбеком навсегда поселился Всевышний»*. В 1906 г. он писал переводчице Марии Благовещенской: *«Не понимаю, зачем русские так много переводят с других языков. У вас ведь у самих лучшая литература в мире! Во всём мире. О, если бы я только знал русский! Подумать только я смог бы прочитать и Достоевского, и Гоголя, и Толстого, и всех прочих в оригинале»*.

Об упомянутом в первом письме путешествии по России Гамсун написал книгу «В Сказочном царстве» (1903). Книга только по внешней канве похожа на привычные путевые заметки, скорее это импрессионистические зарисовки, мимолётные впечатления, импульсы. В ней трудно найти какие-то подлинные реалии. Ключевыми словами для осознания написанного Гамсуном является подзаголовок книги —

«об увиденном и пережитом» («oplevet og dromt»). Совершенно очевидно, что перед нами не реальная картина России, а некий причудливый «ландшафт души» писателя, порождённый прихотливой игрой воображения, в соответствии с тем, как он описывает процесс своего творчества в знаменитом эссе «О бессознательной духовной жизни».

Описания Гамсуна странны и причудливы, начиная от описания внутреннего убранства церкви (где якобы выставлены гвоздь от креста Господня и лоскут от ризы, что невозможно в Православной Церкви) и до рецепта приготовления щей.

При этом реальная Россия как географический сосед всегда была где-то рядом, присутствовала в сознании и творчестве писателя. Во время остановки поезда на каком-то полустанке на юге он видит молотьбу и вспоминает: *«Помню, когда я был маленький и мы жили в Нурланне, привезли нам архангельское зерно и небольшую мельницу моего отца с трудом молола его»*. Русские корабли — постоянные гости, неотъемлемая часть жизни норвежских портов, он упоминает об этом и в своей статье о Нурланне «Теолог в сказочной стране». Герой «Голода» находит работу на барке под русским флагом; лейтенант Глан в романе «Пан» говорит с Эдвардой о поездке её отца, купца Мака, в Россию; Бенони Хартвигсен из одноимённого романа рассуждает так: «В такой огромной стране как Россия мало ли отчего меняются цены на хлеб. Припустят к примеру дожди. Дороги развезёт. Крестьянину с урожаем не добраться до городов. Ну, цены в Архангельске и подскочат».

Духовный мир Гамсуна характеризует тесная связь с русской культурой. В своих письмах Гамсун упоминает Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, не говоря уже о Толстом и Достоевском. Достоевский был его любимым писателем. Его портрет висел у Гамсуна над кроватью рядом с портретом Гёте. Своей жене Марии Гамсун писал: «Достоевский — единственный писатель, у которого я чему-то учился, он самый великий из русских гигантов».

При этом Гамсун никогда сознательно не стремился подражать Достоевскому, но тот ему был настолько духовно близок, что с этим оказалась связанной история о плагиате. В 1889 г. Гамсун написал новеллу «Азарт», сюжет которой напоминал роман Достоевского «Игрок». Конечно же, Гамсун как самостоятельная ярчайшая творческая личность и честный человек не мог копировать чужое творчество, тем более заниматься литературным воровством. На норвежском «Игрок» вышел после того, как Гамсун отдал в печать свой рассказ. Он просто прочёл английский перевод романа, напрочь забыл об этом, а потом сам заново как бы сочинил его, извлёк из своего подсознания. Впоследствии Гамсун заново переписал рассказ, назвав его «Отец и сын».

Тема «Гамсун и Толстой» блестяще разработана профессором Эриком Эгебергом, который справедливо говорит, что на первый взгляд «взаимоотношения» между Гамсуном и Толстым «можно трактовать лишь в форме перечня больших и мелких, чаще всего больших, различий и противоположностей». Поскольку совершенно очевидна близость Гамсуна

Достоевскому, то это как бы заведомо исключает соотнесённость с его антиподом Толстым. Ведь это писатели, находящиеся в заведомо разных эстетических плоскостях. В одной из своих лекций, опубликованных под заголовком «Турне», Гамсун желчно говорит об оболыщении иллюзией знания, о религии, о Будде, о чепухе, о Толстом, в то время как Толстой в своём трактате «Что такое искусство» также обрушивается на литературные и художественные авторитеты, за абсурдность и аморализм их творчества. Глубинное сходство между двумя писателями Эгеберг видит в том, что итог размышлений обоих писателей один: значение имеет «жизнь, а не слова», а фундаментом радикализма является неприятие и Гамсуном, и Толстым современной им в цивилизации, руссоистское стремление к земле, к почве.

Особое отношение к Гамсуну было у А.М. Горького. Можно предположить, что во многом именно благодаря пристрастию «образцового пролетарского писателя» к творчеству норвежского собрата по перу, со вкусами которого нельзя было не считаться, произведения Гамсуна неустанно издавались в советское время, вплоть до 1934 г., когда опубликовали завершающую часть трилогии об Августе «А жизнь идёт». В одном из писем Гамсуну о его ранних романах Горький писал: «Ваши книги — источник высокого духовного наслаждения... это гениальные книги, Гамсун, и я совершенно серьёзно, искренне говорю Вам: сейчас в Европе Вы — величайший художник, равного Вам нет ни в одной стране».

Удивительно, но в их судьбах так много общего: служение «в людях» в ранние годы, нищета, скитания и отсутствие образования, идеологические пристрастия... Обоих восхищали сильные личности, оба (увы!) так или иначе поддерживали тоталитарные режимы. Выражаясь языком социальной психологии, можно говорить о сходных типах личности, но это, конечно же, предмет специального научного исследования.

Гамсун был известен в России и как драматург. На русской сцене с большим успехом шли его пьесы «У врат царства», «Игра жизни», «У жизни в лапах» («В тисках у жизни»). История, связанная с постановкой последней, вероятно сама могла бы стать сюжетом для пьесы. Обаятельная актриса и интеллектуальная женщина Мария Германова сумела убедить Гамсуна, что она будет лучшим переводчиком пьесы нежели ставший уже к тому времени переводчиком-классиком Пётр Готфридович Ганзен. Гамсун отказался принять находившегося в Кристиании Петра Ганзена, который хотел обсудить с ним некоторые вопросы сотрудничества, сказав, что никого не принимает и сам не делает визиты. После этого оскорблённая чета Ганзенов отказалась от всякого сотрудничества с Гамсуном. Между тем актеры МХАТа сочли перевод Германовой неудовлетворительным, и новый перевод был заказан Раисе Тираспольской. Германова лишилась главной роли. Эта роль была отдана жене Чехова Ольге Книппер. Перевод долго не был готов, при этом у издательства «Знание» возникли проблемы с оплатой труда переводчиков. Во всей этой истории активно участвовал и Гамсун, который хотел, чтобы всё было по справедливости.

Пьеса «У жизни в лапах» была поставлена и имела большой успех, особенным успехом пользовался Качалов в роли набоба Пера Баста.

Косвенно тема «Гамсун и Россия» оказалась связанной с темой «Гамсун и Финляндия» (третьей по значению страной, сыгравшей определённую роль в жизни писателя). От своих друзей в Финляндии Гамсун много слышал о политике русификации, которую стал активно проводить новый генерал-губернатор Николай Бобриков. В мае 1899 г. в знак солидарности с финским национально-освободительным движением, находясь в Гельсингфорсе перед поездкой в Россию, Гамсун выступил в актовом зале университета с лекцией «Жизнь писателя», в которой позволил себе нелестные высказывания в адрес царской России.

В начале XX в. в Санкт-Петербурге вышло два собрания сочинений Гамсуна: Полное собрание сочинений в 14 томах (1910) и Собрание сочинений в 12 томах (1908—1918). Были также многочисленные отдельные книжные издания и публикации в журналах и альманахах.

В советский период судьба изданий Гамсуна была довольно драматична. Последнее издание Гамсуна было осуществлено, как упоминалось выше, в 1934 году, это был роман «А жизнь идёт», затем до начала 1970-х гг. — полное молчание. Потом началось движение в академических кругах (для меня явилось неожиданной радостью предложение кафедры истории зарубежной литературы филфака МГУ написать диплом о творчестве Кнута Гамсуна), а позднее и в сфере издательской деятельности. В 1970 г., после более чем трёх десятилетий молчания, был издан двухтомник избранных произведений Гамсуна.

В предисловии Б. Сучкова было сказано: «Лучшие произведения Гамсуна давно уже стали неотъемлемой частью классики новейшей мировой литературы... он уловил многие новые конфликты и общественные настроения, привнесённые в мир века двадцатого, противоречиями его цивилизации». Сучков справедливо резюмировал: «Время унесло всё наносное и ложное в наследии Гамсуна, и в сознании нашем он предстает как художник, воспевавший красоту и силу любви, изобразивший с глубочайшей пронизательностью сложность жизни человеческого сердца и те новые конфликты, которые внёс в историю век двадцатый».

В 1990-е гг. с началом перестройки начался Гамсуновский бум. В один прекрасный день из издательства «Радуга» мне позвонила редактор серии «Писатель и время», где незадолго до этого была опубликована публицистика Юхана Боргена, и сказала: «Ну, вот теперь-то уже можно опубликовать у нас и вашего любимого норвежского классика!». «Ибсена?» — спросила я, затаив дыхание. «Да нет же, Гамсуна!»

Так началась работа над сборником «В сказочной стране» — путевые заметки, статьи письма, — об издании которого я могла только мечтать. В Норвегии он вышел в 1993 г. Теперь почитатели Гамсуна смогли прочесть забытые с дореволюционных времён очерки — впечатления о путешествии по России и Кавказу, а также впервые познакомиться

с его знаменитыми лекциями о литературе и программной статьёй «О бессознательной духовной жизни».

Событием в культурной жизни нашей страны стал выход однотомника произведений Гамсуна в Санкт-Петербурге (тогда ещё Ленинграде), в который вошли старые классические переводы новелл писателя, сделанные К. Бальмонтом и А. Блоком. В 1993 г. в издательстве «Старт» вышел сборник «На заросших тропинках». В 1999 г. увидел свет самый последний и, по моему мнению, недооценённый роман Гамсуна «Круг замкнулся» в блестящем переводе Софьи Фридлянд. И, наконец, в 1994—2000 гг. издательством «Художественная литература» было издано шеститомное собрание сочинений Кнута Гамсуна.

В конце 2001 г. в Мурманске в рамках российско-норвежского проекта опубликована книга «Незнакомый Гамсун», одним из лейтмотивов которой является тема «Гамсун и Россия». В этот сборник, кроме не публиковавшихся ранее на русском языке статей и писем, вошёл самый первый роман писателя «Бьёргер» (1878), написанный им в восемнадцатилетнем возрасте, интересный отнюдь не только автобиографичностью. Уже в этом, во многом ещё незрелом романе намечаются основные темы творчества Гамсуна: изображение крестьянской жизни, скитания, сильные любовные страсти. Здесь уже в полной мере прозвучала мысль о том, что сущность жизни неизменна, вечна природа, её круговорот, и в связи с этим «Бьёргер» может служить в какой-то мере ключом ко всему дальнейшему творчеству писателя.

Важно и то, что в этом романе есть черты, которые дают повод для сопоставления творчества Гамсуна с творчеством Чехова. Вопрос о прямом влиянии исключён, речь может идти о типологическом сходстве, общей духовной атмосфере, о сходных эстетических умонастроениях и общем «языке эпохи».

Во многих жанровых сценках романа царит общая с чеховской прозой атмосфера, общее

мироощущение, восприятие действительности. Сходство заметно и в иронии, и в своеобразном мягком юморе, связанном с изображением Гамсуном и Чеховым тех персонажей, которых можно назвать гротескными, особенно в речевых характеристиках. Персонажи Чехова часто произносят речи, смысл которых тёмн и непонятен окружающим, либо изначально абсурден. За этим, как и у Гамсуна, стоит неприязнь к разного рода интеллектуальным доктринам, бесплодному умствования. Сходные черты мы видим у персонажей Гамсуна, которых можно условно назвать чудаками.

В 2006 г. в издательстве «ОГИ» вышел сборник «Мечтатели», куда вошли стихи Гамсуна в переводе Аллы Шараповой.

В 2007 г. Санкт-Петербургское издательство «Владимир Даль» выпустило тематический сборник произведений Гамсуна «О духовной жизни современной Америки». В него вошли статьи и письма об Америке, в которых великий норвежец восхищается красотой природы, трудолюбием американцев, но в то же время обличает их бездуховность.

В последнее время на русском языке издаются и переиздаются наиболее любимые и популярные романы — «Пан», «Виктория», «Голод», «Плоды земли», что свидетельствует о непреходящем интересе к творчеству писателя в России. Порой мы даже сами не догадываемся, насколько глубоко Гамсун вошёл в наш духовный мир. Как-то, листая перекидной календарь у себя на письменном столе, я увидела на одном из его листков афоризм дня — слова героя романа Гамсуна «Странник играет под сурдинку»: «Право жить есть такой щедрый, такой незаслуженный дар, что он с лихвой окупает все горести жизни, все до единой».

На мой взгляд, главный урок творчества Гамсуна в любви к человеческой жизни. Поэтому произведения его читаются в разных странах, в том числе и в России, завораживая любовью к жизни всё новые и новые поколения.

Русский офицер и финляндский художник ВИКТОР ТУДЕРУС

Виктор Эдвард Людвиг Тудерус родился 15 февраля 1852 г. * в польском городе Замостье, где служил тогда его отец — капитан Густав Эдвард (Эдуард Карлович) Тудерус, командир Замосцкой инженерной команды. Шведский род Тудерусов уходит своими корнями в XV в. Родовое имение Лойтто находилось неподалёку от городка Ристина в Финляндии, и после вхождения

последней в состав Российской империи Тудерусы становятся российскими подданными. Определением Правительствующего Сената 25 ноября 1853 г., утверждённым высочайшей грамотой 12 июля 1863 г., Густав Эдвард Тудерус был «признан в потомственном Всероссийской империи дворянском достоинстве».

17 августа 1870 Виктор Тудерус в 18-летнем возрасте поступил в Николаевское кавалерийское училище в Петербурге. Окончив его по 1-му разря-

ду, он был переведен в запасной эскадрон полка, а 6 мая 1881 г. он был прикомандирован к Главному штабу для ознакомления с делом управления железнодорожными станциями. Знакомство с этой стороной военного дела заняло у него почти два года, которые он провёл в Крыму — на станции Бельбек и в Симферополе. В Крыму Виктор Тудерус познакомился с будущей женой — Софьей фон Реми. 4 февраля 1883 г. он был уволен в отставку капитаном, но вскоре вновь поступает на военную службу, на этот раз в финские войска — 28 марта того же года он был назначен командиром 22-й резервной роты, затем был окружным штаб-офицером резервного округа 6-го С.-Михельского финского стрелкового батальона. «В воздаяние отлично-усердной и ревностной службы» в 1891 г. он был награждён орденом св. Станислава 2-й ст. Военная карьера Виктора Тудеруса завершилась 2 августа 1898 г., когда он был по болезни уволен полковником в отставку.

В том же году он развёлся с женой Софьей и женился вновь на Анне Пулккинен, уехав вскоре с новой семьёй в Петербург. В сентябре 1901 г. Виктор с Анной уехали во Францию, в Ниццу, где отставной полковник провёл оставшиеся 25 лет жизни. 3 февраля 1916 г. (н. ст.) Анна умерла от гриппа, но шестидесятичетырёхлетний Виктор недолго оставался вдовцом — через год он женился в третий раз на Маргарите Флорюс-Блан, которая была на тридцать четыре года моложе его. Прожив с ней 8 лет, Виктор Тудерус умер от тяжёлой пневмонии 22 декабря 1925 г. (н. ст.) и был похоронен рядом со своей второй женой Анной.

Проживая в Ницце, Виктор Тудерус серьёзно занялся живописью. За несколько лет до своего отъезда во Францию он посещал курсы при Академии художеств в Петербурге, брал уроки у И.Е. Репина, позднее — у итальянского художника Франческо Манчини и французского пейзажиста Гюстава Гаро. Во время похода 1877–1878 гг. он делал акварельные и графические зарисовки — пейзажи и жанровые сцены. В одной из комнат в своей квартире в Ницце он оборудовал мастерскую, его работы участвовали в художественных выставках, выставлялись в салонах Ниццы, Монте-Карло, Монако, Тулона.

Не был обделён Виктор Тудерус и литературным талантом. Во время войны он вёл походный дневник, который в 2009 г. был издан в Финляндии на шведском языке. Фрагмент этого дневника, описывающий мобилизацию полка и его выступление в поход из Кречевиц, публикуется ниже.

Автор выражает глубокую признательность Марьянте Тудерус (Финляндия) и Елене Реми (Канада) за предоставленные ими материалы из семейных архивов.

Виктор Тудерус. Фотография 1878–1879 гг.

ду, он был 17 июля 1872 г. произведён в прапорщики и выпущен в лейб-гвардии Драгунский полк, квартировавший в Кречевицких казармах под Новгородом. В составе этого полка Виктор Тудерус принял участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Эта война, ставшая единственной в его военной карьере, принесла молодому офицеру немало боевых наград: он был награждён орденами св. Анны 4-й ст., св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом. В составе своего полка Виктор Тудерус принял участие в знаменитых сражениях русско-турецкой войны: под Телишем в октябре 1877 г., в тяжёлом переходе через Балканский хребет в декабре того же года, разгроме турецкого корпуса Сулейман-паши у г. Филиппополь в январе 1878 г. Вскоре после окончания войны Виктор Тудерус, произведённый 16 апреля 1878 г. в штабс-капитаны, был командирован в Учебный кавалерийский эскадрон, вернувшись в полк после прохождения годичного курса обучения. Вскоре

* Все даты, кроме особо оговорённых, приводятся по старому стилю.

Виктор Тудерус

От берегов Волхова к Балканским горам

Страницы военного дневника

Солнечным апрельским утром 1877 года мы получили радостное известие о том, что война была объявлена. Наш эскадрон как обычно выстроился на казарменном плацу. Командир эскадрона в этот раз заставил ждать себя дольше обычного, но, наконец, показался верхом, со свежим загорелым лицом, сияющим от восторга и радости. Он пустил галопом своего крепкого гнедого мерина и, остановившись перед нами, громко произнёс торжественным, дрожащим от волнения голосом: «Господа, спешу поздравить вас! Война объявлена!».

Начала войны, конечно, ждали уже давно. Часть русской армии под командованием брата императора великого князя Николая была мобилизована в начале года и сосредоточена в Бессарабии у румынской границы. Но известие о начале войны всё же произвело ошеломляющее впечатление и было встречено громогласным «ура!».

Среди офицеров энтузиазм был особенно велик. Все они горели желанием принять участие в кампании. Однако шансов на то, что полк будет мобилизован и примет участие в боевых действиях, почти не было. По мнению русского военного командования, на тот момент Турция во всех отношениях была ослабленной страной, над которой можно будет легко одержать победу, для чего было вполне достаточно той части армии, которая уже была мобилизована. Для гвардейских офицеров, желавших принять участие в войне, был только один выход: добиться прикомандирования к одной из частей действующей армии. Рассчитывать на это можно было, лишь имея влиятельного покровителя среди военного командования, ибо такие военные должности раздавались с чрезвычайной скупостью.

Что касается меня, то я старался изо всех сил. Мой отец занимал высокий военный пост на Кавказе и был в хороших отношениях с одним человеком из окружения главнокомандующего действующей кавказской армии, великого князя Михаила. Поэтому я без всякого промедления написал письмо отцу. Объявив о своём желании участвовать в войне, я просил его принять все возможные меры для того, чтобы откомандировать меня в действующую армию. Однако мой отец был другого мнения, нежели я, и не поддержал моего желания принять участие в боевых действиях.

«Твоя мать и я — писал он, — считаем, что ты не должен сам стремиться к участию в грядущей войне. Вероятно, всем нам представится шанс повоевать, поэтому я полагаю, что лучше тебе остаться в полку». Разумеется, эти строки не улучшили моего и без того дурного настроения. Чтобы забыть о своих не оправдавшихся надеждах и как-то отвлечься от однообразия гарнизонной жизни, я решил воплотить в жизнь план, который уже давно вынашивал — поступить в Военную

академию. Я раздобыл все необходимые книги для того, чтобы как следует подготовиться к вступительному экзамену. Меня на время освободили от службы, и я проводил лето в живописной провинции Саволак в Финляндии.

Я уже смирился с судьбой и оставил мечты об участии в войне, когда, усердно готовясь к предстоящему экзамену, вечером в начале августа я совершенно неожиданно

Кречевицкие казармы. Манеж и церковь.
Фотография начала XX в.

получил от полкового адъютанта следующую телеграмму: «Полк мобилизуется и отправляется на Дунай. Явитесь незамедлительно».

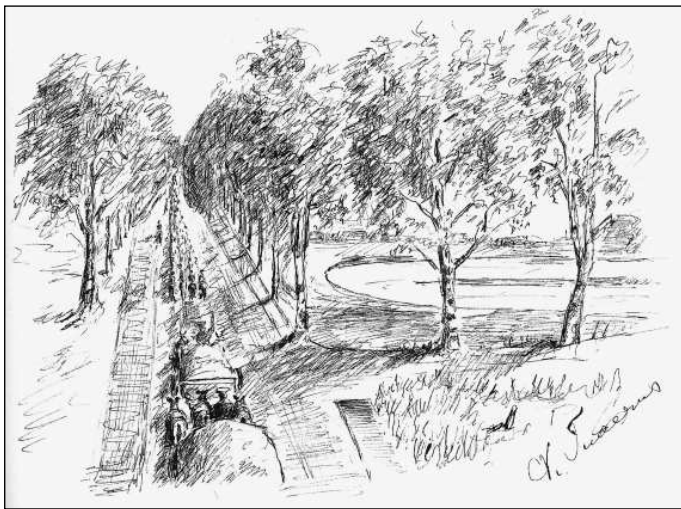
Моё страстное желание участвовать в войне, которое несколько остыло во время пребывания в провинции, вспыхнуло вновь после прочтения неожиданной телеграммы. Вне себя от радости, исполненный счастья, я едва сомкнул глаза ночью. В одно мгновение я собрал свои пожитки и ранним утром следующего дня был уже в пути к железнодорожной станции, откуда на поезде через Петербург я должен был добраться до места расположения полка, находившегося вблизи древнего Новгорода.

В поезде я встретил несколько гвардейских офицеров, возвращающихся в Петербург, от которых узнал некоторые детали, касающиеся причин мобилизации гвардии.

После переправы через Дунай русская армия подошла к Балканам, при этом передовой отряд генерала Гурко даже преодолел горы и занял Казанлык и другие города Румелии. Но после этого лёгкого успеха русские ударили по большим отрядам Сулейман-паши и Осман-паши. Сулейман паша атаковал слабый корпус Гурко в Казанлыке и отбросил его за Балканы. Отступление корпуса к Дунаю проходило под угрозой Осман-паши, который с большим отрядом неожиданно двинулся из Видена и занял города Плевну и Ловчу. Последний русским под командованием генерала Скобелева, конечно, удалось отвоевать, но хорошо укрепленные позиции вокруг Плевны остались в руках турок, несмотря на неоднократные попытки русских подступиться к ним. В конце июля был предпринят так называемый второй штурм Плевны, безуспешный и принесший огромные потери, который, по словам моего спутника, и повлёк за собой мобилизацию гвардии.

Прибыв в Петербург, я узнал, что приказ о мобилизации наш полк получил по пути с лагерных сборов в Красном Селе и что 16 августа полк должен был двинуться к Дунаю через Москву, Курск, Киев, Яссы и Бухарест.

Сначала я намеревался ради своей экипировки на пару дней остаться в Петербурге. Однако прибывшие из полка офицеры сообщили мне, что ещё не решено, кто из офицеров будет определён в запасной эскадрон, остававшийся в расположении полка для того, чтобы готовить людей и выезжать лошадей для пополнения возможных потерь полка во время военного похода. Так как было неясно, буду ли я участвовать в походе, я решил отложить свои хлопоты, связанные с экипировкой, до тех пор, пока моя судьба не будет решена, и поторопиться в полк, чтобы как можно скорее получить известие.

*Выступление лейб-гвардии Драгунского полка в поход.
Рисунок В. Тудеруса (из архива Марьяммы Тудерус)*

По причине мобилизации в Петербурге царила непривычная оживлённость. Небывалое количество людей передвигалось по улицам. Лавки и рестораны были переполнены, и повсюду кишели офицеры всех рангов и родов войск. Железнодорожные станции были переполнены пассажирами и прибывающими и убывающими запасными, так что едва можно было пробиться к билетному окошку и на перрон. Следующим утром в обществе сослуживца поручика Стольхане, который так же, как и я, находился в отпуске и был вызван в связи с мобилизацией, я отправился к месту расквартирования полка. Хотя мы не были уверены в своей судьбе, мы всё же не могли противиться искушению, и обзавелись белыми фуражками, отличающимися офицеров, выступающих на Дунай, и в душе радовались и надеялись на удачу.

Гвардейский драгунский полк, в котором я служил и чью судьбу во время военной кампании я собираюсь описать, был сформирован в 1814 году императором Александром I в Версале в память вступления русских войск в Париж. После возвращения полка из Франции он был расквартирован под древним Новгородом. Генерал Аракчеев специально для этого приказал построить на берегу Волхова большой казарменный комплекс, который назывался Кречевицы или Драгунский штаб. Здесь — после последнего польского усмирения, в котором участвовал наш полк — шла наша мирная жизнь с регулярными зимними

занятиями, смотрами и походами на лагерные сборы в Красное Село.

Офицерская жизнь в казармах протекала довольно однообразно: днём на занятиях, вечером в кругу товарищей за игральным столом или стаканом. Однообразие, конечно, иногда прерывалось поездками в Новгород и Петербург, охотой, празднествами и прочим. Но преодолеть влияние изолированной казарменной жизни на умонастроение и атмосферу в полку не удалось, так что пребывание на берегах Волхова для многих превратилось в настоящую ссылку. Поэтому было вполне естественно, что предстоящая война была для офицеров предпочтительнее однообразной казарменной жизни. То, что энтузиазм по отношению к войне в целом был так велик, определялось ещё и тем обстоятельством, что полвека назад война представлялась другой, нежели теперь. Тогда о её ужасах и тяготах старались не думать. Зуттнер, Золя, Толстой и Верещагин ещё не раскрыли в своих произведениях, в словах и образах негативные стороны войны, а что касается миротворческих организаций, то о них ещё не было и разговора. Напротив, для офицера считалось большой удачей принять участие в войне. Это давало возможность увидеть мир, получить награды и продвижение по службе.

Когда я вместе со Стольхане на пароходе, который регулярно курсировал между железнодорожным вокзалом и Драгунским штабом, вечером прибыл в штаб, часть офицеров и полковые дамы как обычно вышли встречать пароход. Среди них находился также командир полка Ланц с супругой. Таким образом, настал решающий момент, когда я должен был узнать, суждено ли будет исполниться моей мечте: приму ли я участие в войне или же меня ждёт подобие тюремного заключения в этих красных казарменных стенах, мрачно возвышавшихся на унылых берегах реки.

Именно поэтому я высадился на берег не без некоторого внутреннего душевного волнения. Однако, томительная неизвестность, к счастью, быстро рассеялась, ибо когда я, нерешительно, подошёл к командиру полка и его очаровательной жене — весьма красивой американке — командир приветствовал меня в самых дружеских тонах и спросил, готов ли я к предстоящему походу. Тяжкое бремя свалилось с моей души после этого вопроса, так как он свидетельствовал о том, что я не попал в число тех, кто был определён в запасной эскадрон. Моему спутнику Стольхане, однако, не повезло. Командир полка, в который он из-за некоторых случившихся ранее конфликтов не был зачислен, встретил его с плохо скрываемой усмешкой и сказал, что ему следует снять белую фуражку, которая была на нём надета. Другими словами, Стольхане был среди тех, кого определили в запасной эскадрон. Все его попытки заставить командира полка изменить своё решение были тщетными.

Вскоре радость по поводу предстоящего участия в кампании сменилась озабоченностью, которая часто превращает поэзию в прозу жизни. В относительно короткий срок нужно было обзавестись довольно разнообразной и дорогостоящей экипировкой, ибо обеспечение офицеров в мирное время было настолько плохим, что с началом войны ему предстояла почти полная переэкипировка. Но больше всего меня беспокоила лошадь. Готовясь к поступлению в академию, я принял меры, чтобы моя верховая лошадь была продана. Это было сделано незадолго до приказа о мобилизации. И вот теперь за несколько

дней до выступления полка на театр военных действий я оказался в сложной ситуации. Располагая относительно небольшими денежными средствами, да ещё и в то время, когда спрос на лошадей был очень велик, найти подходящую было нелегко. В такой ситуации нужно было действовать быстро.

Чтобы выиграть время и не нарушать мои планы, я решил завершить все мои дела в полку, а затем отправиться в Петербург для приобретения экипировки. На следующий день я сдал часть моих вещей на полковой склад и занимался продажей оставшегося домашнего имущества. Проблем с этим не возникло, потому что, как известно, евреи всегда рады совершить торговые сделки. Благодаря средствам, вырученным от продажи домашней утвари, а также деньгам, которые я неожиданно получил в тот же день от полкового казначея на экипировку, наличность моя увеличилась сверх ожидаемого, и я смог в тот же вечер выехать в Петербург.

Сомневаясь в успехе, я всё-таки поручил эскадронному вахмистру и полковому ветеринару узнать на месте — во время моего отсутствия — нет ли в продаже подходящей лошади. Однако больше всего я надеялся на то, что таковая найдется в Петербурге или его ближайших окрестностях, и по прибытию на место, активно занялся её поиском. К сожалению, мои попытки были безуспешны. То небольшое количество предложенных лошадей было либо непригодно, либо цена превышала мои возможности. Заботы об экипировке, однако, не мешали мне весело провести свободное время в кругу друзей и приятелей и получить все удовольствия, которые предлагает столица. Я думал о том, что такая возможность представится мне не скоро, а может быть — вообще никогда.

Тем временем 14 [августа] экипировка была готова, и я отправился в полк. Друзья и знакомые проводили меня до вокзала. Среди возвращавшихся сослуживцев оказался также Стольхане. В конце концов, ему удалось уговорить командира полка, который внял его настойчивым просьбам и разрешил следовать с полком.

На следующий день, рано утром, в дурном расположении духа, я добрался до места расположения полка. На протяжении всей ночной поездки грустные мысли не давали мне покоя. Перспектива выйти на поле битвы без коня или довольствоваться первой попавшейся кобылой из тех, что уже отслужили своё по возрасту или по другим причинам, была совсем непривлекательной. Едва я успел попасть в свою квартиру, как явился эскадронный вахмистр и сообщил, что один из офицеров запасного эскадрона продаёт свою лошадь. По правде говоря, это было не совсем то, на что я рассчитывал. Хотя она была и без изъянов и крепкая, но она была тяжеловата и не обладала той грацией, которая должна быть присуща офицерской лошади. За отсутствием лучшего годился и этот вариант, тем более, что во время долгого похода к месту сражения ещё представится шанс обменять эту лошадь на более подходящую. Кроме того, цена была вполне приемлемой, и я решил её

приобрести. Таким образом, в последний момент удача повернулась ко мне лицом.

Тем временем активно шла мобилизация. Воинские части пополнялись людьми и верховыми лошадьми из запасных эскадронов. Обозные лошади реквизировались из Новгорода. Новое обмундирование и снаряжение поступало с полковых складов. Сабли и штыки были наточены, а боеприпасы и динамит доставлены из Петербурга. Наконец из Государственного банка поступил запасной капитал полка, и были загружены все полковые обозы. В течение восьми дней все мероприятия по мобилизации были завершены, и полк был готов к выступлению.

В соответствии с планом железнодорожных перевозок и выдвижения полка к театру военных действий полк, как

Группа офицеров лейб-гвардии Драгунского полка во время похода (из архива Марьятты Тудерус)

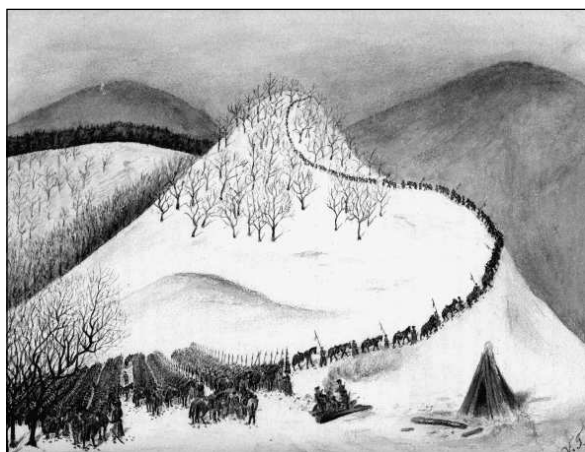
уже ранее упоминалось, должен был выступить 16 августа. За двухдневный переход мы должны были преодолеть 60 километров и добраться до станции Чудово на железнодорожной ветке Петербург–Москва, чтобы дальше на поезде отправиться через Москву, Курск, Киев до станции Жмеринка в Подольской губернии, а оттуда маршем через Подольскую губернию, Бессарабию и Румынию к театру военных действий. Судя по вышеупомянутому плану, уже в пути нас ожидало множество новых интересных и разнообразных впечатлений.

Наконец наступил тот долгожданный день, когда полк должен был выступить в поход. Уже в 8 утра он был построен на так называемом малом плацу внутри казарменного комплекса. Настроение было праздничное, да и погода была прекрасной. Помещики и крестьяне из близлежащих усадеб и деревень, сельские торговцы и евреи, которые являются обязательным элементом любой толпы, а также обитатели нижних этажей казарм, все до последнего, мальчишки и девчонки — все до единого собрались, чтобы в последний раз посмотреть на дорогих им драгунов, с которыми они расставались на долгое время.

После того как появился командир и поприветствовал полк, прозвучал сигнал к молитве Полковой священник отслужил молебен и в соответствии с русской церковной традицией окропил святой водой как всадников, так и лошадей. Лошади вставали на дыбы и ржали,

когда всадники осеняли себя крестом. Под звуки марша и ликующие возгласы толпы, собравшейся попрощаться с солдатами, полк во главе со старшим полковником* Ковалевским двинулся в путь. Командир полка полковник Ланц должен был прибыть на станцию Чудово на пароходе и там присоединиться к полку.

Лица всех собравшихся светились от счастья, и возвышенные чувства владели мной, когда с передовым отрядом отправился в путь к той далекой цели, которая так долго влекла меня, словно мираж. Под влиянием этих чувств, наслаждаясь свежим утренним воздухом и живописным солнечным летним пейзажем, в полном единении с пёстрой толпой народа, в наилучшем расположении духа, я ехал верхом, как вдруг неприятным образом эта гармония была нарушена в тот момент, когда я приблизился к выстроенному вдоль дороги обозу, который должен был следовать

Переход гвардейской кавалерии через Балканы. Момент после первого привала. Акварель В. Тудеруса (из архива Марьятты Тудерус)

за полком. На одной из телег я увидел своего слугу Степана, лежавшего пьяным в бессознательном состоянии на возу. Он был недвижим, как мешок. Будучи военнообязанным нестроевого разряда, Степан был назначен денщиком. С тех пор он несколько раз менял хозяина, и незадолго до начала войны он оказался у меня. Он был добродушным по своей природе, слегка наивным русским мужиком с множеством для слуги ценных качеств, но с ярко выраженной склонностью к крепким напиткам. Поэтому его возможное участие в военном походе подвергалось сомнению. Однако Степан сам хотел активно участвовать в походе и просил, чтобы я оставил его в качестве слуги. Он поклялся всеми святыми, что на протяжении всего похода не возьмёт в рот ни капли спиртного. Именно на этом условии я позволил ему сопровождать меня. Поэтому легко представить моё удивление и возмущение, когда, едва покинув казармы, мы нашли его вдребезги пьяным. Так как все попытки привести его в чувство оказались безрезультатными, я не мог наказать его. К тому же теперь было поздно менять слугу, и мне ничего не оставалось, как смириться с этим и позволить Степану следовать на возу до первого привала,

* Имеется в виду то, что полковник Г.А. Ковалевский имел преимущество в старшинстве перед другими полковниками полка, т.е. был произведён в этот чин раньше них.

где он, придя в себя, понёс бы заслуженное наказание.

Прямое шоссе, обсаженное по обе стороны кудрявыми березами — что также является творением Аракчеева — по обеим сторонам которого простирались зеленеющие поля и луга, лесные рощи и кустарники, многочисленные деревни, церкви и монастыри, было той дорогой, по которой следовал полк в течение двух дней по направлению к железнодорожной станции Чудово.

Чудесная, освещённая солнцем природа в своём полном великолепии вскоре развеяла неприятное впечатление от зрелища моего пьяного слуги. Этому также способствовал приятный сюрприз, который ждал полк в 12 км от места его расположения у деревни Подберезье. Там жители города Новгорода возвели над дорогой великолепную триумфальную арку, над которой развевался огромный флаг, и виднелась надпись: «Жители древнего Новгорода сердечно приветствуют участников похода лейб-гвардии Драгунского полка!». Губернатор тайный советник Лерхе, а также представители городских властей и жители пришли сюда, чтобы торжественно проводить полк. Прошедшие через триумфальную арку офицеры и солдаты были приглашены на обильный вкусный завтрак, который был сервирован на длинных столах по обе стороны дороги. Губернатор с бокалом шампанского в руке выступил с тёплыми словами, пожелав полку удачи и триумфальных успехов во время предстоящего похода, а также скорейшего возвращения. Согласно русскому обычаю он вручил от имени жителей города Новгорода чудотворную икону, оберегающую полк во время похода.

После столь неожиданного и приятного перерыва полковник Ковалевский выступил с благодарностью за оказанные почести, и поход продолжился дальше под громкое «ура» жителей города. То, что мы ели и пили на жаре, и то, что после долгого летнего отдыха мы ещё не привыкли ехать верхом под тяжестью амуниции, не замедлило сказаться на мне. Поэтому остальная часть перехода была совсем непривлекательной. Чувство тяжести и усталости вместе с головной болью усиливалось с каждым километром. Поэтому к нашему первому привалу я прибыл совершенно утомлённым, неспособным ни на что, кроме как пойти спать. Для Степана, который чудесным образом абсолютно пришёл в себя, моя несостоятельность пришлась кстати. Избежав наказания, он с трогательной заботой и особым усердием приготовил в избе мне постель и чай. С наигранным сочувствием он спросил меня о моём состоянии и поинтересовался, может ли он ещё чем-нибудь помочь мне.

К счастью, после хорошего отдыха ночью моё случайное недомогание прошло, и на следующее утро я мог без труда продолжать путь к деревне Чудово, откуда должно было начаться передвижение полка по железной дороге. К этому месту назначения полк сопровождали остающиеся офицеры запасного эскадрона, а также семьи и друзья уезжавших офицеров. Сюда прибыл командир полка Ланц и принял командование. На рассвете мы выпили по бокалу шампанского, и поезд медленно двинулся на Москву.

Печатается по изданию: Victor Tuderus. Militär och målare. En skildring från rysk-turkiska kriget 1877—1878. SLSF. 2009. S. 78–90.

Перевод выполнен студентами группы 8201 факультета лингвистики и межкультурной коммуникации ИГУМ НовГУ под руководством преподавателя Ханса Андерссона.

Подготовили к печати Г.М. Коваленко и И.В. Хохлов.

Т.Б. Зозуленко

ЗЕМЛЯ СЕМИ ЦВЕТОВ И СИНЬ СЕМИ МОРЕЙ

*Я вспомнил города, которых больше нет.
И странно, что они существовали прежде...*
Арсений Тарковский

Ольга Гулевич

Почти осязаемый волшебный лес с необыкновенными деревьями-листьями необычного бирюзового цвета. И между ними — гуляющий ангел... Просто так гуляющий, как обычный прохожий. Прошёл-пролетел-растаял... В пахнущем экзотическими растениями воздухе, белом и прозрачном, как молоко ко-кося («В парке»).

И самое удивительное, что воспринимается это совершенно естественно, как виденный где-то пейзаж. Но вдруг понимаешь — да нет же в жизни ничего такого: ни деревьев, где вместо веток красивые огромные листья, ни задумчивого гуляющего ангела, ни молочного и одновременно прозрачного воздуха. В жизни нет, а у неё на холстах есть. Совершенно осязаемо. Это мир Ольги Гулевич. Сине-голубые храмы, как миражи... По очертаниям — новгородские, но сотканные как бы из воздуха. «Белый город». Может, это Венеция? Изогнутые мостики, каналы, лодочки и странные изгрущенные дома. Красиво. Но не это главное, а воздух, атмосфера, аура. Можно ли написать ауру города? Она пишет.

В её маленькой, но очень уютной мастерской на самом верхнем этаже старинного дома рядом с Ярославовым дворцом, мы смотрели из окон на плавно текущий Волхов и стены древнего Новгородского кремля... Здесь было так просто и естественно говорить обо всём: о жизни, о творчестве, друзьях, любви... И о первой её персональной выставке, недавно прошедшей в государственном музее художественной культуры Новгородской земли в Десятинном монастыре.

— Это была моя первая персональная выставка в музее. И я, в общем-то, довольна как всё прошло, мне очень понравилась экспозиция, предложенная музеем. Что я ожидала от неё? Прежде всего, хотелось посмотреть на себя со стороны как на художника. Это было

интересно. После этого много передумала, осмыслила. Теперь я знаю, куда мне идти дальше в моём творчестве и как вообще проявляться в этом мире.

— *Каково это — быть зрителем на своей выставке? Как Вы себя чувствовали? Было уютно, интересно, увлекательно?*

— Конечно, это сложно быть одновременно автором работ и почувствовать себя их зрителем. И хочется увидеть свои работы со стороны, и волнуешься, не зная, какова будет реакция зрителя. Но мне действительно было уютно. В откликах на себя и свои работы я чувствовала много любви. Естественно, создавая эти работы, я что-то переживала, чувствовала, и теперь вот эти чувства и переживания нахлынули на меня все вместе. Я была сильно взволнована. И, конечно, мне было очень интересно.

— *Персональная выставка — это всегда нелегко. Кто Вам помогал?*

— Музей помогал, особенно хочу отметить труд, вложенный Ивановой Светланой. Её способ организации таков, что у меня создалось ощущение полной гармонии, естественности и спонтанности процесса, как будто всё было выверено на невидимых глазу весах, ни одного лишнего движения, всё на одном дыхании прошло. Очень признательна Светлане.

ВЕЧЕР. Из серии иллюстраций к «Книге Бытия».
Бумага, акварель. 30×20

Ещё поддерживали коллеги и друзья. Друзья — это Геннадий Линьков, Оксана Немолочнова, Ольга Саулова, Валентина Пепеляева и другие. Гену Линькова я знаю с 15-ти лет, с ним вместе прожита ценная для меня часть жизни, я с глубоким уважением отношусь к его творчеству и восхищаюсь им. С Валентиной Пепеляевой знакомы с детства. Мы из одного города — Харькова, вместе учились, давно дружим. Это отношения, проверенные временем. С Оксаной я познакомилась, уже работая на нашей кафедре изобразительного искусства в Новгородском университете. Она мне душевно очень близка. Ольгу Саулову я узнала в процессе творческой работы. Её тонкая внутренняя организация очень откликается во мне. С волнением и страхом, которые сопутствовали рождению выставки, я смогла справиться благодаря моей семье. У меня такой опыт впервые — персональная выставка — и я беспокоилась не на шутку. Благодарю.

— А где Вы учились?

— Художественное образование я получила в Харькове в Академии дизайна и искусств и в Санкт-Петербурге в ЛВХПУ имени В. Мухомовой (училище, затем Академии барона Штиглица) на отделении дизайн интерьера. А теперь сама преподаю рисунок, живопись, композицию.

— Когда Вы участвовали в выставке первый раз в жизни и как на Вас это повлияло?

— Самый первый раз это случилось после окончания Харьковского училища, когда по распределению я попала на крупный машиностроительный завод художником-дизайнером. И проработала там два года, в условиях, далёких от моих творческих планов. Эти годы были для меня, как для многих ребят служба в армии: необходимо, но бесполезно — ни уму, ни сердцу, как говорится... Пожалуй, самым светлым впечатлением от завода и стала моя первая персональная выставка. Конструкторское бюро предложило мне устроить её в заводском ДК. Это было интересно, и я взялась за неё с большим энтузиазмом. Потом уже, спустя время, я поняла, что моя первая экспозиция, скорее, наивна, чем интересна творчески. Но она состоялась. На ней было представлено 50 работ. Натюрморты, цветочки... Красота сплошная. Кстати, выставка заводскому народу понравилась, потому что работы были достаточно реалистические, это то, что всегда близко неискушённому зрителю. Даже были восторги...

— А когда Вы поняли, что реализм — это не Ваше кредо?

— Конечно, не сразу. Всё приходит с опытом и временем. Я же расту. Смею надеяться, что постоянно. Духовный рост происходит, я познаю новое в этой жизни, от чего-то отказываюсь, иду дальше. Главное, я занимаюсь в жизни любимым делом.

— Да, счастлив тот человек, который нашёл своё место в жизни, кто живёт своей профессией не

от звонка до звонка, а постоянно, совершенствуя своё мастерство, приумножая творческий опыт... Вы себя относите к счастливым людям?

— Да, я чувствую себя счастливой. У меня любимая профессия, дочь, я пишу и преподаю. И это всё — Моё. Я не хотела бы что-нибудь менять. Это действительно моя жизнь, и я проживаю её так, как мне хочется.

— Может быть, отсюда такое красивое восприятие мира, на самом деле часто (или чаще всего) не очень-то и красивого. При этом вы не скатываетесь в некую сладкость... Где Вы находите такой мир, какой мы видим на Ваших полотнах?

— Он для меня есть, он существует. Это, наверное, только мои путешествия... ментальные. На самом деле я никогда никуда не выезжала за пределы бывшего СССР.

Не была ни в Азии, ни в Африке, ни на экзотических островах...

— Откуда у Вас такая страсть к экзотике? Цветы, лица, одежда...

— Я не знаю. Но мне кажется, что если женщина находится где-то там, в древности, то обязательно мне представляется индонезийкой, африканкой. По-моему, суть женщины — восточная. Вот и «Ева» у меня «индонезийская»...

— Вы говорите, что не удалось выезжать за пределы страны, а кажется, что Вы объездили и видели весь мир... Ваша, например, «Ева» — это настоящее наслаждение живописью, самым движением кисти, оставляющей замысловатые сильные мазки, обнаруживающие тончайшее чувство цвета и буквально упоение им. Каждый цветок экзотичен и при этом индивидуален. Им любишь и наслаждаешься. Это как

мечты, уводящие от реальности и делающие реальным как раз другой мир, созданный Вами.

— Человеческий ум, фантазия устроены так, что силой своего воображения вы можете оказаться где угодно, в каком угодно мире, времени и измерении... Для меня это просто. Хочу сейчас быть в Индии... и я там. Я даже чувствую, как там пахнет воздух, цветы, земля... Если хочу в Грецию, я абсолютно знаю, как там протекает Время. И оно там совершенно другое. Это абсолютно другой мир. Я это знаю и чувствую. И ощущение моё, состояние выливаются на холст. Стены мастерской меня не сковывают. Они мне не мешают. Я парю в любом пространстве, где захочу.

— Как у А. Тарковского:

«Я вызову любое из столетий,

Войду в него и дом построю в нём...»

А что в этом помогает? Интеллект, воображение, литература? Или всё сразу? Как Вы вообще входите в этот свой «транс»? Медитируете? Или просто мечтаете?

— Я умею абстрагироваться от реальности. Мне помогает многое: и жизненный опыт, и литература, и искусство, и мировая культура вообще... И воображение тоже,

ПОЛЁТ НОЧНОЙ ПТИЦЫ.
Холст, масло. 60×50

когда преломляешь через себя всю информацию, свои чувства и переживания, и они перестают быть теорией, становятся живыми, выпуклыми, яркими, настоящими... Помогают в этом и любимые художники, писатели. Шагал, например. Гоген в каких-то проявлениях, Ван Гог, Пикассо, Модильяни... В общем вся эта плеяда французской школы живописи мне достаточно близка по духу. Мне с ними хорошо и легко работать, воспринимать мир. Конечно, классическая школа тоже помогает... Для меня нет деления искусства по стилям, по жанрам и направлениям. Это неважно. В реалистическом и абстрактном искусстве есть произведения совершенно гениальные, которые действительно были проникнуты чем-то божественным. Люблю читать Достоевского, из современного мне близка японская литература. Фантастику любила читать в детстве.

А сейчас, как ни странно, я не получаю заряда от неё. Люблю японскую литературу, поэзию. Особенно хокку, хайку. Свободные четырёхстишия, трёхстишия. Они для меня очень философские, проникновенные, живые, душевные. И замечательно передают то, что чувствует человек в настоящий момент. Это настолько мне близко. Литература, конечно, совершенно другое, чем живопись. Ведь живопись более статична. Если литература развивается в действии и во времени, то холст — все-

СНЕГОПАД. Холст, масло. 75×95

го лишь плоскость, которую можно развивать только вглубь. Книгу возможно читать с перерывами: взял, почитал, отложил. Через некоторое время снова продолжил чтение. Ты постоянно в ней как бы путешествуешь, угадываешь, что будет дальше... А картину увидел сразу и либо погрузился в неё, либо нет. Неведомым чудом пытаешься вдохнуть в неё жизнь...

— Наверное, поэтому то, что Вы изображаете — реальность. Но реальность Ваша. Её ведь на самом деле нет?

— Да, это реальность. Моя реальность. Я творю мир, в котором хочу жить, в котором живу. Если хотите, я творец этого мира. Мира, который мне нравится. И я хочу его видеть таким. Собственно, внутри меня он такой и есть. Я его вижу и чувствую. Мои произведения — проявления моей внутренней жизни и любви к миру.

— Красиво. Почти божественное начало. Я сразу вспомнила одно из Ваших полотен. Красивый парк. Нежное утро. И по дорожке в нём гуляет ангел...

— Это работа называлась «Прогулка в Гефсиманском саду»... Мне захотелось передать пространство этого места, известного по многочисленным библейским сюжетам...

— Помните, у Бориса Пастернака в «Гефсиманском саду»:

**«Простор вселенной был необитаем,
И только сад был местом для житья...»**

— Да. И там просто обязательно было присутствие святого духа... Он, вроде, есть и его нет. Ничего нарочитого... Для меня Ангел — нечто светлое, истинное, неоспоримое. Для меня это не ложные образы. На самом деле они появляются в моих картинах случайно. Я ни разу не задумывала, мол, напишу-ка я здесь Ангела. Нет. Они у меня сами собой появляются.

— Как и полагается ангелам...

— Да. Я даже иногда восклицаю: «Ой, опять Ангел получился. Ну, ладно, пусть живёт». С ними спокойнее. Если они у меня появляются, я ощущаю, что всё хорошо.

— В Вашей мастерской так уютно, тепло и спокойно. Из окон виден Новгородский кремль, его башни, Софийский собор. Здесь, наверное, и должны жить ангелы.

— Ну, если их и не было, то я их завела... И теперь они здесь живут.

— А «Белый город» — это где? Венеция? Как поразительно написан сам воздух, прозрачный и будто светящийся. Испытываешь блаженство. Хочется туда войти и уже никогда не выходить.

— И не выходите. Я никого не гоню. Там всем хватит места... «Белый город» для меня, наверное, воплощение моих снов. Один из снов, который мне снится часто. Я вижу это место. Не знаю где, но оно есть. И такое ощущение, что очень мне знакомо. Я там знаю каждую тропинку, каждый дом. Я

вижу этот город, и изображаю его. У меня была ещё картина «Выход к морю». Такой же белый... Думаю, там живут красивые счастливые люди...

— Вы рассказываете обо всём так поэтично, что снова всплывают строки, теперь уже Арсения Тарковского:

**«И это снилось мне, и это снится мне,
И это мне ещё когда-нибудь приснится,
И повторится всё, и всё довыплотится,
И вам приснится всё, что видел я во сне...».**

— Очень созвучно. Вот и «Мечты о Сингапуре» — это тоже астральное путешествие в те местности, которые я представляю. Я вижу прекрасный город, морское побережье, людей, живущих там и наслаждающихся красивыми видами города и морскими пейзажами... Во снах я часто летаю, наслаждаюсь видом с птичьего полёта. А наяву мечтаю путешествовать.

— Если бы представилась возможность, куда бы Вы отправились в первую очередь?

— Мечтаю побывать в разных уголках мира. Куда бы я поехала в первую очередь? Наверное, в Индию, на Бали, начитавшись фантастических балийских сказок, в Израиль обязательно. Мне кажется, там уже всё знакомо, даже люди. Я буду здороваться с ними, спрашивать, как они поживают, как их дети? Настолько много я уже об этой стране и её истории знаю. «Книга Бытия» читана-перечитана. Ещё я бы хотела побывать в Праге, где

удивительным образом сохранились не только архитектура средневековья, но и сам дух средневекового города. Впрочем, я бы не отказалась от путешествия в любой город, в любую страну. Мне многое интересно, я очень любопытная к миру... К сожалению, ни преподавательская, ни творческая деятельность не дают достаточно средств, чтобы осуществить мечту о путешествиях, как мне бы этого хотелось. Вот и приходится включать фантазию и путешествовать с помощью воображения, ментально.

— В этом плане Вам близок Михаил Булгаков?

— Булгаков? Да. Он очень мистический писатель и мне интересен, несомненно. С удовольствием читала ещё в юности «Мастера и Маргариту». Для меня это было своего рода откровение, школа воображения, ведь удивительно, как он преображал в своём творчестве действительность с конкретными людьми и событиями. Его фантазии тесно переплетены с реальностью. После него мы, наверное, поняли, что у нас в России жизнь настолько мистическая, что в рамки чистого реализма никак не укладывается. Мы можем этого не замечать. Но бывают такие моменты, ситуации, когда думаешь, что такого просто быть не может, но вот оно есть. По-моему, это возможно только в России.

— Наверное, творческие люди поэтому и держатся в России, не уезжают. А так бы разбежались из-за этой нищеты постоянной. Особенно трудно приходится нашим художникам. Недаром у нас арт-рынок так и не сложился. Ведь у кого есть деньги — они редко ценят настоящее искусство, а кто понимает и ценит — без денег. Почти двадцать лет мы в новом времени. В России больше миллиардеров, чем где-либо, но никто не слышал пока о новых Третьяковых...

— Да, большинство художников, действительно, не живут в достатке. Но ведь не деньги главное. Их держит что-то другое, большее... Пожалуй, творчество для меня — это один из способов жизни. Например, пока мы живы, мы дышим. Очень похоже. Пока я живу, я пишу, и никак иначе. Как это измерить купюрами?

Новгород вообще очень мистический город. В нём есть великая тайна. Когда я приехала сюда впервые (это было в мае, нас пригласили уже жившие здесь художники-друзья), то была поражена: сам город, пространство, всё необычное. Такого я раньше не видела. Всё наполнено, окружено мистикой... Может, новгородцы сами не чувствуют, в какой среде они живут. Но человек, который сюда приехал впервые, особенно из большого города, чувствует, что есть в нём много необычного. Это сама история России, первоначальная, всё ещё живёт здесь. Ощущение потрясающее, тонкое, удивительное. Здесь

ощущается Начало, самый древний пласт. Он никуда не делся, не исчез. Всё в нём. Всё здесь. Он присутствует. Ты его чувствуешь физически. Здесь за тысячелетие столько поколений жило, столько радости, бед и несчастий было... Отсюда, наверное, столь мощная энергетика... Я вернулась в Великий Новгород уже осознанно в 1994 году после окончания Мухинского училища. Приехали вместе с мужем, тоже художником, я родила здесь дочь: Софией, по-новгородски называли. София — Премудрость Божия. Мне очень нравится это имя. Соне скоро 16. Собирается в колледж искусств поступать. Она очень творческая, увлечена фотографией, осваивает рисунок. Я признаю её уникальность, радуюсь ей и стараюсь не мешать в поиске собственного пути. И, конечно, поддерживаю.

Когда я приехала в Новгород у меня были очень мистические картины. И сама жизнь была тоже нереальной, мистической, именно так я её и воспринимала. Для меня каждое дерево, каждый дом имели особый смысл, не вполне реальный. Представьте себе, я даже привидение видела на берегу Волхова у стен кремля. Стоит на дороге прямо передо мной некая туманность. Может, это

В СЕРДЦЕВИНЕ ЗИМЫ. Холст, масло. 90×120

был дух воды или что другое. Но я Его видела... Наверное, я по натуре неисправимый мистик. От этого никуда не уйдёшь. Эта моя часть постоянно проявлена в моей жизни...

— Вы часто включаете в картины музыкальные инструменты. Это не случайно?

— Моя дочь София играет на скрипке. Мне очень нравится этот музыкальный инструмент. И я часто его изображаю. Музыкальные инструменты мне нравятся не только по звучанию, но и по внешнему виду. У меня же есть только флейта. Чтобы иногда, когда захочется, поиграть... А мандолина для меня — символ жизни, яркой и темпераментной, являющей собой наполненность существа. «Спящая с мандолиной» — это уснувшее, замершее до поры Время. Девушка проснётся и снова заиграет, и запоёт. И Время пойдёт дальше...

— А как Вы задумываете холсты?

— Для меня невозможно задумать холст. Я с ним просто живу реальной жизнью, в реальном времени. И как эта жизнь на холсте будет протекать — планировать невозможно. У меня это так. Начинаю по-разному, то с белого холста, то, наоборот, беру много краски и просто записываю холст пастозным слоем, а уж потом начинаю выявлять там своё пространство, свет, тень. Чаще у меня рождается цветочное ощущение, а уже потом появляются живые образы.

— С цветом у вас тоже какой-то свой особый «разговор». Вы берёте самые яркие, самые красивые краски и пишете так цветы, деревья, воздух, что не оторвать

глаз от мазков, от созданного Вашей кистью цветка...

**«И всё, что бодрствует,
и всё, что спит и снится,
Слетается на тир зелёно-голубой...»**

И при этом в холстах нет никакой слащавости, красоты...

— Да... Может, тут и Пикассо помог в восприятии. Ведь он напрочь лишён нарочитости и пошлости. Тут необходимо чувствовать грань, вот и балансируешь на этой грани постоянно. Бывает, конечно, заносит. Думаешь, вот сейчас сделаю что-нибудь этакое... «красивое»... А потом посмотришь и скажешь про себя: «Ну, фу...» и начинаешь эту «сладкость» всю переписывать, пока не почувствуешь: ну, вот, теперь мне подходит, откликается.

— *Может, потому, что Вы эту грань чувствуете, кажется, что Ваши полотна написаны мужчиной... И автор одной из статей, говоря о Вашем полотне с обнажённой натурой, тоже подумала, что автор — не женщина.*

— Это очень хорошо. Потому что я вообще не люблю, когда начинают делить искусство на мужское и женское. Я не вижу никакой разницы. Хотя, по сути дела, она должна быть, такова психология. Но почти все думают, раз это женская живопись, значит, она должна быть какой-то «сопливой», что ли, слюнявой и сладкой. То есть не особо одарённой... Словом, как говорят, женщина, что с неё возьмёшь? Мне за такие слова хочется сразу в лоб дать...

— *Вот это тоже по-мужски...*

— Наверное, да. Но Вы сами подумайте, если удареение идёт на женское, значит, подразумевают что-то недоразвитое, домохозяйское. Я же совершенно противник этого. Существует, по-моему, только одно понятие: либо ты — Художник, либо нет. В искусстве нет половых различий. Либо ты талантлив, либо нет. Возьмите поэзию Ахматовой, Цветаевой, Ахмадулиной, а в живописи — Фриду Калло, Наталью Нестерову, Любовь Попову, Веру Мухину и многих, многих других... Разве это не доказательства Божьего дара прежде всего?

— *Ваши прекрасные цветы как рождаются? Вам их не хватает в жизни и тогда они появляются на полотне?*

— Нет. Мне как раз их хватает. Они меня окружают постоянно, я ими люблюсь, чувствую их запах. Они мне нравятся и как форма, и как цвет. Они тоже для меня необычные, космические создания, не цветы даже, а именно Создания. Я их пишу так, будто они имеют свою личность, особый характер. Как люди.

— *А где растут такие цветы?*

— В моих садах. В моём мире, где я живу, где обитает моя душа, где ей спокойно, светло и радостно.

— *Вы ведь работали над библейскими сюжетами? Что Вас особенно в них интересовало?*

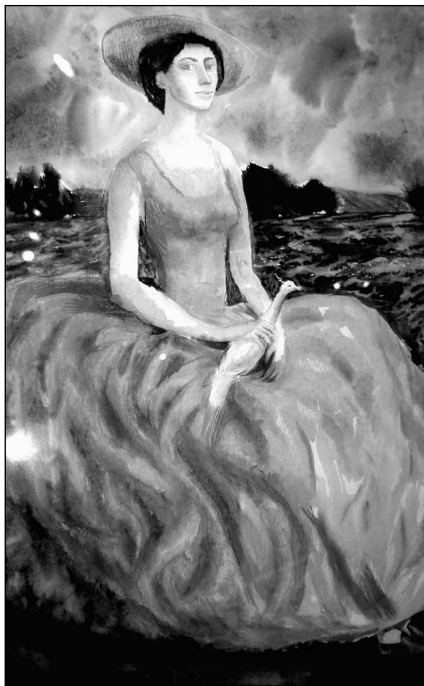
— Несколько лет назад я прочитала книгу Роберта Грейвса и Рафаэля Патайя «Иудейские мифы. Книга Бытия». И в ней каждый миф рассматривался с исторической, с научной точки зрения. Эта книга сразу вдохновила меня, я подумала: «Надо же, какой совершенно новый взгляд на Библию. Не просто религиозный, не фанатичный, а умный, вдумчивый, серьёзный». В этой книге было всё живое, правдивое, мне захотелось сделать серию иллюстраций к ней. Эта работа растянулась на несколько лет. И однажды я разместила несколько картинок в Интернете. Неожиданно для меня ими заинтересовалась редакция из Москвы, и мне предложили

поместить иллюстрации в готовящуюся к изданию «Детскую Библию. Книгу Бытия». В 2005 году она вышла в свет. И, что особенно интересно, там были рисунки детей на эту тему, иллюстрации с картин великих мастеров прошлого и мои, что приятно — в центре книги. Все выполнены в технике акварели по рисовой китайской бумаге. Вообще, я очень люблю акварель. Мне крайне близка эта техника. Можно сказать, что я с ней проникновенно живу. Сейчас у меня есть работ сорок из этой библейской серии. А в книгу вошло двадцать. Эти листы выставлялись Новгородским государственным музеем-заповедником и в Старой Руссе в позапрошлом году, и в Чудово в прошлом году, и вот недавно на моей персональной выставке в Новгороде. Что меня особенно интересовало в работе над библейской темой? Скорее всего, проникновение в те образы, в пространство именно иудейское. Хотелось пропустить его через себя и почувствовать. Ведь оно со-

вершенно другое, чем наше. У меня была потребность передать своё ощущение людям, чтобы когда зрители смотрели на мои акварели, то они бы думали: «Да, вот это именно то время, это особенный мир, иудейский...». И сами библейские образы настолько привлекательны для меня по своим типажам, по своим характеристикам, что мне хотелось их изобразить близко к истине, к сути...

— *А что для Вас Бог?*

— Я часто над этим думаю. Для меня Бог вообще не изображаем. Я не могу ассоциировать Бога, например, с конкретным человеком, материальной фигурой. Для меня это нечто воздушное, возвышенное. Суть Всего. Людям нужна визуализация образа. А как его изобразишь? Можно изобразить дерево и сказать, вот он — Бог. И это будет правдой. Потому что он вездесущий и пронизывает Всё. Может быть, Он — Время. Ведь Время есть всегда и всегда течёт по-разному. Для меня в этом — проявление Божественного присутствия. Как ты его изобразишь? Вот пишешь холст, и либо вошло Оно, это божественное Время, Суть, либо нет. И тогда работа получилась пустая. Ты на неё смотришь, и ничем она в твоей душе не откликается. А как вдохнуть это Божественное

ДЕВУШКА С ПТИЦЕЙ.
Бумага, акварель. 80×70

в произведение — никто не знает. Это и есть тайна искусства. Тайна Мироздания.

— А Сатана?

— Я думаю, что это — противоположное Богу. Может, даже одно и то же в разных проявлениях. Потому что белое не может быть без чёрного, чёрного не увидишь без белого, света без тени... Как распознаешь белое, если нет чёрного? Поэтому мне кажется, что это — единая Суть. Но в разных моментах проявляется по-разному...

— Кажется, так и думал Михаил Булгаков. Ведь его Воланд в «Мастере и Маргарите» скорее положительный (хоть и Сатана), чем отрицательный персонаж, в нём много мудрости, остроумия и даже обаяния. Да и Суд он вершит справедливый, воздаявая каждому по делам его...

— Да. Но ведь людям как-то надо было разделить по сути добро и зло. Они ведь существуют в мире независимо от того, хочет этого человек или нет. Если представить, что в природе нет человека, есть природа, все звери, птицы, рыбы, деревья есть, а человека — нет, то ведь и зла не будет. Это сугубо человеческое изобретение. Люди для себя решили: это плохо, вот оно — зло, а это — хорошо, значит, добро. Добро и зло — социальные понятия. И философские тоже. А господь Бог над всем этим стоит и вмещает в себя всё: и плохое, и хорошее. Я так понимаю. Но вообще-то человек на земле много плохого сделал. И войны, и насилие, и жестокость, и жадность, и злость... Это во все времена было, и вряд ли когда-нибудь человечество поумнеет и будет добрее и благоразумнее, чем сейчас.

— А в работе над библейскими сюжетами что для Вас было особенно важно — рассказать людям, объяснить сами библейские сюжеты или найти какое-то философское начало в них?

— Я в своей работе постаралась ни на кого не ориентироваться, не думать о том, понравится кому-то или не понравится. Для меня важно, что я в каждом сюжете достигла того смысла, который я чувствую всей собой, чтобы добиться душевного отклика. В каких-то листах мне удалось больше, в каких-то, может, меньше. Я ведь тоже критически смотрю на свои работы. И счастье, когда удаётся свою идею на полотне передать так, чтобы оно зажило своей жизнью.

— Как-то один известный художник сказал, что от настоящего искусства не должно пахнуть потом. В том смысле, что тяжкий труд должен остаться за кадром, а произведение должно производить впечатление написанного легко, без напряжения, на одном дыхании.

— Да уж. Никто и не говорит, что картины писать легко. Иногда они могут годами писаться. Пишешь и переписываешь. Ищешь, можно ли ещё что-то сделать со светом, с пространством. Внутренняя жизнь идёт самая напряжённая. И вдруг «находишь странный угол

чувств»... И понимаешь, что находишься там. Не здесь, а именно там, в созданном тобой пространстве. Часто, чтобы найти правильный путь, представляю, что это не моя работа. Абстрагируюсь от собственного авторства, чтобы понять, как добиться нужного состояния. Я не закончу картину, пока не почувствую, что меня, как стороннего зрителя, всё устраивает. Ведь, на самом деле, я очень критично отношусь к своим работам. Пишу до тех пор, пока они не начинают жить сами. И останавливаюсь, когда понимаю, что сделала всё, что могла.

— Когда Вы любите писать? Утром, днём, ночью? Когда Муза чаще посещает Вас?

— Ну, Муза всегда со мной. А писать я люблю с утра и пока не садится солнце, при дневном свете. Потому что для меня электрический свет — нечто искусственное, что искажает истинный цвет, сильно меняет его. То есть при электрическом свете цвет

врёт, обманывает тебя. Только при естественном дневном свете можно почувствовать тонкие-тонкие градации цвета. А искусственный свет всё упрощает, и то, что проявлено на полотне, становится однообразным. По крайней мере, я так вижу и чувствую.

— Вам зритель безразличен? Чего Вы ждёте от него?

— Конечно, нет. Чего я жду от зрителя? Принятия, сопереживания. Правда, если мной не интересуются, я не буду подавать никакие знаки. Я достаточно скромный человек. Но тем более приятно, когда люди, увидев мои работы, и не зная меня, начинают мной, моим творчеством интересоваться, даже искать меня... Если кому-то интересно, я всегда этому рада.

ПОЛНОЛУНИЕ. Холст, масло. 95×75

Н.С. Давыдов

КРАЙ УДИВИТЕЛЬНЫХ, ТАЛАНТЛИВЫХ ЛЮДЕЙ

Мошенской район — это край экологической чистоты и удивительных, талантливых людей. Недаром один из классиков русской литературы заметил: *«Чистота людей и первозданность природы неразделимы»*. На карте Мошенского района озёра голубеют, как блюдца на праздничном столе. И из одного из этих озёр берет своё начало удивительно красивая, с тихими заводями, камышовыми перекатами, река Уверь, на берегах которой и раскинулось старинное русское село Мошенское, которому, согласно записям в писцовой книге Бежецкой пятины, минуло более четырёхсот лет. Село объединяет в себе черты старого и современного.

Время остановить нельзя, но когда приезжаешь впервые, то невольно бросается в глаза помимо размеренного уклада сельской жизни ещё и самодостаточность, духовность этих людей, живущих полнокровной трудовой жизнью. Сеть автомобильных дорог связывает райцентр с самыми отдалёнными сёлами и деревнями.

В силу своей профессии, мне посчастливилось встретить здесь замечательных людей, любящих свою Малую Родину. В один из таких приездов в Мошенское я был приглашён на праздник района, что проходил в Сосновом бору на крутом берегу реки Увери. Хочу вас заверить, я был просто очарован тем, как проходил этот праздник. Получили признание и заботу, как стар, так и млад. В адрес защитников, уходивших служить в этом году от Мошенского района, были сказаны тёплые слова напутствия и вручены именные часы. Отмечены также ценными подарками пожилые жители района. Поднимались

на импровизированную трибуну простые труженики села: те, чьим трудом и воссоздаётся сегодняшнее благополучие района.

Довелось после этого праздника общаться с главой администрации Мошенского района Геннадием Александровичем Голубевым, к сожалению, уже бывшим. Очень хочется написать несколько слов о людях, живущих в этом районе. Люди, для которых творческое начало есть необходимость его выражения: будь то стихи, картины, резьба по дереву, вышивка, художественная самодеятельность и многое другое, что делает человека выше, чище, духовнее. А как всего этого не хватает в наше время! Об этом думает и рассуждает каждый здравомыслящий россиянин. Вот после той беседы на берегах Увери с главой района и зародилась идея провести в селе Мошенское, а точнее — в районе, художественный пленэр.

Пригласили на этот пленэр ведущих художников из Центральных областей России, тех, кто ближе и точнее будет чувствовать природу Новгородчины. Надо отдать должное: и выставки, и пленэры неоднократно проходили в Мошенском районе, но были они в большей степени учебные. А здесь собрались художники из Москвы, Великого Новгорода, Твери, Ярославля, Смоленска и других городов. Приехали от Народных и Академиков до Заслуженных и членов Союза художников России.

Включили в пленэр и местного художника Захарова Владимира. Общее количество участников пленэра — 19 человек, да ещё молодые художники, которые в процессе работы присоединились к группе. Приезд художников в Мошенское был организован тепло и душевно. Встретили хлебом-солью, по старинному русскому обычаю. Концерт, приветствие от Администрации области, района и Союза художников России.

Новгородский живописец, Заслуженный художник России Александр Варенцов открыл в залах Дворца культуры свою персональную выставку, которая послужила преддверием к открытию большого живописного пленэра на Мошенской земле. Разместили художников в пионерском лагере на берегу озера Карабожа вблизи деревни Столбово. Там и жили художники. Оттуда два микроавтобуса каждое утро развозили художников по красотам Мошенской земли. Было время золотой осени. И озеро Великое, и старинные сёла Орехово, Меглецы, и Яко-

Село Мошенское, Новгородская область

вецкие источники — всё это было представлено взгляду художников. Да проще приехать в картинную галерею села Мошенское и увидеть то, что сотворили художники за две недели, работая буквально с утра до вечера.

Группа подобралась дружная и рабочая. Художественным руководителем был Заслуженный художник России Николай Давыдов из Твери. По условиям пленэра каждый участник оставлял администрации Мошенского района по две работы. Выбирала работы комиссия, куда входили представители управления культуры и

сами художники. Уже в процессе работы возникла идея об издании буклета о первом живописном пленэре, который впоследствии назвали «Мошенские рассветы над Уверью».

Вот как напутствовал участников пленэра глава Мошенского района Г.А. Голубев: *«Чувство искренней признательности выражаю участникам этого замечательного события для жителей района. Пишите, творите и показывайте красоту России и её маленькой частицы — Мошенского района — сейчас, и безусловно ваши творения сохраняют для истории, что всегда приятно для нас и полезно для будущих поколений. Ярких красок, красивой натуры, творческих успехов»*. Непосредственное участие в подготовке и издании альбома приняли Заслуженный художник России, а ныне Народный, Людмила Георгиевна Юга и известный фотохудожник Николай Погорелов. Именно на их плечи легла основная работа по изданию альбома.

Вопрос об открытии картинной галереи тогда ещё не стоял, но пришло время закрытия пленэра и художники

в знак благодарности безвозмездно подарили ещё работы. Вот тогда и встал вопрос перед Администрацией района, его главой и *начальником управления культуры и спорта* Екатериной Анатольевной Большаковой об открытии и организации муниципальной картинной галереи. Нашли и отремонтировали здание, подготовили экспозицию и волей Божьей открыли маленький очаг культуры. К тому времени в Мошенском находились уже художественная и музыкальная школа, был возрождён храм — Никольская церковь. В чём большая признательность малому бизнесу, который внёс свою лепту в духовное возрождение села. Мне могут возразить, сказав: «Ну и что, что есть муниципальная галерея. Кому она нужна в селе Мошенском?». Но как великая река Волга берёт своё начало с маленького ручейка, превращаясь в могучую и мощную, так и творчество отдельных людей вкуче становится большой и мощной российской культурой. Ведь неспроста на этой земле родились и будут ещё рождаться творческие люди. Такие, как Егоров Василий Яковлевич из деревни Дубишки, самобытный художник, поэт, чьи выставки проходят в районной библиотеке, а теперь и в галерее села Мошенское. Надо видеть эти работы, где изображён медведь с голубыми глазами на берегу Увери, пастух, пасущий стадо, и простые с виду, но до боли близкие пейзажи... с чувством юмора и духовной глубиной. А поэт, выходец из Мошенского, Николай Николаевич Сергеев! Вышла также книга стихов Александра Петрова. Ирина Бойцова — художественный руководитель ореховского Дома культуры — сама увлекается живописью, о чём говорит её последний сборник «Берегите любовь», пишет песни, поёт, неоднократно участвовала в районных, зональных, а также областных конкурсах молодых исполнителей эстрадной песни «Волховские зори». Но родилась в деревне Горницы Мошенского района, училась в Ленинграде и после окончания вуза приехала на свою Родину. Что это — зов предков или любовь к малой Родине? Где родилась, там и пригодилась. Можно с теплотой написать и о хореографическом детском ансамбле «Ягодиночка», не раз радовавшем своими наградами и исполнениями жителей Мошенского. Да и директор картинной галереи Ирина Сергеевна Райцева — истинный подвижник своего дела. Окончила в Новгороде институт, приехала в родное село, где преподаёт в художественной школе, а сейчас ещё и заведует картинной галереей. Сколько больших и малых выставок было проведено под её руководством. И это лишь малый вклад в большую российскую культуру, которая как никогда нуждается сегодня в поддержке чистого и светлого, идущего из глубины. При тотальном засилье безвкусицы и безнравственности таким людям надо отдавать должное. Нынешнее руководство района, его глава Алексей Дмитриевич Кондратьев, также поддерживает культуру, понимая, что духовность была всегда определяющей в развитии общества.

Каждая статья Т.В. Володиной — отзвук культурного события в сфере искусства. На страницах альманаха неоднократно публиковались её зарисовки об одарённых людях, чьи выставки проходили в музее, особенностях выражения их таланта, и конечно, вехах жизненного пути, порождающих то уникальное, авторское восприятие реальности, которое они дарят всем ценителям посредством творчества. Татьяна Владимировна — тонкий знаток и талантливый организатор. Именно благодаря её многолетнему вдохновенному труду и тонкому чутью опытного искусствоведа были организованы многие выставки и представлены заинтересованной публике многогранность и глубина художественного мира. На этот раз Т.В. Володина знакомит читателей с четырьмя гениальными мастерами, которые создают совершенно разные шедевры, но каждый из них является самородком в своей профессиональной среде.

Т.В. Володина

МУЗЫКА ЦВЕТА

Анатолий Иванович Завьялов родился 26 ноября 1930 года в Калише (Польша). Он пережил раздел страны, Вторую мировую войну, присоединение родного города к Советскому Союзу. За это время четыре языка — польский, украинский, немецкий и русский — стали для него почти одинаково привычными. В 1952 году Анатолий Иванович окончил Ужгородское среднее художественное училище, а в 1958 — Львовский государственный институт прикладного и декоративного искусства по специальности «Художник монументалист». С 1959 года — он участник областных художественных выставок, сначала во Львове, затем — с 1964 года — в Куйбышеве, а с 1972 года — в Новгороде. Интересно, что во всех экспозициях, в том числе и на первой республиканской выставке молодых художников 1966 года, проходившей в Москве, он был представлен и как художник монументально-декоративного искусства, и как станковист.

Судьба не сразу привела художника в Новгород. Сначала были Львов, в 1960-е годы — Куйбышев (Самара). В 1968 году после зональной художественной выставки «Большая Волга II», он становится кандидатом, а с 1971 года членом СХ РСФСР. В Куйбышеве он знакомится с Д.С. Кондратьевым, который через некоторое время, в 1968 году, переезжает в Новгород. Анатолий Иванович несколько раз гостит у него. Обе семьи живут в палатках на берегу Мсты, художники пишут необыкновенные новгородские закаты и рассветы, реку, лес, дали. Однако выбор Новгорода, в котором Анатолий Иванович обосновывается в 1972 году, был связан не только с его красотами, историческими достопримечательностями, удобным расположением между двумя столицами России, но, как мне кажется, и причинами чисто профессиональными. Новгородская организация СХ РСФСР переживала эпоху становления, не была закреплена традициями, вбирала в себя художников очень разного склада и сферы деятельности. Это обеспечивало и художникам, и организации хорошие творческие перспективы, а городу богатую и разнообразную художественную жизнь. А.И. Завьялов занял в искусстве Новгорода свою особую творческую нишу. Город строился, работ для художника его специализации было много. Уже в 1973 году монументально-декоративное панно «Строители старого и нового города» украсило фасад Новгородского строительного

техникума, потом была «Волхова» на фасаде гостиницы «Интурист» (1975), «Юность» на фасаде училища культуры (1980), многое и многое другое. Но художника не меньше привлекали станковые формы.

В них он мог полнее выразить себя, точнее — передать окружающую красоту во всем её многообразии. Постепенно определялись и свои темы: мир природы и музыки, и человек — как удивительный синтез этих двух миров. Художник никогда не стремился к жизнеподобию. Его картины — это преображённая реальность, подчинившаяся законам гармонии. В его цвето-ритмических композициях форма то будто рождается из первозданного хаоса, то переконструируется из уже существующих простых форм, то замыкает контуром тягучую вязкость потока материи. Картины художника очень разные. Есть созданные будто в одно касание, привлекающие какой-то особой лёгкостью. Есть нагруженные цветом, фактурой, почти рельефом выступающие над поверхностью холста. Есть картины-впечатления, есть — размышления. И все же они составляют некую целостность: они все очень личные. В них угадывается лирический герой, его переживания, восторги, тревоги. Внутренняя интонация выражается через цвет. Его нюансы, перетекание, концентрация, противостояние, оформленность и кажущаяся стихийность, чувственность и отстранённая холодность действуют сильно, трогают, призывают к сотворчеству.

Пять лет назад художник, выступая перед зрителями, говорил о том, что, наверное, это его последняя персональная выставка. К счастью, он ошибался. Выставка «Разные, разные годы...» тому подтверждение. В экспозиции новых произведений, созданных в период с 2006 по 2010 годы, больше, чем написанных в 1970–1990 годы. Чаще всего это небольшие по формату картины. Они светлы, удивительно открыты, в них любовь и нежность, восхищение красотой дня сегодняшнего и воспоминания о прошлом.

СИЯНИЕ НЕЖНОЕ СТЕКЛА...

Евгения Владимировна Вихрова родилась в Ленинграде в 1945 году. С 1955 по 1961 год занималась в Ленинградском Дворце пионеров имени А.А. Жданова (сейчас СПбГДТЮ (Аничков Дворец)) под руководством С.Д. Левина. В 1964 году окончила Художественную школу № 190. В 1969 году окончила ЛВХПУ им. В.И. Мухомовой (сейчас СПбГХПА имени А.Л. Штиглица), факультет декоративно-прикладного искусства, отделение керамики и стекла. Дипломная работа — комплект бытовой посуды из стекла с росписью эмалями для гостиницы «Ленинград». Руководитель К.М. Митрофанов. С 1969 по 1975 гг. преподавала в Детской художественной школе № 4 г. Ленинграда. С 1970 года начала участвовать в зональных, республиканских, всесоюзных и международных выставках. С 1975 по 1994 год — художник Чудовского ордена «Знак Почёта» стекольного завода «Восстание» (Новгородская область). С 1977 года член Союза Художников России. В 1982 году — участник I Международного Симпозиума по стеклу «Interglass» (завод «Кристалекс», г. Новы Бор, Чехословакия). В 1985 году награждена Золотой медалью ВДНХ. В 1990 год — участник Международного Симпозиума по стеклу в г. Гусь-Хрустальный. С 1992 года преподаёт на кафедре керамики и стекла СПбГХПА им. А.Л. Штиглица, а также в детской художественной школе «Александррино».

Работы Е.В. Вихровой находятся в собраниях Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея (Фонд детского творчества), ГИМ, Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства, Елагиноостровского дворца-музея русского

декоративно-прикладного искусства и интерьера XVIII—XXI вв. (Музей стекла), Сергиево-Посадского Государственного историко-художественного Музея-заповедника, Новгородского государственного объединённого му-

зея-заповедника, Музея художественной культуры Новгородской земли, Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково», Омского музея изобразительных искусств имени М.А. Врубеля, Чудовского краеведческого музея, Государственного историко-архитектурного, художественного и ландшафтного музея-заповедника «Царицыно», Сумского художественного музея, в коллекции студенческого стекла Музея СПГХПА им. А.Л. Штиглица, а также в частных коллекциях в России, США, Франции, Норвегии, Финляндии, Японии.

Главным делом жизни Евгении Владимировны Вихровой было и остается художественное стекло. Уже после первых больших выставок о её творчестве писали известные искусствоведы и критики. Они отмечали, прежде всего, гармоничное и поэтически-вдохновенное сочетание ясной и чистой формы и росписи, то графически затейливой, то широкой, почти прозрачной и призрачной. «...У Е. Вихровой роспись близка к живописным исканиям русского модерна... Они ассоциируются с блоковским Петербургом, с „шелками и туманами“, с его прекрасной Незнакомкой». (Н.В. Воронов, доктор искусствоведения). «Мини-поэмы» Евгении Вихровой и сейчас, через десятилетия, выглядят свежо и современно.

Большая часть работ мастера была создана на Чудовском стекольном заводе «Восстание». Когда в 1990-е годы завод перестал существовать в своём прежнем качестве, для Евгении Владимировны начался в сущности новый и непростой период. Она преподаёт в СПбГХПА им. А.Л. Штиглица и детской художественной школе «Александррино», активно занимается стеклом. Отсутствие постоянной производственной базы привело к поиску доступных технологий, следствием стали иные, чем прежде, пластические, фактурные и цветовые решения. Изменился и образный строй её произведений. Сегодня в творчестве Евгении

Е.В. Вихрова

Владимировны преобладает подчеркнуто декоративное начало. Формы стали крупней и массивней. Мастерски используется контраст: тяжёлое, даже brutальное соединяется с хрупким, невесомым, правильная геометрия цветных плоскостей — с живой природной пластикой. Произведения последних лет — это уже не изящные миниатюры, которые хочется взять в руки, они монументальны, рассчитаны на взгляд с расстояния, в них нет даже намёка на утилитарность. Они — воспринимаются как продолжение природных процессов формообразования.

Евгения Владимировна Вихрова хорошо известна в России и за рубежом как великолепный мастер художественного стекла. Но её творческий диапазон значительно шире. В последние годы она нередко выставляется и как художник-станковист. На выставке к юбилею художника в Великом Новгороде было представлено около 50 её графических произведений. Это портреты, жанровые композиции, пейзажи и натюрморты. В них наивность и простота, почти детская чистота и открытость удивительным образом соединяются с искусственностью мастерства и художественной завершенностью образа и формы.

КРАЙ, ГДЕ Я ЖИВУ

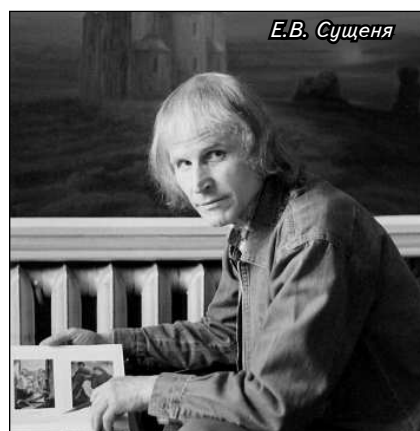
К 70-летию Евгения Васильевича Сущенко

Евгений Васильевич Сущенко — художник абсолютно узнаваемый. На любой выставке его произведения резко выделяются среди сотен других и колоритом, и фактурой, и, наконец, завершенностью. Это объясняется, как мне кажется, откровенным и давним пристрастием к работам старых мастеров, которые абсолютно естественно соединяли высокую художественную образность с ремесленной — в самом точном смысле этого слова — тщательностью исполнения. Е.В. Сущенко пришёл в профессиональное искусство в начале 1970-х годов, когда среди нескольких ведущих направлений, вытеснивших «суровый» стиль, одно из ведущих мест занял ретроспективизм, дававший возможность художникам говорить о современности, вступая в диалог с устоявшимися системами, формами и оценками прошлого, нащупывать и «проявлять» иногда очень не явные культурные связи миров, отдалённых друг от друга на расстояние в десятки поколений.

Холсты Е.В. Сущенко кажутся состаренными, пожелтевшими, будто их поверхность покрывает потемневший лак. Иногда возникает ощущение, что на них накинута и тонкая сеть кракелюра.

ЛЁН ЦВЕТЁТ. 2001. Х., м. 95×135

Е.В. Сущенко

Евгений Васильевич Сущенко родился в 1940 году в деревне Пласток Минской области. В 1967 году окончил Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени В.И. Мухомовой по специальности «художник интерьера».

С 1968 года — живёт и работает в Новгороде, участвует в выставочной деятельности Новгородской организации СХ РСФСР. С 1975 года — член Союза художников СССР. В 2000 году Министерством культуры РФ награждён Знаком «За достижения в культуре».

Произведения художника хранятся в Новгородском государственном объединённом музее-заповеднике, в Государственном музее художественной культуры Новгородской земли, в Дирекции художественного фонда РФ, в частных коллекциях в России и за рубежом.

Художник стремится к выверенной, равновесной композиции, подчеркнутой идеальности перспективы и кристальной ясности пространства. Недаром, ещё много лет назад Т.Б. Зозуленко назвала его пейзажи космическими, хотя все они и «Дали Валдая», и «Новгород. Кремль», и многие другие имеют вполне конкретную привязку к реальному мотиву. Но это не мешает им передавать ощущение кристаллизованного, застывшего мира, пережившего человека, сохраняющего лишь память о нём.

Натюрморты и портреты Е.В. Сущени философичны, нередко умозрительны. В них, как и в пейзаже, выражено стремление к созданию идеального образа через идеально вычисленную форму. Вполне логичным и органичным для творческого метода художника кажется применение им сюрреалистических ходов, ведущих к «остранению», «очуждению» образа, взрывающих его идеальную оболочку и как бы вновь её собирающих.

О художнике можно писать и говорить по-разному. Но есть один очень важный аспект — это отношение к искусству и к собственному творчеству. У Евгения Васильевича Сущени — это, как мне кажется, преклонение перед искусством как способом бытия, преданность ему, служение ему, понимание творчества — как предназначения и труда.

ЮНЫЙ НОВГОРОДЕЦ. АНДРЕЙ.
1984. Х., м. 100×80

ПАМЯТЬ. ВОСПОМИНАНИЕ О РУБЛЁВЕ.
1977. Х., м. 110×110

МГНОВЕНИЕ. 1979. Х., м. 110×110

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ. 2005. Х., м. 101×152

ОСЕНЬ В ЗИМОГОРЬЕ. 2009. Х., м. 87×130

АССАМБЛЕЯ ГЕРОЕВ

Леонид Михайлович Баранов родился 30 декабря 1943 года в Москве. Окончил Московский государственный художественный институт имени В.И. Сурикова (1968 г.), член Союза художников СССР (1969 г.), член-корреспондент Российской Академии Художеств (2007 г.). С 1996 года — участник всесоюзных, республиканских, московских, групповых и персональных выставок в нашей стране и за рубежом. Работы скульптора экспонируются в Государственной Третьяковской галерее (с 1984 г.), в Московском музее современного искусства (с 2001 г.), являются собственностью других крупных российских и зарубежных музеев.

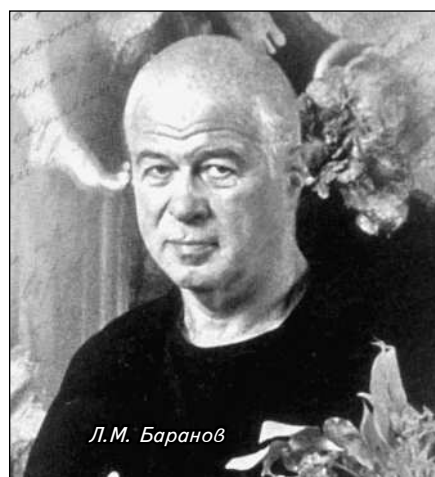
Леонид Михайлович Баранов принадлежит к числу талантливейших скульпторов нашего времени, создавших свой яркий, неповторимый стиль. Его творчество по заслугам оценено современниками в России и за рубежом. Особую славу мастеру принесли памятники Петру I в Роттердаме (1997 г.), Достоевскому в Баден-Бадене (2004 г.), а также скульптурные группы «Московские архитекторы XVIII Василий Баженов и Матвей Казаков» (2007 г.) и Пётр I и доктор Николай Бидлоо» (2008 г.), установленные в Москве.

Название выставки в Музее изобразительных искусств «Ассамблея героев Леонида Баранова» не случайно. На ней представлено более 20 произведений скульптора.

Это бюсты и статуи, разнообразные тематические композиции, выполненные в бронзе, гипсе, меди и дереве. Собранные в новой для них среде и в новых обстоятельствах, они по-новому раскрывают и себя, и поэтический мир автора. По сути, сама выставка — ещё одно на короткий срок явленное нам произведение художника. Каждая работа сложно соотносится с другими, не менее значимыми, в результате возникает мощное полифоническое звучание целого. Замечательно, что композиции, в которых соединены вместе, казалось бы, несоединимые во времени и пространстве персонажи, — открыты и для зрителя, который может оказаться как внутри, среди героев, так и остаться сторонним наблюдателем.

Оставаясь в пределах фигуративного искусства, пользуясь формами и приёмами, традиционными для станковой скульптуры, Л.М. Баранов прибегает к иносказательному способу передачи своих размышлений и реальных впечатлений. Для него характерно сочетание историзма и театральности, иронии и острой наблюдательности, он мастер выразительной детали. Всё это позволяет ему избежать общих мест и пафосности в трактовке исторических личностей, передать истинную поэзию истории. Скульптор знакомит нас с живыми, далёкими от академической приглаголенности персонажами прошлого — Петром I, Екатериной II, Павлом I, М.В. Ломоносовым, А.В. Суворовым, Н.В. Гоголем, Д.Д. Шостаковичем, И.Э. Грабарем. Многие скульптурные композиции связаны с образами А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского, олицетворяющими в представлении автора аполлоновское и дионисийское начало в русской культуре.

Сложное метафорическое осмысление художником истории, очень личное отношение к ней и её героям, особенно ценно своей связью с современным миром. Образы истории, получив новую жизнь в скульптурах Л.М. Баранова, превращаются в актуальные явления современности, «мир его портретов и статуй, — отмечала ещё в 1988 г. С. Базазьянц, — рождает особое, гуманитарное пространство».

Л.М. Баранов

Татьяна Боброва

ЦАРСТВО ТЕАТРА РАЗМЕРОМ С ФЕСТИВАЛЬ

Великий Новгород часто называют землёй легенд — и это не просто слова, когда в апреле город становится центром театрального притяжения мифологии. Театры из Швейцарии и Германии, Франции и Чехии, Венгрии, Израиля, Латвии, Эстонии, Польши, Болгарии, Италии, России привозят свои мифологические опыты на Международный театральный фестиваль «Царь-Сказка» / Kingfestival. Одиннадцатый виток фестивальной летописи 23–27 апреля 2011 года подарил новгородцам современный танец и драматические спектакли, кукольный театр и визуальные постановки. В течение пяти фестивальных дней в городе был практически столичный театральный репертуар: Одиссея и Маяковский, Гришковец и Кафка.

Организатор фестиваля — Новгородский театр для детей и молодёжи «Малый» собирает раз в два года щедрую фестивальную палитру. В этом году список гостей и участников включил 18 стран мира: от Лихтенштейна до Великобритании. Обилие фестивальных событий помимо спектаклей также впечатляет — за пять фестивальных дней состоялись три международных проекта по современной драматургии и открылась выставка театрального плаката Дании.

на Российской Национальной премии и фестивале театрального искусства для детей «Арлекин». Малый удостоился премии за то, что «один из наиболее интересных и динамично развивающихся российских театров» создал фестиваль «Царь-Сказка — один из лидеров фестивального движения в России. Это один из самых представительных и творчески убедительных фестивалей, высоко оценённый критиками». Статьи о фестивале продолжают выходить не только в России, но и за рубежом — эстонский критик Кадри Сельге пишет в газете Sirp: «Фестиваль призван найти направление и тенденции в театре для детей и молодёжи всего мира, отыскать что-то объединяющее и закономерное в театрах Кореи, Болгарии, Израиля и России: ключевое слово здесь — актёр».

Сегодня фестивальная жизнь — кипучая смесь разных театральных направлений. Открылся фестиваль наиболее интересным драматическим проектом из Латвии **«Половодье и солнцестояние в звуках Страумене»**, ставшим сценической версией известной поэмы Эдварда Вирза. Хутор Страумене как модель бытия — молодёжь здесь влюбляется и ревнует, переживает страсти и размышляет о своей судьбе через вереницу ритуалов. Микели (осеннее солнцестояние), Рождество, Пасха и Иванов день здесь становятся вехами народа: интересный факт, что именно такая сугубо фольклорная народная история привлекла внимание двух молодых творцов: режиссёра Виестурса Мейкшанса и сценографа Рейниса Сухановса, которые увидели подлинные мифологические корни Латвии в «Страумене». Валмиерский Драматический Театр, где родился этот спектакль, один из наиболее интересных театров Латвии сегодня, и их спектакль — яркое подтверждение

Спектакль «Половодье и солнцестояние в звуках Страумене» (Латвия)

Накануне открытия фестиваля в Санкт-Петербурге случилось особое событие — театр «Малый» стал лауреатом Специальной премии «За весомый вклад в развитие детского театра России» и высшей награды Союза театральных деятелей России — Золотого знака

тому, что мифологическая составляющая продолжает оставаться на сцене важным явлением.

В этом году Латвии уделяется особое внимание на фестивале. Упрочив культурные связи с прибалтийскими соседями, Новгородский театр «Малый» уже имеет в своей творческой копилке два спектакля, поставленных латышскими режиссёрами для детей. Оба проекта пользуются большим успехом новгородских маленьких зрителей — «Мышкин дом» по мотивам классика Латвии Яниса Ширманиса в постановке Паулса Антеинса и новая премьера, буквально с корабля на бал перекочевала в фестивальную программу. Постановка «Шалтай-Болтай» главного режиссёра латвийского кукольного театра Вии Блузмы — ностальгическая дань нашему детству, где общей линией, объединяющей детей и родителей, являются стихи в переводах Маршака. Семейство двух старичков через стихи «Дом, который построил Джек» и дразнилку про Робина-Бобина, который скушал сорок человек, молодеют, вспоминая «сказки нашего детства». В руках актёра Олега Зверева и актрисы Елены Федотовой самые обычные предметы магически преобразуются — только что играли в мяч с детьми и вот уже ловко заброшенный в мешок мячик становится трогательной старушкой в чепце, которая пошла продавать молоко, «деревня от рынка была далеко». Воздушный шарик при каждом вздохе становится пугающим животом обжоры Робина, и дети уже визжат: не надо, сейчас лопнет! И с восторгом повторяют стихи следом за актёрами. Удачно найденная грань между стихотворным текстом, который близок и знаком каждому ребёнку («три очень милых феечки сидели на скамеечке» и т.д.), и театром объекта, который магически преобразуется в героев стихов, делает спектакль оригинальным зрелищем и для детей, и для взрослых.

Продолжая знакомство с Латвией, фестиваль представил целый проект «Латвийская линия». В него вошли три спектакля — Новгородского театра «Малый», Валмиерского драматического театра и Латвийского кукольного театра. Уникальность Рижского кукольного театра, который привозит для маленьких зрителей «Спящую красавицу», — в том, что сегодня это единственный театр, который занимается профессиональным кукольным искусством на территории целой страны.

Особого внимания заслуживает творческий проект для молодых театроведов России и Европы, начатый ещё в 2007 году — Международная театральная лаборатория «Молодая критика — театральное будущее». Молодые выпускники театроведческих вузов зачастую лишены практической возможности работы внутри крупных фестивальных процессов, получая теоретические знания в период учёбы, но развитие навыков анализа и обсуждения им может дать только равноправное участие в фестивальном движении, в рамках осуществления диалога с создателями спектаклей. Новый лабораторный опыт расширил международную составляющую участников — в этом году обсуждали спектакли и дискутировали по проблемам современного театра молодые специалисты Финляндии, Литвы, Польши, Латвии, России. Несмотря на молодость, практически все из них имеют опыт блоггерства и участия в международных фестивалях, и тем интереснее стал

итог — вручение Приза Молодой критики «Другой взгляд», которым театроведы отметили наиболее интересный спектакль фестиваля.

Проект «Манолибера / Лёгкая рука» — первая презентация театрального искусства Италии в Новгороде. Неслучайно, что в Год Италии наш город посетил один из самых популярных театральных спектаклей, которому аплодировала публика престижного Эдинбургского фестиваля. Новые технологии здесь удачно сочетаются с драматическими ситуациями и юмором актёров, объединение театра и комикса дало неожиданный великолепный результат, который мечтают представить ведущие фестивали мира. Заскучавший на конференции клерк, в чью обязанность входит менять слайды, начинает фантазировать — он рисует на проекторе смешные ситуации, в которые попадает незадачливая парочка актёров. Сочетание живого плана двух ярких драматических актёров и придуманные ситуации, которые превращают их жизнь в цветной комикс, даёт удивительный эффект: комические и ироничные сценки с удовольствием смотрят и дети, и взрослые. Спектакль не боится языковых различий, так как по мнению создателей, нас заставляют смеяться общие эмоции.

Фестиваль представил несколько международных культурных проектов, которые созданы в партнёрстве с Новгородским государственным университетом имени Ярослава Мудрого. Впервые были показаны читки швейцарских пьес для молодёжи — четыре произведения ведущих драматургов Швейцарии переведены силами студентов факультета лингвистики и межкультурной коммуникации. Познать современную литературу Швейцарии было необычайно интересно — в пьесах исследуют, как становятся смертницами или заложниками собственной семьи, поднимаются воп-

Спектакль «Манолибера / Лёгкая рука» (Италия)

росы взаимоотношений родителей и детей, рассматриваются подростковые комплексы. Эта такая «новая драма» по-швейцарски, обладающая точным посылом к молодой аудитории и оригинальными сюжетами. Читки представили актёры Новгородского театра «Малый», для которых такой формат — тоже экспериментальный опыт. Также был осуществлён перевод пьес и для другого проекта «Театр в классе» — европейская

драматургия, созданная для небольших пространств школьного класса или аудитории. Три пьесы — «Моя мать Медея», «Остров» и «Минное поле» были переведены и показаны в формате отрывков. Возможно, что в будущем спектакли «классного формата» могут прижиться в Новгороде, тем более, что все три пьесы отличаются актуальность сюжета и новизна формы.

Несмотря на то, что в этом году в список участников-театров не вошёл спектакль из Дании, родина Андерсена была представлена в программе — презентация современной драматургии страны в русских переводах состоялась в формате читок, а в фойе Новгородского театра «Малый» для зрителей работала выставка театрального плаката Дании. 24 театральных постера, созданных для спектаклей театров для детей и молодёжи, были отобраны датскими театральными деятелями. Выставка пользовалась успехом в Москве, Санкт-Петербурге, а в Новгород приехала из Перми.

Особое внимание фестиваль продолжает уделять современному танцу — впервые Польша в фестивальной афише представлена варшавским театром «Завированье», который первым в стране возвёл современный танец в независимое отдельное направление. В сотрудничестве с испанским хореографом Д. Обрэ был поставлен спектакль «Вне поля зрения». Спектакль — хореографическая импровизация, которая не имеет чёткой сюжетной линии, взяв за отправную точку человеческой тело и импульс движения. Танцовщики действуют на основе собственной фантазии, зрителю предстоит самому решать, какие взаимоотношения связывают героев. Чешский театр «Нанохах» — тоже своего рода премьера современного танца в Новгороде. Поставив новеллу своего земляка Кафки как хореографическую миниатюру, театр представил «Превращение» как «Ожуживление», изменённое одиночеством тело, сосредоточенное под светом единственной лампы на столе. Маленьким мир Грегора Замзы, который однажды просыпается жуком, не покидает пределов одного стола — вселенная, уместившаяся в полтора метра деревянного пространства. Помимо камерных спектаклей, современный танец представлен и на большой сцене. Уникальные французские хореографы Абденур Белали и Мартин Жос-

сан (компания Alexandra N'Possee, Франция) поставили спектакль с мурманской хип-хоп-командой «Гаст лайф», используя мотив гомеровской Одиссеи о вечном странствии — спектакль в 2011 году был номинирован на «Золотую маску» и открыл пространство хип-хопа для больших сцен. Невероятные трюки сочетаются здесь с пластическими миниатюрами «семерых смелых», которые отправились покорять просторы севера.

На церемонии Закрытия, которая состоялась 27 апреля в театре «Малый», Международное жюри и молодые критики объявили лауреатов. В состав Международного жюри этого года вошли два театральных

специалиста из Латвии — режиссёр Вия Блузма и театральный критик Эдит Тишейзер и петербургский критик Елена Горфункель. По решению жюри лучшим спектаклем для детей был объявлен итальянский спектакль «Манолитера» (Лёгкая рука), ставший безусловным театральным хитом последнего фестивального дня. В этом году впервые приз был вручён двум театрам — кроме итальянской постановки, болгарскому театру «Кредо» за спектакль «Папа всегда прав». Международное жюри наградило несколько театров. Лучшим спектаклем для подростков

Спектакль «Одиссея» (Мурманск)

стал «Бесстрашный Барин» Российского академического Молодёжного театра (Москва). Лучшая режиссёрская работа — Виестурс Мейкшанс за спектакль «Половодье и солнцестояние в звуках Страумены». Спектакль «Спам» Новгородского театра для детей и молодёжи «Малый» стал лауреатом в номинации «Лучший спектакль о современности». Лауреатом в области современного танца в номинации «За опыты пластического театра» стала компания NANOHAH (Чехия) со спектаклями «Ожуживление» и «Зачарованная де Люкс». Ко-продакция мурманской команды «Гаст лайф» и французской «Алессандро-н-Посси» получила приз «За молодёжную эстетику спектакля».

Фестиваль, который погружает город в сказку, возвращается в Великий Новгород раз в два года. Как раз хватает времени, чтобы пережить впечатления и начать мечтать о новых эмоциях, которые театр может передать только вживую, от сердца к сердцу.

В ОЖИДАНИИ ГЛАВНОЙ КНИГИ

Удивляющиеся обилию новгородских монастырей гости нашего города удивились бы ещё больше, узнай они, что на самом деле видят лишь незначительную часть того, что когда-то могли здесь увидеть. Возможно, и некоторых новгородцев удивил бы тот факт, что — прогуливаясь по ближайшим окрестностям города (а то и по самому городу) — они частенько бродят ровно по тем местам, на коих некогда процветали святые обители с диковинными, почти уже забытыми именами: Лисицкий монастырь, Радоковицкий, Аргамов, Сковородский. Однако куда более достойным удивления здесь видится другое: за два века изучения истории монастырей древнейшей русской епархии по этой теме до сих пор не было издано научной монографии. Ни единой!

Впрочем, прискорбное сие обстоятельство осталось теперь позади: не прошло и тысячи лет от основания первых новгородских монастырей — а книга по их истории уже написана, в данный момент печатается и в ближайшее время выйдет, наконец, к своему читателю.

Лучшая рекомендация для этой книги — имя автора: заслуженный работник культуры, искусствовед Людмила Андреевна СЕКРЕТАРЬ. Это четвёртая её книга, первые три — «По Приильменью» (написанная в соавторстве), «Дома, события, люди. Новгород XVIII — начала XX века» и «Новгородская духовная семинария». Кроме того, около 200 статей в научных сборниках и периодике, — не считая энциклопедических статей, путеводителей и брошюр! Столь мощный вклад в Новгородику, помноженный на репутацию добросовестного и бескомпромиссного исследователя, сделал имя автора широко и заслуженно известным — любой мало-мальски интересующийся историей Новгорода человек на знакомство с изысканиями Людмилы Андреевны просто обречён.

И всё же новая её книга заметно отличается от предыдущих — и монументальностью темы, и необъятностью материала, и даже качеством издания. Можно ли сказать, что она — главный труд жизни?

— Можно, — согласилась Людмила Андреевна. — Тем более что на создание этой книги у меня ушла заметная часть жизни — 16 лет.

ЗОНА ПОВЫШЕННОЙ СВЯТОСТИ

Книга «Монастыри Великого Новгорода и окрестностей» — роскошно изданный фолиант объёмом в 600 страниц, снабжённый научным аппаратом и обильно иллюстрированный (всю иллюстративную часть взял на себя известный новгородский фотограф Александр Орлов).

Весь текст разбит на три огромные «главы». Обычно такие гигантские порции текста именуют «частями», «разделами» или даже «книгами», а тут — «главы»! Впрочем, в данном случае членение на главы символично и создаёт подобающий теме образ: фундаментальный труд Людмилы Андреевны обретает «трёхглавие» — наподобие столь любимого ею Георгиевского собора Юрьева монастыря.

Первая глава под названием «История новгородских монастырей» состоит из четырёх частей, которые в свою очередь подразделяются на более мелкие главки. Это хронологически выверенный пространный очерк о жизни новгородских обителей от начала XII века до наших дней во всех её аспектах — духовном, политическом, экономическом, архитектурном, просветительском и так далее. И, разумеется, в контексте отечественной истории, в первую очередь новгородской. В сущности, одну только эту главу можно было бы издать как самостоятельную, законченную книгу.

Остальные две главы посвящены непосредственно монастырям, каждому в отдельности: вторая глава — сохранившимся, третья — утраченным, в соотношении 25 к 39. И по каждому из них здесь собрано всё, что только можно собрать сегодня достоверного.

Тираж ещё не напечатан, в Новгороде книга представлена пока единственным, сигнальным экземпляром, — и тем не менее она уже успела вызвать в научных кругах заметный резонанс. Многие называют её «уникальной».

— Уникальность в том, что это — первая монография?

— Это первое комплексное исследование по данной теме за весь период её изучения, — уточнила Людмила Андреевна.

— Но ведь есть же в изучаемых вами монастырях какая-то уникальная особенность?

— Есть: я не знаю на Руси больше ни одного города, окружённого столь же плотным кольцом, — 64 монастыря, включая городские! Это исключительно новгородский феномен. Причём в самом Новгороде монастырей сравнительно немного было, располагались они главным образом за пределами Окольного города.

— За пределами Окольного города лежала огромная епархия — аж до Белого моря, с монастырями вплоть до Соловецкого.

— Да, но я и не ставила себе задачи написать историю всех обителей Земли Новгородской. В названии же указано: Великий Новгород и окрестности.

— Как широко вы определяете окрестности?

— Радиусом в 25–30 километров. Самый дальний из описанных монастырей — Николаевский Понедельский, от Новгорода 24 версты. У меня, кстати, есть много материалов и по более удалённым монастырям, но они уже за пределами темы моей книги.

ДОРОГА К ХРАМАМ

К теме своей книги Людмила Андреевна шла по жизни может сначала и неосознанно, но уверенно, ни разу не сбившись с этой «дороги к храмам» (монастырским, как оказалось). Началось с того, что, окончив историко-филологический факультет нашего пединститута, она филологии без колебаний предпочла историю и пришла работать в музей.

В историческом отделе музея ей досталась тема «история промышленности». Сделав несколько основных докладов по писчебумажной и керамической отраслям, темой промышленности она, однако же, так и не прониклась и вскоре перешла из исторического отдела в архитектурный — где (в качестве уже искусствоведа) занялась изучением дворянских усадеб Новгородчины.

Занятия историей архитектуры предопределили её переход в середине 1970-х из музея в знаменитую Специализированную научно-реставрационную производственную мастерскую. Там Людмиле Андреевне посчастливилось работать с самим Леонидом Егоровичем Красноречьевым — она собирала материалы по его реставрационным объектам. А среди объектов этих оказалось немало и монастырских построек. Так в сфере её научных интересов впервые замаячили новгородские монастыри.

Работала бы она в реставрационной мастерской и по сей день — если б не всеокрушающая Перестройка, практически уничтожившая к середине 1990-х великую новгородскую реставрацию. В музей Людмила Андреевна вернулась уже автором множества публикаций, имея за плечами огромный исследовательский опыт и солидный багаж накопленного материала.

— Директор музея Николай Николаевич Гринёв, когда брал меня в 1994 году на работу, спросил: какую

бы тему я хотела взять? Я предложила ему на выбор ряд тем, и монастыри в том числе...

Разумеется, мудрый Гринёв выбрал монастыри.

ЛЮДМИЛЫ АНДРЕЕВНЫ НА МАРШЕ

Понятно, что вышедшая книга прежде всего — осмысление невероятного количества документов и свидетельств. Наверное, были среди них и свои какие-то архивные открытия?

— Открытия были, — подтвердила Людмила Андреевна, — но почему только архивные? Мы, например, определили точное местоположение ряда полностью утраченных монастырей — Мостицкого, Сутоцкого, Перекомского, Понедельского, Взвядского...

— И сами там были, своими ногами на тех местах постояли?

— Не только постояли, — мы этими ногами всё Приильменье пешком прошли!

«Мы» — это две Людмилы Андреевны, Секретарь да Филиппова, за четыре летних сезона исходившие вдоль и поперёк всё Поозерье и другие окрестности Новгорода, ближние и дальние. Изредка балуя себя попутками, но преимущественно пешком. Результатом этого паломничества стала их общая книга «По Приильменью» — в которой, правда, дорожные приключения никак не отражены.

— А приключений в тех экспедициях было сколько угодно, — оживилась Людмила Андреевна. — К примеру, когда мы с Красноречьевым в Рёконьскую пустынь ходили — к нам медведь пожаловал: утром возле костра, у которого мы ночевали, обнаружили свежие медвежьи следы. А в тех местах, как потом нам сказали, медведь только что почтальона задрал.

— Страшнее медведя было что-нибудь?

— Было — пьяный мотоциклист. Мы тогда с Филипповой пристроились к экспедиции Петрозаводского университета, страшно устали, и нас взялся подвезти на мотоцикле один местный житель — любезный, но абсолютно невменяемый. Как живы остались — до сих пор не понимаю, но самим идти сил уже не было...

Медведи, опасные аборигены, непроходимые болота и прочая романтика, — можно ли после этого называть новгородское искусствоведение тихой архивной работой?

И последнее, самое в книге непонятное, — тираж, который в выходных данных никак не обозначен: каким он будет, хоть примерно?

— Понятия не имею, — призналась Людмила Андреевна, — знаю только, что хоть каким-нибудь — да будет. И ещё знаю, что на объём тиража (а значит, и на себестоимость издания) могут повлиять заявки...

Заявки на определённое количество экземпляров уже подали несколько организаций, в числе которых Областная администрация, Епархия, музей, книжные магазины и даже банки. Обсудить эту тему и сегодня ещё не поздно — с зампреда областного комитета культуры Олегом Викторовичем Демидовым по телефону 63-58-47. Обидно ведь получится, если столь нужной книги о Новгороде как раз Новгороду и не хватит!

Мы публикуем воспоминания Александра Александровича СОБАКИНА (10.06.1918—19.04.2010), участника Великой Отечественной войны, служившего в знаменитой 2-й эскадрилье 5-го гв. авиационного Краснознамённого ордена Богдана Хмельницкого Берлинского полка, ставшей прообразом поющей эскадрильи в фильме Леонида Быкова «В бой идут одни старики». Его судьба тесно связана с историей родного края, с жизнью страны в 30-х годах прошлого века и с войнами — советско-финляндской и Великой Отечественной — и с последующим восстановлением страны, созданием нового общества, воспитанием подрастающего поколения. Люди, которые его знали, говорят о таких чертах ветерана, как оптимизм, доброта, вера в лучшее, стремление жить, активно участвуя в общественной жизни; самостоятельность, любовь к спорту и здоровому образу жизни. Неслучайно он дожил до 92 лет. С малых лет, оставшись без отца, он был приучен матерью к физическому труду. Очень любил спорт. Участвовал во Всероссийских соревнованиях по конькам. Окончил педучилище. Участвовал в советско-финляндской войне и одним из немногих получил на ней орден Красной Звезды. На фронте в Великую Отечественную войну в 1942 году вступил в партию. Ст. авиамеханик, он готовил машины в полёт, встречал их из боя. После войны окончил Ленинградский государственный пединститут, работал преподавателем физкультуры, истории и завучем школы, заместителем председателя Хвойнинского промышленного райисполкома, директором Мякишевского детского дома и Мякишевской школы. Награждён двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II ст., медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», медалью Жукова. Присутствовал в 1995 году в Москве на трибунах Красной площади при проведении Парада в честь 50-летия Победы. Даже в последний год жизни он был деятельно занят общественными делами. Проживая в Доме ветеранов, занимался в тренажёрном зале, участвовал в хоре, читал книги. Так и ушёл он из жизни: на ходу, на лету...

А.А. Собакин

ВОСПОМИНАНИЯ

УСТЬЮЖНА — ЖЕЛЕЗНЫЙ ГОРОДОК

Есть в Вологодской области замечательный старинный городок, который называется Устюжна. Разделяет его на две части река Молога, впадающая в Волгу. Много повидал этот город разнообразных исторических преобразований. Когда-то в нём было до ста кузниц, в которых из болотной руды изготавливали различные предметы быта, подковывали лошадей, нарезали серпы, обтягивали колёса, изготавливали хозяйственную утварь. Жители города отразили литовско-польское нашествие, отстояли город. Стали называть его люди железным, а народ — каменным.

В городе имелось 10 церквей. В районном городе жил одно время поэт Батюшков, приезжали писатели Пушкин и Гоголь. Образы для «Ревизора» Гоголь взял из этого города.

Древний купеческий город был славен своими торговыми людьми. И сейчас на кладбище стоят на могилах купцов памятники с фамилиями и указанием гильдии. Железные дороги в город не заходят и главным путём сообщения и перевозки товаров являлась водная артерия — река Молога.

МОЯ СЕМЬЯ

Вот в этом городе в 1918 году, 23 июня (10 июня по ст. ст.), я и родился. Отец мой, Александр Иванович Собакин, 1880 г.р., был мещанином, мать Надежда Казимировна

Собакина — заезжей поморкой из г. Кемь. Отец — чиновник, а после революции — секретарь уездного Устюженского исполнительного комитета. В нашей семье было трое детей — две

дочери, Людмила и Нина, и я. Отец умер в 1920 году от тифа. После его смерти семья испытывала большие трудности и терпела бедность. Дело в том, что мать исключили из партии и сняли с работы за похороны отца: они проходили с участием священника. Годы были голодные для всей страны (1920—1921), а для нас — особенно. Когда умер отец, мне было всего год и восемь месяцев, Нине — три годика, Людмиле — пять лет. Испытали всё — и холод, и голод. Мать этими обстоятельствами доведена была до полного отчаяния. Единственным доступным источником существования был обмен домашних вещей на продукты.

Я пошёл в садик, а потом в школу. К тому времени мать стала работать поваром в Доме крестьянина и иногда подкармливала нас. После школы я ездил за дровами, рубил ольху на реке Ворожа, играл с ребятами в козла, в решку, иногда был в хорошем выигрыше. Летом занимался поливкой огорода, рыбалкой, ходил на реку Мологу купаться и на Черкесское на Вороже. Зимой ходил на лыжах, катался на коньках по реке Вороже.

СЕМИЛЕТКА

Когда же стал учиться в школе крестьянской молодёжи (семилетке), ходил вечером на танцы. Дни проводил на берегу реки Мологи. Мать приобрела корову, были в хозяйстве утки, которых я пас днём на речке. У нас был огород, где росли ягоды и плодоносили яблони.

Помню, как из деревни привезли убитых кулаками комиссаров. Их похоронили на площади.

В период нэпа город ожил. Появилось, кроме частных магазинов, много небольших ларьков. Базары были в городе очень большие. На них можно было купить всё, кроме одежды. Торговали глиняной посудой, сеном, дровами, сбруей, санками и корзинками, хмелем, различным продовольствием, мясом, кондитерскими изделиями. В городе осенью проходили ярмарки. В это время он наполнялся цыганами, на «гриве» (поляне на окраине города) торговали и меняли лошадей. Цыганский табор с палатками, лошадьми, цыганятами, собаками и поросятами размещался на цыганской поляне. Вечером там проходили цыганские свадьбы. Это было для ребятшек очень интересное зрелище.

ЮНОСТЬ

Время шло, я уже стал юношей. Поступил в Устюженское педагогическое училище. Стал играть в духовом оркестре. Мы играли летом в летнем саду, на танцах, а зимой тоже на танцах — в художественном театре, на праздниках и на похоронах. Увлекался коньками: по вечерам часто ходил на каток. В 1936 году выступил от училища на соревнованиях по скоростному бегу на дистанциях 500, 1500 и 3000 метров, проходивших в г. Череповце. Потом выступил в соревнованиях среди вузов, втузов и техникумов в Ленинграде и занял второе место. Дальше попал на Всесоюзные соревнования в г. Архангельске. Последнее моё соревнование было в 1937 году в Пскове, где проходили межобластные состязания спортсменов Великолукской, Псковской, Ленинградской и Новгородской областей. Я защищал честь Новгородской области.

ПЕРЕМЕНЫ

Время шло. Всё менялось на глазах. В семье тоже произошли изменения. Мать перешла на работу в Художественный театр. Сестрёнка Люда уехала в Москву к маминим знакомым. Нинуха стала работать музыкальным работником в детском саду в деревне. Я учился на третьем курсе в училище. Играл в футбол, в духовом оркестре, зимой увлекался коньками и лыжами, ходил на каток, в театр. Летом на мне была всё та же поливка огорода, ходил на пляж, на танцы, погулять вечером на бульвар, на «сковородку» (так называли танцплощадку). В это время мне стали нравиться девушки. Вначале Лена Гашинская, потом Вера Шестеперова. Я учился в училище, а Вера в средней школе. Хотелось встретиться. Встречи были или на танцах, или на пляже, или на вечерах в средней школе.

В это время началось гонение на религию: в церквях стали устраивать склады, кинотеатры, промышленные предприятия. Помню, как роняли колокольню у собора.

Снизу выбили кирпичи и поставили стойки. За верх колокольни привязали верёвку, стойки зажгли, а потянув за верёвку, уронили колокольню. Около исполкома собрался народ, требовавший освобождения арестованного священника отца Михаила. Скоро, в 1937 году, я окончил техникум и получил направление на работу в Хвойную.

РАБОТА В ХВОЙНОЙ

В Хвойной меня направили на работу заведующим в Стеньковскую начальную школу. В неё ходили дети из деревень Лебедево, Болота, Маслово, Слотино, Бабье, Ладыги, Стеньково. В школе было четыре класса — с 1-го по 4-й — и два учителя. Каждый вёл по два класса. Народ встретил меня очень доброжелательно. На квартиру определили к двум старикам — Егору и его жене.

Хозяин был большой труженик. С первой зарплаты я купил себе туфли. Они были рыжие и очень модные по тем временам. Однажды я прибежал с работы, ищу туфли — вызывают в район, надо ехать, а их нигде нет. Ищу и не могу найти. Спросил у деда. Тот с охотой показывает: «Сынок, я их дёгтем намазал и поставил сохнуть на печь. Ведь дорогие обутки, надо их беречь». Так учителю едва не пришлось босиком в район ехать.

Хозяин работал в колхозе, который носил название «Прожектор». Председателем его был И. Иванов. С молодёжью я хорошо подружился. Играли в футбол, я учил их кататься на коньках. Весной вместе поднимали клевернице парным плугом. В колхозе было около 30 лошадей. Молодёжь мне помогла в решении всех хозяйственных вопросов в школе. Забот было немало: ремонт, заготовка дров. Жил в деревне одной жизнью с колхозом. Ни одно колхозное собрание без меня не проходило. В школе был создан струнный оркестр, который часто выступал перед колхозниками.

ПРАЗДНИКИ

Традиционным праздником в Стенькове был Иванов день. В деревне в этот день собиралось много народу со всего района. Жители деревни варили по 25 литров пива и готовили угощения. Девчата и парни ходили по деревне с гармошкой и горлопанили частушки. На

ночлег забирались всей оравой на сарай. После праздника собирались хозяйки деревни на девишник. Иногда приглашали меня поиграть на гитаре плясовую, а то плясали под ля-ля и сковородку. Любви у меня в деревне не было, и я ко всему относился как наблюдатель.

Один раз молодёжь решила меня разыграть. Возвращались из Подсосны, затащили дорогой к Парамоновой Малаше, она работала машинисткой в райкоме комсомола. Пока я на улице вёл разговор с нею, они с родителями вели свой — мол, учитель пришёл свататься. Кузнец Микешка Никифоров был в этом деле заводилой. Минута — и у них на столе уже стояли закуска и самогон. Сватовство прошло, но свадьба не состоялась.

Была в Бревнове учительница Катя Красавина — истинная русская красавица. Вначале она меня отвергала, потом мы подружались. Ходили на охоту, встречались на методических секциях в РОНО — объединении

Ст. авиатехник старшина
А.А. Собакин

учителей нескольких школ из дд. Жилой Бор, Мышино, Стеньково, Бревново. А когда меня перевели в Песь в многокомплектную школу заведующим младших классов, она тоже переехала в Песь на работу. Потом наши дороги разошлись. Я ушёл в армию, а она уехала в Москву.

В Песи я много занимался хозяйственными и общественными делами. Бегал на коньках, иногда занимался фигурным катанием. Через 50 лет я с удивлением узнал, что люди ещё помнят меня как фигуриста. А тогда я ездил на соревнования по конькам в Архангельск, в Ленинград.

Холостая жизнь была ключом. Однажды со мной произошла такая история. Играл в футбол в Пестово. Настроение было приподнятое. Один гол был мой. Мне нужно было ехать сразу в Ленинград. Я собрал чемодан, в вагоне в чемодан положил туфли, а на остановке в Песи отдал ребятам чемодан, так как поезд в Ленинград шёл через посёлок, чтобы они отнесли домой и в город приехал в... носках, попал под дождь.

ФИНСКАЯ КАМПАНИЯ

В 1939 году ушёл в армию. Раньше учителей в армию не брали. Как имеющего солидную спортивную подготовку меня призвали. Проводить в армию пришло много людей из посёлка: молодёжь, коллеги по работе, ученики. В направлении был указан пункт назначения — Нижний Новгород. Разместили в помещении школы в г. Канавино. Кровати в три этажа. Со мной вместе в одну часть попали многие ребята из посёлка Песь: мой друг — Петя Волков, Иван Осипов и другие. Стали приезжать представители из воинских частей и отбирать себе ребят по желанию в пулемётную роту, в инженерные войска, в разведку. Мы с другом Петей решили пойти в инженерные войска. Петя говорит: «В армии отслужим и инженерами станем».

Начались занятия, строительство мостов, земляных сооружений. С бревном бегом. Вскоре нас с Петькой отправили в сапёрную школу в г. Балахна. Толком не учили, но в подрывном деле и в минах кое-какие навыки мы получили.

Вскоре был сформирован 271-й моторизованный стрелковый полк. Он входил в состав 17-й Краснознамённой стрелковой дивизии, которая форсировала в Гражданскую войну в Крыму пролив Сиваш. В полку были танкетки, много артиллерии и машины ГАЗ-АА. Получив лыжи, полк погрузился в эшелоны, и поезд направился на Ленинград. Прибыв в Ленинград, мы пешком с лыжами двинулись по нему в направлении Финляндии. На привалах ленинградцы угощали нас чаем с пироженками. Выбрались на окраину города. Встали на лыжи и двинулись в путь по направлению к фронту. Ехали по обочине дороги, а по ней шли танкетки, машины, артиллерия, кухни, обозы. В пути остановились

в каком-то совхозе на ночлег, а утром после завтрака снова двинулись вперёд. На линию фронта прибыли часа в четыре.

На фронте было тихо. Разместились в сосновом бору. Сразу приступили к строительству наблюдательного пункта. Домов на нашем участке не было. Передняя полоса проходила по опушке леса, дальше шла открытая местность, протекала река, и снова открытая местность, пристрелянная, и опять лес.

РАЗВЕДКА БОЕМ

Через пять дней мы с Петром приняли участие в разведке боем. Это было не только боевое крещение, это на войне для начала даже круто. Когда о противнике ничего не знают, то чтобы выявить его огневые точки, укрепления, применяют разведку боем, бросают подразделения на врага и создают видимость наступления, проводят артиллерийскую подготовку, обрабатывают авиацией линию фронта. Противник открывает по площадям ураганный миномётный огонь, из дзотов пулемётный огонь. С деревьев, непонятно, с какого направления, на открытой местности ведут прицельный огонь снайпера («кукушки»).

За дотами проходила железная дорога, с которой прицельный огонь снарядами большого калибра вёл бронепоезд. Крики, стоны смешались с взрывами снарядов. Земля со снегом пришла в движение. Мороз крепчал: уже за -30°C стало, но мне было жарко. К полемому госпиталю ползли, шли лесом раненые. Тяжелораненых везли на волокушах санитары. Около госпиталя на еловых лапках лежали раненые, ждавшие своей очереди на санобработку.

Так получил я боевое крещение. Танкетки наши оказались малоэффективными, хотя у финнов на нашем участке фронта я не видел танков. Эффективно работала наша авиация. «Чайки» обстреливали противника из пулемётов и «эрэсами», но доты хорошо защищали большую часть солдат противника.

Вскоре наши войска предприняли новое наступление. Привезли бронешитки с Кировского завода. Щиток ставили на лыжи и по мере своего движения двигали впереди себя. Он защищал лишь от винтовочных выстрелов и то не всегда. Полковая артиллерия выдвигалась вперёд и была прямой наводкой по амбразурам.

ЛИНИЯ МАННЕРГЕЙМА

Линия Маннергейма уходила вглубь территории противника на десятки километров. Вначале дзоты, потом доты из железобетона, перед ними хорошо простреливаемая местность, минные поля, провололочные заграждения под током, ямы-ловушки. Танкам путь к доту преграждали надолбы из гранита, стоящие в шахматном порядке.

С однопольчанином.
А.А. Собакин — справа

Вскоре меня как сапёра отправили в блокировку. С взрывчаткой сажали на танк и он шёл к надолбам, ведя огонь. Около надолбов я должен был заложить взрывчатку и взорвать их, сделав проход для танков. Сказать просто. Но как это сделать? По тебе ведут усиленный огонь из миномётов, дотов, «кукушки» стреляют. Затем я должен был разминировать участок для прохода танка и сделать проход в проволочном заграждении для пехоты.

Шло время, я постепенно осваивался на фронте. Вокруг ни одного дома, а морозы иногда доходили до -50°C . Первому эшелону на передовой давали спать 15 минут. Потом я должен был греться 15 минут. Давали грелки: потеребишь, и они нагреваются (жгли даже). Но грелку приложишь к спине, а живот мёрзнет. Во втором эшелоне солдатам легче было. Когда отводили туда, там можно было погреться, соорудив шалаш, запалив костёр, да выпив сто грамм спиртного, закусив салом. Во время боёв, когда потери велики, у всех водки было по целой фляге.

Это мы, русские воины, на снегу, а противник — в доте. Чтобы до дота добраться, нужно подорвать надолбы, проделать проходы в проволочном заграждении в четыре кола и под током разминировать участок. А противник в доте. У него электричество,

электроплитки, кровати, водопровод. Финны посменно ведут обстрел из амбразур. Вверху дота колпак, откуда ведут наблюдение и корректируют огонь из рубки, наподобие той, какая есть на кораблях. Дзоты, которые шли впереди дотов, были обтянуты проволокой с подвешенными банками из-под консервов, создававшими шум и предупреждавшими этим противника, когда ты зацепишь проволоку.

Несколько дотов на нашем участке фронта были взяты. Но как? Подошли танки и били прямой наводкой по амбразурам. Потом сапёры, подложив взрывчатку, взрывали их.

Через некоторое время нас с Петькой заметил командир взвода полковой разведки, и нас на пару перевели в полковую разведку 271-го стрелкового полка. Петька был смелым разведчиком. Его облик и сейчас мысленно стоит передо мной. Он был рыжеволосый, ладный. Складные лыжи, маскхалат и оружие противника — всё это помогало походить за своего у противника.

ПАМЯТНЫЙ БОЙ

Ночью завязался бой, противник открыл ураганный огонь, кричал: «Москали, сдавайся!». Несколько человек были убиты. Когда выяснилось, где расположены огневые точки противника, мы, собрав у убитых гранаты и патроны, стали готовить прорыв обороны

часа на четыре утра. Распределив огневые точки противника и назначив место сбора, командир приказал подползти к противнику и гранатами, и огнём истребить его, открыв ураганный огонь. Но после взрыва гранат противник осветил нас ракетами и открыл по нам ураганный огонь. Петьку убили, мне перебили ноги, но в горячке я добрался до места сбора. Перевязку делать некогда: перетянул ноги тесёмкой, чтобы уменьшить потерю крови, выбрал место среди валунов и остался для прикрытия уходящей разведки. Приближался рассвет. Через некоторое время увидел несколько человек финнов. Когда и они меня обнаружили, открыл огонь. Началась перестрелка. Противник залёг. В мою сторону полетели гранаты. Одна из них разорвалась очень близко, меня оглушило, и я потерял сознание.

Когда я очнулся, меня тащили за руки по снегу двое финнов. Они сбросили меня в яму, вырытую для землянки. Я чувствовал сильную слабость, боль в ногах усиливалась, кровь, напитавшая брюки, стала замерзать. Солдаты противника, стоявшие наверху, вели о чём-то разговор на непонятном для меня языке. Передо мной проплывали, как в тумане, мои родные, знакомые, первая любовь. Я как будто прощался с жизнью.

Снимок на память с М.И. Калининым.
А.А. Собакин — в третьем ряду пятый слева

Но вот впереди меня разорвался снаряд, затем другой. Это наша артиллерия начала артподготовку. Противник немедленно укрылся в доте. Снаряды летели со свистом. Всё кругом заполнилось оглушительными разрывами и освещением от разрывов, которые словно вырубали лес, смешали снег с землёй.

Далеко на горизонте, в той стороне, откуда стреляли, было розоватое зарево. Сук от дерева упал в мою яму. Напрягая все усилия и используя сук, я стал выбираться из ямы. Выбравшись, пополз в ту сторону, откуда слышались выстрелы артиллерии.

Сколько полз, не знаю. Чувствовались слабость и сильная боль в ногах. Пуля, пробив бедро ноги, на вылете вырвала большой кусок мяса, а на влёте забила в рану грязные тряпки от брюк. Я всё полз. Вот где-то прогрехотал наш танк. Наши самолёты («Чайки»), гремя в воздухе, вели стрельбу и бросали бомбы. Кажется, я уже пополз с километр. Не хватало сил, клонило в сон, боль и слабость мешали двигаться дальше. Хотелось полежать, отдохнуть, но мороз в -25°C , и мысль, что замёрзнешь, заставляли двигаться дальше.

Наконец, я выбился из сил и стал засыпать, а может быть, терять сознание. Вдруг услышал человеческую речь, родную. Меня заметили санитары, погрузили на волокушу и повезли по шуршащему снегу в полевой госпиталь.

ГОСПИТАЛЬ. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Около палатки госпиталя лежало на еловых лапах человек сорок раненых. В госпиталь я попал в 12 часов. Сразу же сделали укол от столбняка. Дали стакан компота и водки. Очнулся на столе у хирурга от боли. Наркоз не давали. Врач доставал осколки, чистил раны. Затем погрузили на машину и повезли к станции, а дальше — по железной дороге. Из полевого госпиталя попал в сортировочный, а затем в город Старая Русса. Там из газеты я узнал о награждении меня орденом Красной Звезды.

Получив отпуск домой на 45 суток, побывал в Устюжне, встретился с друзьями детства и с первой любовью, и с матерью.

После отпуска был направлен для дальнейшего прохождения службы в запасной полк на Охте в Ленинграде. Из него поступил в 1-е Ленинградское авиационное училище ЛАТКУ. После экзаменов всех военнотружущих направили в г. Пушкин, в летние лагеря. Разместили в Павловском парке. Нас готовили в командный состав для курсантов училища, которые поступали с гражданки.

ВРУЧЕНИЕ ОРДЕНА В КРЕМЛЕ

Заполнив анкету награждённого, я отправил её в Москву для получения награды. Вскоре группа ленинградцев организованно выехала в Москву на церемонию награждения. В день получения награды прошли через Спасские ворота и оказались в Кремле. В зале ожидания были накрыты столы: вазы с фруктами, тарелки с пирожными, бутербродами, кофе, чай, вина. Из зала ожидания нас пригласили в Георгиевский зал. Секретарь Президиума Верховного Совета А.Ф. Горкин рассказал о порядке вручения орденов и просил не жать сильно руку М.И. Калинину. Договорились, кто будет выступать. Их предупредили, чтобы говорили громко, так как все-союзный староста плохо слышит. Затем ввели тележку с наградами и документами.

А.Ф. Горкин зачитал указ о награждении, М.И. Калинин вручал награды и документы: орденскую книжку, проездные билеты, купоны на получение денег. Сделали на память фотографии с М.И. Калининным. По решению различных вопросов, сказали, можно обратиться к чиновникам, которые сидели за столами. После вручения наград мы думали — попируем, но были разочарованы. В Кремль мы заходили со стороны Спасских ворот, а выходили на обратную сторону Кремля — в садик.

В УЧИЛИЩЕ

Возвратившись в Ленинград, начал учёбу в училище. Меня назначили старшиной 5-й роты и определили в 51-е классное обучение. Командиром пятой роты был назначен старший лейтенант (не помню его фамилию), начальником училища был А.В. Ворожейкин (будущий Герой Советского Союза), потом его сменил дивизионный инженер Андреев.

Жизнь шла своим чередом. Рабочий день — 10 часов. Подъём, зарядка, бег 3 км, туалет, завтрак, учебные занятия в кабинетах и практика на аэродроме, обед, свободное время, вечерняя прогулка под флейту и барабан, отбой. Иногда ходили в гарнизонный караул в наряд на кухню. Перед выходными днями ходили в кино, на танцы, в театр и в увольнение в город. Иногда — на ночные танцы в Выборгский дворец, где играл джаз поваров. За нашей ротой была закреплена техника, в основном,

автомашин. Мне как старшине удавалось пользоваться автомашиной или мотоциклом марки «Октябрь». На технике я забирал из общежития института иностранных языков девушек (это около Смольного) и ехал на ночные танцы в Выборгский дворец. Утром возвращался в училище до подъёма. Готовились к параду на Дворцовой площади. Так проходила жизнь в училище.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. В июле по приказу К.Е. Ворошилова курсантов военных училищ направили на оборону Ленинграда. Нас бросили под Лугу. Перед отправкой забежал к своему другу Димке Кедрову на Литейный проспект. Димка тоже вскоре ушёл на фронт. Получил тяжёлое ранение в голову, полностью ослеп. Невеста Татьяна дождалась его, они поженились, в 1951 году родилась дочь Ольга. Димка с помощью жены окончил философский факультет Ленинградского университета, защитил кандидатскую степень, работал преподавателем на кафедре философии в университете. В 1972 году он трагически погиб...

Немцы продвигались к Ленинграду довольно быстро. Лугу они окружили и продолжали движение в сторону Ленинграда.

ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЙ БАТАЛЬОН

Меня откомандировали в Оредеж для организации партизанского отряда. Вначале это был 126-й истребительный батальон. Отряд состоял из коммунистов, ответственных работников района и ребят из института физкультуры им. Лесгафта. Получили оружие, взрывчатку, заготавливали бутылки с зажигательной смесью. Припасали продукты и создавали продовольственные базы в лесу для действий партизанского отряда. Вели бои с немецким десантом. Оредеж уже бомбили. Налёты немецкой авиации усиливались. Я получил при одном из них контузию и был вывезен в Ленинград, а оттуда — в Магнитогорск. Партизанский отряд ушёл на базу в лес. Созданным отрядом истребительного батальона руководил второй секретарь Оредежского РК ВКП(б) И.И. Исаков. Он действовал всю войну и выходил в Ленинград.

СНОВА В УЧИЛИЩЕ

Я же после поправки был направлен в авиационное училище. Там меня назначили курсовым командиром в 5-ю роту. Мы жили в районе Второй плотины в землянках. На учёбу были набраны курсанты с семью классами образования, по национальности — казахи. Многие из них плохо говорили по-русски. Учить было очень сложно. Написав по инстанциям два рапорта, я в конце концов добился, чтобы меня отправили на фронт.

В АВИАПОЛКУ

Получил направление в Рыбинск в 14-й запасной авиационный полк, а оттуда был направлен в 129-й истребительный авиационный полк на Калининский фронт. Отличившийся в боях, имевший славные боевые традиции, полк встретил меня хорошо. Я готовил в полёты машину Г.А. Баевского. С первых же часов пребывания в части почувствовал доброжелательное отношение со стороны командира полка Героя Советского

Союза подполковника В.А. Зайцева, комэска капитана И.П. Лавейкина, его заместителя ст. лейтенанта Д.К. Штоколова, своего лётчика Г.А. Баевского, других лётчиков. После наступления наших войск под Москвой полку было присвоено звание 5-го гвардейского истребительного авиационного полка. Он входил в прямое подчинение Ставки ВГК. Командиром полка вскоре стал Герой Советского Союза Виталий Попков. В этот период шли напряжённые бои за Калинин и в самом Калининне. Несколько раз город переходил из рук в руки.

Немцы напротив ратуши устроили захоронение своих воинов. Из домов калининцев они повыносили туда цветы, украсили могилы, а с приходом наших войск их выкопали и вывезли за город. Дороги были забиты немецкой техникой, убитыми немцами и лошадьми. Постепенно наступательный порыв наших войск под Москвой стихал.

ИЗ-ПОД НОСА У ПРОТИВНИКА

Полк вёл бои за Ржев. Одна из машин была в бою подбита и села на вынужденную посадку в нейтральной зоне (на фронте между немецкой и нашей линиями обороны). От немцев — метров 400, от нашей линии фронта — 800 метров. Мне дали задание утащить машину из-под носа у немцев и отремонтировать. Набрав команду, мы прибыли на линию фронта, где была посажена на пузо машина. В дневное время подобраться к машине было невозможно. Когда стемнело, двинулись в разведку к самолёту. Осмотр показал, что масляный радиатор оторван, лежит рядом. Замаскировали самолёт так, чтобы не было видно переноски. Вывесили машину, подкопали. Я аварийным способом выпустил шасси. С помощью пехотинцев откатали самолёт в безопасное место, прикрытое кустами. Подали сигнал, чтобы подъехала машина с тросом для буксировки самолёта. Как только немцы услышали гул машины, в воздух взвились осветительные ракеты, противник открыл огонь из стрелкового оружия, а затем стал стрелять из миномётов. Но слава Богу обошлось всё благополучно. Немцы опоздали. Самолёт оттащили, через десять дней он снова участвовал в боях. Так как полк находился в распоряжении Ставки ВГК и подчинялся лично Сталину, то нас постоянно бросали туда, где горячо.

ПОДАРОК УТЁСОВА

На фронт часто приезжали для поднятия боевого духа артисты. Многие эпизоды фильма «В бой идут одни старики» взяты из жизни нашей лётной эскадрильи. Однажды к нам в полк приехал Л.О. Утёсов. Авиаторы

решили не ударить в грязь лицом и представили ему свой струнный ансамбль. В его создании принимал участие и я, вспомнив опыт создания струнных коллективов в Хвойной. Играли на гитарах и мандолинах, аккордеоне, оказавшихся разными путями в части. Пели песни. Одна называлась «Андрюша», вторая «Шёл пилот по переулку...». Это представление ему очень понравилось, и как ответный жест через некоторое время он купил для эскадрильи самолёт на свои деньги. Сам же и назвал его: «Весёлые ребята». Что касается эпизода с молодым вином, то он произошёл уже где-то в Чехословакии. Тогда местные жители угостили нас молодым вином. Пилось оно легко — как сок. А ночью — боевая тревога. И никто не смог встать на ноги. Голова работает, а тело не слушается. Коварный напиток...

ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Затем наш полк был переброшен на Юго-Западный фронт в район города Калач.

Под Сталинградом замыкалось второе кольцо окружения. Шли упорные воздушные и наземные бои. В воз-

духе ежедневно висело до трёхсот самолётов. Немцы хотели помочь своим окружённым войскам. Сражение закончилось полным окружением и пленением 130-тысячной группировки противника во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

После Сталинграда наш полк был переброшен на 3-й Украинский фронт. Он участвовал в форсировании Днепра, освобождении Днепро-

петровска. Немцы на правом берегу создали мощные укрепления: нарыли траншей и окопов, поставили бронированные колпаки. Однако это им мало помогло.

Наступление продолжалось. Освобождены Павлоград, Запорожье. В Запорожье вестниками освобождения первыми появились над городом краснозвёздные истребители ЛаГГ-5.

ГЕРОИ НАШЕГО ПОЛКА

В воздухе происходили ожесточённые бои. Не обошлось без потерь. Был сбит Герой Советского Союза Иван Сытов. На тот момент он имел в активе 34 сбитых самолёта противника. Это был храбрый честный лётчик. Меня включили в состав комиссии по его похоронам. Ивана Сытова похоронили в садике напротив театра в г. Запорожье. Его именем названы 28-я средняя школа и одна улица в г. Запорожье.

В это же время совершили свои героические подвиги Герой Советского Союза Георгий Артурович Баевский и Пётр Кальсин. Самолёт Баевского был подбит и, горящий, снижался над немецкой территорией. Лётчик выбросился

4 мая 1945 г. Берлин. У здания Рейхстага

с парашютом. Кальсин, увидев это, решил спасти командира, посадить свой самолёт на заснеженное вспаханное поле. Немцы спешили к месту посадки самолёта для захвата экипажей в плен. Баевский с обгоревшими руками и лицом помог Кальсину развернуть хвост у самолёта и забрался через люк в фюзеляж, и машина с большим трудом, нехотя поднялась в воздух. Кальсин привёз своего ведущего на наш аэродром. Так был применён в действии никем не писанный благородно-рыцарский закон боевой дружбы: «Сам погибай, а товарища выручай!». Баевский был спасён от немецкого плена, а Кальсин, рискуя разбить самолёт, спас своего командира, идя на смертельный риск в случае неудачной посадки. Это был смелый и дерзкий поступок. Полк жил радостной вестью о героическом поступке двух лётчиков.

САНДОМИРСКИЙ ПЛАЦДАРМ

Мы перелетели на Сандомирский плацдарм. Рядом протекала река Висла. Это уже была Польша, Польское господство. При взятии плацдарма мы впервые применили секретное оружие — фосфор. К самолётам крепились сливные устройства, и, пролетая над заданным квадратом, мы выливали на небольшой участок местности, где по данным разведки, находилось большое количество немецкой военной техники, тонны фосфорной жидкости. Она прожигала всё насквозь — танки и самолёты плавались, и земля под ними, если на неё попадал фосфор, тоже горела. О применении этого оружия мы тогда давали подписку о неразглашении. Теперь это уже просто история. Устраивали облаву на английского радиста (державшего связь с Лондоном и старым правительством Польши), который мешал полётам полка, занимая наши частоты. Одновременно охотились на кабанов, которых там, в дубовых рощах по берегам Вислы, было очень много.

1945 ГОД

Новый, 1945 год, встречали в Польше. Для меня это был, пожалуй, самый экзотичный Новый год. Знакомый поляк, лесничий, пригласил меня к себе в лесничество на хутор. Всё было хорошо. Мы радовались компании, было что выпить и чем закусить. Вдруг в дом ворвались

бандиты, отобрали у лесничего лошадь. Мне пришлось ретироваться через окно. На фронте шла боевая работа. Немцы пытались сбросить наши войска с плацдарма. Наше командование концентрировало войска и большое количество танков для предстоящего наступления. Наш полк поддерживал и прикрывал войска с воздуха, истреблял немецкие танки.

Бои шли жестокие и упорные. В польской деревне свои обычаи, здесь все торгуются и всё покупают. Для нас это было непривычным.

Из Польши наш полк перебазировался на территорию Германии. Немцы в панике бежали. Войска готовились к решающему сражению за Берлин.

В это время лётчики нашего полка получили в Москве новые самолёты и со старшими механиками вылетели в Германию. Я летел с Петром Кальсиным. Это ведомый моего командира экипажа Георгия Баевского. Очень мужественный и отважный, одновременно скромный лётчик.

НАСТУПЛЕНИЕ НА БЕРЛИН

Со всех фронтов стягивались войска к Берлину. Солдаты и техника передвигались по лесным просёлочным дорогам и центральным автобанам. Немцы строили оборонительные полосы, использовали свои последние резервы. Наступление началось с использованием прожекторов и сирен. Бой был жестокий, но сдержать наступательный порыв Красной Армии немцы не смогли.

В логове фашистов ходили в бункере пьяные офицеры. Гитлер отравил свою собаку, подругу Еву, сам застрелился. По его приказу трупы завернули в ковры, вынесли в бомбовую воронку, шофёр принёс канистру бензина, зажгли. Таким был конец авантюры под названием «поход на Восток».

Вскоре жесточайшие бои велись уже за рейхстаг, за каждый этаж, за каждую лестничную клетку. Наконец, было поднято знамя Победы.

Наши войска ушли за Берлин. Там, на Эльбе, они встретились с союзниками. Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции. Впереди был Нюрнбергский суд над военными преступниками, развязавшими Вторую мировую войну.

Подготовил к публикации Сергей Витушкин

«Возвращаю Вам по принадлежности...»

Из редких книг научной библиотеки НовГУ

В годы Великой Отечественной войны Новгородский государственный учительский институт не работал. Учебное оборудование, ценное имущество, библиотека в августе 1941 года были вывезены в Вологду. Свидетельством того, в какой обстановке проходила эвакуация института, является одна находка из редкого фонда научной библиотеки НовГУ.

В декабре 1974 года в библиотеку НГПИ пришла посылка из Горького с книгой. Это был третий том

тяжело на склоне лет. Но, помня, что хорошая книга, как и верный друг, послужит людям, особенно молодым, стать знающими и активными проводниками демократических идей автора и непоколебимыми строителями коммунистического общества, расстаюсь обнадёженный. С уважением, старый солдат С. Моисеев. 25 XII 74 г.

На форзаце книги имеется автограф отправителя: «...Эту книгу я подобрал на улице в городе Новгороде,

в августе 1941 г., числа не помню. Был ясный, солнечный день, ветрено. То и дело налетали вражеские самолёты — бомбили жилые кварталы города. Ветер и взрывные волны перебрасывали книгу, перелистывали её. Повстречавшись с ней, я решил её защитить — поднял и пронёс потом до конца войны».

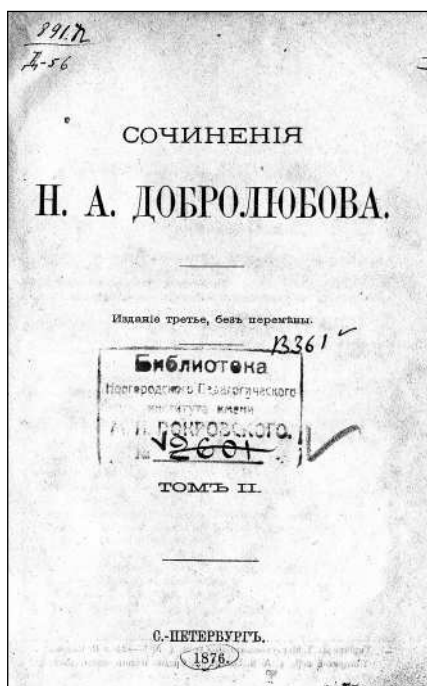
Удивительно, но в редком фонде библиотеки НовГУ сохранились 1-й и 2-й тома этого издания, которые вернулись в библиотеку из эвакуации. Теперь все три тома стоят на полке.

Это собрание сочинений Н.А. Добролюбова было выпущено в 1876 году в Санкт-Петербурге третьим изданием. Первый том напечатан в типографии Н.А. Лебедева, которая располагалась тогда на Невском проспекте в д. 8, второй том — в типографиях И. Мордуховского (6-я рота, д. 14–24), В. Воленса, Поварский пер., д. 2 и Гольдберга, что помещалась на Средней Мещанской, в собственном доме. У третьего тома титульный лист не сохранился, поэтому информации нет.

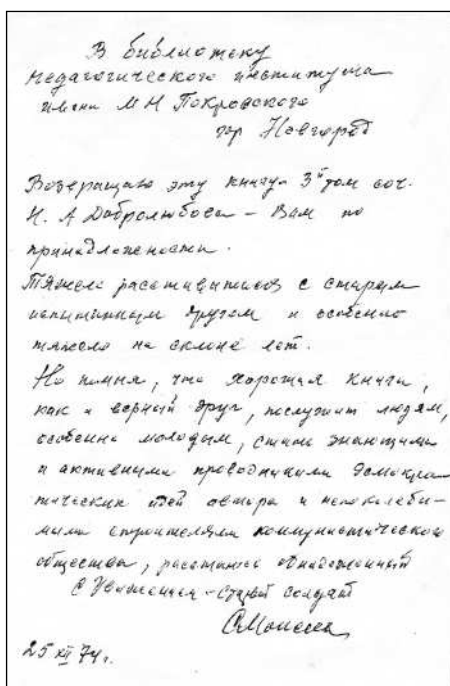
Все три тома были переплетены когда-то владельцем в твёрдый картонный переплёт. На чёрных кожаных корешках сохранилось золотое тиснение. Это текст: «Сочинения Н.А. Добролюбова», цифры: 1 (2, 3) — номера томов и инициалы хозяина библиотеки «С.У.».

На книгах стоят библиотечные штампы: «Библиотека Новгородского педагогического института имени М.Н. Покровского» (так назывался институт в 1932–1934 годы); «Библиотека Новгородского государственного пединститута»; «Новгородский государственный у-т. Научная библиотека».

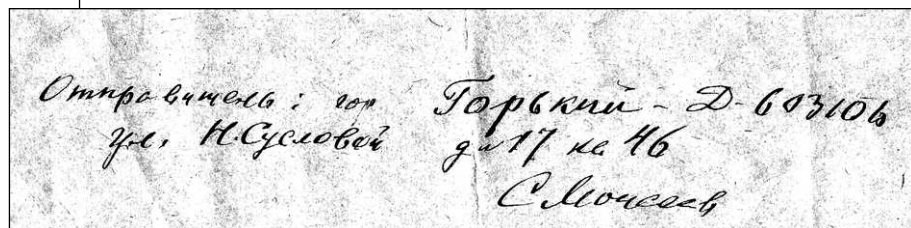
В архиве НовГУ сохранились копии приказов по институту, выпущенных в дни подготовки к эвакуации и касающихся библиотеки.

Титульный лист книги

Сопроводительное письмо

из собрания сочинений Н.А. Добролюбова. В хорошем состоянии, но без титульного листа. В сопроводительном письме отправитель написал: «В библиотеку педагогического института имени М.Н. Покровского гор. Новгород. Возвращаю эту книгу 3-й т. соч. Н.А. Добролюбова — Вам по принадлежности. Тяжело расставаться с старым испытанным другом и особенно

ПРИКАЗ № 121

по Новгородскому Государственному Учительско-му институту от 23 июля 1941 года

§1.

Отмечаю недопустимую медлительность, проявленную зав. библиотекой т. КВАШОНКИНЫМ Л.А. в деле приведения библиотеки в порядок, соответствующий положению. ПРИКАЗЫВАЮ:

1) Агенту по снабжению тов. КУЛАКОВУ К.И. срочно обеспечить библиотеку необходимым материалом в количестве, достаточном для полного завершения работ.

2) Работу в библиотеке производить ежедневно в течение 14 часов, в две смены, каждая смена по 7 часов. Коменданту тов. СМЫСЛОВУ вменить в обязанность обеспечение каждой смены двумя освобожденными от другой работы рабочими, а также контроль над ними. Время работы устанавливается для первой смены с 8 ч. 30 мин. до 15 ч. 30 мин., для второй смены — с 15 ч. 30 мин. до 22 ч. 30 мин.

3) Срок окончания работы устанавливается 27 июля с.г. Личную ответственность за всю работу возлагаю на тов. КВАШОНКИНА Л.А.

Директор Института Скобеев

ПРИКАЗ № 131

по Новгородскому Государственному Учительско-му институту от 11 августа 1941 года

§1.

В связи с вывозом ценного имущества и учебного оборудования учебные занятия в 1941/42 году не состоятся.

Основание: Телеграмма-молния от 6 сего августа зав. <...> кома тов. Титкова.

§2.

В соответствии с §1 настоящего приказа освободить от работы в институте с 12 сего августа нижеследующих работников института:

а) учебно-вспомогательный персонал:

1. т. Кокозова А.П. — лаборанта каб. истории
2. т. Бебрис В.И. — ст. препаратора каб. истории
3. т. Булгакову Е.Н. — лаборанта каб. русского языка и литературы
4. т. Туфанова А.В. — лаборанта кабинета педагогики
5. т. Квашонкина Л.А. — заведующего библиотекой
6. т. Багрову О.И. — библиотекаря
7. т. Павлову М.П. — библиотекаря
8. т. Пономареву О.М. — заведующую читальным залом
9. т. Даболину З.А. — зав. личным столом
10. т. Садовникову Н.И. — машинистку

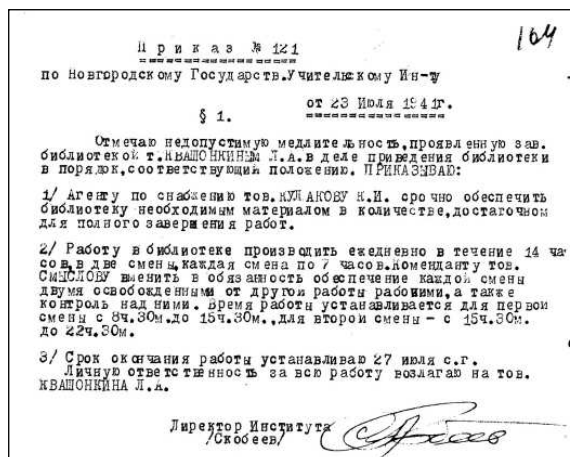
С выдачей выходного пособия, согласно КЗОТ

Директор Института Скобеев

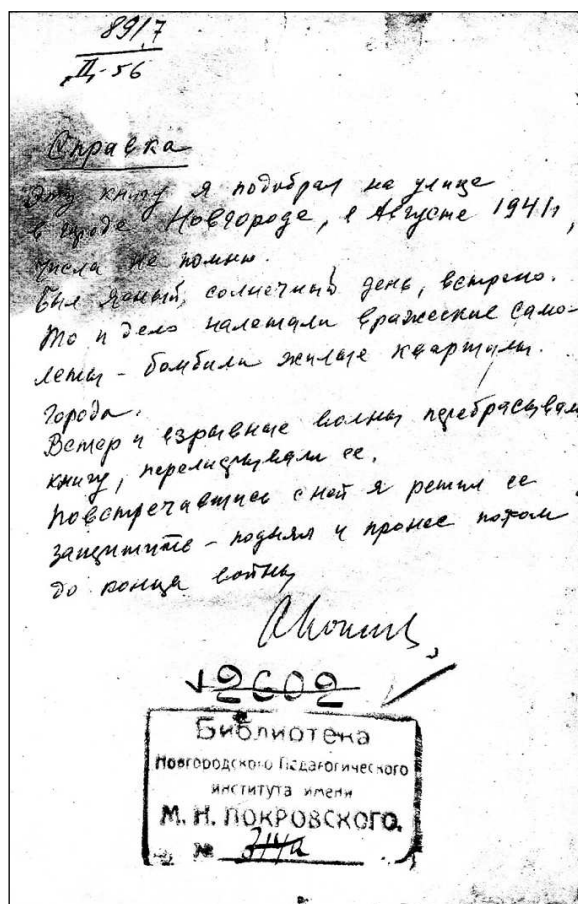
Через неделю после выхода этого приказа немцы вошли в Новгород...

О дальнейшей судьбе зав. библиотекой Л.А. Квашонкина, зав. читальным залом О.М. Пономарёвой, библиотекарей М.П. Павловой и О.И. Багровой нам ничего не известно.

Вновь занятия в Учительском институте начались только 1 октября 1945 года. Новгород лежал в руинах, и

Приказ № 121 от 23.07.1941 г.

Автограф старого солдата

НГУИ временно базировался в г. Боровичи в одном здании с Боровичским педагогическим техникумом.

С этого момента начинается активная переписка администрации института с Вологодой по поводу эвакуации имущества. Процесс возвращения растянулся на несколько месяцев, до марта 1946 года. Библиотека была возвращена не полностью. В отчёте за 1947–1948 учебный год есть упоминание, что из Вологды привезли 10 тыс. книг.

В Новгород, во вновь отстроенный и восстановленный учебный корпус НГУИ, вернулся только в августе 1953 года, а в сентябре этого же года был переименован в НГПИ.

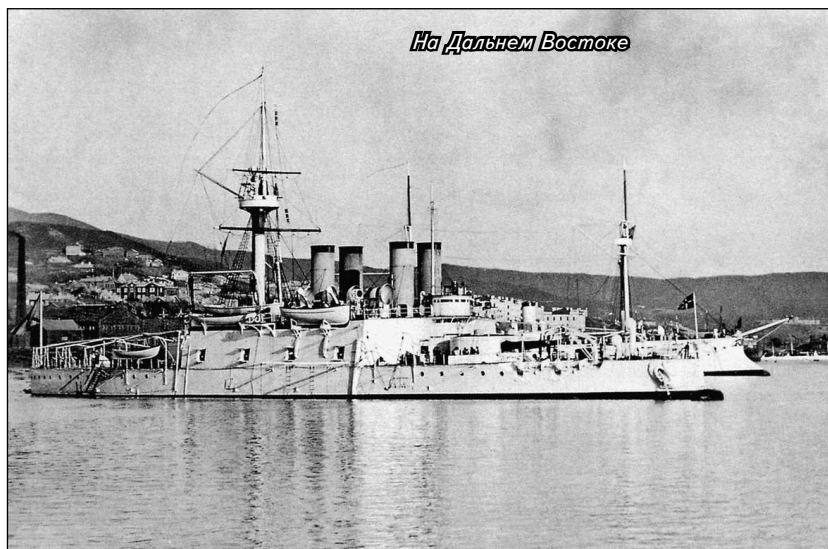
В.В. Рукавичникова

«Кают-компания броненосца „Наварин” просит...»

Из редких книг научной библиотеки НовГУ

До 1859 года казённых библиотек на российских военных судах не было — лишь лоции, уставы, пособия, календари. Командиры судов обзаводились библиотеками на личные средства. Возвращаясь из заграничного плавания, офицеры привозили с собой большое количество иностранных книг. Но эти библиотеки являлись частной собственностью офицеров и не оставались на борту навсегда. Личный состав каждый раз должен был заново заботиться о создании библиотеки на своём корабле.

Начиная с 60-х годов XIX века при отправлении корабля в заграничное плавание на обзаведение корабельной библиотекой стали отпускаться средства. В первый раз 300 рублей серебром и затем ежегодно на её пополнение — 60 рублей. С 1911 года вновь построенные корабли стали снабжаться казёнными однотипными библиотеками, которые должны были обслуживать

офицеров по всем специальностям морского дела и заключали в себе лучшие военно-морские и научно-технические издания своего времени.

Матросские корабельные библиотеки организовывались для нижних чинов. Часть сумм, отпущенных на хозяйственные нужды корабля, было предписано расходовать на приобретение рекомендованных военно-морским ведомством книг, а также на выпуск журналов, сборников, газет. Для этой цели ассигновалось 20 копеек на одного матроса.

В редком фонде научной библиотеки НовГУ сохранился роман А. Эртеля «Смена», изданный в Москве в 1894 году, со штампом: «Кают-компания броненосца „Наварин»*. При поступлении в библиотеку броненосца книга была переплетена. На корешке хорошо

* Броненосец «Наварин» фактически начат постройкой 1 июля 1889 г., официально заложен 21 мая 1890 г., спущен на воду 8 октября 1891 г. Реально вступил в строй к лету 1896 г.

Список офицерского состава, уходящего в дальнее плавание на броненосце "Наварин". (20 июля 1896 г.)			
Команда	Звание	Имя и фамилия	Должность
9 фл. экипаж	Капитан 1 ранга	Петр Безобразов	Командир
9 фл. экипаж	Капитан 2 ранга	Иероним Валуевский	Старший офицер
9 фл. экипаж	Лейтенант	Владимир Бодиско	Ваксительный начальник
9 фл. экипаж	Лейтенант	Петр Паттон	Ваксительный начальник
9 фл. экипаж	Лейтенант	Александр Долово-Добровольский	Ремзор
9 фл. экипаж	Лейтенант	Александр Реммерт	Ст. минный офицер
9 фл. экипаж	Лейтенант	Константин Сузковой	Мл. минный офицер
9 фл. экипаж	Капитан	Николай Трофимов	Ст. арт. офицер
16 фл. экипаж	Лейтенант	Барон Христиан Майдель	Мл. арт. офицер
9 фл. экипаж	Лейтенант	Владимир Берлинский	Ст. штурманский офицер
9 фл. экипаж	Мичман	Владимир Любимский	Мл. штурманский офицер
9 фл. экипаж	Мичман	Николай Фогель	Ваксительный офицер
9 фл. экипаж	Мичман	Семён Фабрицкий	Ваксительный офицер
9 фл. экипаж	Мичман	Михаил Яблова	Ваксительный офицер
32 фл. экипаж	Мичман	Сергей Исаков	Ваксительный офицер
9 фл. экипаж	Ст. инженер-механик	Федор Сидоров	Ст. инженер-механик
9 фл. экипаж	Мл. ст. инженер-механик	Виктор Винтер	Зав. гидр. приборами
9 фл. экипаж	Мл. инженер-механик	Михаил Яценко	Минный механик
9 фл. экипаж	Коллежский советник	Дмитрий Кузнецов	Ст. судовой врач
17 фл. экипаж	Коллежский ассесор	Василий Подольский	Мл. судовой врач
9 фл. экипаж	Губернский секретарь	Константин Лытанин	Шофер
9 фл. экипаж	Губернский секретарь	Семён Медведев	Арт. содержатель
Воронежский старшина	Защитный священник	Отец Иован Покровский	Священнослужитель

видно золотое тиснение: 52 [инвентарный номер] Эртель Смена Наварин.

Кают-компания на корабле служила помещением для коллективного отдыха, занятий, совещаний и общего стола офицеров. Первенствующее лицо в кают-компании — старший помощник командира корабля, а в его отсутствие — старший из присутствующих в ней. Для кают-компании мичманов и старшин сверхсрочной службы на корабле отводилось отдельное помещение, в котором старшим лицом являлся главный боцман.

В истории отечественного флота кают-компанией называлось также и сообщество офицеров-моряков одного корабля, которых сплачивали общие интересы, морские обычаи и традиции. В былые времена командир экипажа рассылал приглашения посетить корабль, которые всегда начинались словами, например: «Кают-компания броненосца „Наварин“ просит...» или «Командир и кают-компания броненосца „Наварин“ просят...».

За комплектование библиотеки отвечал старший помощник командира корабля. На «Наварине» офицерский состав менялся несколько раз. В плавание 20 июля 1896 года отправлялись 23 офицера. Капитаном — капитан 1 ранга Пётр Безобразов, старпомом — капитан 2 ранга Иероним Валуевский. В поход 4 июля 1902 года под коман-

Список офицерского состава броненосца "Наварин". (4 июня 1902 г.)			
Команда	Звание	Имя и фамилия	Должность
9 фл. экипаж	Капитан 1 ранга	Николай Беклемишев	Командир
9 фл. экипаж	Капитан 2 ранга	Петр Муравьев	Старший офицер
9 фл. экипаж	Лейтенант	Анатолий Ковалевский	Ваксительный начальник
9 фл. экипаж	Лейтенант	Николай Кржижановский	Ваксительный начальник
9 фл. экипаж	Лейтенант	Алексей Петров	Ваксительный начальник
16 фл. экипаж	Лейтенант	Федор Карказ	Ст. арт. офицер
9 фл. экипаж	Лейтенант	Михаил Базилев	Ст. штурманский офицер
9 фл. экипаж	Лейтенант	Алексей Лебедиский	Ст. минный офицер
2 фл. экипаж	Лейтенант	Константин Григорьев	Ремзор
9 фл. экипаж	Ст. инженер-механик	Александр Петров	Ст. судовой механик
9 фл. экипаж	Пом. ст. инженер-механика	Эдуард Леро	Мл. инженер-механик
9 фл. экипаж	Мл. инженер-механик	Михаил Жуков	Зав. гидр. приборами
2 фл. экипаж	Мл. инженер-механик	Николай Бутринов	Тронный механик
9 фл. экипаж	Коллежский советник	Алексей Рожницкий	Ст. судовой врач
32 фл. экипаж	Титулярный советник	Николай Радинский	Мл. судовой врач
32 фл. экипаж	Титулярный советник	Владимир Славянов	Шофер
9 фл. экипаж	Коллежский секретарь	Алексей Степанов	Минно-арт. содержатель
Никоговский старшина	Иеромонах	Отец Нафанаил	Священнослужитель

дованием капитана 1 ранга Николая Беклемишева уходили 18 офицеров. Старпомом был уже капитан 2 ранга Пётр Муравьев. Судя по инвентарному номеру (№ 52) и году издания, книга поступила в самом начале комплектования библиотеки (не ранее 1894 года); таким образом, можно считать, что приобрёл её именно И. Валуевский.

В последний поход на Дальний Восток 2 октября 1904 года ушли 26 офицеров во главе с капитаном 1 ранга бароном Фитингофом 1-м Бруно Александровичем. В бою 14–15 мая 1905 года у о. Цусима «Наварин» затонул. Из экипажа спаслись трое. Погибло 643 моряка.

Единственная сохранившаяся из библиотеки «Наварина» книга была вынесена с корабля одним из офицеров, служившим на броненосце в период с 1896 по 1904 гг.

С тех пор на титульном листе «Смены» появились и другие штампы: Областного педагогического института им. Бубнова, поставленный до 1931 года, т.к. институт в 1931 году был переименован в Ленинградский Государственный педагогический институт им. Н.М. Покровского; Новгородского государственного учительского института (функционировал с 1934 по 1953 год, с перерывом); штамп библиотеки НовГУ; два штампа о проверке — в 1938 и в 1986 гг.; кроме этого, имеется штамп магазина «Дешевая книга» ЛОИЗ (Ленинградское областное

издательство). Роман Эртеля стоил тогда три рубля. Скорее всего, он был приобретён для библиотеки Областного педагогического института им. Бубнова в магазине. Как и когда книга попала в магазин, выяснить уже не представляется возможным.

Титульный лист книги

Н.И. Морылёва

ПОДДЕРЖАНИЕ ТРАДИЦИЙ

В 1911 году в Новгороде прошёл XV Археологический съезд. В мае мы отметили 100-летие этого события и как будто в ознаменование петербургские издатели порадовали нас интереснейшей книгой.

Дворянские усадьбы Новгородской губернии : Аничков И.В. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии : Усадьба Грузино Графа Аракчеева : [сборник] — СПб. : Алаборг, 2010, — 352 с. : 110 ил. — Содерж. : — ч. I — И.В. Аничков. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии. Новгород, 1916; ч. II — Усадьба Грузино и ее владелец граф А.А. Аракчеев.

Иван Владимирович Аничков, один из активнейших членов Новгородского общества любителей древности (НОЛД), был его секретарём, казначеем, председателем. Подробная статья Л.В. Подобед, заведующей боровичским краеведческим музеем «Боровичский дворянин

И.В. Аничков», помещённая в книгу, познакомит читателей с личностью и обширной деятельностью Аничкова на ниве археологического и культурно-исторического изучения нашего древнего города. В ходе подготовки к XV археологическому съезду Иван Владимирович издал «Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии» (Новгород, 1916).

Эта книжка уже давно стала библиографической редкостью. Один из её экземпляров я держала в руках, он находится в областной библиотеке, а подготовительные материалы, многие из которых написаны рукой самого Аничкова (ведь он сам много ездил по губернии, обследовал усадьбы, монастыри, курганы), можно найти в Отделе письменных источников новгородского музея. Так же, как и письмо с вопросником, которое в качестве приложения включено в издание. Оно было составлено Предварительным комитетом по подготовке съезда и разослано 130 владельцам усадеб. Предполагалось не только получить сведения об истории усадеб, но и составить представление о тех предметах искусства и культуры, которые сохранились в руках их владельцев и могли бы быть показаны на выставке, приуроченной к съезду. К сожалению, только 67 человек откликнулись на этот призыв, прислав в адрес комиссии свои ответы.

Материалы в обзоре расположены в алфавитном порядке по названию имений, не все они однозначны по своему содержанию. Наибольший интерес представляет описание усадеб, которые несколько поколений оставались в руках одной семьи. Поэтому рассказы о родовых гнёздах Аничковых, Горемыкиных, Муравьё-

вых, Храповицких, Дириных, Мордвиновых и других наиболее подробны и развёрнуты. Содержат информацию о предках, семейные предания, легенды, анекдоты, архитектурные описания усадебных домов, их интерьеров, предметов мебели и искусства.

Значение этого труда и на сегодняшний день очень велико. Он доносит до нас сведения о том, что невозможно увидеть, о том, что утрачено навсегда, но составляет особый многовековой пласт нашей истории и помогает нам восстановить следы той повседневной жизни, которая протекала за усадебными стенами.

Мне, например, во многом благодаря этой книге удалось собрать материал об усадебных библиотеках; их наличие, состав, историю создания, редкие и рукописные книги.

Пожалуй, одним из самых известных имений на территории нашей губернии было Грузино, принадлежащее всецело, влиятельному графу Аракчееву. Поэтому вторая часть сборника полностью посвящена этому феномену усадебной жизни, особому не только в рамках Новгородской губернии, но и всей России.

Уникален был дворцово-парковый ансамбль Грузино, построенный архитектором Ф.И. Демерцовым и доработанный В.П. Стасовым. Полностью стёртый с лица земли во время Отечественной войны и знакомый нам во всём своём великолепии и блеске благодаря серии из 40 литографий, созданной под руководством И.С. Семёнова в 1821–1824 годах, и фотографий, сделанных в конце XIX — начале XX века. Объёмная статья Н.В. Мурашевой с разнообразными иллюстрациями познакомит читателей с архитектурным ансамблем усадьбы и его создателем архитектором Демерцовым.

Свидетельства современников, местных помещиков, офицеров служивших в наших местах, путешественников, посещавших в своих поездках это имение и при жизни Аракчеева и после его смерти — ещё один источник наших знаний о жизни Грузино. Все свидетельства, разбросанные по многим дореволюционным журналам: «Русский архив», «Русская старина», «Сын Отечества», «Новоселье» — собраны в этом сборнике. Е.Ф. фон Бракке, П.П. Свинын, Н.А. Качалов, А.П. Языков и другие не просто описывают имение, его достопримечательности, рассказывают о различных событиях, но и характеризуют весьма спорную, как для современников, так и для последующих поколений, личность Аракчеева.

Граф строил в своём имении некий идеальный с его точки зрения мир. Этакую им самим созданную утопию, или антиутопию, где все могли жить в относительном достатке, но лишь полностью подчиняясь строжайшей регламентации, охватывающей все стороны жизни. Это был мир, подобный миру книг Замятина, Оруэлла, Хаксли, только созданный в реалиях истории XIX века, где роль «Большого брата» играл сам владелец усадьбы. Недаром многие вспоминают, как любил граф часами

в подзорную трубу оглядывать свои «вотчины», наблюдая за тем, чтобы всё, что было им расписано в многочисленных инструкциях, неукоснительно исполнялось.

Обзорная статья барона Н. Врангеля, С. Маковского, А. Трубникова «Аракчеев и искусство», опубликованная в 1908 году в журнале «Старые годы», наиболее полно отражает отношение к Аракчееву в начале XX века и описывает современное авторам состояние усадьбы. В этом обзоре использованы не только воспоминания, включённые в книгу, но и многие другие источники, такие, как «Путевые записки» Д. Мацкевича, «По северу России» К. Случевского, «Черты из жизни графа Аракчеева» Н. Отто и др.

В книге читатели найдут также повесть «Грузино» В.М. Глинки, который был сотрудником музея, открытого в имении при Советской власти в 20-е годы. В первый раз попал он в имение ещё в 1908 году, и для него реалии собственной судьбы и биографии переплелись в единое целое с историей обитателей Грузино и создали ту особую культурную ауру, которая позволяет хоть на мгновения вернуть из небытия эту, ушедшую казалось бы навеки, жизнь.

Авторы сборника позиционируют его не просто как отдельное издание, а как первую книгу серии «Дворянские усадьбы Новгородской губернии». С нетерпением будем ждать продолжения.

Смирнов В.Г. Государевы вольнодумцы. Загадка Русского Средневековья / В. Г. Смирнов. — М. : Вече, 2011. — 256с. : ил. — (Тайны Земли Русской).

Взяла в руки новую книгу Виктора Смирнова, прекрасно известного новгородцам историка и писателя, посвящённую так называемой ереси «жидовствующих» XV века, начавшейся в Новгороде в 1470 году и просуществовавшей затем при поддержке высших элит и самого Ивана III в Московском государстве в течение 35 лет.

Взяла, собираясь лишь просмотреть её. И смогла отложить её, только закрыв последнюю страницу авторского текста. Читая эту книгу,

вы убедитесь в том, что перед вами не просто труд, написанный исследователем, свободно и глубоко владеющим материалом, анализирующим исторические документы, но произведение талантливого беллетриста. О чём бы он ни писал: об истории иудейской секты караимов; о золотом веке венгерской истории во времена правления короля Матвея Корвина; о крымской крепости Кафе — форпосте, возникшем

на руинах Византии Оттоманской империи; об интригах и заговорах при дворе Ивана III — везде Смирнову удаются наполненные живым дыханием истории картины. И из них, как из маленьких кусочков мозаики, складывается целый мир во всех его духовных и культурных взаимосвязях, политических хитросплетениях, религиозных расприх, которые рисуют нам жизнь не только русского государства, но и тех стран и народов, с которыми мы обречены существовать бок о бок, благодаря нашему геополитическому положению.

В.Г. Смирнов умеет всего несколькими ёмкими фразами обрисовать характеры, выявить внутренние устремления, интересы и мотивы поступков так, что перед нами встают не сухие образы, а живые люди, творившие нашу историю. Такие, как строивший все годы своего правления «вертикаль власти» Иван III, который и ересь «жидовствующих» приспособил для этой важнейшей в своей жизни цели. Иудейский проповедник, караим Захария Скара, первый «соблазнивший» ересь новгородских книжников из местного духовенства. Посольский дьяк Фёдор Курицын, ближайший сподвижник Ивана III, вершивший внешнюю политику Московии, написавший «Сказание о Дракуле-воеводе» (включено в приложение к книге) и один из немногих дошедших до нас еретических трудов, разрабатывающих философские основы воззрений, которые должны были прийти на смену православному мировосприятию русского человека. Курицын, который претерпел эволюцию от вольнодумца и еретика до идеолога самодержавия, стал человеком, заложившим идею неподотчётности монарха своим подданным. Он оправдывал применение любых средств, необходимых для достижения политических целей, и любую жестокость, необходимую для наведения единого порядка. Горькую чашу из этого источника изпьёт Новгород во времена внука Ивана III.

А среди фигур, активно противостоящих ереси, несомненное лидерство в повествовании Виктора Смирнова принадлежит Новгородскому архиепископу Геннадию и преподобному Иосифу Волоцкому. Самому активному и действенному обличителю ереси. Поэтому неудивительно, что все его Послания и Слова против ереси, отрывки из «Просветителя», проанализированные историком русской литературы и филологом И.П. Хрущевым, тоже включены в приложение к книге. Так же, как и послания Геннадия Новгородского, который первым обнаружил ересь и забил тревогу. Причём он не ограничился расправой над еретиками: интеллектуальным ответом на вызов «жидовствующих» стало создание Геннадьевской Библии и активная духовная, литературная, просветительская, публицистическая работа, которая развернулась в стенах древнего Софийского собора. Здесь же в трудах членов геннадьевского кружка одновременно закладывались тезисы, которые были потом использованы «иосифлянами» в борьбе с «несчастными».

Это был не просто теоретический спор между теми монахами, которые хотели освободить монастыри от вотчин и сосредоточиться на внутренней работе души, и теми, кто понимал, что только земли, крепкое хозяйство поможет обителям быть раскрытыми вовне, в мир. Осуществлять просветительскую, пасторскую, благотворительную работу, занимаясь не просто личным самосовершенствованием, но служа людям. Это был, прежде всего, политический спор, где на стороне «иосифлян» стоял Иван III, пытавшийся таким образом, через конфискацию монастырских земель в казну, подорвать независимость и самостоятельность Русской Церкви.

Тогда эта попытка не удалась. Но 35-летняя борьба с ересью «жидовствующих», все закулисные нити которой были в руках Ивана III, строившего ту модель власти, в которой мы до сих пор живём (о чём прямо говорит, ссылаясь на слова Карамзина, В. Смирнов) подорвали

силы Православной Церкви. И стали первым шагом на пути её огосударствления и потери духовного влияния на паству, что и позволило так быстро в XX веке шагнуть от Православной Руси к атеистической стране, поставив саму Церковь на грань выживания.

В приложении читатели также найдут выдержки из классического исследования по истории Церкви, принадлежащего А.В. Карташеву, последнему обер-прокурору Святейшего Синода, учреждённого при Петре I, превратившем Церковь в подведомственное государству учреждение.

Ещё один автор, Вячеслав Тулупов, также упоминает этот эпизод Новгородской истории, считая, собственно говоря, как и Смирнов, что центром ереси «жидовствующих» была Москва, а Новгород стал лишь одним из промежуточных пунктов на пути распространения ереси из Литвы в Москву. Ересь же **новгородской** назвала это течение московская пропаганда, оправдывающая нападение на Новгород и его подчинение Иваном III.

Тулупов В.Г. Русь Новгородская / В. Тулупов — М. : Эксмо : Алгоритм, 2009. — 288 с. — (Славная Русь).

Вообще, в делящемся уже несколько веков споре сторонников республиканского Новгорода и самодержавной Москвы, В. Тулупов безоговорочно отдаёт пальму первенства нашему городу. Пожалуй, я ещё не встречалась с подобной идеализацией Новгородской республики, сравниваемой и с Афинской демократией и республиканским Римом, но стоящей над ними на неизмеримо большей высоте, так как, по мнению автора, христианская общинность, являясь стержнем новгородского самосознания, делала государственную власть и гражданское общество тождественными понятиями. Для Тулупова Великий Новгород не боярская республика, а христианская теократическая, где духом Русского Православия проникнуты все законы, традиции, обычаи и где посредством различных властных структур правит «Сама Святая София и Божья Правда». Приводя слова академика Лихачёва о том, что в Новгородской республике между Церковью и государством царил полная гармония, В. Тулупов считает, что новгородцы ставили Церковь выше государства, и выборный на вече архиепископ влиял на общество несравненно выше, чем любой представитель светской власти. И Новгород в своей форме правления приближался к некому идеалу христианской народной республики.

Вам станет понятна такая трактовка государственного и общественного строя Новгорода, если мы обратимся к личности автора — протоиерея Вячеслава Геннадьевича Тулупова, христианского писателя, кандидата богословия, настоятеля Михаило-Архангельского храма в Сергиевом Посаде.

Как прекрасный полемист, владеющий стратегией и тактикой ведения полемики, Тулупов понимает, что все его доводы и аргументы, доказывающие, что Новгород

приближался к идеалу подлинного народовластия, где имущественные различия не вели к ущемлению гражданского равенства, не будут приниматься в расчёт, если он станет умалчивать об отрицательных сторонах действительности. Автор пишет и о противоречиях, проявившихся иногда очень бурно именно в силу свободы, существующей в новгородском обществе. Он постоянно обращается ко всему комплексу исследований по истории Новгорода. В его книге обильно цитируются труды Янина, Носова, Арциховского, Скрынникова, Хорошкевича, а также Макария, Костомарова, Ключевского и таких приверженцев московской трактовки противостояния Новгорода и Москвы, как Карамзина, Зимина.

Но не только о светской и духовной власти и о государственном устройстве Новгорода пишет Тулупов, подробно характеризуя вече, совет господ, положение князя и архиепископа, он рассуждает о национальном характере и национальной идее новгородцев. Писатель подробно знакомит читателей с внешней и внутренней политикой, военным делом, экономикой, устройством средневекового Новгорода. С теми культурными и духовными ценностями, которые создавал и накапливал Новгород за столетия своего существования и которые он смог передать Московскому государству, послужив своеобразным историческим «мостом» между Киевской Русью и нарождающейся империей.

Но, конечно, большая часть книги посвящена анализу истории противостояния Новгорода и Москвы. Причём это делается не только для того, чтобы освежить историческую память и переломить московскую трактовку давнего противостояния. Нет, автор пытается отыскать нечто полезное для современности в истории. Сейчас, когда мы заняты поисками национальной идеи, самим смыслом существования нашей страны, когда мы ощущаем, что, как часто это бывало в нашей истории, народ начинает жить собственной, параллельной государству жизнью. Возможно, именно обращение к историческому опыту Новгородской республики окажется полезным для бытия русской нации, позволит нам вспомнить и применить удивительные способности к самоорганизации, характерные для новгородского общества времён республиканского правления.

К духовно-культурным корням нашей новгородской истории обращаются и два издания, выпущенные Новгородским университетом.

Великий Новгород — культурно-исторический исток русского мира : филологический альбом / авт.-сост. Е.Л. Гореликов, Л.А. Гореликов, Т.А. Лисицина; предисл. и общ. ред. Т.А. Лисицкой; НовГУ им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2011. — 100 с. : ил.

Берестень : тематическая хрестоматия древнерусской бытовой письменности : новгородские коллекции / авт.-сост. Е.Л. Гореликов, Л.А. Гореликов, Т.А. Лисицина; предисл. и общ. ред. Т.А. Лисицкой; НовГУ им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2011. — 100 с. : ил.

Альбом знакомит читателей с теми самыми письменными источниками, о которых рассказывает В. Тулупов в своей книге, созданными, сохранёнными и преумноженными за все столетия существования Великого

Новгорода, а затем переданными в копилку нашей национальной культуры.

Открывается альбом обзором всех основных письменных источников по заявленной теме — с XI по XVIII столетие. Сюда включён основной комплекс летописных сводов, бого-

служебных, четых, келейных книг; правовой, светской литературы, созданной в Новгороде: евангелия, минси, стихирари, служебники, Жития святых, поучения, хождения,

сказания... И, конечно же, речь идёт о грандиозных проектах, осуществлённых в Новгороде: создание Геннадьевской библии, открытие школы братьев Лихудов в 1706 г. Представлен в альбоме и выходец этой школы — один из первых русских учёных-филологов, академик В.Е. Ададунов.

Старейшим памятником новгородской письменности XI века: Новгородской Псалтыри, Остромирову Евангелию, а также Новгородской редакции Русской Правды — посвящены отдельные развёрнутые статьи, рассказывающие об истории их создания и исследования. Ещё один великий труд, история появления которого вошла золотой страницей в историю новгородской книжности — создание под патронажем новгородского архиепископа,

а затем митрополита Макария Великих миней четых в XVI столетии.

Книга содержит огромное количество иллюстраций, дающих представление о том, как выглядят эти уникальные памятники новгородской культуры. К сожалению, полиграфия этого издания оставляет желать лучшего, и сама собой напрашивается идея, что пришло время издать качественный, красочный альбом, посвя-

щённый памятникам новгородской письменности. Вот только найдутся ли средства, ведь дело это очень дорогостоящее? Может, кого-нибудь из современных «олигархов» согрест мысль о том, что через несколько столетий, обращаясь к истории новгородской письменности, будут вспоминать его имя, как сейчас мы вспоминаем имя посадника Остромира, заказавшего и оплатившего переписку Евангелия?

Отдельная статья альбома даёт читателям представление о лингвистических и социокультурных аспектах бытования в Новгороде берестяного письма, а второе из представленных изданий уже полностью посвящено берестяным грамотам.

На протяжении многих лет систематически издаются труды, посвящённые научному анализу всех берестяных грамот, обнаруженных с 1951 года в Новгороде. Каждая представленная грамота сопровождается изображением, сведениями о времени и месте находки,

текстом с переводом, а также лингво-историческими комментариями. В «Берестень» включены сведения почти о ста грамотах, и они предстают во всём их тематическом разнообразии: деловые «бумаги», официальные документы, церковные тексты, литературные и фольклорные записи, ярлычки, ученические «штудии», азбуки и письма, которые являются самой большой составляющей всего комплекса грамот. Письма, которые освящают повседневную жизнь новгородцев во всём многообразии их семейных, родственных, соседских, деловых связей. Погружаясь в чтение, мы словно слышим разговорный язык средневекового города. Входим в круг проблем купца, отправившегося в деловую поездку; дружинника, участвующего в военном походе; наблюдаем, как разрешаются семейные конфликты и судебные тяжбы. Ощущаем, что, несмотря на промчавшиеся над нашей землёй столетия, женщину, написавшую любовную весточку своему милому другу, переполняли те же эмоции и чувства, которые испытывает любой современный человек. Этот срез истории раскрывает духовную и культурную преемственность, сохранённую в потоке исторического бытия. Языковую же преемственность нашего новгородского диалекта, соединяющую через слово современный мир с древним Новгородом, демонстрирует уникальное издание.

Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников — СПб. : Наука, 2010. — XXVII, 1435 с.

Настоящий словарь является наиболее полным собранием русской диалектной лексики Новгородского региона. Несомненно, что в говорах, возникших вокруг озера Ильмень, по Ловати, Шелони, Мсте, Волхову лежат истоки народной речи всего Русского Севера и многих областей Урала и Сибири. Многолетняя работа над этим изданием началась с диалектологических экспедиций под руководством А.В. Никитина, преподавателя НГПИ в 1957—1971 гг. Затем продолжилась в труде под редакцией В.П. Строговой, которая ещё в 1992—1995 годах издала 12 выпусков «Новгородского областного словаря». В их создании принимали участие, кроме уже названных учёных, Л.Я. Петрова и А.В. Клевцова. Много лет ими же этот словарь дополнялся, расширялся, редактировался (вышел 13-й выпуск). Впоследствии к работе представленного издания, совместно с группой сотрудников ИЛИ РАН.

На форзацах книги изображены карты Новгородской губернии конца XIX — начала XX в. и современной Новгородской области. В предисловии словаря даются объяснения, касающиеся несовпадения границ, и некоторые демографические данные.

Все индексы словаря, облегчающие работу с ним исследователей, составил А.Н. Лепехин: обратный индекс, указатели прозвищ, топонимов, фразеологизмов.

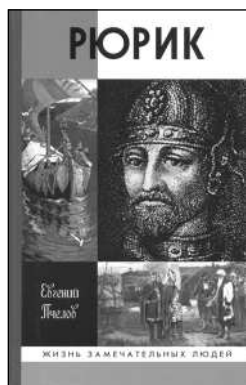
Всего в словарь включено свыше 25 тысяч слов, около 2600 фразеологизмов, которые помогут ознакомиться

со всем богатством и разнообразием нашего регионального языка не только специалистам, но и всем заинтересованным людям, желающим приобщиться к источнику народной речи.

Пчелов Е.В. Рюрик / Евгений Пчелов. — М : Молодая гвардия, — 316[4] с. : ил. — (Жизнь замечательных людей : сер. биогр.; вып. 1277). Эта книга появилась в преддверии празднования 1150-летия Российской государственности.

862 год — именно эта дата считалась в дореволюционной историографии датой основания Русского

государства. В этом году по летописной хронологии на север Руси, в Новгород пришёл княжить варяг Рюрик, к которому возводили свой род все русские князья. Они создали Древнерусское государство с центром в Киеве, правили в Чернигове, Полоцке, Смоленске, Галиче, Владимире, создали Московскую Русь и приняли царский титул. Жизнь самого Рюрика окутана мраком легенд и преданий. Историки по-разному оценивали

личность и деяния князя — одни считали его легендарным, другие пытались разглядеть за строками летописи далёкую реальность IX века. Поскольку летопись прямо говорит, что он пришёл «от варяг», а по поводу происхождения варягов в русской историографии и обществе шёл долгий и идеологически ангажированный спор, то само имя первого русского князя стало заложником политических спекуляций.

Древнерусские летописи сохранили о Рюрике буквально два-три свидетельства. Но вокруг этих свидетельств бушевали такие споры, выдвигалось столько гипотез и интерпретаций, что сама личность далёкого предка русских князей обрела популярность не только в исторической науке, но и в общественном сознании. Летописный рассказ о приходе Рюрика на Русь оказался столь тесно связан со сложными, а порой и болезненными вопросами начала русской истории, что страсти вокруг этого деятеля тысячелетней давности не утихают до сих пор. Фигура Рюрика в клубке сложных и противоречивых мнений, догадок, гипотез, является фокусом исторических представлений о начале Руси. О Рюрике, как таковом знают мало, считает автор, вспоминают или небезызвестную фразу о «великой и обильной» земле, в которой «нет порядка» (не вполне точная интерпретация слов летописи), или вовсе, вступая в область мифов, вспоминают его древнерусского «предка» Гостомысла.

Евгений Владимирович Пчелов считает важным осветить главные вопросы «Рюрикиады» с позиций современного научного знания, чтобы сделать их более доступными для заинтересованных читателей. Он подробно рассматривает и анализирует все летописные источники, начиная с Повести временных лет. Приводит Новгородские летописи, проследившая появление фигуры Гостомысла и «обрастание» его биографии от летописи к летописи. Разбирает писания русских

книжников, которые для обоснования новой державной идеологии в XV–XVI вв. превратили безвестного варяжского конунга в родственника римских императоров. Подробно характеризует эпизоды, связанные с Рюриком в Истории В.Н. Татищева, которые основываются на признанной недостоверной Иоакимовской летописи. Рассматривая историю «норманского вопроса», он справедливо замечает, что споры эти на современном уровне развития науки не имеют смысла, так как национальная принадлежность правящего рода и процесс образования государства не зависят друг от друга.

Версия балтийско-славянского происхождения Рюрика Пчелову кажется неубедительной. Хотя он и отмечает наличие зафиксированных археологами следов западославянского присутствия в нашем регионе, указывает на то, что древненовгородский диалект возник, как предполагает лингвист А.А. Зализняк, в результате миграции кривичей из Средне Европейского региона. Однако он считает тождественность ободритского Рюрика и нашего Рюрика несостоятельной. Зато он склоняется к поддержке версии о том, что Рюрик Ютландский и Рюрик, основатель династии Рюриковичей — одно и то же лицо (помещённые в качестве приложения основные даты биографии Рюрика и его эпохи прямо указывают на это).

Автор приводит западноевропейские письменные источники, русские летописи, одновременно отслеживает с помощью византийских и восточных источников все зафиксированные сведения о русских князьях, Руси, первых посольских, военных и торговых контактах с внешним миром, историческую панораму которого автор даёт в самом начале своей книги. И делает вывод о том, что ещё до Рюрика существовало некое государственное образование русов, уже замеченное на международной арене. Пчелов признаёт, что нарисованная им картина во многом гипотетична, но позволяет предположить, что Рюрик начал строить свою власть на уже имеющихся зачатках цивилизации.

И сама летописная «история призвания варяг», подробно рассматриваемая автором с привлечением широчайшего исторического материала, — бесспорно реальное событие. И хотя многие неразрешённые вопросы остаются (например, происхождение слова «Русь»), образ Рюрика, как считает автор, приобретает со временем всё более и более реальные черты личности, с которой начала выстраиваться непрерывная цепочка исторической преемственности верховной княжеской власти.

Последняя глава книги «Рюрик, после Рюрика» рисует жизнь князя в культурном русском пространстве. Образы его личности, которые создавались в литературных произведениях, изобразительном искусстве, музыке, на театральных подмостках, а теперь и в кино, весьма неоднозначны. Но автор, обращаясь к исторической фигуре Рюрика, в последнем абзаце своей книги накрепко связывает его личность с Великим Новгородом, предлагая к юбилею 2012 года поставить в нашем городе памятник человеку, со времени правления (княжения) которого идёт отсчёт российской государственности. Тем более, что у истоков создания памятника тысячелетию Российской государственности была идея памятника Рюрику, которая уже потом трансформировалась в грандиозный проект Микешина.

Правда, Рюрик, так же, как и Ярослав Мудрый, присутствует среди героев этого монумента. Так же, как они соседствуют в истории нашего города. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, продолжая издавать книги, связанные с новгородской историей, учебно-научный Центр изучения культуры Гуманитарного института НовГУ им. Ярослава Мудрого выпустил в свет книгу **Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого : (источники и исследования) / ред. кол. В.Л. Янин (науч. ред.), Г.М. Коваленко, С.А. Коварская, Е.В. Торопова; НовГУ им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2010. — 384 с. : ил.**

Этот сборник стал итогом исследований, как новгородских учёных, так и специалистов ведущих научных

учреждений России. В нём отражается спектр современного научного интереса к эпохе и личности русского и государственного деятеля и просветителя Ярослава Мудрого, деятельность которого долгие годы была связана с Новгородской землёй, её историей и культурой. Поэтому присвоение в 1994 году Новгородскому университету, по инициативе академика В.Л. Янина, имени Ярослава Мудрого, как бы включило наш университет в поддержание

жизни тех традиций, которые были заложены в эпоху Ярослава Мудрого и при его участии: развитие книжной культуры и образования. Летописные, житийные тексты, поучения, торжественное слово, а также поздняя историческая проза, драматургия — вплоть до исторических драм XIX века — связаны с личностью Ярослава Мудрого. Фигурирует он и в самых известных европейских хрониках и скандинавских сагах. Поэтому первая часть публикации включает летописные источники, представленные С.Н. Азбелевым и подготовленные Т.Н. Джаксон скандинавские источники, которым хорошо известен «Ярицлейв, конунг Хольмгарда». Тексты Повести временных лет и древнескандинавских саг: «Саги об Олафе Святом», «Саги о Магнусе Добром», «Саги о Харальде Сигурларсоне», «Саги об Оркнейцах» — сопровождаются

обширными комментариями, ссылками, большой библиографией. Системный анализ письменных свидетельств столь различного происхождения имеет исключительное значение для построения ясной картины событий русской истории в эпоху Ярослава Мудрого.

Вторая часть материалов сборника имеет более разнородный характер, что вполне объяснимо, ведь наряду с изучением письменных свидетельств, памятников архитектуры и декоративно-прикладного искусства, а также других материальных свидетельств культуры Руси во времена Ярослава Мудрого, особое значение имеет исследование и оценка этой эпохи в общем контексте ранней новгородской истории. В статьях В.Л. Янина, А.Е. Мусина, О.А. Тарабардиной, Т.В. Шмелёвой рассмотрены различные аспекты жизни города в XI веке. Перемены в чеканке монеты при Ярославе, возникновение первых школ, формирование церковной организации Новгорода, становление его градостроительной структуры и оборонительной системы, особый мир новгородской словесности, соединившей в себе устное и письменное начало, церковную и светскую направленность и высочайший уровень грамотности. В совокупности все эти материалы насыщают красками скупое полотно городской жизни, сотканное из свидетельств летописей, а также заставляют говорить молчаливые археологические артефакты, в числе которых знаменитая печать Ярослава Мудрого, найденная в 1994 г. на Троицком раскопе.

Публикации В.В. Милькова, А.А. Песковой, С.В. Зверева, В.И. Поветкина существенно дополняют содержание сборника, обращая наше внимание на уникальные стороны повседневной жизни в Новгороде Ярослава. А рядом с фигурой князя появляются его современники и ближайшие преемники: наместник Остромир (заказчик «Остромирова Евангелия»), князья Мстислав Изяславович, Глеб Святославович, сын Ярослава Владимир, заложивший повелением отца главный храм Новгорода — Софийский собор, новгородский епископ Лука, прозванный Жидятой, первый из известных нам писателей Древней Руси поп Упырь Лихой.

Получив имя Ярослава Мудрого, Новгородский университет включился в поддержание «ярославова дискурса», взял на себя обязательства совершать дела «во имя Ярослава», и выход этого издания — ещё один шаг, направленный на развитие и преумножение традиций князя.

О ЧЁМ РАССКАЗАЛ ЭКСПОНАТ МУЗЕЯ

История села Кончанское-Суворовское Боровичского района Новгородской области почти 250 лет назад переплелась с судьбой великого русского полководца Александра Васильевича Суворова, и с тех пор оно прославилось на всю Россию.

В 1763 году отец полководца Василий Иванович Суворов купил его в числе 24 деревень, расположенных на территории современных Боровичского, Хвойнинского, Любытинского районов. Все купленные деревни получили статус Суворовских, только Кончанскому выпала особая роль. Село стало местом ссылки опального полководца, здесь ему пришлось пережить самый трудный период своей жизни. Почти два года он провёл в «деревне на отдыхе» в связи с отставкой и ссылкой после вступления на Российский престол императора Павла I. День рождения Александра Васильевича — 24 ноября. В связи с этим в 1993 году активом кончанского Дома Культуры решено и день рождения села праздновать в последнее воскресенье осени. Местный поэт, художественный руководитель ДК В.В. Кондратьев сочинил гимн Кончанского, в котором есть строки: *«Раньше здесь Суворов жил, славный генерал, он с крестьянами дружил и с детьми играл...»*. Однако вскоре этот день в году стал отмечаться в России как День матери. Но кончанцам хотелось, чтобы у них был только свой особенный день. К тому же массовые гуляния подразумевают многолюдность, а население всё уменьшалось. Поэтому решили перенести День села на последнее воскресенье августа, когда за счёт дачников количество населения заметно увеличивалось. В силу возникающих обстоятельств дата изменялась, что не лучшим образом отражалось на организации праздника. Между тем у села есть реальная дата возникновения — **17 октября 1660 года**.

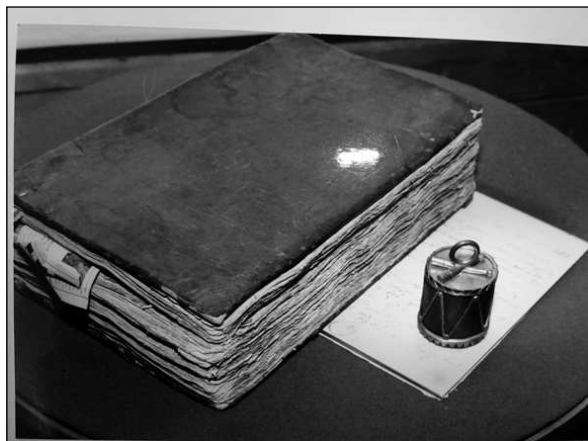
Установление даты стало возможным благодаря исследовательскому интересу В.П. Малышевой к истории полководца и села. В августе 1959 года выпускница исторического факультета МГУ Валентина Павловна возглавила музей А.В. Суворова в селе Кончанском, которому посвятила всю свою сознательную жизнь — 40 лет! Под её руководством небольшой музей, созданный в 1942 году, превратился в музей-заповедник. Личность великого полководца и его жизнь всегда волновала историков, биографов, людей искусства и просто людей, любящих свою страну. В истории такой личности, как Александр Васильевич Суворов, не бывает мелочей, о нём хочется знать всё и, конечно же, то, каким он был в быту. История самого села тоже интересна посетителям.

До недавнего времени экскурсоводы музея рассказывали, что село возникло как карельское поселение в середине XVII века, и название его произошло от слова «конец», т.е. конец карельских поселений в нашем крае. Возможно, этой информации для приезжающих туристов было достаточно, но не устраивало самих рассказчиков, особенно

Валентину Павловну, которая всегда старалась донести до слушателей самую точную информацию основанную на документах. Двусмысленным был ещё один важный вопрос в биографии Суворова — место его рождения. Официально признано, что родился Александр Васильевич в Москве, но параллельно существует мнение, что он мог родиться в деревне Каменка, ныне Любытинского района. Любытинский краевед Николай Михайлович Иванов, многое сделавший для сохранения бывшей усадьбы А.В. Суворова в д. Каменка, установил на её территории табличку с надписью: «Родовая усадьба А.В. Суворова», смысл которой все понимают буквально. Поэтому некоторые посетители музея настаивали на том, что полководец родился в Каменке. Аргументом в споре служило то, что в купчей, которая в копии представлена в экспозиции музея, отсутствовал документ с перечнем населённых пунктов, купленных Василием Ивановичем Суворовым вместе с Кончанским в 1763 году, когда его сыну было уже 33 года!

Валентина Павловна осознавала, что должен существовать такой документ, но где искать, в каких архивах? Но не зря русская пословица гласит: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». За 40 лет работы в музее Валентина Павловна приобрела много интересных знакомств с единомышленниками, которые помогали в решении различных вопросов, держали в курсе новых изысканий, оказывали помощь в приобретении ценных экспонатов. Теперь она уже не может вспомнить, кто именно позвонил ей и сообщил о существовании «Сборника рукописных документов» и его владельце — Маточкине Игорю Владимировиче. Слух об этом в мае 1983 года. Валентина Павловна сразу же позвонила Маточкину и они договорились о встрече у Русского музея в Ленинграде. На встречу пришёл молодой человек со свёртком в руках, в котором была толстая книга в кожаном переплёте, что уже говорило о её почтенном возрасте. Владелец пояснил, что книга попала к нему из архива писателя Л. Раковского. Это подтверждала надпись на переплёте: *«Купил в книжной лавке на Большом проспекте Петроградской стороны у Н.С. Котова 8 сентября 1948 года»*, и автограф — *Леонтий Раковский*. В журнале «Аврора» № 1 за 1973 год в статье «С книгой через годы» Раковский опубликовал историю её приобретения. Трудно передать трепет Валентины Павловны и её волнение, когда она взяла в руки «Сборник» и прочла знакомые слова: «Суворов, Сопинский погост, Кривинская волость, Кончанское, Каменка». Сразу же стало понятно, что это те самые документы, которые прольют свет на вопросы по приобретению отцом полководца Новгородских земель. Датировались они 1763–1767 годами. «Я поняла, что эта книга не должна быть в частных руках», — вспоминает Валентина Павловна. Однако названная сумма — 500 руб. — была на тот момент достаточно высокой, поэтому необходимо было для обоснования цены подтвердить подлинность документов. Валентине Павловне удалось

договориться с Игорем Владимировичем о том, чтобы он доверил ей книгу на некоторое время для проведения экспертизы и решения вопроса об оплате. Покупать предметы за наличный расчёт считалось финансовым нарушением. Сотрудники рукописного отдела библиотеки Салтыкова-Щедрина в Ленинграде по просьбе Валентины Павловны провели экспертизу и подтвердили подлинность документов XVIII века. Вопрос с оплатой тоже был решён без сложностей. Валентина Павловна смогла убедить руководство головного музея в лице генерального директора НГОМЗ

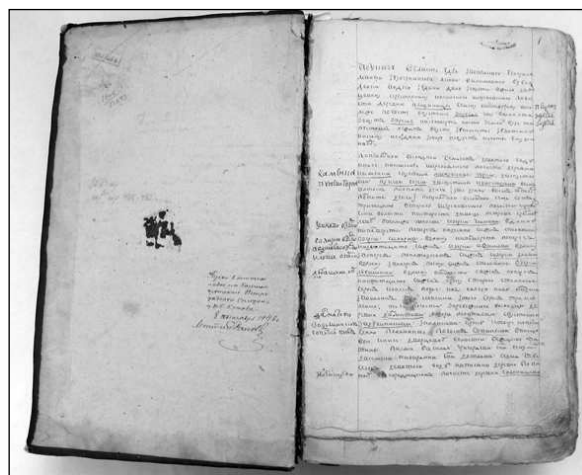
Л.И. Ярош в важности покупки. Деньги перевели по безналичному расчёту на сберкнижку владельца книги. Вот так увесистый том, состоящий из 907 страниц неразборчивого рукописного текста XVIII века, приобрёл постоянную прописку в музее-усадьбе А.В. Суворова. Вскоре ему присвоили инвентарный номер экспоната основного фонда № 31807. Однако с момента создания документов и до того, как они стали собственностью музея, прошло свыше двухсот лет! Возможно, мы никогда не узнаем предыдущей истории этого экспоната, но в конце концов он оказался там, где ему положено быть.

Предстояло ещё прочесть и осмыслить содержание этого увесистого тома. Прежде чем это случилось, прошло ещё 20 лет! Сама Валентина Павловна, да и научные сотрудники музея, неоднократно принимали попытки прочесть рукописный текст, но безуспешно. Так как требовалась полная отрешённость от выполнения всех ежедневных задач, но в рабочее время это было невозможно. В 2003 году Валентина Павловна вышла на заслуженный отдых. И затратила почти целый год, чтобы перевести рукописный текст XVIII века в печатный.

Игра стоила свеч! То, что удалось извлечь из документов, превзошло все ожидания. Сборник представлял собой многочисленные выписки с писцовых, переписных, селитебных и окладных книг, начиная с 1501 года до середины XVIII века, а также инструкции «для отказа» за Василием Ивановичем Суворовым деревень и земель по купчей от 5 декабря 1763 года. Земельные споры решались очень сложно, характерны были незаконные захваты земли, поэтому разбирательства продолжались до 1766 года. Занимались этими делами канцеляристы Новгородской Государственной вотчинной конторы — вначале Евдоким Костыгов, а затем Герасим Костров. Им обоим пришлось вникать в дела столетней давности, чтобы выяснить владельческую принадлежность земель, купленных отцом полководца и вместе с тем возникновение сёл — Кончанского и Каменки.

Разбирательства начались после подачи челобитной Василием Ивановичем в Государственную вотчинную контору о «записке за ним недвижимого Новгородского имения, состоящего в Новгородском уезде в Бежецкой пятине Бело-зерской половине Кривинской и Сопинской волостей»¹.

22 декабря 1763 года последовал указ Екатерины II в Новгородскую Губернскую канцелярию: «Послать из вотчинной конторы нарочного и делать ему по приезде в те волости и при собрании всех крестьян... отказать те пустоши за его превосходительство для того, что те земли... с прошлых давних лет даны по грамотам и приговорам дворцового приказа под селитьбу зарубежным выходцам карелам, на которых предписанная Сопинская волость и населена... и по силе именных указов в дворцовом приказе приказано после 1654 года порожжие земли никому помещикам не давать, кроме карел зарубежных выходцев»². Работа эта была поручена канцеляристу Евдокиму Костыгову, который разбирался целый месяц. 20 января 1764 года он представил в ведомство Государственной вотчинной конторы подворный и поимённый список жителей села Кончанского и других деревень по купчей Василия Ивановича от 5 декабря 1763 года, т.е. осуществил «отказ» новому владельцу земель Сопинской и Кривинской волостях. Согласно «отказных», представленных Е. Костыговым, отцу полководца принадлежало семь деревень в Сопинской волости и семнадцать деревень в Кривинской. Вот он, вождённый список, который был так необходим для установления истины: Сопинская волость — Кончанское, Колокольцево, Гузнобаево, Нивы, Сменково, Медведково, Крепугино. Кривинская волость — Каменка, Долганово, Нивищи, Зубова, Заозерье, Колоколуша, Заручевье, Кадилиха, Долбеева, Заголди, Горушка, Ушкова, горы, Горушка, Заречье, Пещаница, Галича, в которых насчитывалось 1012 душ, в том числе в Каменке 104 души в 16 дворах. Как видим, деревня Каменка входила в число тех населённых пунктов, которые купил В.И. Суворов у графа И.И. Шувалова в 1763 году. За всё было заплачено 22 тыс. рублей. Отца полководца не удовлетворил произведённый Костыговым «отказ», и он вновь «бьёт челом» в вотчинную

Новгородскую контору, чтобы отрешить от владения пустошами и землями монастырских и поповских крестьян, которые по законам должны принадлежать поселенцам — карелам³. Поэтому в апреле 1765 года послали другого канцеляриста вотчинной конторы Герасима Кострова, которому предстояло выяснить сам факт заселения земель

Кривинской и Сопинской вотчин. Герасиму Кострову была дана инструкция, в которой сообщалось: «...записано в лета семь тысяч сто шестьдесят осьмого (1660) октября 17 день по Государеву цареву Алексея Михайловича указу дьяк Иван Зиновьев дал из пуста в жилое зарубежным выходцам... а льготы им на те живущие участки с нынешнего году (1660) с октября по 1670 октября на 10 лет.

В те льготные годы им выходцам на тех ново живущих участках дворы поставить и пашины распахать... и государевых податей в те годы не платить»⁴.

Согласно указу переселенцам было дано «Государеву жалование» по рублю на человека да по четверти ржи на семью. Анализируя этот документ, дату 17 октября 1660 года можно принять за начало отсчёта летописи села Кончанского и деревни Каменка, т.к. после этого начали заселяться пустоши Кривинской и Сопинской волостей. Изучая последующие страницы документов и осмысливая сложный стиль подачи материала в XVIII веке, Валентина Павловна поняла, что на озере на Камене было несколько пустошей, которые и были заселены карелами. «По писцовым книгам 1582 и 1626 написана в порозжих землях, а по селидебным книгам значит Каменка в отдаче зарубежным выходцам в 1660 году», — сообщает Г. Костров⁵.

Перечислены первые поселенцы на пустоше на Камене — Игнашка Кондратьев, Якушка Дружинин, Дмитрианко Васильев, Петрушко Тимофеев, Игнашко Афанасьев, Гришко Тимофеев... Всего 13 семей⁶. Проследив скрупулёзно шаг за шагом с начала XVI века владельческую принадлежность Кривинской волости, населённой карелами, канцелярист среди землевладельцев не установил никого с фамилией Суворов. Поэтому утверждение, что Суворовы владели Каменкой ещё до рождения Александра Васильевича Суворова, является несостоятельным. Каменка и Кончанское вместе с другими деревнями были куплены В.И. Суворовым, когда прославленному полководцу было 33 года. Отсюда следует вывод, что Александр Васильевич никак не мог родиться в Каменке, а значит, в вопросе о месте его рождения можно поставить точку.

Что касается названия села Кончанского, то очевидно, что село возникло на пустошах с названиями Колцово или Концово (ведь работали два канцеляриста, и произошло некоторое разночтение в силу характерного почерка), да и земли эти принадлежали «церкви Ильи из Словенского конца». Словенский конец, один из автономных районов

древнего Новгорода, который имел своего кончанского старосту, свою кончанскую церковь. «По селидебным книгам Колцово, а по крестьянскому званию Кончанско», — пишет в «отказе» Герасим Костыгов. Подтверждает, что в 1669 году «д. Колцово, а Кончанское тож... в ней крестьяне Никифорко Лукин у него сын Тимошко да Юшко пашины под ним осьмина... во дворе Исачко Семёнов у него сын

Ермолко пашины под ним четверик и т.д. Всего в д. Кончанском 17 дворов, крестьянских людей в них 46 человек»⁷. Спустя десять лет население сократилось: в Кончанском осталось пять дворов, в которых проживало крестьян 12 человек, в Каменке проживало девять человек в пяти дворах. Александр Васильевич Суворов унаследовал эти земли после кончины своего отца (1775 г.), но впервые посетил их зимой 1784 года, спустя свыше ста лет после описываемых событий, и, обьехав свои владения,

сделал вывод, «что здесь должно быть летом наиболее веселее всех моих деревень». Поэтому он предпочёл Каменке, куда выезжал во время ссылки, село Кончанское. Это село получило приставку Суворовское в связи со 150-летней годовщиной смерти полководца в 1950 году.

Много воды утекло...

Мало кто помнит о том,

Как возникло село

В этом месте глухом.

И всё же, хотя и редко,

Нет-нет да мелькнёт порой

Бабка моя, карелка,

Карел — мой прадед родной...

Так поэтически изложил историю Кончанского Виктор Викторович Кондратьев. Однако подробности возникновения села мы смогли узнать благодаря приобретённому экспонату и титаническому труду Валентины Павловны по расшивке текста книги на 907 страницах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НГОМЗ КП № 31807. С. 321.

² Там же. С. 323–324.

³ Там же. С. 428.

⁴ Там же. С. 445–447.

⁵ Там же. С. 466.

⁶ Там же. С. 429.

⁷ Там же. С. 21–22.

Коренная старообрядка, дочь уставщика из г. Ржева Тверской обл. (р. 1935), Ирина Фёдоровна Шарова уже не одно десятилетие живёт в Великом Новгороде. Детство же её прошло на родине, в том числе в годы Великой Отечественной войны. Она пережила, без преувеличения, почти все ужасы того времени: жизнь в городе (точнее, в том, что от него оставалось) на линии фронта, оккупацию, голод и иные лишения. Как и прочие оставшиеся в живых жители Ржева, 1 марта 1943 г. она (а также её родители и другие члены семьи) была загнана захватчиками в здание Покровского старообрядческого храма. Его нацисты намеревались перед своим бегством из города взорвать вместе с людьми. Но по милости Божией этого не произошло: подоспели наши солдаты. Однако до того двое суток ржевляне провели в запертой снаружи церкви без пищи и воды, в ожидании скорой и, казалось, неминуемой смерти. А также в усердной молитве. Которая была услышана. Сегодня уже почти нет живых участников той драмы. Ирина Фёдоровна похоронила недавно двух последних сестёр, осталась одна из большой некогда семьи. Грамотная клирошанка: не зря родители и ржевская община учили в детстве. Приходит в храм каждую службу. Зачастую мы молимся просто вдвоём. Ещё и казначей, и просфиров печёт... Теперь же, в год 70-летия начала Великой Отечественной, делится своими воспоминаниями, знакомство с которыми, убеждён, будет небесполезным для читателей «Чела». Дай ей, Господи, здоровья и долголетия!

Священник Александр Панкратов,
настоятель Общины Русской Православной
Старообрядческой Церкви,
г. Великий Новгород

И.Ф. Шарова

С ВЕРОЙ СКВОЗЬ УЖАС ВОЙНЫ

Из воспоминаний детства и юности

Я, Шарова (девичья фамилия — Кузьмина) Ирина Фёдоровна, родилась в старообрядческой семье в городе Ржеве Тверской области. Дедушку (по отцовской линии) звали Матвеем, а прадедушку Прохором и почему-то всех нас, детей, называли «Прохорычи». Жили мы на улице Зубцовской (ныне Гагарина). Семья была большая: три брата и четыре сестры, старшему брату было 16 лет, а младший только родился перед войной, старшей сестре — 14, а младшей — 4 года.

Все мы ходили молиться в храм Архангела Михаила, находившийся по правую сторону от ныне действующей церкви Покрова Пресвятой Богородицы, примерно в двух кварталах той же улицы, но по другую сторону.

Отец мой служил уставщиком в этом храме. Мама моя, Анна Григорьевна Кузьмина (девичья — Бурецкая), работала счетоводом-кассиром в фельдшерско-акушерской школе.

Наступил 1941 год, в апреле родился брат, а в июне началась война. Война — это что-то ужасное. С нею связаны самые тяжёлые воспоминания детства — голод,

Общий вид Покровского старообрядческого храма г. Ржев, фото 2006 г.

разруха, холод. Все эти «чудовища» в годы грозной войны искалечили наше детство.

Эвакуироваться нам не удалось, пришлось остаться в осаждённом городе. Мы с младшей, а иногда со старшей сёстрами, ходили к бабушке прятаться в каменном погребе. И вот, как сейчас помню, как где загудят самолёты с бомбами, бежим, пригибаясь к земле. Когда оставались дома, то при бомбёжках часть семьи пряталась в погребе, а часть — в окопе, вырытом в огороде. Как ночью начинают бомбить город, забираем свои узелки и бежим в окоп, кругом сверкают огни, бьют зенитки, всё небо «горит», летят, свистят снаряды, кругом всё грохочет, жужжат пули. Утром встаём — полквартала нет, одни щепки и рухлядь остались от домов, кое-где пепелища с огнём. В одном месте раненые, в другом — убитые, соседний дом слева был разрушен, но дедка из него остался жив, сидя на стуле возле печи. Балки деревянные треугольником закрыли его, потом старшие помогли ему выбраться.

Пришли немцы, они грабили сохранившееся добро,

ходили по уцелевшим домам, забирали хорошие вещи, всё из продуктов. Есть стало нечего. 14-летняя сестра и 12-летний брат несколько раз в неделю отправлялись в ближайшие деревни с мешочками имевшихся вещей, за кусками или корками хлеба и картофелем. Когда они приносили что-нибудь, это было большим лакомством.

Все мы переболели тифом. Когда мать немножко поправилась, стала ходить на базар: что-нибудь из вещей продаст за несколько марок, на это купит ведёрко картофельных очисток и напечёт лепёшек вместе с травой. В феврале 1942 г. умерла бабушка, мать отца, в мае — вторая бабушка. Зимой умерла двоюродная сестра, ей был год с небольшим, жила она у нас. Мать её вместе с пятилетним сыном пошла в деревню с сестрой моего отца, но их сбила немецкая машина, мальчика — насмерть. У папиной сестры, тёти Оли, умер муж, и она с двумя детьми пришла жить к нам, была очень больная. Больных тифом в это время увозили в больницу д. Чачкино, там немцы обещали «лечить» и «кормить» больных. Дети тёти Оли уговорили её и сами решили ехать туда, даже звали нашего отца, но он сказал: «Умру на своей печке, но никуда не поеду». Прошло немного времени, и дети её вернулись, стучат к нам, все в снегу, обмороженные: «Пустите к себе, дайте свекольной лепёшечки, мы уже четыре дня крошки в рот не брали, еле добрались». Они рассказали, что там, где они были, много не кормят, возят умирать людей. Кто в состоянии, есть чем оплатить, просят за большую плату хлебом отвезти их домой, другие не возвращаются оттуда. Немцы делали своё «дело». Почти каждый день приходили выгонять на работу или спрашивали еды, избивали старших.

Одно время квартировали у нас немцы, один пристал к маме, бегая с наганом: «Твои щенята съели мой суп с мясом. Перестреляю всех, поставьте суп», — который он сам в обед и съел. Подобный случай был с котлетами. Он даже имел обыкновение появиться с каким-нибудь лакомством в зубах или руках и подразнить детей. Придёт, обшарит все углы, шкафы и столы, нет ли где чего вкусного. Потом рассказывает, как немцы издеваются над русскими пленными и даже детьми, и хохочет. Рассказывал, как недавно заморозил полную машину детей, поливал их водой из шланга на морозе. Ему доставляло большое удовольствие рассказывать о таких зверствах. Потом уже, когда у нас не стояли дома немцы, часто в поздние часы они наведывались. Стучат, — дрожим, не открываем, ломают дверь, — приходится открывать, чтобы не сломали другую, и уже под дулом пистолета что-нибудь придумывали, почему не открывали.

Несколько раз пытались отправить нас в Германию, но, глядя на слёзы матери и ватагу маленьких ребят, каким-то чудом, мысленными молитвами матери, с Божьей помощью возвращали домой.

Но, увы, очень жестоко поступили немцы с оставшимся в городе населением, когда отступали из города. Выгнали всех из домов кто в чём был. Эта кара не минула и нашу семью. Не знали мы, что никогда не вернёмся в этот высокий, тёплый и красивый дом. Он один оста-

вался невредимым на два-три квартала. Всё население города, порядка двухсот человек, немцы заперли в церковь, которую предварительно заминировали. На второй день вечером, в 23 часа, смотрели старшие дети семьи в окно, забравшись на лестницу, видели большое зарево, как впоследствии узнали — это горел наш дом, шесть часов не достоял до прихода наших.

Утром, в пять часов слышали, кто-то гремит цепями, думали, наверное, немцы чего-нибудь сотворить хотят. Какова же была радость на всех лицах, когда увидели своих русских армейцев. Это они нам открыли двери свободы! Немцы очень быстро отступали, не успели взорвать церковь, не совершилось задуманное фашистами, потому что мы находились в храме под Покровом Пресвятой Богородицы, и Бог спас нас от намеченной

И.Ф. Шарова во время первого молебна новгородских старообрядцев в ц. св. Димитрия Солунского, 8 ноября 2010 г.

гибели! Это было 3 марта 1943 года — день освобождения нашего города от немецко-фашистских захватчиков.

Двое суток во рту ничего не было. Ноги слабо двигались, но уверенно. Мама, так же, как и все, была полна надежды отогреться в родном доме и накормить чем-нибудь своих детишек. Но каковы были негодование и ужас на лицах семьи, когда в двух кварталах от дома мы увидели на его месте пепелище, которое заволакивал слабый дымок. Мама упала без чувств. «Куда пойти, где найти пристанище семье в десять человек», — подумала она, очнувшись. Решили пойти в сохранившийся дом сваты. Но в этом доме через два дня разместилась комендатура города, и нас попросили переселиться куда-нибудь. Нашли другое пристанище, у соседей по прозвищу «Бурога». Прожили там немного, приехал хозяин без ноги с фронта, сёстры его собрались, да ещё кроме нас одна семья жила. Хозяин стал тревожить с освобождением дома. Куда деваться?

Стали собирать кирпич, думали поставить временку. Собрали фундамент и ещё 60 см выше фундамента, — сил не хватало и кирпича нет! Собирали плохие

брёвна, где что было, часть досок дали отцу по месту работы. Кое-как в 1944 году построили избушку и переселились в свой угол.

В этом же году я пошла учиться в школу. Мне с детства очень хотелось быть учительницей.

Наступил 1945 год. Все стали поговаривать об окончании войны. В ожидании прошло два месяца весны. Отпраздновали первое и второе мая, и вот наступил долгожданный день — окончание войны, 9 мая. В этот день только и звучали два слова: победа, мир! Был солнечный, жаркий день, ребяташки бежали в школу в лучшем своём наряде, но в этот день не учились. На улицах гуляли весёлые толпы людей с радостными лицами.

Но эхо войны ещё давало о себе знать, то в одном месте города, то в другом слышались взрывы. И на реке Волге были воронки — следы войны. В июне 1946 года мы потеряли 21-летнего брата, он утонул, попав в глубокую воронку, из которой не смог выплыть.

Это оказалась не последняя утрата, связанная с войной. Осенью 1951 года, 8 ноября, в день великомученика Димитрия Солунского, после службы и завтрака младший брат Гера очень просился на улицу погулять. Отец заставил его учить уроки и прочитал кафизму из Псалтыри, потом отпустил его. Как раз старушка постучала в окно, просила милостыню. Герик схватил кусок хлеба и сказал: «Мама, дай я подам». Накинул пальто, шапку и бегом на улицу и больше домой не вернулся.

На улице его встретил 15-летний сосед, позвал прогуляться на реку Лочу. Там сосед разрыжал снаряд (не знаем, откуда его взял), наш Герик стоял недалеко от него и смотрел. Снаряд взорвался, нашему осколок попал в сонную артерию, он побежал, два осколка попали в ножки, он упал, но, по рассказам, продолжал ползти. Кто и как вызвал «скорую», не знаю. Но говорят, когда их подобрали, они были в сознании. Другому повредило ногу, несколько пальцев оторвало на руке и два зуба выбило. Когда везли на скорой помощи, наш кричал: «Скажите моей мамочке — я ничего не брал». Сказал адрес и чей он и ещё просил: «Скорее вытасщите осколки, я жить хочу». Был жив три-четыре часа. За этот период все члены нашей семьи не находили себе места, думали, куда он пропал. Но узнали о случившемся только вечером.

Эта тяжёлая утрата, следы войны шесть с половиной лет спустя, сильно отразилась на всей семье. Трудно

сказать, сколько седых волос прибавилось у родителей. Вся горечь случившегося не передать словами. Комок и сейчас подступает к горлу, когда всё это вспоминаешь. Отец три дня ничего не ел, ведь сынишка этот десятилетний никак не звал его кроме как «папочка, мой миленький папунчик». Так закончилась война. Для нас уже в ноябре 1951 года.

Храм, в который ходила наша семья, был полностью разрушен. Ещё во время войны на все праздники службу отец совершал дома, к нам приходили знакомые старообрядцы молиться, а потом стали ходить в храм Покрова Пресвятой Богородицы.

Окончила седьмой класс, взяла свидетельство и навсегда ушла из школы. У самой старшей сестры летом 1950 г. была свадьба, седьмого августа отметили именины средней сестры Ани. 8 августа я решила сходить в Ржевский техникум.

Заявление сразу же приняли, на другой день пошла сдавать экзамены, всё сдала на пятёрки. Зачислили на отделение электриков. В 1954 году успешно защитила диплом и была направлена на работу в Великий Новгород, где живу по настоящее время.

Отец, провожая на работу, сказал: «В Новгороде было очень много старообрядцев, там найдёшь старообрядческую церковь». Хотя сам в Новгороде никогда не был. Он умер 31 декабря 1966 года, а мать

15 июня 1972 года.

Прошло более сорока лет... И вот, слава Богу, в нынешнем 2011-м будет уже десять лет, как молюсь и помогаю в службе настоятелю отцу Александру в храме св. славного апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Мы с младшей сестрой помогали отцу в службе читать и петь, когда он находился на работе, сторожем на железной дороге: доверял он мне помолиться полунощницу, часы и канон. На исповедь и причастие возил отец нас в Подмоскovie, в Чулково и Любницы. Когда служил протоиерей Лазарь в храме Покрова Пресвятой Богородицы, все — сёстры, брат и я с мужем — венчались в этом храме, дети наши крещёные тоже здесь.

Ещё в юности и иногда по приезду в отпуск на правом клиросе пела и читала. Слава Богу! Долголетия всем служащим Ему, сохранения храма сего на многие века! Аминь.

*Храм св. Иоанна
Богослова на Витке*

Марат Михайлович Верхоланцев

Когда верстался этот выпуск альманаха, автора настоящей статьи не стало. М.М. Верхоланцев скончался 6 июня на 80-м году жизни.

Трудно говорить о Марате Михайловиче в прошедшем времени. Несмотря на свои 79 лет, он весь был порыв и движение. И в последний год жизни он не представлял себя без велосипеда, лыж, коньков и даже водных лыж. Марат Михайлович был неординарной личностью, и в Весьегонске его знали все от мала до велика.

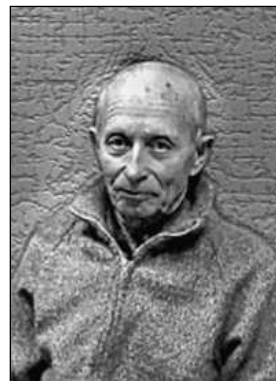
У этого человека была нелёгкая судьба. Он был сыном героя Гражданской войны, командира легендарной 25-й Чапаевской дивизии комбрига М.О. Зюка, арестованного и расстрелянного в 1937 году. Семья «врага народа» (жена и два сына, старший — 5-летний Марат) с лихвой испытала всё «полагавшееся» в подобных случаях: ссылку из столицы в захолустный Весьегонск, голод, холод, бытовую неустроенность, унижительную подозрительность властей, отчуждение многих соседей. С 1938 г. и до последнего вздоха жизнь Марата Михайловича, как и его матери, была связана с Весьегонском. Здесь он окончил среднюю школу, отсюда уехал учиться в Калининский пединститут и сюда вернулся в качестве учителя географии.

Маратом Михайловичем собран и лишь частично опубликован богатейший краеведческий материал по истории Весьегонска, истории коренных весьегонских фамилий, более 70 фотоальбомов. Он был щедрым человеком, его изыскания были открыты для всех весьегонских краеведов, всех желающих их увидеть. Вероятно, предчувствуя скорую кончину, Марат Михайлович передал в районную библиотеку несколько аккуратно сброшюрованных папок со своими воспоминаниями и мыслями о прошлом и настоящем Весьегонска. В них, как и в жизни, автор остался честным человеком перед собою, людьми и временем.

Марат Михайлович был бескомпромиссным человеком и не считал для себя возможным «прогибаться» под изменчивый мир. Его увольняли, восстанавливали, переводили из одной школы в другую. Главное, чего не могли простить власти — его нравственного и интеллектуального превосходства над ними.

Марат Михайлович был человеком энциклопедических знаний и феноменальной памяти. Он мог, оперируя множеством фактов, дат, имён, ответить, казалось, на любой вопрос по истории, литературе, искусству. К таким как он относятся слова Д.С. Лихачёва: «Хранить память о других — это оставлять добрую память о себе».

Геннадий Ларин

М.М. Верхоланцев

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ТАЛАНТ, ИЛИ ПОВЕСТЬ О РАСЦВЕТАЕВЕ

Вдалёком углу Тверской губернии затерялся маленький купеческий городок Весьегонск. До него, как говорилось, «три года скачи — не доскачешь». Городок обошли и железные дороги, и бури начала двадцатого века. Река Молога, густые сосновые леса, провинциальная жизнь, мещанство... Но жил в Весьегонске человек, совсем не похожий на других.

Борис Андреевич Расцветаев — один из самых оригинальных жителей Весьегонска. Вряд ли когда-нибудь в городе нашем жил подобный подвижник и бесребренник, к тому же увлечённый искусством и литературой. Философ и эссеист, художник-примитивист, музыкант и спортсмен, он являл в своей личности признаки гения. Жизнь его была полна лишений, за работу ему платили копейки.

Чужой по духу, он был страшно одинок в нашем городе, хотя всегда был приветлив и общителен со знакомыми. Люди считали его чудаком, некоторые — даже сумасшедшим, хотя тот, кто его хорошо знал, удивлялся трезвости его мышления. Очевидно, он опередил время и пришёл к нам из другого века.

РОДИТЕЛИ БОРИСА РАСЦВЕТАЕВА

Отец Бориса Андреевича — Андрей Григорьевич, вышел из крестьян Касимовского уезда (теперь Рязанская область). Как я думаю, крестьяне эти были зажиточные и занимались каким-нибудь промыслом. Детям старались дать образование. Сохранился снимок. На нём изображён дед Бориса Андреевича, вероятно, во время службы в армии.

Надпись на обороте фотоснимка гласит: «Дорогая мамаша, посылаю тебе свою карточку на память. Любящий тебя сын Гриша Расцветаев. 26 ноября 1877 года». Больше о деде Бориса Андреевича я ничего не знаю, не догадался вовремя спросить. А отец Бориса, Андрей Григорьевич, закончил Тверскую учи-

тельскую семинарию.

Андрей Григорьевич, отец нашего замечательного земляка, был сам по себе очень интересным человеком, и именно память об отце носил в своём сердце Борис Андреевич до самой своей смерти, точность и честность, именно отцовские таланты заставляли Бориса всё время совершенствовать себя. Андрей Григорьевич был прекрасным математиком и чертёжником, хорошо рисовал, играл на музыкальных инструментах. Кроме того, у него были, как принято говорить, хорошие руки, он работал на токарном станке,

Андрей Григорьевич Расцветаев, его сын, жена и свояченица. Тверь, 1906 г.

слесарничал. Знал и физику, проводил первые в Весьегонске опыты с электричеством. Он был и фотографом, большая часть снимков, помещённых в этой работе, сделана им. Надолго запомнился спектакль «Ермак, покоритель Сибири», поставленный силами учащихся училища. Учитель рисования Андрей Григорьевич Расцветаев написал замечательные декорации, писал он их прямо в рекреационном зале училища, на полу. Ночной вид величавого Иртыша, интерьеры царских палат и боярских хором, подземные застенки и т.п. Учитель физики подготовил световые эффекты: сияющая луна над Иртышом, горящий костёр дружинников на берегу реки, светящиеся окна в хоромы. Бутафорию: старинную посуду, холодное оружие, жёсткие доспехи воинов выделяли из дерева и картона, золотили, серебрили, а занимались этим десятка два учеников под руководством А.Г. Расцветаева. Квартира инспектора училища превратилась в настоящую швейную мастерскую — надо было заготовить много старинных русских костюмов для статистов в массовых сценах. Колленкору и зяби было израсходовано сотни аршин. Шили весьма добросовестно, с обязательной примеркой около трёх раз. Словом, всё училище было охвачено рвением, все хотели поставить спектакль как можно лучше. Многие десятки репетиций, генеральная репетиция, а на другой день спектакль. Шумовое оформление на спектакле было поручено местному охотнику, за плотно закрытыми дверями стреляли тоже. А в углу поставили верзилу-второгодника, дав ему в руки пугач и целую кучу взрывчатых пробок. Костёр на берегу ночного Иртыша разгорается и снова гаснет, в кучу дров заложили красную цветную бумагу и спрятали там несколько электрических лампочек, провода протянули за сцену, один из учеников принялся крутить

динамо-машину то быстрее, то медленнее. Луна в отверстие декорации светилась тоже электрическая. В те далёкие времена об электричестве в Весьегонске не помышляли, а тут учитель физики показывал электрический свет с театральной сцены. В 1916 году электролампочка засветилась в кинематографе предпринимателя Родина.

Мать Бориса Андреевича вышла из тверской чиновничьей семьи. Отдыхала эта семья в деревне Протасово под Тверью, там не раз бывал и Борис. Мать Бориса, как часто бывало в те времена, не получила специального образования. Была доброй и любящей женой и матерью, но очень неприспособленной к тем испытаниям, которые ожидали вскоре все слои русского общества. В начале двадцатого века семья жила на станции Кой, где и родился 18 августа 1904 года их единственный сын Борис. Вскоре после рождения сына Расцветаевы переехали в Весьегонск, где Андрей Григорьевич получил место учителя в Городском училище.

ДЕТСТВО БОРИСА

Как устроились Расцветаевы в Весьегонске? Небольшая горница, скромная обстановка. Денег хватало на питание, одежду, на поездки к родным. Но ни хорошей мебели, ни излишеств в еде позволить себе не могли. Это была прекрасная семья, где все любили друг друга, где все работали. Вот это отчасти объясняет феномен Бориса Расцветаева, феномен, который нас всех удивлял. Борис Андреевич до конца жизни не мог понять людскую корысть, людскую злость — в детстве он ничего такого не видел. Бориса очень баловали. Отец знал лишь работу и семью.

Расцветаевы поселились в доме дядьки Кудрявцева. Он держал почтовых лошадей, и не раз семья Расцветаевых ездила на этих лошадях в Красный Холм, а там уже садилась на поезд. Рядом с воротами вывеска, на ней значится: «Весьегонская конно-почтовая станция». Заглянем внутрь. Большой малоопрятный двор. В середине он выложен брёвнами, уложенными поперёк. Вся остальная территория проходима только в жаркие, сухие месяцы, в остальное же время здесь густое месиво жирной чёрной массы перегноя. По сторонам конюшни. В них стоят безответные работяги: Карьки, Борьки, Пегашки. Всего 25 голов. Они делятся на выездных и рабочих. Хозяин — Павел Матвеевич Кудрявцев, он числится дядьком в Троицкой церкви. Однако, кто не знает, что он ворочает тысячами, держит в руках целое предприятие. Под началом Кудрявцева стояли экипажи всевозможных систем, начиная от навозной телеги и кончая пролёткой, а также сани различного вида — от розвальней до крытого возка. У Кудрявцева нанимали лошадей с ямщиками и отправлялись

Андрей Григорьевич Расцветаев, отец Бориса

по любому направлению. Сейчас такое учреждение назвали бы «транспортной конторой». С бубенцами, с «шаркунами» ямщики везли в Красный Холм, Череповец, Устюжну. Мой отец, живший, кстати, у Кудрявцева на квартире, отправлялся на зимние каникулы в Тверь, к родственникам жены, брал у хозяина парочку коней. К восьми часам вечера к крыльцу дома подавались сани с поднятым верхом. Внутри в изобилии было напихано душистое сено, напоминавшее о лете. В сани усаживался сам учитель, его жена и их малолетний сын. Сам хозяин, покачивая седой бородой, с фонарём в руке провожал их в далёкий зимний путь, заботливо укутывал пологом седоков и предупреждал: «Чтобы Боренька не простудился в дороге, не забывайте ножки ему укрывать. Ну, с Богом! Трогай, Иван!». Сразу всё приходит в движение: и лошади, и сани, и улица Спасская. Быстро, легко несутся огоньки в домах. Дом Верескова... трактир. Перекрёсток Спасской — Бежецкой... Ясный фонарь... Ещё полминуты — и выезд из города. Дальше — зимняя темень. Холодные звёзды в бездонной вышине. Ещё верста — вторая, а дальше сплошные, чёрные, как уголь, леса.

Хорошо всё-таки, ах, как хорошо прокатиться на лошадке в уютной кибитке, на сене, угнездившись между мамой и папой. Хорошо слушать однообразную симфонию звуков: скрип полозьев, мерный шаг лошадей, звон бубенцов, да ещё однообразный голос ямщика.

Лошади бегут быстрее. Сплошные леса оканчиваются. Иван Дорофеевич сидит молча, слегка пошевеливая вожжами. «Какая это деревня?» — «Подлесное». Глубокой ночью лошади останавливаются. Последний раз звякают шаркуны. Вскрапнули лошади. «Иван-Гора», — сказал ямщик, прыгивая с облучка. — Лошадей покормим, сами чайку попьём, соснём часика два, и дальше». Мальчик спит, жена учителя зевает, только глава семейства поддерживает разговор с Иваном Дорофеевичем. Учитель угощает собеседника папироской.

На этом расстанемся с нашими путешественниками и пожелаем им доброго пути до Красного Холма, где они сядут на поезд. Вернёмся ко двору дьячка Кудрявцева.

Да, большой двор был у Павла Матвеевича, да и тот, чувствовалось, тесен становился. Дело у него шло в гору. По вечерам окно его комнаты долго светилось. Всё считал хозяин, да подсчитывал. Ведь у него, кроме «дела», имелось обширное натуральное хозяйство. За городом владел он большими земельными наделами с постройками. Сеял овёс, рожь, жито. Держал скот — коров, овец, свиней, массу птицы. Имел огороды, покосы. За домом — сад, где росли яблони и вишни. Двор его жил шумной жизнью. Из ямской избы на кухню взад-вперёд ходили мужики, подпоясанные красными кушаками, носили на плечах ушаты с водой, таскали мешки. Бежали бабы с вёдрами, кормили птицу, шлялись откормленные свиньи, плюхались в жирную грязь. Гогочут гуси, крикают утки, заливаются петухи. Из конюшни доносится ржание и топот копыт. Выводят

Буланку, убирают Белку. Вечно запрягают, выпрягают. Чинят телеги. Вот мужичок, подставив дугу в качестве опоры, ловко действует колом, приподнимает телегу, снимает одно колесо. В другом месте на земле лежит только что вытесанная ось, в ней надо сделать дырку для шкворня. Из ямской выбегает человек с клещами в руках. В клещах зажат раскалённый шкворень. В другом углу палат и раздвигают убитую свинью. Сбегают все кошки с улицы.

Летом, когда жарко, вечером на дворе расставляют два стола, приносят скамьи. На весь двор распространяется запах щей. Потом едят кашу и ставят большие артельные котлы с творогом, залитым молоком. По пятницам был заведён обычай принимать нищих. Ватага оборванных людей, предводительствуемых Пашей-Шукой (сущей старой ведьмой), входила в ворота. Их кормили, давали хлеба на дорогу и какие-нибудь тряпки. Выходя из ворот, они вслух, не стесняясь, хвалили или бранили хозяев.

Часто Расцветаевы плавали на пароходах. Впоследствии пароходы стали

*Елена Николаевна, Борис, Андрей Григорьевич.
Январь 1914 г.*

одной из главных тем литературных и художественных произведений Бориса Андреевича. «Идя на Рыбинск, пароход срезал маршруты во многих местах, под Перемутком, по Иловней, под Часковым. Вот восторженный мальчик вырвался от родителей из каюты первого класса. В его уме возникает образ Марка Твена, может, это стоит он, лихой матрос с усиками, и меряет глубину. Уже вечером, когда солнце осветило белоснежный пароход розовым светом, показался город Молога. Стало совсем тихо, слышно было только, как работают колёса. А, кажется, можно петь под этот шум: „Штурман, дальше от комода, штурман, чашки разобьёшь...“». В детстве Борис не только рассматривал учебники, изучал чертежи, приборы, узлы неизвестных машин, но и перечерчивал их в свои альбомы и сам фантазировал, изобретая новые. Он много читал, слушал музыку, рисовал. Часто вместе с отцом и матерью бродил по прекрасным окрестностям Весьегонска. Летом он ездил в Протасово, где его встречали любящие родные матери. Он рос очень добрым ребёнком, тоже никак не подготовленным к испытаниям жестокого революционного, послереволюционного и другого времени, название которого ещё не придумано. Началась революция. Андрей Григорьевич продолжал работать в училище. Он учил ребят труду, черчению. После уроков вёл хоровой кружок, играя на своей любимой фисгармонии, которую потом Борис хранил до самой смерти.

В голодном 1920 году Андрей Григорьевич умер от горловой чахотки. Для семьи это был тяжёлый удар. Борис с матерью поехали в Тверь, где умер отец. Путешествие в поезде в эти страшные для Бориса дни произвело на него неизгладимое впечатление. Бегущие столбы, искры из трубы паровоза, зловещий закат над лесом запомнились ему на всю жизнь. Именно эта поездка стала рубежом в жизни Бориса, после неё он стал другим, серьёзным человеком, каким и остался до конца жизни.

НАДО БЫЛО КОРМИТЬ МАТЬ

Борис окончил школу, но не мог поехать учиться. Денег на учёбу не было, да и надо было кормить мать, которая работать не могла. Это определило всю его жизнь — он не получил образования и остался навсегда в Вёсьегонске, который не любил. Работать Борису пришлось в разных местах. Он проводил телефонную связь по уезду, работал на лесозаготовках, ходил на пароходе. Везде получал гроши, а работать приходилось тяжело.

В Вёсьегонске после революции была построена железная дорога, запустили электростанцию. Доставили по железной дороге котёл с большими трудностями, а ещё большие усилия понадобились, чтобы перевезти его от железной дороги до электростанции. Был объявлен субботник. Духовой оркестр играл марш, а сотни ног, тяжело топая, увязая в грязи с песком, дотащили до города Его Величество котёл — Вилькокс 1-й. Работая кочегаром на электростанции, Борис Андреевич относился к своим обязанностям с величайшим тщанием. Смущённый некоторыми несовершенствами любимой машины Вилькокс 1-й, он рисовал в уме образ некой идеальной электростанции будущего. Потом он описал эти машины в своих фантастических романах. Товарищи по работе (как когда-то школьные сверстники) не могли не заметить странностей Бориса. Состоялся разговор, который задел Расцветаева, позднее он упоминал его в своих мемуарах.

— Чудной он какой-то, однако, парень! — дожевывая хлеб, сказал Лукин. — Учителев сынок, вон в этой гимназии учился.

— Дак чего же он здесь болтаётся?

— Говорил мне, что на практике хочет проверить, что в учебниках написано.

В это время Борис начинает вести дневник, который не похож на те, что обычно ведут молодые люди. Понимая, что он лишён возможности получить систематическое образование в техникуме или в институте, Борис составляет для себя программу самообразования. Он заставляет себя заниматься математикой, читать книги по истории искусства, беллетристику. Учится играть на фисгармонии. Позднее он научится играть и на рояле, и на баяне, и на струнных инструментах. В то же время, желая стать всесторонне развитой личностью, он заставляет себя заниматься физкультурой, акробатикой, жонглированием. Юношеская романтика не была понята ровесниками, и уже в то время на Бориса поглядывали насмешливо.

В тридцатых годах Борису удаётся устроиться преподавателем черчения и рисования в Вёсьегонское педучилище. Он продолжает работать в Клубе, рисовать афиши для кинотеатра. Жалкая зарплата всё ж кормила троих — к тому времени у Бориса уже есть жена Мария. Жизнь, кажется, налаживалась. Борис Андреевич продолжал

заниматься физкультурой, ходил в кино, гулял по городу с женой, летом загорал на пляже. И рисовал свои картины, писал фантастические романы, вёл подробный дневник.

Вероятно, в эти годы Борис примирился с городом.

Общественная деятельность, обилие работы, прекрасные окрестности города — всё внушало уверенность в себе. Дома Бориса любили, он чувствовал себя кормильцем семьи. Отсутствие хорошей одежды его не беспокоило, у него была футболка, сатиновые трусы, матерчатые тапочки. Ведь и все в городе были плохо одеты.

Товарищем Бориса в те годы был сын квартирного хозяина — Николай Сальников. Знаком он был и с врачом Иваном Афанасьевичем Костромовым.

Поездки на тушение лесного пожара, открытие парашютной вышки — всё это отражено в дневниках Бориса Андреевича. Не отражалась там лишь политическая жизнь страны. Слишком умён был автор дневника — он не хотел делать выводов из того, что не понимал. Да и писать в дневнике о политике было опасно, шли тридцатые годы.

Михаил Косиков, его жена, Софья Афанасьева, Мария Иванова и другие. 1936 год

БОРИС РАСЦВЕТАЕВ — КОМСОМОЛЕЦ

Несмотря на кажущуюся необщительность, Расцветаев всегда тянулся к общественной деятельности и, конечно, делал для общества и комсомола гораздо больше, чем другие комсомольцы, многие из которых занимались «политической» работой, то есть болтовнёй и составлением пустых проектов. В 1936 году на Расцветаева обратил внимание Михаил Косиков, дельный секретарь райкома комсомола. Расцветаев много сделал для райкома плакатов, стендов, а для районной газеты нарезал на линолеуме рисунки. Любил он посещать и спортклуб, который был открыт Косиковым и Машей Ивановой, но просуществовал недолго. Каково же было разочарование Расцветаева, когда он однажды нашёл помещение спортклуба закрытым на замок! Комсомольцы уже привыкли к эфемерности своей работы, но серьёзному Расцветаеву закрытие клуба было непонятно.

ИЗ ДНЕВНИКА БОРИСА АНДРЕЕВИЧА

О затоплении города

С некоторых пор у нас в Вёсьегонске стали циркулировать слухи о том, что город будут переносить на другое место, ввиду поднятия уровня Мологи. Впервые об этом я услышал от Е.Н. Сальникова, он сказал, что вода поднимется на десять метров. Затем я долго ничего об этом не слышал, и только начиная с этой весны обыватели заволновались и зашумели. Появилась версия, что город затоплять не будут, а возведут дамбу. Но куда дойдёт вода: до дома Горской, до кинотеатра, до дома Соболевых? Всё это маловероятно. Ведь построили же парашютную вышку. Её не стали бы строить, если было бы известно, что и

Соколиху зальёт вода. Но куда же будет перенесён город? К вокзалу? К Баранову?

Вспоминается, кстати, половодье этого года. Горсовет издал распоряжение — мобилизовать все лодки, а электростанцию перевести на работу в течение всей ночи. Но это распоряжение выполнено не было: наша доблестная электростанция сломалась вообще, и света не было, и кино не было. А вода тем временем затопляла город. К 1 мая тихие окраинные улицы города превратились в Венецию. По спокойной вечерней воде скользят лодки, развозя терпящих бедствие. Горсад затоплен, спинки лавочек торчат из воды. На пристани зато оживление, там пароходы, баржи, громадный недостроенный дебаркадер...

Первого мая с утра на улицах суматоха, собираются люди со своих учреждений. Школьные колонны выделяются оформлением, школьники с копьями, винтовками, ракетками, мячами. Физкультурники в майках и трусах, пионерки в национальных костюмах. Демонстранты прошли по улицам, не затопленным водой. На стадионе Челюскинцев был короткий митинг. Вечером по всем учреждениям и организациям пьяный разгул на профсоюзные средства...

О жаре летом 1936 года.

О тушении лесных пожаров

Нынче стояла необыкновенная жара и засуха, в течение месяца не выпало с неба ни одной капли. Мне как-то бросилась в глаза высушенная солнцем трава... Она хрустит под ногами, порыхтела или даже побелела. Барометр и не думает понижаться. Подряд три дня после захода солнца поднимается ветер, крутя пыль... Деревья тревожно шумят, как перед дождём... Ночь, однако, проходит спокойно, а на другое утро опять безоблачное небо и жара. Горизонт потерял видимость: раскалённый воздух насыщен пылью и гарью пожаров. Горят леса, горят торфяные болота...

6 августа. В этот день купались и загорали на Курмыше, по моему приблизительному подсчёту, не менее 500 человек...

10 августа... Горсовет организовал тушение лесных пожаров. Не помню точно: 3-го или 4-го августа, когда я делал красивую рекламу на кинокартину «Цирк», поднялся сухой, горячий ветер, небо сделалось жёлтым, краски на картине вдруг изменились. Над городом нёсся зловеющий ураган лесного дыма и тучи пыли, страшное явление продолжалось полчаса. Вслед за этим тревожный голос по радио призвал население к 7 часам вечера прибыть к горсовету с лопатами и топорами. К горсовету подъехало несколько грузовиков, на один из них мы и сели. За Пленницей лесник дал нам задание копать канавы. Утром нас отвезли домой, а вечером мы добровольно опять поехали копать канавы. Подул ветер, дышать в дыму было трудно. Тушением пожара руководил Нечаев.

Об открытии парашютной вышки

Подготовка строительства, забивка свай, началась ещё зимой 1936 года. Работал ручной копёр. С весны началась настоящая работа: плотники возводили три бревна, наклонённые внутрь и устраивали горизонтальную площадку. Работа опасная: человек лепится с наружной стороны конструкции на какой-то дощечке, одной рукой прилаживая деталь, а под ногами двадцать метров пустоты. Строительство велось скачкообразно,

говорили — денег нет, одно время совсем заглохло, но в половине августа возобновилось, установили трубы, подъёмник. Наконец, 28 августа настал день торжественного открытия, около вышки собралась огромная толпа, на вышке торчало несколько человек, среди них находился инструктор парашютного дела Михайлов. Открытие задерживалось — устраивали мягкий настил внизу, мальчишки таскали на носилках опилки. Наконец, всё готово, парашют кремового цвета подтянут к самому «выстрелу», Михайлов надевает лямки, бросается вниз, летит сначала свободно, затем верёвки натягиваются, и прыгун плавно касается земли. Играет оркестр. Прыгают ещё несколько парней, из девушек прыгает З. Канарейкина.

РАСЦВЕТАЕВ — ФИЗКУЛЬТУРНИК

Сначала Борис Андреевич бегал на десять километров, затем на двадцать, затем на шестьдесят и, кажется, даже на сто. Бегал он по кругу, не желая привлекать внимание жителей деревень. Он писал в дневнике, что мог бы и дальше бежать, но не было калорийного питания. Да уж, с питанием до войны было плохо. Те, кто слушают стариков, должны помнить, что они приукрашивают рассказы о своей молодости. В Вёсёгонске даже в «благополучные» 1937—1938 годы не было ни чая, ни сахара, редко продавался белый хлеб.

В 1936 году, когда Расцветаев уже ушёл с парохода, ему пришлось заняться оформительством. Фининспекторы стали именовать его в своих листах «кустарь-одиночка без мотора». Зарабатывал он мало, но на жизнь хватало. И вдруг фининспекторы объявляют, что по новому указу налог на кустарей теперь возрастает. Материальное положение семьи становилось всё хуже. Кто-то подарил ведро с капустой. Варили пустые щи с картошкой. Чай пили с морковкой, без сахара. Наконец, удалось устроиться преподавателем рисования.

Но вот в связи со строительством Рыбинского водохранилища город был разрушен, и лишь часть его перенесена на новое место. С этого времени семья Расцветаевых жила в постоянном бедствии, денег не хватало. Культура исчезла из города, перенесли в Красный холм педучилище — услуги Расцветаева оказались ненужными. Он только играл на разбитом рояле на танцах в холодном зале бывшей Троицкой церкви, писал небольшие афиши для кинофикации. Расцветаевы сняли квартиру у Комлевых на улице Горького в так называемом «новом» городе. Приближалась война.

ВОЙНА!

Нельзя обойти вопрос: почему Бориса не взяли на фронт? Теперь, когда война предстаёт перед нами в другом облике, мы можем спокойно сказать, что те, кто уцелели в этой мясорубке, направляемой рукой бездарного главнокомандующего и таких же генералов — вовсе не трусы и не дезертиры. Умолчание в таком случае — есть ложь. Борису Андреевичу помогло то, что он считался в городе не совсем нормальным, хотя, по моему мнению, в этом сумасшедшем мире почти все являлись ненормальными, а он как раз был разумнее многих. Но факт налицо — призывная комиссия, в которой участвовал И.А. Костромов, признала Расцветаева негодным.

Во время войны в Вёсёгонске в тяжёлом положении оказались как раз немногие люди интеллектуального

труда, к которым принадлежал Расцветаев. Тяжело пере-несли первые же месяцы войны те, кто не имел огорода, коровы, связи с деревней. Расцветаевы заголодали сразу же, они и до войны питались впроголодь. Жалких ста рублей, которые зарабатывал в месяц Борис Андреевич, не хватало и одному на неделю, а тут надо было кормиться троим. Начали собирать грибы, но не хватало их на заготовку впрок — об этом есть высчеты в дневниках Расцветаева. Он пытается высчитать траты, но это обычное заблуждение — если денег нет, расчёты не помогают. Особенно тяжело самому Борису, он мужчина высокого роста, мощного телосложения, ему надо много есть. Он голодает, в записях дневника чувствуется паника, в которую впадает понемногу автор. Вызывают врача, милого Николая Фёдоровича Кудрявцева, родственника Комлевых. Врач прописывает какие-то таблетки. Но Борис зимой 1941—1942 гг. продолжает угасать. В это время он в холодной комнате пишет фантастические романы, составляет план чтения, затем в дневнике даёт отчёт — что прочитал, и какое произвело впечатление. Но вот, кажется, и пришёл конец: Борис пишет, что не может идти в клуб, играть на танцах. Да и танцы из-за холода отменяют.

В дневнике запись: «...Послал Машу на базар, продавать картины. Мужики смеются — зачем нам они? Лучше так подадим. Неужели придётся идти просить милостыню? Жуть какая-то!». Но вот наступил и этот день. Борис и Маша идут пешком в Чамеровщину, в родную деревню Маши. По дороге заходят в дома. Просят подать что-нибудь. Подают скупое, большей частью — картофелину. Наконец, добираются до родных жены. Там встречают неласково, но всё же несколько дней удаётся пожить. На обратном пути Расцветаевы опять собирают подаяние. Так удаётся прожить до весны, а там появляется трава и можно посадить картофель... Войну удаётся пережить. В эти годы нарисованы Борисом Андреевичем десятки прекрасных картин, написаны несколько фантастических романов.

ИЗ ДНЕВНИКА БОРИСА АНДРЕЕВИЧА

8 января 1942 года

Сегодня прошло так, как и вчера. Подрывает моральные основы материальная необеспеченность. Сегодня кончается подсыпка в жидкий суп, завтра кончится роскошь — рыба, а послезавтра — и самая основа, на которой стоит вся наша физическая жизнь — картошка... Ужасно! Где уж тут отвлечённо мыслить, писать фантастические вещи.

Потяпал пни на дрова, они такие жёсткие, упорные. Вечером танцев в клубе не было. Сидел, писал с грехом пополам «Луностат». Несомненно, не сегодня-завтра брошу эту писанину к чертям.

9 января 1942 года

Сегодня толь-в-точь то же, что и вчера. Записывать нечего. Танцев не было. Решил бросить писание «Луностата». Какие мною прочитаны книги за осень-зиму: Гоголь «Тарас Бульба», Салиас «Пугачёвцы», Диккенс «Давид Копперфильд», Флодатто «Путешествие в Дагомею», Геммель «Под огненным дождём», Юнг «Маленький герцог», Джинс «Движение миров».

21 января 1942 года

Прошли Суково, хочется есть. Мария пошла в один из домов попросить милостыню, подали лишь в третьем или четвёртом доме — картофельную лепёшку. В Поцепе зашли в дом погреться, после небольших

переговоров хозяйка дала несколько варёных картофелин, и я проглотил их прямо с кожурой...

2 февраля 1942 года

...Мне понравились прочитанные рассказы Грина. Привожу их разбор. «Алые паруса» (идёт разбор), «Капитан Дюк», «Продавец счастья»...

8 февраля 1942 года

Продовольственное положение сгущается. Картошку, вымененную в деревне, почти съели, кончилась мука для подсыпки, кончились грибы. Ну, что же, в самом деле, делать? Помирать никак не хочется. Прочитал первую часть повести Лескова «Обойдённые»...

...Закончилась война. Началось послевоенное время, такое же голодное. Но Расцветаевы уже приспособились, разводят картофель, собирают грибы. Сам Борис постоянно пишет вывески и афиши для сельпо, для кинотеатра, играет на рояле, сопровождая немые фильмы, играет на танцах.

Как жаль, что я в то время не заходил к нему! Но люди заходили, интересовались его работами. Заходили ученики — Миша Верхоланцев, Женя Малышев; оба стали потом художниками. По-прежнему Расцветаев дружил с Костромовым. Он вообще не чуждался людей, в пятидесятые-семидесятые годы его часто просили сыграть на баяне, гитаре, приглашали выпить. Он не пил вина, но мог пригубить, чтобы не обижать людей. По-прежнему удивлённые весьегонцы видели человека в трусах и майке, бегущего по лесу вдоль Любегощеской дороги. Борис так много работал за столом, что ему необходимо было разгрузить мозг, это он мог сделать, пробежав несколько десятков километров. Ходил он зимой и на лыжах. Вот он бежит по окраине Весьегонска, добегают до доковской столовой, берёт какой-то супчик и кашу. Борис Андреевич, как хочется подойти к тебе, поговорить с тобой, утешить тебя! Поздно!

В пятидесятые годы Бориса Андреевича пригласили работать учителем рисования в школе № 1. Он проработал там несколько лет. Рассказывали, как он чертил невиданные конструкции мелом на доске — всё, что он делал, он делал хорошо и серьёзно. Но ученики современных школ — это не студенты педучилища, дети на уроках доброго учителя баловались. Даже Татьяна Михайловна, пленённая чертежами Бориса Андреевича, предлагала сидеть у него на уроке, чтобы поддерживать дисциплину. Но Борис Андреевич уже не выдержал и покинул школу. Впрочем, скоро он получил пенсию в пределах тридцати-сорока рублей.

Он продолжал выполнять редкие работы по заказу райпотребсоюза и кинотеатра. Над каким-нибудь объявлением Борис Андреевич сидел несколько часов, вычерчивая, размечая. Эти объявления были произведениями искусства — так любовно они были сделаны. За такую работу профессиональные художники брали в то время тридцать-пятьдесят рублей, Борис Андреевич — пять.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ БОРИСА АНДРЕЕВИЧА

Он работал над ними всю свою жизнь. Писал рассказы, повести, романы. Оставил после себя обширные мемуары и постоянно вёл дневник, составивший, в конце концов, сотни страниц. Вот перечень названий некоторых его литературных произведений: «Колоссавр», «Механик

Махов», «Лестница в небо», «Стоэтажный пароход», «Красная комета», «Снежная мгла», «Пацифик», «Луностат». Вот произведение «Стоэтажный пароход» — над ним Борис Андреевич работал в семидесятых годах. Представьте себе пароход, на котором передвигаются сотни тысяч человек. Все эти произведения написаны в стиле двадцатых годов, в стиле Александра Грина. Впрочем, и сам Расцветаев напоминал Грина — и своей жизнью, и своим внешним видом, и своим характером.

Можно ли было напечатать эти произведения? Конечно, можно бы напечатать, именно в те двадцатые годы. А потом писатель должен был совершенствоваться, находиться в интеллигентной среде, оттачивать своё мастерство. Писатель должен иметь опыт, помощь литераторов, редакционных работников. Даже крупные писатели прошли долгий путь исканий, проб, ошибок, прежде чем получили известность.

Есть у Расцветаева и совершенное литературное произведение, в конце семидесятых годов он написал краткие мемуары, описание дореволюционного Вёсьегонска. Часть этих мемуаров была опубликована в районной газете, а потом в альманахе «Вёсьегонск».

«Сказочный корабль у сказочного города»

Роясь в бумагах Бориса Андреевича, иногда я испытывал чувство, что просматриваю архив гения. Есть у Расцветаева работы по механике, по теории чисел. Запомнилась мне его так называемая «Математическая пила».

РАСЦВЕТАЕВ — ФИЛОСОФ

В архиве Расцветаева многие сотни, если не тысячи листов дневниковых и мемуарных записей, трактатов — того, что теперь называют умным словом «эссе». С юности Борис Андреевич понял, что ему не суждена судьба преуспевающего человека, не суждена «карьера», и он углубился в себя. Он очень чётко контролировал свои мысли, в этом ему помогала бумага, он писал каждый день и много.

О чём он думал? Прежде всего о том, что нельзя, как все окружающие, копаться в своём огорошке, на этом заканчивая свою деятельность. Нельзя думать только о хлебе насущном, забывая, что есть природа, есть искусство, есть мечты, есть человечество. Кроме того, Расцветаев очень остро ощутил, что нет возмездия и нет награды — значит, надо работать не для награды. При всём этом Расцветаев был совершенно нерелигиозным человеком.

Думал ли он о признании? Вероятно. Например, ему было очень приятно, когда в семидесятых годах его художественные работы были выставлены среди других, и

когда в восьмидесятых годах в музее был устроен вечер, посвящённый его творчеству. Он писал свои дневники печатными буквами, пометив, что не хочет, чтобы люди разбирали каракули и поэтому пишет чётко. Значит, всё же предполагал, что люди будут читать его дневники.

В бумагах Расцветаева есть мысли о поиске четвёртого измерения, есть и мысли о галактическом происхождении человечества, мысли о космическом предназначении человека.

Есть и целая работа о том, как сохранить своё здоровье, укрепить его. Есть работа об «оздоровительном беге». Он ведь бегал почти до конца жизни, бегал на десятки километров. Такие знакомые с детства места — Пленница, Реня, Бараново, Кесьма — были его вторым домом.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАСЦВЕТАЕВА

Конечно, Борис Андреевич считал себя, прежде всего, художником, да и зарабатывал он на свой скудный обед, держа в руке художественную кисть. На взгляд неподготовленного зрителя, но считающего себя знатоком искусства, художественные работы Расцветаева будут оценены невысоко, тем более, если этот полубразованный зритель узнает, что картины Бориса Андреевича нравились простому народу. Но есть такое понятие «художник-примитивист». Это человек, не получивший никакого художественного образования, даже не вращавшийся в кругах профессиональных художников, но смело рисующий и пишущий красками. Таким был знаменитый Пиросмани, таким был Руссо-таможенник, есть и несколько современных художников-примитивистов, почитаемых в обществе, например, крестьянин Честноков. К сожалению, Борис Андреевич не вошёл в моду, поэтому никому не известен, хотя искусствовед С.В. Ямщиков видел картины Расцветаева и хвалил их. Несколько картин куплены Вёсьегонским музеем, часть — ушли в Москву к журналистке Синицыной и художнику Гейдору, некоторые — разошлись по квартирам простых вёсьегонцев.

Особенность художественных работ Расцветаева — необычайная тщательность отделки, серьёзное отношение к делу. Картины написаны любовно. Выполнены они на бумаге и на картоне — иногда красками гуашевыми, акварельными, иногда видна работа цветными карандашами. Наиболее интересна тематика картин. Очень увлекался Борис Андреевич изображением пароходов, паровозов. Это дань времени — в девятнадцатом веке «бог-машина» пленила разум романтиков. Часть картин посвящена роботам, борьбе миров, межпланетным полётам. Это тоже трогательная дань времени. Недаром, чем-то Расцветаев похож на Циолковского. Есть картины, изображающие борьбу ящеров-динозавров.

Такой наивный, «детский» подход к тематике и привлекает зрителя своей искренностью. Кстати, картины написаны задолго до запуска «Спутника» и полёта Гагарина. Только на одной картине изображён момент действительности — привал красноармейцев в 20-х годах.

Ещё в двадцатых годах Борис Андреевич писал пейзажи родного (вернее, очень «неродного» для него) Вёсьегонска. Затем, уже в позднюю пору своей жизни, в семидесятых годах, сделав самодельный мольберт, несколько летних месяцев посвятил тому, что тщательно работал над видами Вёсьегонска. Так он создал картины: «Чухарный ручей», «Лесокомбинат», «Окрестности железнодорожной

станции», «Вид на Народную больницу» и др. Были у него и картины с изображением красивых женщин: он по-своему понимал женскую красоту. Веяние времени не коснулось его — он весь остался в девятнадцатом веке.

РАСЦВЕТАЕВ — ЧЕЛОВЕК

Для того, чтобы полнее показать облик Расцветаетаева, этого необыкновенного человека, я попытаюсь рассказать немного об отношениях Бориса Андреевича с женщинами (да простят меня пуритане!). Борис Андреевич был здоровый человек, сильный мужчина — тяга к женщинам у него была большая. Но очень скромный по натуре, всегда плохо одетый, он справедливо считал, что лучшая его одежда — это его обнажённая, хорошо сложенная фигура. Очень, очень стеснённый в средствах, Расцветаетаев не мог встречаться с красивыми, интересными женщинами. Он был четырежды женат, осмелюсь сказать, все четыре раза неудачно. Все его жёны были из самых нижних слоёв общества. Они ничем не могли помочь своему мужу. Ведь часто жёны выводят мужей в общество, содействуют их выдвижению, образованию, а тут выходило совсем по-иному.

Дольше всех он прожил с Татьяной. Эта женщина по-своему заботилась о Борисе Андреевиче. Почему я пишу «по-своему»? Татьяна заставляла Бориса Андреевича ходить за клюквой, а потом продавать её в Москве. Он эту работу очень не любил. С ней Борис сажал картошку, что он тоже не любил. Но, так или иначе, начиная с пятидесятих годов прошлого века, семья Расцветаетаевых перестала голодать. Надо поставить в заслугу Татьяне, что она устраивала с Борисом поездки по стране. Они были даже на Севере. В дневниках Расцветаетаева можно прочесть, что он ночью не спит, а глядит в вагонное окошко, боясь пропустить что-то интересное.

Расцветаетаев не любил Весьегонск, не любил его людей, тем более, что после переноса города он оказался среди деревенского населения. Он всегда мечтал отсюда уехать. И однажды он с Татьяной уехал куда-то, то ли в Ярославскую область, то ли в Ивановскую, и прожил там несколько месяцев. Но тот, кто жил в те времена, знает, как трудно было устроиться на новом месте. Скоро Расцветаетаевы вернулись в свою комнатку.

Почему же Расцветаетаев, этот необычайно талантливый человек, не заслужил признания? Ну, слава — это, вообще, дело случая. Известный искусствовед Савелий Ямщиков сказал о художественных работах Расцветаетаева: «Документальность и тщательность чертёжника, техническая аккуратность в какой-то миг обретают поэтичность, превращают захламлённый городок в некое подобие того, что создавала рука гравёра. Аккуратно строгий мир радует и манит к себе. Работа „Чухарный ручей“ выглядит у него не менее привлекательной, чем если бы он рисовал „Утро в сосновом лесу“».

О РАСЦВЕТАЕВЕ В ЖУРНАЛЕ «ДРУЖБА НАРОДОВ»

Каковы были политические взгляды Расцветаетаева? В своих многостраничных дневниках он почти не уделяет внимания политике. В своё время личность

Расцветаетаева заинтересовала московскую журналистку Л. Синецкую. Привожу отрывок из её статьи «Униколосавр» (журнал «Дружба Народов» № 7, 2000 г.):

«В одном из своих романов Набоков заявил, что правитель в нашей жизни должен занимать место не более почтовой марки, на которой печатаются его изображения. Борис Андреевич достиг большего. Он не отвёл им вообще никакого места, словно их не существовало. Нигде тирания здравого смысла, практического умения жить и выживать не бывает столь тотальной, как в провинции. И нигде фигура чудака не выполняет столь важной общественной миссии — «миссии духа», как здесь. Неумение заботиться о себе, о хлебе насущном, скудость и бедность быта вызывает, как правило, осуждение и насмешку обывателя. Конечно, мир не может быть населён такими людьми, как Расцветаетаев. Мир держится тем, что существует огромная масса покоя, сила инерции этой самой обывательской среды. Она-то и делает ладью нашей жизни более устойчивой в бурном житейском море. Благодаря этой массе покоя провинция поставляет таланты в столицы, питает науку и искусства, возвращая будущих гениев. И именно она — как сыра мать-земля, что оказалась не в силах удержать былинного богатыря, — как правило, не выдерживая тяжести неординарной личности, давит и теснит её (пример жизни того же Циолковского в Калуге)».

«ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО»

В конце восьмидесятых годов Татьяна умерла, и Расцветаетаев женился на женщине, которая страдала алкогольной зависимостью. В 1990 году Борис Андреевич стал ходить с трудом. Но он гулял, выходил на пляж, держась за велосипед. В 1991 году Расцветаетаев слёг и лежал год в постели, умирал тяжело, за ним не было ухода. В середине октября 1992 года ночью была страшная буря, снег ломал ветки деревьев. В ту ночь Борис Андреевич умер. Хоронить его было не на что: он лежал дома, лишь на четвёртый день директор винзавода дала денег на гроб и выделила машину. За гробом шло четыре человека, на могилу положили один венок с надписью «От соседей». Похоронили его в дальнем углу нового кладбища, лишь через десять лет директор музея С. Зелова собрала деньги у почитателей таланта Расцветаетаева и поставила на могиле неплохой памятник. Надпись на памятнике гласит:

«Расцветаетаеву — человеку будущего».

*Расцветаетаев и его жена Татьяна.
1960 г.*

Ю.А. Симонов

ЖАРКОЕ ЛЕТО 1942-го

Вот и наступила теплынь, а на солнышке — даже жара. Но одеваться по-летнему не хотелось, у меня всё время было внутреннее ощущение холода.

Улицы стали оживлённее. Но признаки блокадного голода были у всех на виду. В то время большинство улиц Ленинграда были вымощены булыжником — очень аккуратно, с наклоном к середине. Поэтому даже в самый сильный дождь вода не заливала улицы. И вот между булыжниками, между плитами тротуара стала подниматься разная зелёная травушка. Но расти ей не давали. В те дни машины и другая техника ездили по улицам днём очень редко. Не обращая внимания на проходящих, группы людей пропалывали нашу улицу и набережную. Кто-то аккуратно собирал зелень в корзину или в мешочек, кто-то откровенно и нетерпеливо съедал траву прямо на улице. Нужда в витаминах, еда частично покрывалась молодой зеленью. Кому удавалось собрать достаточное количество травы — тот её варил, раствор выпивал, а из оставшейся гущи делал лепёшечки. И надо сказать, многим это очень помогло. Наши соседи из 45-й квартиры гурьбой ходили через Охтинский мост на Охту на сбор зелени. Там искали незамощённые участки земли, на них собирали все виды трав и приносили, по меркам того времени, очень много зелени.

Но возникла неожиданная житейская проблема. Булыжная мостовая без зачатков травы обнажила землю и песок между камнями. Ветер этим воспользовался, стал поднимать на улице тучи пыли... И потянулись прохожие в поликлинику к глазным врачам за помощью. «Выньте, пожалуйста, соринку!» — эти слова были очень популярны. Таких пострадавших пропускали к врачу или медсестре вне очереди! Вняв плачу прохожих, управдомы дали дворникам команду — «Поливать два раза в день тротуары и улицы!». И пыль отступила... Вернулся ещё один элемент из мирной жизни.

Где-то в конце мая или в начале июня я вдруг осознал, что в городе нет ни животных, ни птиц! Да, да, даже воробьёв не было. А про крупных птиц и речи не шло. Пропали лошади, собаки, кошки. Из живых существ на улице можно было встретить только нахальную крупную крысу, типа «пасюка», но и то редко... А в квартирах нашего дома ни мышей, ни мелких крыс в то время не было.

Все ручные тележки с грузами возили только люди, да днём изредка проезжали грузовые автомашины... От многих проезжающих машин оставался стойкий необычный запах выхлопа, да и вид у этих, всем мальчишкам знакомых ГАЗиков изменился. За кабиной водителя с двух сторон были установлены большие чёрные цилиндры... Как только такая автомашина делала остановку на нашей улице — поглазеть на чудо техники шло много людей. Вскоре мы уже знали, что это газогенераторные

установки, работающие на древесине. Их придумали ленинградские инженеры, чтобы экономить бензин, которого не хватало фронту. Смонтировали эти установки на многие ГАЗики. Правда, стал немного меньше кузов, но теперь автомашины возили с собой запас деревянных чурбачков вместо бензина.

А вот ночью! Ночью, в темноте, по нашей улице шло интенсивное движение, проезжало много тяжелогружённых машин, разной военной техники, которая шла на фронт.

К всеобщей радости на улицах города, как в мирное время, появились тележки (киоски) продающие хвойный напиток и газированную воду, правда, пока без сиропа. Несмотря на лето, у многих людей обострились проявления цинги... Врачи и руководство города быстро приняли меры, и вот на заборах и стенах домов появились плакаты с таким текстом:

«Пейте витаминный хвойный напиток! В одном стакане содержится столько же витамина „С“, сколько в стакане томатного сока».

Большим тиражом выпустили памятку о витаминах — «Как обеспечить себя витамином „С“» (в моём домашнем архиве хранится экземпляр такой памятки от 1942 года). В ней описывались холодный и горячий способы приготовления хвойного напитка. И ещё раз убеждали жителей города, что в хвойных иглах содержание витамина «С» в пять раз больше, чем в лимонах!

А мы, мальчишки, быстро полюбили этот вкус! Стакан напитка, как я помню, стоил 20 копеек. Как же мы выпрашивали деньги у мам на это угощение и развлечение! А когда доставали денежки, то способны были выпить до пяти стаканов напитка за один раз. И это пошло нам на пользу...

Настало время, когда у меня уже появились желание, силы и время для самостоятельных действий. В нашей квартире стало теплее. Я уже привык к одиночеству, но всё время, когда мама была на работе, стремился к людям. Стал выходить во двор к ребятам. Оказалось, что практически у всех детей заботы были одинаковы. Все стояли по очередям, все выкупали продукты по карточкам, у всех мамы были на казарменном положении, все жили самостоятельно.

Во дворе, у нашего чёрного хода, с незапамятных времён лежало бревно, очень толстое и очень твёрдое, сверху почти отполированное. Даже в блокадную зиму с ним справиться не смогли. И вот мы, ребята, все примерно одного возраста, а было нас, включая девочку, девять человек, облюбовали это брёвнышко и в середине дня, когда солнышко освещало и прогревало наш двор, выполняли из своих квартир, садились, как воробушки, тесно-тесно друг к другу, и вели беседу. Разговоры о войне были всегда, но кроме этого пересказывали

прочитанные книжки или сказки, рассказывали «страшные истории» про нечистую силу, привидения. Звучали и песни («Мурка», «Прогудели три гудочка», «Синий платочек») и ещё что-то жалостливое. Были и анекдоты, в основном про «Ваньтё и Гляньтё». Смеялись! Иногда начинали играть в классики или в штандр (во дворе был один-единственный арапский мячик), но быстро выдыхались и опять садились на брёвнышко.

В то время в книжных магазинах города стали продаваться листы бумаги с напечатанными цветными изображениями военных разных родов войск. Нужно было вырезать их из бумаги, склеить левое и правое изображения, получалась устойчивая фигурка военного с винтовкой наперевес или матроса в бескозырке и т.д. Мама подарила мне несколько таких листов, я на почте выпросил немножко клея, кисточка у меня была, и начал клеить фигурки военных. Занятие понравилось, и вот первый взвод из 20 солдат я вынес во двор и показал ребятам. И началось! Пошло выпрашивание денег у мам на покупку этих листов. Практически все ребята нашего двора увлеклись этим занятием, шло хвастовство, у кого солдат сделано больше... В то время нам почему-то казалось, что этими солдатиками мы помогаем военным. А потом придумали и игры с бумажными солдатами. Эти игры продолжались до конца следующей зимы.

Но были и развлечения другого рода. В компании двух мальчишек (Бори Шамаева и Юры Андреева), вне забот о еде и покупке продуктов, я начал разъезжать по городу на трамвае (очень часто от кольца до кольца). Так сказать, делали самостоятельные экскурсии на тему «Знай свой город». Довольно скоро мы уже представляли планировку города, стали легко ориентироваться и на Васильевском острове, и на Петроградской стороне, и на Ржевке. Здесь замечу, что в ту пору карт Ленинграда не печатали, а если у кого-нибудь их находили, то хорошо было, если просто изымали, а могли и арестовать. Считалось, что картами города могли интересоваться только шпионы и их приспешники. И ещё. Пока не стали возвращаться эвакуированные, ни на одной улице не было компаний, которая бы придиралась к прохожим мальчишкам со словами — «Ты не наш, почему ходишь по нашей улице?». За этим обычно следовала драка. Но это всё будет потом, а пока мы спокойно изучали город.

Кроме того, днём, когда не было тревоги, мы лазили на крышу нашего дома, изучали остатки бомбы-зажигалки, которая лежала в ящике с песком. Вылезали на крышу, подавляя страх высоты, сидели на вышке дежурных МПВО. Если нас там засекали, то бывала взбучка. Но любопытство или любознательность гнала нас в самые неожиданные места. Мы практически до сентября, до начала занятий в школе ходили по городу, изучали на стенах плакаты, посвящённые типам вооружений, карикатурам на фашистов. Исследовали разрушенные дома, но никто из нашей компании оттуда не взял ни камешка. Впечатление от разрушенных, разбомблённых домов было очень сильным. Декоративные щиты с рисунками окон, дверей были не везде, в основном на центральных улицах. А вот в Дегтярном переулке, на Исполкомовской улице, в Перекупином и других маленьких переулочках закрывать дома щитами было и некому, и некогда. Исследовать-то мы разрушенные дома исследовали, но только теперь, задним числом мне страшно: ведь нам даже в голову не приходило, что

на нас сверху могли упасть кирпичи и другие свисающие тяжести. Кроме того, под руинами оставалось много неразорвавшихся бомб и снарядов... Воистину, Господь нас оберегал, ведь последние неразорвавшиеся бомбы и снаряды извлекали в нашем районе из земли, стен домов уже в 1980-х годах, когда приступали к капитальному ремонту или строительству...

Наши мамы об этих подвигах не знали, к их приходу на короткое время домой, мы, как паиньки, сидели дома, при книжках или в хозяйственных хлопотах. Молчали о своих делах!

А как теперь я понимаю, волноваться о нас — причины были практически каждый день. Например, в одну из поездок на Ржевку мы наткнулись на некую щель в длинном заборе. Любопытно было, а что там за ней?! Не без внутреннего трепета пролезли в щель и скоро нашли отдельные ящики и штабеля ящиков со странными предметами, нам незнакомыми... Но скоро догадались, что это военные предметы: палочки, похожие на макароны, но в них было 7 дырочек, а не одна; странные мешочки из белой ткани типа колбасок, с одного края прошитые как шарик; провода в шикарной изоляции, но без проволоки внутри. Взяли всего понемногу, тихо-тихо удрали и поехали домой. У меня на кухне стали исследовать привезённое и скоро поняли, что мы нашли порохов разного вида. Был восторг! Досадно было одно: мы не поняли, зачем провода без проволоки... А ещё мы не знали, что можно из всего этого сделать. Поэтому всё своё богатство спрятали до поры до времени в подвале. Нет, в мальчишеской среде 10 лет — это очень интересный возраст.

В мою размеренную жизнь вновь вмешался «Его Величество Случай»! Не знаю, на каком уровне принято было решение, но летом 1942 года, примерно в июле-августе, был организован пионерлагерь недалеко от ж/ст. Песочная. Я не помню, были ли в нём ребята от хлебозаводов города, или только от Смольнинского района, но я получил туда путёвку. Маму отпустили домой на несколько часов, чтобы она собрала мне вещи в лагерь. А уже на следующий день, рано утром, мы с ней распрощались на станции «Бабуриный пост», я сел в поезд. Ребят было очень много. Состав вёз паровоз «Овечка», вагоны были, как в мирное время — «Дачные». Ехали очень долго, стояли на перегонах, на станциях, но к вечеру приехали. Запомнил очень пыльную, мощённую булыжником дорогу, затем грунтовку. Шли со своими вещами. Шли мы трудно, далеко, быстро устали, шли еле-еле. Все ребята были примерно одного возраста. Жили в одноэтажных домах, на крышах домов были нарисованы большие красные кресты. Мальчики и девочки разместились отдельно. Было организовано серьёзное дежурство, т.к. жили практически на самообслуживании. Мы сами убрали свои спальни, площадку перед нашим входом, дежурили на кухне, на раздаче еды, помогали в уборке столовой. В этих делах скидок на возраст не было. Развлечений того времени не помню. Много спали или в солнечные дни — просто загорали. Вожатые читали нам вслух книги или новости из газет. Выходить за ограду лагеря запрещалось категорически. Сколько длилась моя жизнь там, не знаю, но запомнил, что в баню нас водили два раза, почти на фронт, в Дибунь. Баня — установленная в лесу военная палатка, довольно большая: мы мылись по десять человек, выдавали на мытьё

кусочек хозяйственного мыла, одну мочалку на смену в бане; вода была весьма прохладная, но никто не простудился. Командовали нами не вожатые, а солдаты. Вид у вымытых ребят был очень торжественный... И вообще, мы очень соскучились по мужскому общению...

Из жизни в лагере запомнил несколько моментов.

Первый — это моё участие в дежурстве на кухне. Дежурили отрядами. Мне в тот день досталось чистить картошку для супа. Мне показали, как экономно, тоненько чистить шкурку с клубенька, я старался. В тот день на второе было гороховое пюре. Я выполнил свою работу, меня отпустили отдохнуть, сказали приходить на раздачу пюре и на чистку котла из-под пюре. Сказано — сделано. Разноска по столам тарелок с едой прошла без приключений. Когда обед закончился, и все ушли из столовой, я пошёл на кухню. Учитывая блокаду, раздача еды контролировалась, порции были практически одинаковыми, из кастрюль и котлов всё выскребалось при раздаче практически дочиستا. Но на стенке котла оставалась прозрачная, тонюсенькая плёночка горохового пюре. Мне повариха дала для подготовки котла к мойке столовую ложку и глубокую тарелку. И я стал выскребать остатки... Первые порции с ложки я жадно съел, так как в ту пору всё время хотел есть. Потом сработало блокадное чувство локтя, я стал выкладывать на тарелку всё, что удавалось соскрести со стенок бака. Сколько времени продолжалась эта работа, я не помню, но получилась полная с верхом тарелка рыхлой массы пюре. Гордо понёс эту тарелку в нашу спальню, был счастлив, когда вместе с друзьями съел всё-всё содержимое тарелки. В другие дни, когда дежурили ребята из нашей спальни, вечернее поедание остатков пюре было таким же естественным. Это было чувство блокадной дружбы...

Второй эпизод — грустный. Как я уже писал, наш лагерь находился в нескольких километрах от фронта. Противниками на этом участке фронта были финны. Так вот, за всё время нашей жизни в лагере, со стороны финнов не было ни одного выстрела, ни одной вылазки, не было ни бомбёжек, ни артобстрелов. Мы жили спокойно. Но в один из дней, перед самым концом жизни в лагере, во время игр на площадке перед домами, над нами стал кружить самолёт, на весьма небольшой высоте. Оповестительных знаков мы не видели. Вдруг из самолёта посыпались, полетели яркие красивые игрушки. Они трепыхались в воздухе, кружили... Многие ребята за блокаду уже забыли о новых ярких подарках, поэтому кинулись к падающим игрушкам...

Вожатые, все взрослые стали нас прогонять в дома, кричали, чтобы мы не трогали этих игрушек, что это опасно... Приученные к таким сигналам в городе мы послушались, с сожалением ушли в свои спальни. Но один мальчишечка лет девяти не послушался, поймал яркую бабочку, взял её в руки и сложил ей крылышки... Раздался взрыв, он остался без обеих кистей рук...

Прошло с того времени 67 лет... Я до сих пор помню этот случай, я до сих пор не могу простить немцам этой подлости, изуверства по отношению к детям, защищённым знаком «Красного Креста». Я уверен, что финны знали, что у них под боком живёт много ребятни, но их поведение достойно самого высокого уважения.

Мы вернулись в город окрепшими, загоревшими, и вот я первый раз смог побежать навстречу маме. Мы ведь так давно не виделись!

С большим интересом сходил с мамой на наш огород. Ой, как это меня потрясло! Стояла высокая ботва свёклы, кучерявилась капуста, хорошо росла картошка, мама уже два раза без меня окучивала её. Огурцы, укроп, морковь, брюква — всё росло замечательно. Ох, и радовался же я нашему огороду!

Поймал себя на том, что после пункта УДП и пионерлагеря я стал опять бояться артобстрелов и бомбёжек. Мама мне сказала, что так и должно быть, что это не трусость, что я живой человек, что реакция на сигнал опасности — это естественно... Я это объяснение принял.

В начале августа нашёл деревянный бочонок, небольшой, думаю, литров на 50–60. Нашёл в заброшенном сарае рядом с бывшими складами. С большим трудом прикатил бочонок к дому и умудрился с чьей-то помощью поднять его на второй этаж. Мама была потрясена и обрадована. Вызвали дворника Сергея Ивановича, он помог выбить одно донье и сказал, что это дубовый бочонок из-под разливного пива. Объяснил, как надо этот бочонок отмывать и пропаривать. Мама всё сделала, и вот мы с мамой стали засаливать в нём огурцы. Когда наступила поздняя осень, у нас с мамой было два с половиной мешка картошки, был почти полный бочонок огурцов! Сама мама на работе купила большую бочку литров на 150, почти новую, мы её установили в коридоре и в сентябре заполнили шинкованной капустой. Капуста хорошо сквасилась. В доме теперь были и морковь, и брюква, и свёкла. Новой зимы мы уже не боялись, встречали её подготовленными. Пуская всё время очень не хватало мяса, но чем заполнить животики было.

Снова напоминала о себе пустота в квартире. Никто домой не вернулся. И опять — мёртвая тишина...

...Приближался сентябрь. Желавших ребят пригласили в школу на освежение в памяти того, что мы когда-то учили. Так как мы теперь стали третьеклассниками, то в нашем новом классе были установлены школьные парты с откидными досками. Появилось озорство — при вставании как можно громче шлёпнуть этими досками, поэтому в классе частенько стоял грохот. Учителя на нас за это сердились! В классе на стене висела старая «лысая» доска. А вот мела хорошего и жирного практически не было. Учебники нам достались довоенные, разрисованные. Сейчас не помню, по какому предмету у меня в учебнике были исковерканы портреты Якира, Блюхера и ещё чьи-то. Давно было, забыл... А вот рассказ кого-то из мальчишек 6-го класса помню. Он по секрету нам рассказал, что перед войной, на уроке в классе, им сказали в учебниках выколоть глаза на портретах военных, которые были объявлены врагами. М-да, странная тогда была педагогика...

Я пошёл в школу и огородом стал заниматься мало. И опять память! В отличие от последующих лет, до эвакуации эвакуированных, за огород можно было не беспокоиться, никто не шарил по чужим грядкам! Это и были блокадники-ленинградцы, сохранившие человеческое достоинство, понятия чести, честность, взаимопомощь.

В уборке огородного урожая я участвовал: помогал маме собирать овощи и относить их домой. Пусть и под угрозой опасности налётов, наша активная жизнь продолжалась. Мы с мамой были очень дружны, были уверены, что вместе мы сможем перебороть все опасности блокады!

Ещё до начала регулярных занятий в школе маме

и мне дали ордер на дрова. Сколько нам тогда выдали дров — сейчас уже не помню, но запомнил, что это были и сырые дрова, которые надо было обязательно успеть высушить до зимы, были и сухие — от разобранных домов на Охте. Дрова машиной нам привезли во двор где-то в начале сентября. Брёвнышки длиной примерно в один метр, разной толщины. Каждый вечер, в приход мамы домой, мы вместе эти брёвнышки на четыре части

распиливали, а без неё я колол распиленные чурачки и таскал расколотые дрова в подвал, в наш дровяник. Колоть дрова мне было интересно, но пилить — мука, это было невыносимо тяжело. Однако к началу холодов мы успели всё распилить, сырые полешки уложить клеткой, остальные дрова поленицей. Мы были горды собой, мы успели подготовиться к зиме...

Сентябрь! Жизнь продолжалась!

Андрей Езрашов

Странно, как устроены мы, люди! —
Ненавидим и одновременно любим,
Прежде чем спасти, сначала губим —
Странно мы устроены с тобой!
Любим дом, но всё спешим в дорогу,
Сына, позабытого надолго,
Верность, сами предавая много —
Странно мы устроены с тобой.

А тогда судьбу корить не стоит!
Потерпи чуть-чуть — Господь устроит!

...Я признал половину вины,
Что ж, давай и твою половину!
Раз не смог быть когда-то мужчиной,
Значит, буду терпеть от жены...

Появившись на свет вопреки всяким средствам,
Он плохого не знал и с собой не принёс,
Не признали его — был то ангел небесный,
И заставили жить так, как здесь повелось.

Только ангелу жить так заведомо тесно,
По асфальту ходить и про крылья не знать,
И бесовское зелье принял ангел небесный,
Чтоб хотя бы во сне удалось полетать.

Не от дури его отучали — от детства,
Так, что думать забыл о сердечном тепле.
Знайте, он по рождению — ангел небесный!
Только сложно таким уцелеть на земле.

В бездушный век пластмассовых сердец,
Когда нет лиц — лишь сменные панельки,
Когда в земле сырой лежит отец,
Чем утешаться мальчику Андрейке?

И бабушка блинов не напечёт,
И не нальют ситро за три копейки,
Глухарь на токовище не поёт —
Чем утешаться мальчику Андрейке?

Но мамушка твоя ещё жива,
И печь блины теперь ты сам сумеешь,
И сединой покрыта голова,
И, Бог даст, будешь дедушкой Андреем.
Теперь другим быть постарайся нужным,
Остаток жизни так прожить сумей-ка,
Терпи, молись, старайся мыслить глубже,
Довольно хныкать — ты ж мужик, Андрейка!

Дворничиха асфальт метёт,
Дометёт и пойдёт пить чай,
Этой тётке хватает забот,
Я таких здесь много встречал.

У неё похоронен муж,
Сильно пьёт-обижает брат,
На душе у ней — стылая глушь,
Ну, а если точнее — ад.

Говорил я ей — брось курить!
И конфетками угощал.
Но её мне не убедить,
Я таких здесь много встречал.

Пока курит, любит кормить
Голубей — вон, опять летят!
Я уверен — Господь простит
Переживших заживо ад.

Не пугайся. И не смейся. Это я. Опять пришёл. Знаешь... Я оставил сердце. Посмотрю? Ну вот! — нашёл! Ну, пока! Не беспокойся. Я ж такой! — не пропаду. Слушай... Пусть, пока устроюсь, полежит? Потом зайду!

С юбилеем, Мать-Настоятельница!

«Всякое дерево познаётся по плоду своему», — сказано в Писании. Исходя из этого утверждения, невозможно не признать Тамару Наумовну Сигалову «деревом добрым» (да простит она эту, несколько деревянную, параллель). Ибо даже если бы она больше ничего, кроме «Чела», доброго в жизни не сделала — на искупление грехов, думаю, и одного «Чела» бы хватило. Во всяком случае, за последние лет 30 не припомню ни одного журнального издания в Новгороде, столь же интересного и насыщенного, как созданный ею альманах.

Разумеется, делать одному человеку такой журнал нелегко — за 16 лет над ним немало талантливого люда потрудились. И всё же появлением «Чела» на свет мы обязаны исключительно энергии, воле и другим полезным качествам лично Тамары Наумовны. В самое неблагоприятное для этого время (в середине 90-х), обуреваемая идеями нового издания, она практически в одиночку повела атаку по всем направлениям: на областные и городские власти, университетское руководство, типографии, комитет по печати, спонсоров, и т.д., и т.п. И ведь получилось! Получилось создать нечто новое, интересное и коммерчески бесполезное тогда, когда и старое-то с трудом выживало! Как говорилось в одной нашей редакционной поздравлялке:

Если б не её таланты
и не прелесть этих глаз,
здесь бы не было ни гранта,
ни журнала и ни нас.
Но, пока она здорова
и блюдет свои чины,
ни зарплат и ни крова
мы ещё не лишены.
Знаем мы: без альманаха,
без редактора его
нас давно послали б ...
или далее того.
Понимая этот фактор,
мы хотим, чтоб много лет
счастлив был наш шеф-редактор —
дама, личность и поэт!
И сегодня однозначно
ей чело целует смачно
вся редакция «Чела»
и другие чучелá!

Отличительной (а может, даже уникальной) особенностью нашей работы был почти ещё советский энтузиазм, смотревший в контексте перестроечной идеологии чистейшим атавизмом. Ютилась вся редакция в двух крохотных аудиториях под самой крышей института на Льва Толстого, да и то на птичьих правах. Зарплаты такие получали (если получали), что и признаться совестно. А добывание средств на каждый номер начиналось унылым благословением: «Ищите спонсора». И госпожа главный редактор, отложив генеральное руководство и прочие возвышенные материи, отправлялась по высоким кабинетам, обивала пороги местных «олигархов», искала даже рекламодателей, насколько умела. Уж как она там перед

ними плакалась, каким манером их облизывала — одному только Господу и ей теперь известно. Но так или иначе — журнал выходил! И, покуда он печатался, вовсю уже шла работа над следующим номером, — и тоже без всякой гарантии того, что он когда-нибудь выйдет.

Круг авторов «Чела» — особая тема. Перечислять не буду (проще подшивку посмотреть) — замечу лишь, что они куда более подходят под затрёпанное ныне определение «элита», чем обозначаемые теперь этим словом совокупности гламурных тусовщиков, дельцов или политиканов. Но что примечательно: ни один из этих пишущих историков, археологов, искусствоведов и архивистов, ни один из писателей и поэтов не получал в «Челе» гонорара. Ни разу, — будь он хоть начинающий автор, хоть академик! Халявная публикация хорошего материала сделалась устойчивой традицией альманаха (вынужденной, к сожалению). Хотя были и более светлые традиции, — к примеру, чествование наших юбиляров на страницах журнала. И не только на страницах, но и более предметно: с символическими застольями, непременно закуской с сигаловской дачи и творческими подношениями — наподобие следующего:

Среди праздничного шума,
перед тем, как наливать, —
о Тамара, дочь Наума,
дай тебя поцеловать!
Обаятельна на диво,
ты, родная мать «Чела»,
то, как бабочка, игрива,
то усердна, как пчела
(это подтвердил бы каждый,
кто б, как мы, хотя б однажды
хоть чего-нибудь прочёл
из десятка этих «Чёл»).
И, с высоких гор Валдая
к нам сюда спустившись вниз,
ты такая молодая —
что хоть падай, хоть женись!
Что за дата — мы не знаем,
сколько лет тебе — Бог весть,
но мы тут подозреваем,
что, наверно, тридцать шесть:
потому — блеск глаз, цвет кожи,
да и волос не седой...
Будь ещё сто лет такой же,
как сегодня, молодой!
Дай Господь тебе удачи
здесь, и дома, и на даче,
вкусной снеди на столе,
новых авторов в «Челе»;
разных спонсоров богатых
и тугого кошелька;
подчинённых неподдатых
(а поддатых — так слегка)...
Лишних сил не напрягая,
процветай в «Челе» своём!
С Днем рождения, дорогая!
Вот за это мы и пьём.

В 2004 году Тамара Наумовна выехала на жительство в Германию. Осиротевшее «Чело» осталось в Новгороде, но — вопреки опасениям — с отъездом главного редактора не развалилось и даже в качестве не потеряло. Напротив, журнал от номера к номеру делается всё более интересным, разнообразным и объёмным, — совершенствуется, иными словами, «взрослеет». И уникальный круг авторов, пишущих «за спасибо», не только сохранился, но заметно расширился, и продолжает расширяться. Такое развитие свидетельствует о многом, но прежде всего — о правильности и жизнеспособности идей, заложенных в основу издания ещё на исходе прошлого века его создательницей, первым главным редактором и нынешней нашей юбиляршей.

Не поздравить с юбилеем основательницу журнала на его страницах было бы грубейшим попранием добрых «челиных» традиций. Тем более что есть за чем поздравить (юбилей-то основательный) и есть за что спасибо сказать. Лично я благодарен незабвенной нашей Матери-Настоятельнице и за предоставленную возможность учиться профессии на серьёзных темах да больших материалах, и за интереснейших и талантливых людей, встреченных в редакции, и просто за доброе отношение. Думаю, у каждого из прошедших через «Чело» (а таковых немало) нашлось бы, за что ей сказать спасибо.

Ну, и завершить сей юбилейный панегирик тоже хотелось бы традиционно, — тем же размером и в том же духе. Как если бы и не расставались.

С Днём рожденья! С юбилеем,
и — Господь тебя храни!
Любим, чтим, в восторге млеем, —
точно как в былые дни!
Не грусти, живи богато,
хорошая, что ни час.
Знаем: ты и в странах НАТО
всё равно всегда за нас!
Как матрёшка расписная,
вдрызг своя — всегда и днесь:
Тело — там, Душа — не знаю,
но Чело — Чело-то здесь!
Пусть же снова воссияет
твой задор и твой талант!
Пусть хоть чем-то вдохновляет
обретённый фатерлянд!
Мужа чти, купайся в Рейне,
путешествуй без забот,
да пиши стихи, как Гейне
(сразу — русский перевод).
Ну, а мы в Отчизне нашей
должным часом и числом
в честь твою поднимем чаши
всем сияющим «Челом».
Долгих лет тебе, здоровья,
ясных дней и свежих сил!
Да хранит тебя с любовью
твой архангел Рафаил!
Довершай, что не свершила,
процветай, врагам назло:
если в чём и согрешила —
всё простится за «Чело»!

Алексей Пианский

Тамара Сигалова

Приходит этот жуткий сон —
Нелепо, страшно, откровенно,
Бунтует мозг и стонет вена
От ежедневных похорон.

Людей ушло на целую планету,
Разбились, утонули, превратились в дым,
Какая там Помпея и какой там Рим,
Зловещее плывёт по свету...

ПАМЯТИ ВОЗНЕСЕНСКОГО

Поэт не может молчать,
Он сердцем кричит и кровью,
Себе он не ищет ровню
И друга на час.

Он дарит слова небесам,
И тем, кто приближен к небу,
Для них, а не на потребу,
С верою в чудеса.

Поэт не умеет лгать,
Как не умеет младенец,
Планетою чувств владея,
Готов ей душу отдать...

Как ветрено, зябко, сиро
Колотятся ветки берёз,
В окне замирает Россия
От утренних рос и гроз.

Растоптана, изувечена,
Закопана в землю живьём,
Досада и боль моя вечная —
Бредовым уснувшая сном.

Любимая, ненаглядная,
Открой же глаз своих синь,
Девницей с обложки глянцевой —
Не отринь...

Как в плащ, я в туман закутаюсь,
Как в мирру, в ручей окунусь,
Над каждым черничным кустиком
Помолюсь.

Уеду — мне так назначено!
В чужую радость и боль,
Тебе лишь одной предназначена,
Россия, моя любовь.

Бараниха, июнь 2010 года

Информация об авторах

Андреев Владимир Васильевич, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, г. Санкт-Петербург.

Боброва Татьяна Вениаминовна, журналист, пресс-секретарь Новгородского театра для детей и молодёжи «Малый», редактор сайта www.kingfestival.ru, г. Великий Новгород.

Васильева Галина Иосифовна, внештатный экскурсовод Музея-усадьбы А.В. Суворова, с. Кончанское-Суворовское, Новгородская обл.

Верхоланцев Марат Михайлович (1932–2011).

Витушкин Сергей Фёдорович, заведующий отделом публикации документов ГОУ «ГАНИНО», главный редактор областной Книги памяти, г. Великий Новгород.

Володина Татьяна Владимировна, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник НГОМЗ, доцент кафедры художественной и пластической обработки материалов НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Давыдов Николай Сергеевич, заслуженный художник РФ, член правления ТО ВТО «Союз художников России», куратор картинной галереи пос. Мошенское, г. Тверь.

Данько Татьяна Александровна, заведующая отделом краеведения Новгородской областной универсальной научной библиотеки, г. Великий Новгород.

Еграшов Андрей Владимирович, член Союза писателей РФ, с. Заручевье, Окуловский р-н, Новгородская обл.

Зозуленко Татьяна Борисовна, искусствовед-критик, член Союза журналистов России, член Союза художников России, г. Великий Новгород.

Коваленко Геннадий Михайлович, кандидат исторических наук, доцент НовГУ им. Ярослава Мудрого, заведующий отделом истории Новгорода Санкт-Петербургского института истории РАН, г. Великий Новгород.

Михайлов Дмитрий Александрович, доктор геолого-минералогических наук, Санкт-Петербургское отделение АН России, г. Санкт-Петербург.

Морылёва Наталья Ивановна, главный библиотекарь научной библиотеки НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

о. Александр (Панкратов), иерей, настоятель общины

Русской Православной Старообрядческой Церкви, преподаватель спецкурса «История старообрядчества» НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Одинок Александр Николаевич, исследователь, краевед, г. Великий Новгород.

Панкратова Элеонора Леонидовна, кандидат филологических наук, литературовед и переводчик, почётный член Гамсуновского общества (Hamsun selskapet), член Союза писателей Москвы, г. Москва.

Пшанский Алексей Георгиевич, журналист, член Союза журналистов РФ, г. Великий Новгород.

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России СГУ им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.

Рукавичникова Валентина Викторовна, кандидат филологических наук, заведующая сектором редкой книги НБ НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Савинова Ирина Дмитриевна, член Союза журналистов России, Кавалер ордена Святой равноапостольной Великой княгини Ольги, г. Великий Новгород.

Сигалова Тамара Наумовна, член Союза журналистов России, г. Вупперталь, Германия.

Симонов Юрий Анатольевич, блокадник, ветеран труда и ВОВ, г. Санкт-Петербург.

Собакин Александр Александрович (1918–2010).

Сорокин Александр Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры археологии исторического факультета МГУ, г. Москва.

Терешкина Дарья Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Тудерус Виктор (1852–1925).

Хохлов Илья Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НГОМЗ, г. Великий Новгород.

Шарова Ирина Фёдоровна, прихожанка храма св. Иоанна Богослова на Витке, г. Великий Новгород.

Ядрышников Владимир Алексеевич, старший научный сотрудник отдела хранения архитектурных памятников НГОМЗ, г. Великий Новгород.

*Перепечатка материалов и использование их в любой форме разрешается по согласованию с редакцией, ссылка на «Чело» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.*

Адрес редакции:

173003, Россия, Великий Новгород, ул. Саши Устинова, д. 1, каб. 6507.
Телефон: (816-2) 62-75-85, e-mail: chelo@list.ru.

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. номер 013934.
Подписано в печать 19.08.2011. Заказ № 453. Бумага 80 г/м².
Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (816-2) 73-76-76.

Над номером работали:

Главный редактор — Е.В. Барканова
Редактор отдела — Е.М. Ипатова
Ведущий программист — И.П. Смирнова
Редактор — М.К. Кулиничева

Художественное оформление — В.И. Поветкин